

ТОМСКИЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ.

ТРУДЫ
ТОМСКОГО КРАЕВОГО
МУЗЕЯ.

ТОМ I—1927 г.

С 3-я РИСУНКАМИ И КАРТОЙ.

Под редакцией: М. А. Слободского и М. Б. Шатилова.

г. ТОМСК

ТОМСКИЙ КРАЕВОЙ МУЗЕЙ.

.....

ТРУДЫ
ТОМСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ.

.....

Том I. — 1927 г.

С 3 рисунками и картой.

Под редакцией: М. А. СЛОБОДСКОГО и М. Б. ШАТИЛОВА.

.....
г. Томск.

СОДЕРЖАНИЕ:

	стр.
1. М. Шатилов. Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея	1
2. Н. Бакай. Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков	38
3. И. Д. Серебренников. Из Томской старины. Сад Горохова	49
4. А. Шиловский. Художественные сокровища г. Томска. (Посмертная статья)	53
5. А. Шиловский. Деревянная архитектура г. Томска. (Посмертная статья)	57
6. И. Мягков. Находка на горе Кулайке	65
7. М. Бородкина. Деревня Иткара, Томского края	70
8. М. Слободский. Песни села Коларова, Томского округа	95
9. П. Т. Приходько. К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края.	110
10. А. Н. Аравийский. Шорня и шорцы	125
11. М. Шатилов. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района	139
12. Проф. В. В. Ревердатто. О происхождении растительности Бийской степи	168
13. А. И. Милютин. Указатель к Сибирским изданиям в работе Н. М. Лисовского	203
14. И. Мягков. Художник-архитектор А. Л. Шиловский (Некролог)	208
15. №№ Н. Н. Бакай (Некролог)	211

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Томский Краевой Музей, зародившийся в бурные годы революции и открытый всего лишь в 1922 году, естественно, как научное учреждение вновь созданное, молодое, особенно нуждается в первые же годы своего существования в ознакомлении широких кругов с историей своего возникновения, своего строительства и в освещении своей организационной и научно-исследовательской деятельности.

Мысль об издании с этой целью сборника возникла в первые же годы существования Музея, но тяжелые материальные условия подобного издательства долгое время лишали возможности проведения его в жизнь. И лишь длительная работа за истекшие годы по созданию литературно-издательского фонда путем устройства платных лекций, концертов и особенно художественных выставок дала возможность в начале пятого года существования Музея приступить к изданию настоящего сборника под наименованием „Труды Томского Краевого Музея“.

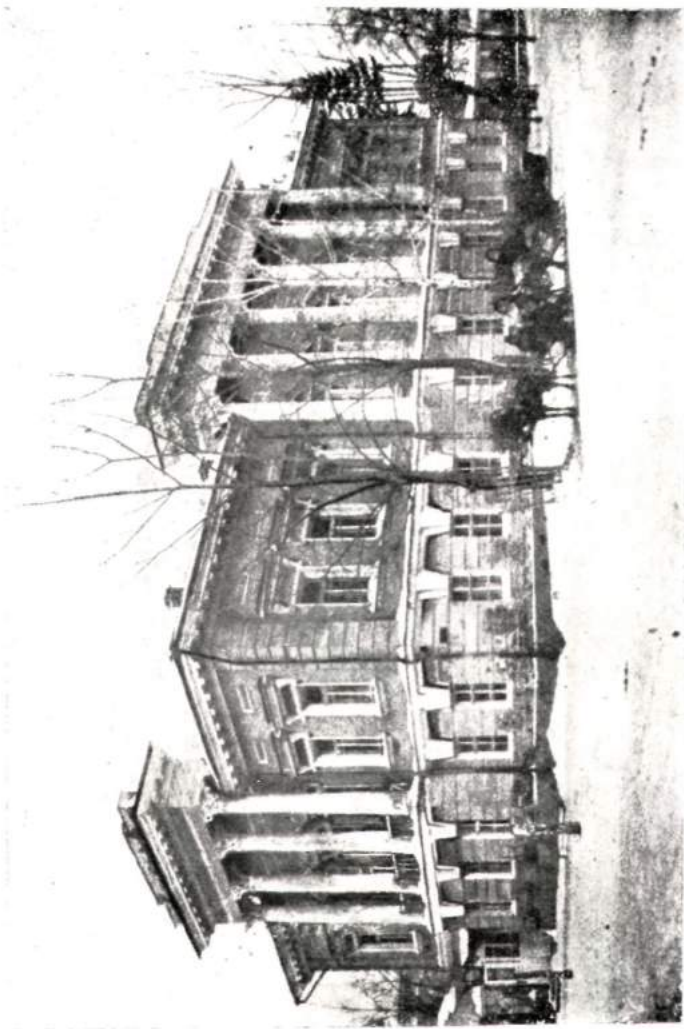
Сборник имеет своей целью, как ознакомление широкого круга читателей с историей возникновения Музея и его современным состоянием, так и освещение тех научных интересов, на которых фиксировалось внимание Музея в первые годы его существования, а также опубликование некоторых работ Музея, как опытов его научно-исследовательской деятельности. Все статьи помещаемые в настоящем сборнике являются результатом экспедиционной или кабинетной работы ближайших сотрудников и друзей Музея или тесно связаны с Музеем персонально по их авторам и по сферам научных интересов.

В настоящий сборник вошли почти исключительно статьи по гуманитарной отрасли знания, ввиду того, что в первые годы деятельности Музея его научные интересы фиксировались главным образом в этом направлении.

К сожалению, не все работы, предположенные первоначально к изданию вошли в сборник, а некоторые работы помещены в значительно сокращенном виде, как например ст. Шатилова „Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея“ сокращена примерно на одну треть за недостатком места в сборнике, а такие работы, как статья Н. И. Молотилова „Памятники крестьянской деревянной архитектуры Зап. Сибири“ и статья худ. С. К. Просвиркиной, „По Урянхайскому краю“, имеющие богатый иллюстрационный материал для печати, не помещены за недостатком средств. Издание этого сборника оказалось в значительной мере возможным лишь благодаря поддержке Музея в этом направлении некоторыми общественными учреждениями и лицами, среди которых мы считаем своим приятным долгом особо отметить группу Томских художников, постоянных ближайших друзей Музея, передавших весь сбор в пользу Музея с одной из художественных выставок в 1925 году и часть сбора с художественной выставки 1926 года, устраиваемой Обществом по изучению художественного творчества.

За эту значительную помощь Музей и выражает благодарность Обществу по изучению художественного творчества и группе художников—Н. Ф. Смолину, В. И. Мизерову, Н. М. Корину, В. С. Солодовникову, Е. Г. Мако-Тюменцевой, Н. Г. Игнатовской, И. Я. Назарову, И. И. Тютикову, Н. Н. Введенскому, скульптору Гамулину и другим, а также всем авторам статей сборника за их живейшее участие в работах по издательству.

Выпуская настоящий сборник, как свой первый, посильный опыт, Музей имеет ввиду продолжать это начинание в виде систематического издания и твердо надеется на проведение в жизнь этого плана при поддержке местных научных сил и широких кругов общественности Томского Края.

Главное здание Томского Краевого Музея.

М. ШАТИЛОВ.

Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея.

(1922 г.—18 марта—1926 г.)

ВВЕДЕНИЕ.

Приступая к историческому очерку Томского Краевого Музея, возникшего всего лишь в 1922 г., невольно задаешься вопросом о прошлом г. Томска в отношении его музейной жизни.

Наиболее культурный город в Сибири—Томск—эти „Сибирские Афины“ до сих пор не имел своего Музея, как общественно-научного учреждения. Как же это случилось и чем это объясняется? Несомненно это странное явление имеет свои основания в особых условиях местной жизни, в историческом прошлом Томска. В свое время мне приходилось беседовать по этому поводу с Гр. Н. Потаниным, который объяснял это таким образом:

В то отдаленное время, когда в Сибири возникал первый отдел Географического Общества в Иркутске (75 лет тому назад), и в последующие два десятилетия Томск был захолустным трактовым сибирским городком—городом ямщика и купца, не имея достаточного кадра местной интеллигенции, почему, конечно, здесь не мог возникнуть Отдел Географического Общества, а вместе с ним и Музей. Со времени же пробуждения русской общественности,—в 60-ые годы, когда в Томске уже создается ядро местной передовой интеллигенции, все силы, все внимание местной общественности направляются на создание Сибирского Университета именно в Томске.—Усилиями этой интеллигенции, неослабной, горячей пропагандой идеи созданием Сибирского Университета сибирскими публицистами Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным и др. создается в конце концов первый рассадник знания в Сибири—Университет, с которым соединялись все чаяния и надежды на светлое будущее страны. Могли ли в таких условиях отвлекаться местные общественные силы на создание местного Музея—конечно нет—они все были поглощены большой идеей создания Университета! Со времени основания Университета при нем быстро возникают один за другим ряд Музеев—ботанический, зоологический, минералогический, археологический и др., при чем, располагая научными силами, Музеи эти сразу же получают характер Музеев областного значения. Опять при подобном положении как будто нет места общественной инициативе по созданию местного Музея, тем более что возникшие Музеи долгое время не чуждались общественности, особенно Музей этнолого-археологический, основанный со времени возникновения Университета. Музей этот содержит чрезвычайно ценные собрания по археологии.

Несмотря однакоже на наличие этих Музеев при Университете, которые к тому же со временем замкнулись в академическом кругу, в Томске имеется ряд начинаний по созданию местного Музея, как создания общественной инициативы.

Так в 1893 г. был основан при Обществе попечения о народном образовании „Музей прикладных знаний“, имевший, как видно из его

также приступил к сбору экспонатов Музея, которые и поступили затем в ведение „Института исследования Сибири“.

Музей было решено построить на месте Воскресенской пожарной каланчи, т. е. где „опнулась“ русская колонизация и культура в пределах Томского Края, где был основан „Томской город“ в 1604 г. Помимо этого приступлено было к подготовительным работам по созданию „Музея под открытым небом“ в пределах большого лагерного сада на крутом обрыве берега Томи в конце Садовой улицы—Тимирязевский проспект. Здесь проектировалось устанавливать типовые и чем либо замечательные жилища народностей Томского Края со всей их домашней утварью, орудиями промысла и проч. Широким планам так хорошо начатым однако же не суждено было осуществиться. Разразившаяся мировая война погубила это большое культурное начинание в самом его основании; за время войны дело это совершенно заглохло и лишь время революции воскресило вновь идею создания Музея в Томске. Таким образом мы видим, что эта идея имеет свою значительную историю, богатую и глубокими замыслами и широким размахом, не лишенную и жестоких терний. Почва для создания Музея, соответствующая научно-общественная атмосфера создавалась годами и в этом отношении Томский Краевой Музей возник не на „пустом месте“; идея его выношена давно, имеет благоприятную среду и в этом залог его дальнейшего развития и прочности существования!

I. Зарождение музея.

Начальный момент в истории возникновения Томского Краевого Музея, документально зафиксированный, относится к 14 февраля 1920 года, когда специальной Комиссией был произведен осмотр мебели бывшего архиерейского дома, так называемого дома Асташова, являющейся ценным образцом мебели стиля „Ампир“ и самого здания—этого ценнейшего художественно-архитектурного памятника 40-х годов в том же стиле „Ампир“. В результате осмотра этих памятников искусств упомянутая Комиссия в составе художников Д. Ильина, Г. Засыпкина, М. Берингова и М. М. Полякова постановила: „констатируя факт уничтожения и порчи весьма редких памятников искусства XIX века в бывшем архиерейском доме, Комиссия в интересах сохранения в дальнейшем уцелевших предметов постановила: 1) сделать описание предметов, 2) немедленно предложить Отд. Нар. Образ. объявить охрану означенных в описи предметов государственной важности, взять их на учет и установить непосредственную охрану их, 3) для сохранения обстановки необходимо предоставить помещение бывшего архиерейского дома под „Музей старины и революции“, 4) обо всем вышеизложенном довести до сведения Наркомпроса тов. Луначарского“.

Мы не могли не привести в подлиннике этого документа по истории возникновения Музея, послужившего исходным пунктом во всей дальнейшей работе по его созданию.

Вскоре при п/о искусства Губнаробраза создается секция по охране памятников искусства и старины, куда привлекаются профессор Университета Б. Л. Богаевский, Б. П. Денике, В. Ф. Смолин, худ.-архитектор Л. М. Шиловский и студ. археолог И. М. Мягков.

Определяющее влияние на работу секции получает худ.-архит. Л. И. Шиловский, который, являясь идейным вдохновителем секции и фактическим исполнителем большей части ее начинаний, поставил дело охраны памятников архитек. старины Томска на должную высоту;

в 20-ти обходах Томска, протоколы которых сопровождаются ценными набросками и описаниями, Шиловский совместно с группой художников—Тарским, Засыпкиным, Беринговым и др., зафиксировал большую часть подлежащего охране в г. Томске и того, что нужно зарисовать... Часть особенно ценных памятников была отмечена, как „уники“. В целях охраны памятников искусства и старины было опубликовано соответствующее постановление Ревкома с подробным перечнем архитектурных памятников, подлежащих охране („Знамя Революции“ 28 окт. 1920 г.).

В плане отмеченной работы велась последующая деятельность секции; велись зарисовки, фотографирование. Шиловским также были сделаны доклады и написаны статьи (в рукописях) на темы „Художественные сокровища Томска“, „Томская деревянная архитектура“, „Загорная улица“ и ряд статей: „Сибирские впечатления“. Его работам, говорит А. Н. Тихомиров, („Искусство в Сибири“ журнал „Северная Азия“ 5—6 книга 1925 г.) искусство в Сибири обязано рядом ценных, еще не опубликованных работ. Прекрасный архитектор.... Шиловский, человек европейской культуры в два последние года жизни в Томске проделал огромную работу; им приоткрыта новая страница в истории русского искусства—обращено внимание на красоту деревянного городского зодчества, почти не сохранившегося уже в Центральной России и еще живущего своеобразной жизнью в деревянных городах Сибири. Шиловский интересовался главным образом отражением „ампирных“ тенденций в постройках....

По мере развития и укрепления секции, она в мае мес. 1920 г. преобразуется в под/отдел Наробразы по охране памятников искусства и старины с тремя секциями: 1) охраны художественных памятников—зав. худ. Берингов, 2) охраны археологических памятников—зав. проф. В. Ф. Смолин, 3) музейной—зав. проф. Б. Л. Богаевский. Председатель п/о Л. И. Шиловский.

Работая в тяжелых условиях, медленно сгорал главный работник Л. И. Шиловский; с февраля 1921 года болезнь его—чахотка усиливается и в мае сводит этого энтузиаста в могилу. Личный состав п/о претерпевает сильное изменение. Заведующим назначается худ. А. Н. Тихомиров, заведующим архитектурской секцией худ. Проскуряков. Учитывая значение в прошлой работе п/о Л. И. Шиловского, его приемники вскоре после его смерти устраивают выставку его памяти, на которой были представлены художественные работы покойного в количестве до 200 экземпляров. На выставке были прочитаны доклады худ. Вериги-Чудновской, Тихомировым и Засыпкиным. Выставку посетило за 14 дней около 1000 человек.

Это была вторая художественная выставка устроенная п/о охраны памятников искусства; первая выставка, собравшая все наличные художественные силы Томска того времени, была устроена весной 1920 года.

Имея в основе план работ, намеченный упомянутыми выше архитектурными обходами Томска, п/о продолжает начатые Шиловским работы—обходы, обмеры, зарисовки и фотографирование.

Осенью 1921 г. была устроена третья по счету художественная выставка, состоявшая из художественных произведений, собранных п/о для художественного отдела будущего Музея и из художественных зарисовок по архитектурной старине Томска.

Археологическая секция совершает несколько небольших поездок по окрестностям Томска в целях археологических раскопок—Басандайка,

с. Спасское, с. Вороново, с. Уртам, давшие некоторые археологические материалы и наконец производит небольшие раскопки Томского Могильника при участии В. Ф. Смолина и И. М. Мягкова (1920 г.), а также обследование неолитической стоянки близ устья р. Томи у с. Иштана.

К тому же времени относится поездка специальной Комиссии из представителей Геологического Комитета, Общ. Истории, археологии и этнографии и Под'отдела на ст. Юрга Сиб. жел. дор. для раскопок останков мамонта. В результате этих раскопок будущий Музей обогатился ценным собранием отдельных частей костяка мамонта.

Худ. Проскурякова в результате своей поездки в Нарымский край обогатила коллекции будущего Музея очень ценным собранием бронзы из с. Подгорного Чаинской волости. Эта бронза была обнаружена случайно при раскопке целины.

К осени 1921 г. в Под'отдел поступили: вся обстановка бывшего дома Асташова—стиля „Ампир“, коллекция предметов искусства и культа — Китая и Японии—Полумордвиновой, коллекция по нумизматике, искусство и культу Китая и Японии С. Ф. Иванова, сойотская коллекция—сборы С. К. Просвирниной, картины Сурикова, Кончаловского, Зеленовского, Гуркина, Малявина, Бурлюка, Янкуса и других художников, а также археологические материалы произведенных сотрудниками раскопок.

В 1920—21 г.г. собирается в Томске исключительное число работников значительной художественной квалификации, многие, из которых впоследствии выдвинулись в наших культурных центрах. В это время в Томске работают, между прочим, след. худож. скульпторы: Шарлаимов, Просвиркина; архитекторы: Шиловский, Засыпкин; живописцы: В. Чудновская, Берингов, Горбунов, Иванов, Лапин, Лямин, Машкевич, Милашевский, Оболенский, Корин, Лобанов, Поляков, Тарский, Тихомиров, Хазов, Мако-Тюменцева, Игнатовская, Гусева и др. Несколько в стороне от секции художников стоит исконный томич Н. Ф. Смолин и В. М. Мизеров. Из художников среди военно-пленных необходимо отметить Рудольфа Ваккера.

„Работа секции художников в 1920-21 г.г. говорит А. Н. Тихомиров в статье „Искусство в Сибири“ дала еще одно начинание, правда, скорее в виде некоторой разведки в будущие возможности. Это была так называемая красноармейская художественная студия, несомненно подлежащая быть отмеченной среди ряда студий, функционировавших в городе. Эта студия особенно интересна даже не тем, что выдвинула 10—16 прекрасных дарований, даже не тем, чего они достигли, самое многообещающее было то, что у этой группы выработалась небывалая черта коллективное сотрудничество на основе общего, своего нового ощущения человека и мира. Этого не было у мастеров индивидуалистов предшествующей эпохи.... НЭП очень быстро изменяет положение.... начинается быстрый раз'езд художников. Вскоре ликвидируется факультет общественных наук, включавший в себе остатки филологического факультета.

Из Томска уезжает профессор Б. Л. Богаевский, с именем которого, как Ректора Университета, в художественной жизни Томска была связана многообещающая возможность. Профессор Богаевский выдвинул и поддерживал план создания художественного техникума, который в академической части своей работы опирался на силы Университета, а в производственной части руководился бы секцией „ИЗО“...

Начинание было ликвидировано зав. Сибнаробразом Чудиновым, ведшим линию на ликвидацию Томска, как культурной базы*).

С 1 января 1922 года подотдел преобразуется в Губернский Комитет по охране памятников искусства и старины (Губмузей). Со второй половины февраля работа Губмузея получает при содействии Зав. Губоно—Тизанова прочную почву в смысле передачи ему помещения,—доселе занимавшегося Губнаробразом,—бывшего дома Асташева.

II. Открытие музея.

По получении специального помещения в течение месяца все материалы будущего музея стягиваются в его помещение, размещаются картины и художественные зарисовки архитектурной старины Томска и 18 марта 1922 года Музей открывается в составе следующих отделов: 1) зал живописи и старого Томска—собрание картин (56), зарисовок и фотографий (245), 2) зал художественных работ по конкурсам первых двух лет революции (премированные проекты, плакаты, панно и др.), 3) парадный зал стиля „ампир“ бывшего дома Асташева, 4) Зал Востока—(вышеотмеченные коллекции по искусству Китая и Японии). 5) зал 30-х годов XIX века (интимная обстановка „ампир“), 6) зал археологии (материала археологических раскопок) и библиотека (около 300 книг). Музей занимал в это время верхний этаж здания. Отмеченные материалы получены различным способом, как например: художественные зарисовки архитектурной старины есть результат планомерной деятельности музейных работников; картины частью, поступили из различных складов из реквизированного имущества; частью куплены у авторов, частью пожертвованы ими; зал Востока—коллекции Полумордвинова и С. Ф. Иванова, резная китайская мебель из реквизированного имущества со складов; богатейшая сойотская коллекция—сборы худ. Просвириной по поручению Губернского Кустарного Комитета в 1917 г. получены после большой борьбы из Губпрофобра, часть из этих материалов (шитые шелковые полотнища) пожертвованы С. К. Просвириной.

Всего при первой инвентаризации материала к осени этого года было зарегистрировано 637 номеров, а всего по Музею насчитывалось 1200 предметов. При открытии Музея было устроено публичное заседание, на котором заслушаны два доклада: худ. А. Н. Тихомирова: „Музейное строительство РСФСР“ и И. М. Мягкова: „О задачах музейной работы“. Вечером того же дня был устроен вечер в связи с празднованием дня Парижской Коммуны, на котором А. Н. Тихомировым прочтен доклад „О творчестве Густава Курбе—как художника Коммуны“.

Таким образом начальной датой жизни Томского Краевого Музея, как такового, днем его открытия должно считать 18 марта 1922 года, когда был открыт „Томский Губернский Музей“, который в процессе его возникновения мыслился различно—„Музей старины и революции“, „Музей изящных искусств и революции“, когда этими названиями видимо намечалась и самое его содержимое и наконец „Губернский Музей“—наименование к сожалению безпредметное.

Апрель месяц был посвящен ознакомлению с Музеем—этим новым культурным завоеванием Томска, широких кругов населения, путем

* А. Н. Тихомиров: „Искусство в Сибири“ журнал „Северная Азия“ 5—6 книга 1925 года.

открытия Музея для обозрения и проведения массовых экскурсий. В целях объединения художников в музейной работе за это время устраивались художественные понедельники, на которых между прочим были сделаны доклады А. Н. Тихомировым на тему: „Эдгард Дега—реалист-индивидуалист“ и №№ „Творчество Вл. Маковского“.

В мае месяце А. Н. Тихомирову удалось совершить поездку в одно из старинных сел по Иркутскому тракту—с. Семилужное с целью обследования его архитектурной старины. В результате обследования мы имеем значительное количество зарисовок чрезвычайно интересных образцов старинной сельской архитектуры и собрание исторических документов, относящихся к прошлому с. Семилужного. За то же лето другой сотрудник Музея—И. М. Мягков совершает поездку в Сургутский край на р. Юган в целях этнографических сборов; в результате этой поездки Музей получил интересную коллекцию бисерного шитья отдельных частей костюмов юганских остяков и образцы орнамента на изделиях бересты, а также некоторые предметы домашнего обихода.

Вторая годовщина смерти Гр. Н. Потанина, скончавшегося 30 июня 1920 года в г. Томске, была отмечена торжественным заседанием, посвященным его памяти; на заседании прочтены доклады: 1) художницей С. К. Просвирниной „О поездке в Урянхайский край в 1917 году“ и произведенных там автором этнографических сборов и художественно-этнографических зарисовок, 2) Леонова: „Гр. Н. Потанин и изучение Монголии“.

В конце июня месяца по распоряжению Губоно упраздняется Комитет по охране памятников искусств и старины (Губмузей); А. Н. Тихомиров отказывается от заведывания Музеем. Зав. Музеем назначен И. М. Мягков, который однакоже скоро уезжает из Томска. С 1 сентября 1922 г. заведующим Музеем назначается Шатилов М. Б.

В сентябре мес. Музеем устраивается большая осенняя художественная выставка—четвертая по счету в жизни Музея. В выставке принимают участие художники: Мизеров, Рокачевский, Н. Н. Введенский, Поляков М. М., А. Н. Тихомиров, Н. Ф. Смолин, Панышин, Рождественский и др. Выставка, имея более 200 экземпляров, прошла с большим успехом, закрепляя вновь за Музеем положение культурного очага.

Несколько ранее в Губоно возникает мысль о создании в Томске „Дома Просвещения“ по опубликованному тогда НКПР нормальному положению о них. Начавшаяся работа по созданию Дома Просвещения и его дальнейшее существование играет в жизни Музея на протяжении полуторах лет непосредственно видную роль и в дальнейшем косвенно и отражается на Музее самым пагубным образом, являя собой урок совершенной недопустимости хотя бы слабой зависимости Музея, как научного учреждения, от какой либо общественно-политической организации.

По организации Дома Просвещения все материальные возможности были обращены на этот последний; Музей был лишен совершенно всякой материальной основы и номинально был причислен к Дому Просвещения, как его вспомогательное учреждение. Дом Просвещения в соответствии с его заданиями развертывал главным образом политпросветительную работу, почему, естественно, Музей оказался в незавидном положении, его работа, его нужды расцениваются как второстепенные и, наконец у него появляется несколько распорядителей. Однако же работа Музея продолжается, ведется кропотливая работа по инвентаризации, определению музейных материалов, их классификация, размещение и наконец пополнение Музея.

III. Музей и секция краеведения.

При организации Дома Просвещения на ряду с другими его секциями музейными работниками была предусмотрена секция Краеведения, которая при создавшемся положении, при отсутствии Комитета по делам Музеев, отсутствии у Музея всякой материальной базы, являлась единственно возможной формой привлечения музейных работников к работе.

В тоже время в Музее все более и более укрепляется краеведческая тенденция и в октябре месяце Музей получает вполне определенное, соответствующее его заданиям и его сущности наименование— „Томский Краевой Музей“.

Формально музейные работники организуются в секцию Краеведения лишь 18 декабря 1922 года в составе: Н. Н. Бакай, М. В. Бородкиной, Ф. Ф. Вержбовича, В. И. Иванова, В. Г. Косыгина, Л. Н. Краевской, И. Д. Серебрянникова, М. Б. Шатилова и Б. П. Юхневича. Было принято положение о секции и избрано правление секции в составе: Председатель М. Б. Шатилов, секретарь Л. Н. Краевская и члены: Н. Н. Бакай, К. Г. Косыгин, Б. П. Юхневич. Правление секции с этого момента по неписанной конституции Музея становится его коллигиальным органом управления, как бы Советом Музея и вся музейная работа ведется от имени секции Краеведения, почему в дальнейшем мы и будем говорить везде о Музее. Секция имела всего 32 действительных члена и 35 членов-сотрудников по губернии.

В целях популяризации идеи краеведения устраивается ряд публичных лекций, где между прочим выступает с тремя лекциями покойный профессор Томского Университета В. В. Сапожников на тему: „Физико-географический очерк Западной Сибири—Южная горная окраина Сибири“. Здесь нельзя не отметить, что из официальных академических кругов В. В. Сапожников первый за это время проявил живой интерес к Музею и вошел активно в его работу.

В целях популяризации показательным путем идеи охраны памятников искусства и старины в январе 23 г. устраивается выставка „Памятники архитектурной старины Западной Сибири“, на которой было представленно более 600 экспонатов—планов, обмеров, описаний, фотографий и главным образом художественных зарисовок памятников архитектурной старины Томска и сельских местностей Западной Сибири. Выставка сопровождалась рядом докладов: 1) худ. Тихомирова: а) „Сибирские впечатления“ и б) „Архитектурная старина Томска“ по материалам Л. И. Шиловского, 2) худ. Тихомирова: „Архитектурная старина с Семилужного Томского у.“ 3) инж. Н. И. Молотилова: „Памятники архитектурной старины—крестьянских построек Западной Сибири“. Доклады богато демонстрировались соответствующими материалами. Выставка имела большой успех—ее посетило за 2 недели более 1700 человек. Выставка несомненно укрепила положение Музея в это трудное время его жизни.

В дальнейшем работа Музея велась в следующих направлениях: а) организационно-техническом, б) научно-исследовательском, в) по охране памятников искусства и старины и г) культурно-просветительном. Организационная работа выразилась в объединении некоторых научно-общественных сил по краеведению и работе в Музее, в проведении технической работы по систематизации материалов Музея, их размещении и инвентаризации и в установлении связи Музея с местами путем создания сети членов-корреспондентов.

За зимний сезон 23—24 г. проведены между прочим мероприятия, давшие основание для дальнейшей работы по охране памятников искусства и старины. В недрах Музея назревает мысль о создании художественной студии, которая и состоит номинально при Доме Просвещения как и самый Музей.

Студия, проработавшая до марта месяца, объединила все наличные художественные силы Томска и художники за это время принимают живейшее участие в жизни Музея. Затем в мае месяце проведено через Губисполком постановление об учреждении Губернского Комитета по охране памятников искусства и старины (Губмузея) в следующем составе: Председатель—представитель Губоно З. С. Гайсин, члены: М. Б. Шатилов и Б. П. Юхневич, а также пресведено обязательное постановление Гика об охране памятников искусства и старины. С этого момента работа по охране памятников старины проводится через Губмузей и вся его работа протекает совместно с Краевым Музеем, о чем в дальнейшем будет указано особо.

В мае месяце 23 года разработан план и принято постановление о создании новых отделов Музея—естественно-исторического и общественно-экономического. Осенью проводится по местному бюджету самостоятельная смета по Краевому Музею на 1923—24 бюджетный год с установлением трех штатных единиц по Музею и одной по Губмузею с оплатой всех вместе 45 руб. в месяц. До сего же времени по Музею работники не оплачивались и никаких ассигнований вообще на нужды Музея не имелось. Отопление и услуги сторожа были от Дома Просвещения, в Музее отапливалась одна рабочая комната.

В феврале месяце 1924 г. закрывается дом Просвещения, а затем реорганизуется в дом работников Просвещения и секции Краеведения, как таковая, формально кончает свое существование с апреля месяца. Таким образом секция Краеведения, как форма объединения музейных работников существовала с 18 декабря 22 г. по 23 апреля 1924 года.

19 мая 1924 г. организуется вместо Правления секции Совет Томского Краевого Музея в составе: Председатель М. Б. Шатилов, члены: Бакай Н. Н., Введенский Н. Н., Полонский А. П., Юхневич Б. П. С этого времени Музей занимает самостоятельное положение.

Обращаясь к научной и культурно-просветительной деятельности Музея, кроме выше уже отмеченной работы в этом направлении, со времени основания секции до октября месяца, т. е. до 1923—24 акад. года должно отметить устройство публичных лекций, докладов.

С января месяца по октябрь 23 года, исключая три летние месяца, когда Музей был закрыт, проведено 12 публичных заседаний, на которых сделаны следующие доклады: Н. Н. Бакай „К вопросу о последних днях жизни Н. Г. Чернышевского в Сибири“. Два доклада Н. П. Карповой по этнографии Алтая: а) „Алтайцы, их прошлое, быт и нравы“, б) „Алтайцы, их верования—шаманизм и бурханизм“. М. Б. Шатилов: „Новости сибирской научной литературы“, М. Б. Шатилов: „Вопросы краеведения в прошлом и настоящем“. И. М. Мягков: „Современное состояние и работа научных учреждений Петрограда“. На заседании памяти Гр. Н. Потанина в день третьей годовщины со дня его смерти (30 июня 23 г.) были прочтены доклады: М. Б. Шатилова а) „Потанин и изучение местного края“, б) профессора В. В. Сапожникова: „Потанин, как путешественник“ и в) В. Н. Наумовой-Широких: „Заслуги Потанина в изучении фольклора“.

На объединенном заседании Краевого Музея, Томского этнолог.-археол. Музея при Университете и Общества естествоиспытателей и

врачей при Университете,—заседании, посвященном памяти скончавшегося в июле месяце 23 г. академика Д. Н. Анучина были сделаны доклады: профессора В. В. Сапожникова: „Научные заслуги Д. Н. Анучина“; преподавателя университета А. К. Иванова: „Биография Д. Н. Анучина и его научные заслуги“ и члена Краевого Музея И. М. Мягкова: а) „О находке мамонта близ Томска у д. Белобородовой в 1923 г.“ и б) „Неолит около с. Иштана Томского у.“.

Помимо докладов и публичных заседаний за это время было устроено 5 публичных лекций в театре Д. П., а именно: 4 лекции профессора В. В. Сапожникова из цикла: „Физико-географический очерк Западной Сибири“—две лекции на тему: „Южная горная окраина Сибири“ (Алтай и Саян) и две; „Сибирская низменность,—степная, лесостепная полоса и тундра“, и лекция преп. Университета В. Н. Наумовой-Широких: „Памяти поэта-сибиряка Федорова-Омулевского—творца песен народной жизни“.

За летнее время Музей принял участие в работах губернских летних педагогических курсов, на которых работниками Музея помимо практических работ проведено 6 лекций: Н. Н. Бакай: „Изучение края по историческим памятникам“, И. М. Мягкова: „Охрана и изучение памятников старины“ и 4 лекции М. Б. Шатилова: а) две лекции: „История краеведения в Сибири“, б) „Задачи Краеведения“, в) „Краевой Музей и народный учитель“.

Помимо этого культурно-просветительная работа велась при посещениях Музея отдельными посетителями и экскурсиями, с которыми велись беседы—лекции; Музей с января по июнь месяц посетило 4256 человек, 42 экскурсии, учащихся, профсоюзов и воинских частей. Летнее время Музей в связи с ремонтом был закрыт.

За летнее время велась внутренняя работа по Музею, его пополнению, созданию при нем библиотеки по краеведению, а также сбору для музейной охраны книг исторической и библиографической ценности; за это время Музей пополнен 1697 экспонатами и 2167 книгами и было положено начало естественно-историческому отделу.

За то же время, не располагая никакими средствами (сметы Музей еще не имел), Музей проводит небольшое обследование на местах: 1) И. М. Мягков совместно с преп. Унив. А. И. К.... совершает поездку в дер. Белобородову близ г. Томска для раскопок остатков мамонта на берегу р. Томи. Бивень и некоторые части костяка мамонта доставлены в Музей, 2) Совершена поездка З. С. Гайсина (при служебной командировке) в Щегловский и Кузнецкий уезды в целях охраны памятников искусства и старины, в результате чего приняты меры к охране Кузнецкой крепости и домика Достоевского в Кузнецке“, о чем подробнее будет указано ниже, 3) Поездка Б. П. Кухневича на хутор Степановка близ Томска в целях охраны построек, возведенных декабристом Г. С. Батеньковым за время его жизни в Томске в ссылке с 1846—56 г.г.

IV. Комитет по охране памятников искусства и старины.

С возобновлением деятельности Губ. Комитета по охране памятников искусства и старины (Губмузея). 8 мая 1923 г. вся органическая работа Краевого Музея по охране памятников искусства и старины ведется общими силами с Губмузеем и этот последний выступает особо лишь как административный орган в случае необходимости проведения тех или иных формально-правовых мероприятий по охране

памятников. Так Губмузеем приняты меры по учету и охране картин худ. Вучичевича в г. Щегловске. Картины эти в количестве до 250 после трагической смерти худ. Вучичевича близ Щегловска в 1920 г. оказались частью выставлены в Народном Доме, частью разбросаны по разным учреждениям и в кладовых Нардома в совершенно несоответствующем их назначению положении.

Двенадцать картин из этих работ Вучичевича были перевезены в Томск для размещения в Краевом Музее. Среди картин вывезенных в Томск между прочим находится большое полотно, имеющее исторический интерес. „События в Томске 20 октября 1905 г.“ (пожар Управления Сиб. жел. дор.).

При поездке З. С. Гайсина в Кузнецкий край установлена связь с местными небольшими Музеями в руднике Кольчугино, Прокопьево и в гор. Кузнецке. В результате той же поездки Гайсина им было проведено в Кузнецке обследование по плану выработанному Музеем, Кузнецкой каменной крепости, домика Достоевского и развалин кузнецких церквей. Кузнецк обладает единственным на всю Сибирь—памятником древнего каменного крепостного строительства. И этот замечательный и единственный в Сибири памятник старины за годы революции подвергся большому разрушению,—во время разгрома Кузнецка бандой Рогова в 1920 г. разгромлена часть крепостных строений, сожжены ценные архивы, разгромлены также и высоко-художественные памятники церковной архитектуры—старинные Кузнецкие церкви.

По акту составленному 19 августа 1924 г. представителями Кузнецкого Уездного Исполкома с участием З. С. Гайсина крепость оказалась в следующем состоянии: „стены снаружи в сохранности, с внутри местами разобраны. Имеется 5 пушек производства 1801 и 1802 г.г. „Екатеринбург и/камеэ“ и расположены в следующем порядке: 1—с одним колесом 1801 г. на углу переднего фасада с северной стороны, 2-я с двумя колесиками 1802 г. на перелном фасаде с южной стороны, третья без колес (180... какого года не отмечено). В период весенних каникул (неделя Пасхи) любителями сильных ощущений сброшена с крепости наружу с высоты около 15 аршин и лежит поперек дороги Кузнецкого тракта, 4-я 1802 г. без колес подверглась той же участи, спущена на внутреннюю насыпь с высоты около 2-х аршин и 5-я без колес 1802 года находится на крепости. По середине двора деревянная часовня крытая тесом с чугунным крестом на куполе, пол разобран, двери и рамы также расхищены“.

При проверке на месте установлены следующие изменения: 1) 1-я пушка сброшена с крепости с высоты около 15 аршин наружу, колеса не оказалось, 2-я пушка стоит на месте, но похищено одно колесо остальные три пушки находятся в прежнем положении. На южной стороне глухие ворота приспособлены под караульное помещение порохового погреба. От часовни крыша и корпус наполовину разобраны, на куполе чугунный крест стоит на месте. На северной стороне вдоль северного вала арка выходная разрушается грозит обвалом. Северный вал вокруг порохового погреба разрушен. У здания каменной крепостной церкви над главными воротами расхищено железо с крыши, с окон четыре рамы с северной стороны и 3 рамы с южной стороны.

Вход в главные ворота и два нижних отделения представляют собой скотный двор, где постоянно находится скот—лошади и коровы.

С внутренней стороны и частично снаружи камни со стен крепости разобраны. В общем разобрано со стен около 15 куб. сажень камня.

Местхозом разобрано несколько зданий каменных и кирпичных и добытый строительный материал пущен в продажу. Всего добыто строительных материалов около 30 куб. сажен.

Крепостная площадка частично завалена строительным мусором в количестве приблизительно 10 куб. сажен.

Домик Достоевского по улице имени „Достоевского“ под № 23.

Крыша пришла в ветхость, местами протекает, владелица этого дома гр. Дмитриева, за неимением средств произвести ремонта не в состоянии.

Разрушена точно также почти до основания—(остались обгорелые стены) старинная основанная в 1764 году прекрасной архитектуры Одигитриевская церковь, в которой между прочим венчался Ф. М. Достоевский в бытность свою в ссылке в Сибири на Исаевой 6 февраля 1857 г.*).

В результате обследования по представлению Губмузея было издано обязательное постановление Губисполкома о принятии решительных мер к охране крепости, церкви и домика Достоевского. Соответствующее представление сделано Губмузеем и в Главнауку и в Сибнаробраз. В Музее имеется план гор. Кузнецка, Кузнецкой крепости 1836 г. и зарисовки крепости худ. Тютикова 1920 г.—зарисовки различных частей крепости и общего ее вида—всего 9 зарисовок.

Ознакомившись из доклада Б. П. Юхневича с положением построек возведенных декабристом Г. С. Батеньковым на хуторе Степановка близ Томска за время его ссылки в Сибирь, Губмузей принял формальные меры к охране этих строений от дальнейшего разрушения. Строения эти были сданы под особое обязательство по охране и проведению необходимых ремонтов учреждению, арендовавшему хутор Степановку—Педтехникуму. Затем при обследовании хутора из закрытой на нем церкви были получены ценные иконы старого письма, а также иконы с особыми надписями, относящимися к истории возникновения хутора и наконец две книги с автографами Г. С. Батенькова. Книги эти присоединены к другим музейным материалам, составляющим „уголок декабриста Батенькова“, о чем будет речь особо.

Помимо непосредственной переписки с местами, их инструктировании по охране памятников старины было проведено через Губисполком обязательное постановление 18 января 1924 г. об охране и регистрации памятников искусства и старины, а также проведено анкетное обследование местных музеев, музейных, краеведческих ячеек. В результате некоторой связи с местами и отмеченных мероприятий волна самовольных раскопок, как это отмечалось выше, пала,—за последние годы подобных сведений Музей не имеет.

Летом 1924 года произведена опись имущества, находившегося в так называемом „домике Федора Кузьмича“ в Томске. Как известно, об этом загадочном старце—Федоре Кузьмиче, скончавшемся в Томске 1863 г. существует легенда и целая литература о его загадочном прошлом; „высоком“ положении и особых причинах, побудивших его оставить это прежнее положение..... В домике к моменту осмотра по акту составленному при этом оказались следующие предметы: 1) иконы без риз в киотах—7; 2) иконы по дереву без риз—23; 3) киоты пустые—2; 4) иконы на бумаге—11; 5) лежанка деревянная—1; 6) деревянное изголовье—1; 7) стул с мягким сиденьем—1; 8) два простеночных сто-

*) Булгаков: „Ф. М. Достоевский в Кузнецке“—XXIII иллюстрир. приложение к газете „Сибирская Жизнь“ к № 221, 10 октября 1904 г.

лика и один угловичек. Домик был взят на учет Губмузея, но оставался в ведении Комхоза. В октябре месяце того же года было обнаружено, что „домик“ занят под квартиру сторожа общежития Рабфака, помещающегося на том же дворе, причем все имущество из „домика“ было расхищено или выброшено. Принятые меры к розысканию имущества не дали результатов. Домик самый находится на учете Губмузея.

В 1924 г. Музеем возбужден вопрос в Правлении Университета о создании в помещении Главной Библиотеки Университета Кабинета Гр. Н. Потанина, куда должно быть помещено все литературное наследство Потанина, размещенное до сих пор в разных комнатах библиотеки. По ряду причин вопрос этот получивший в Правлении Университета принципиальное разрешение в самом начале, практически задерживался разрешением целый год и лишь 2 января 1926 года Губмузеем получено официальное сообщение о решении Правления организовать в одной из комнат Библиотеки Университета „кабинет Гр. Н. Потанина“, куда помещается все его литературное и научное наследство—рукописи, переписка, библиотека и т. д.

В марте 1924 года Губмузеем получен на хранение в Краевом Музее из Томского Уездного Исполкома старопечатные (19 книг) и рукописные (7 книг)—всего 26 книг, реквизируемые Том. Уисполкомом при особых обстоятельствах в д. Араловой Таловской волости Томского уезда у гр. Нифонтова. Книги эти представляют большую научную ценность, как в отношении историческом, так и палеографическом. Среди книг особого внимания заслуживают: 1) большая рукописная книга „Степенная книга“, являющаяся по заключению историка Н. Н. Бакай, первым в Сибири экземпляром этого литературного труда XVI в. позволим себе привести выдержку из заключения Н. Н. Бакай о ценностях некоторых книг:

„Не подлежит сомнению, что „Степенная Книга“ написана была в 1560—1563 году. Строй „Степенной Книги“ и приемы расположения позволяют определить ее, как исторический сборник статей, расположенных в генеологической системе, преимущественно биографического содержания. Хотя в „Степенной Книге“ нельзя видеть сознательной попытки в XVI в. в систематизации русской истории, все же не подлежит сомнению, что названное произведение, как исторический сборник, оказало очень заметное влияние на развитие древне-русской исторической мысли. Автором ее нужно признать лицо, принадлежащее к духовному сословию, Андрея—Афанасия.

Рукопись написана на французской бумаге XVI в. с водяными знаками*). Детальное научное изучение этого первоисточника еще не закончено. Далеко еще не собраны и списки „Степенной Книги“. И в этом отношении найденный Томским Уисполкомом список „Степенной Книги“ представляет интерес.

Другая рукописная книга, это „Хронограф“ составлена в начале XVII в. „Хронографы“—сборники преимущественно с историческими легендарными сведениями были собраны прежде в небольшом количестве и в нескольких редакциях.

В Сибири же списки „Хронографов“ были найдены только в единичных экземплярах, да и то не вполне сохранившихся. Уже этим одним обуславливается ценность настоящей находки.

*) В России производство писчей бумаги, пригодной для переписки, нужно отнести только к концу XVII и началу XVIII века.

Из печатных книг обращает на себя внимание старинное евангелие, начатое печатанием в 1574 г. и оконченное в 1575 г. Печатал эту книгу первый русский книгопечатник „Петр Тимофеев сын Мстиславцев“. Напечатана она в Вильно.

Экземпляр сохранился хорошо. Очень ценны для истории искусства заставки и металлические изображения. Сохранившиеся экземпляры изданной книги считаются единицами*.

Наконец в августе 1925 года взято на учет Губмузея деревянное здание бывшей старой архиереской церкви в ограде Алексеевского мужского монастыря. Здание это являлось прекрасным памятником деревянного церковного зодчества стиля „ампир“. Зимой 1926 г. здание сгорело.

В связи с административным переустройством Томского края были закрыты по финансовым соображениям два местных Музея—Мариинский (в г. Мариинске) и Нарымский (в с. Колпашево Нарымского края). Имущество Мариинского Музея принято на учет—Музей предположено в будущем открыть. Из Нарымского Музея часть экспонатов перевезены в Томский Музей.—Сеть местных Музеев по Томскому краю таким образом сократилась; остался один Краевой Музей и несколько небольших зарождающихся местных Музеев, как например Анжерско-Судженский, Прокопьевский и некоторые другие.

В связи с деятельностью Губмузея, необходимо отметить чрезвычайно важную по ее последствиям для Музея работу Губернской Междуведомственной Комиссии по проведению в жизнь постановления Сов. Нар. Ком. от 19 апреля 1923 года о закреплении за Главмузеем на местах недвижимого имущества в целях создания специальных средств для государственной охраны культурных ценностей.

Комиссия постановила закрепить за Главмузеем в лице местного Краевого Музея имущество в Томске в 1) усадьбу по Ленинскому проспекту № 40, занимаемую Музеем и во 2) дом, принадлежавший ранее П. И. Макушину, где помещался его книжный магазин (ул. Равенства № 5). Одним из оснований для постановления Комиссии по 2 пункту послужило заявление П. И. Макушина с просьбой о закреплении этого имущества за Краевым Музеем, так как и ранее по планам П. И. Макушина имущество это предназначалось для создания фонда для будущего Областного Музея в Томске. Центральная Междуведомственная Комиссия при Нар. Ком. Просв. утвердила это постановление 8 апреля 1925 года полностью, но вследствие обжалования Губисполкома дело перешло в Совет Нар. Ком., который (прот. 13 июля 1925 года за № 32) постановил закрепить за Томским Краевым Музеем усадьбу, занимаемую им в настоящее время по Ленинскому проспекту № 40, т. е. бывший дом Асташева, упоминавшийся ранее, и здание бывшей домово́й церкви, закрытой в 1922 году и превращенной Губоно в зрительный зал, отменивши решение Центральной Комиссии о закреплении бывшего дома Макушина. Это постановление СНК, хотя и урезавшее решение Центральной Комиссии, все же коренным образом изменяет к лучшему положению Музея, обеспечивая его раз навсегда собственным помещением, на которое теперь уже никто не может претендовать.

V. Совет Музея.

Позволим себе вкратце отметить деятельность Совета Краевого Музея со времени его возникновения—23 апреля 1924 г. до последнего времени. Совет начал работать с отмеченными далее изменениями в

следующем составе: Председатель — М. Б. Шатилов, члены Совета: Н. Н. Бакай, Н. Н. Введенский, А. П. Полонский, Б. П. Юхневич. С ноября 24 года в состав Совета входит И. Г. Лаврентьев, как зав. ест. истор. отделом.

С января 1925 года в работах Совета до настоящего времени принимает участие научный сотрудник Музея по отделу археологии и востока И. М. Мягков. С 4 апреля по 1 сентября членом Совета состоит П. П. Славнин, как заведующий общественно-экономическим отделом Музея. С 12 мая 1925 года до настоящего времени состоит членом Совета М. А. Слободский — как представитель Общества изучения Томского края. Н. Н. Введенский с июня месяца 1925 года выбыл из Совета и наконец с 1 сентября 1925 года по 30 мая 26 г членом Совета состоит М. В. Бородкина, как заведующая общественно-экономическим отделом Музея.

Совет за время своей работы в 1924 году имел 12 заседаний и в 1925 г. — 23 заседания — помимо этого происходили заседания объединенные с Губмузеем. На заседаниях Совета разрешались вопросы различного характера — адм.-хоз., обществ., организац. технические, научные и просветительные.

Среди многочисленных вопросов проработанных и разрешенных Советом Музея позволим себе вкратце отметить представляющий наибольший общественный интерес.

За время работ Совета состоялось 22 публичных его заседания, на которых заслушано 30 научных докладов, о чем подробно указано далее.

Советом детально проработаны вопросы об организации и плане всех экспедиционных обследований, приведенных Музеем за два летних сезона — 24 и 25 годов и затем заслушаны отчеты об этих работах. Разработаны по докладом особых комиссий вопросы о юбилейных днях — (Академии Наук, декабристов). Проработаны и внесены в Губмузей вопросы по охране ряда памятников старины и искусства, как например. Кузнецкая крепость, домик Достоевского, домик Федора Кузьмича, картины художника Вучичевича в Щегловске, создание кабинета Потанина в Университете, охрана бывшего Нарымского и Мариинского Музеев, а также охрана многих отдельных предметов старины и искусства. Занимается Совет и рассмотрением производственных планов и смет Музея. Организует весной 1925 г. три художественных выставки, составивших славную страницу в художественной жизни Музея. Советом изыскиваются меры по созданию новых отделов Музея — общественно-экономического и естественно-исторического, из которых последний получает богатые материалы учебно-показательной мастерской, бывшей сначала при Томской Губернской Земской Управе, а затем в Томском Совнархозе.

Озабочен Совет и созданием специального денежного фонда для пополнения Музея и издания его трудов; с этой целью Советом устраиваются лекции, концерты и выставки.

Наконец необходимо отметить большую общественно-организационную работу Совета, выразившуюся в создании целого ряда различных комиссий с привлечением в них местных обществ, научных организаций, в проведении ряда общественно-научных празднований и т. п. и особенно в создании научных обществ и общественных организаций при Музее, а именно:

17 февраля 1925 года состоялось заседание Совета Музея по учреждению „Общества Изучения Томского Края при Томском Краевом Музее“ в составе учредителей: Шатилова М. Б., Б. П. Юхневича, Вве-

денского Н. Н., Бакай Н. Н., Парамонова П. А., Молотилова Н. И., Хозина М. А., Мако-Тюменцевой Е. Г., Игнатовской Н. Г., Слободского М. А., Троицкого Г. Я., Болдырева В. О., Иванова А. К., Полежаевой Е. Н., Серебренникова И. Д. и Неведрова Г. А. Принятый учредителями Устав Общества был утвержден Губ. Отд. ГИК'а 2 апреля 1925 г. когда и начало существовать Общество.

В целях обеспечения возможной общественной поддержки по проведению различных мероприятий Музея, по оказанию ему различного рода содействия в его работах и между прочим по изысканию специальных средств при Музее создается на основании особого положения „Комитет Содействия Томскому Краевому Музею“. Президиум Комитета: Председатель И. П. Путренко, члены: И. П. Нарбут, Г. Я. Троицкий, И. Д. Серебренников и М. В. Бородинка.

В целях оформления фактически сложившегося за последние два года объединения почти всех местных художников в работах художественного Отдела Музея, а также для дальнейшего закрепления и углубления в процессе работ этого объединения Советом Музея устраивается 23 декабря 1925 года учредительное заседание по организации „Общества по изучению художественного творчества при Томском Краевом Музее“, при чем в состав Общества вошли не только художники, но и некоторые местные музыкальные работники.

Избрано Правление Общества в составе: Председатель профессор Е. И. Помазанский, зам. предс. худ. Н. Ф. Смолин, секретарь худ. Н. Костенко и члены: проф. Н. А. Александров, худ. И. Я. Назаров, худож. В. М. Мизеров и представитель Совета Музея М. Б. Шатилов.

Таким образом, при Музее в настоящее время работает три общественных организации, члены которых практически в своей деятельности являются ближайшими, непосредственными музейными работниками. В таком окружении местными научными, общественными и художественными силами Музей несомненно пойдет твердыми, уверенными шагами по созданию и укреплению своего положения, как научного, художественного и культурного учреждения местного края.

Из отдельных лиц помимо постоянных, официальных работников Музея, необходимо на ряду со многими другими особо отметить работы некоторых ближайших музейных работников-любителей, как например: сотрудиик Музея И. М. Мягков, будучи членом Совета Музея, все это время помимо отмеченных здесь особо работ ведет работу по определению классификации материалов по отделу востока и археологии

Б. П. Юхневич участвовал в работах по организации общественно-экономического отдела Музея, являясь в то же время все эти годы членом Совета. Н. Н. Бакай, являясь постоянным членом Совета, неоднократно вел научную консультацию по историческим вопросам. М. А. Слободский—член Совета принимает живейшее участие в проработке тех или иных научных вопросов. Н. М. Шиляев провел большую кропотливую работу по нумизматики (классификация и описание); продолжает эту работу И. Д. Серебренников. Сотрудница-практикантка Н. П. Безходарнова провела подробное описание материалов по отделу археологии—(1297 предметов). Работает целый ряд добровольных сотрудников и по естественно-историческому отделу, среди которых заслуживает особого внимания работы Н. П. Павлова по геологии, преп. унив. М. И. Хлебниковой, Л. П. Сергиевской, преп. Л. В. Чашихиной и некоторых других.

Работы по Музею и его отделам в данное время распределяются следующим образом: Зав. Музеем и его культ.-историческим отделом

М. Б. Шатилов (с 1 сентября 1922 года); зав. общ.-экономич. отделом П. Т. Дронов (с 15 июня 1926 года); зав. естественно-историч. отделом И. Г. Лаврентьев (с 10 ноября 1924 г.).

По отделам Музея за все это время, кроме отмеченных в своем месте особо работ, помимо постоянной систематической работы по определению, описанию, инвентаризации, размещению, классификации и музейному хранению экспонатов и их изучению ведется непрестанно различными доступными Музею средствами его пополнение, которое в общем вкратце можно выразить в следующем: в августе месяце 1922 года, когда была проведена первая инвентаризация Музея, числилось всего по культ.-историч. отд. 1200 предметов с зарисовками старого Томска и книгами.

В настоящее время по тому же отделу с под'отделами: археологии, этнографии, востока, старина Томского Края и художественный числится: 6323 предмета.

Особо стоит библиотека и историческое книгохранилище, которые с 300 №№, бывших в отмеченное время возрасли до 6398, при чем имеется карточный алфавитный каталог.

Среди поступлений этого времени необходимо наиболее крупные отметить особо: поступления по археологии—результат раскопок И. М. Мягкова, материалы по этнографии остяко-самоедов и тунгусов Нарымского края (сборы М. Б. Шатилова), сборы З. С. Гайсина по этнографии шорцев, ценная якутская коллекция и сборы М. В. Бородинской по русской этнографии, пополнение коллекций русских церковных древностей, создание коллекции старинного оружия, кольчуги, по старому Томску собрание планов, чертежей и описаний, коллекция материалов декабриста Батенькова, гравюра Томска половины 18 в., сада Горохова, виды Томска 70 г.г.; по художественному отделу: собрание картин М. М. Полякова Базановой, Капустиной, Смолина, Гуркина, Солодовникова, Мако А. Э., Шульпинова, Краснова и др.

По старой живописи получены образцы голландской школы, итальянские рисунки, русской и западной церковной живописи, старинная копия испанского художника XVII в. Мурильо (большое полотно) и др. Скульптура—работы Просвиркиной, Мезингер, О. Поповой.

В библиотеке получено не мало чрезвычайно ценных в историческом и библиографическом отношении книг.

За отмеченное время созданы отделы: общ.-экономич. 724 экз. и естественно-исторический 5429 экз., а также поступило 8660 предметов сырого необработанного материала, а всего по Музею было поступлений 12.476 предметов, 6398 книг и необработанного сырого материала (по естественному отделу) 8660.

Таким образом Музей из зачаточного своего состояния превращается в достаточно солидное по количеству материалов учреждение.

VI. Научно-исследовательская деятельность Музея.

Обращаясь к научно-исследовательской работе Музея в порядке экспедиционного обследования должно сказать, что, несмотря на самые скудные средства, Музею удастся за два летних сезона при поддержке тех или иных учреждений организовать несколько небольших экспедиционных обследований.

Летом 1924 года сотрудниками Музея свершены следующие научные поездки:

1) И. М. Мягковым были продолжены, начатые им в 1922 г., археологические раскопки неолитической стоянки близ с. Иштана и дер. Козюлиной Томского уезда при устье р. Томи. Произведены раскопки двух курганов и исследована стоянка, при чем собрано 153 предмета—каменные наконечники стрел, топоры, напярсла, керамика и т. д. и остатки двух трупосожжений.

О работах представлен доклад.

2) Сотрудником Музея Г. С. Гайсиным произведены этнографические исследования и сборы для Музея среди шорцев по р. Кондоме и Мрас-су в южной окраине Кузнецкого уезда. Помимо сообщения по этнографии шорцев на заседании Музея, поездка эта дала значительную коллекцию материалов по этнографии шорцев—собрано всего 36 предметов домашнего обихода, промысла и культа.

3) Шатиловым М. Б. совершена поездка в Принарымский район по Оби и озеру Иссан-по для обследования остяко-самоедов и тунгусов. Собраны материалы по этнографии остяко-самоедов и тунгусов всего в количестве 118 предметов, характеризующих быт, промыслы и верования. (Подробно см. статью „Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района“ М. Б. Шатилова.

Летом 1925 года при поддержке Сибнаробраза и Томского Биржевого Комитета продолжены археологические раскопки И. М. Мягкова близ Иштана и дер. Козюлиной на устье р. Томи.

В то же время сотрудник Музея М. В. Бородкина получает поездку в дер. Иткара по р. Томи Томского уезда для этнографического и экономического обследования. М. В. Бородкиной собран материал по всему годичному кругообороту хозяйственной жизни дер. Иткары, дан этнографический обзор, собраны материалы по фольклору и привезены экспонаты—образцы крестьянского тканья и орудия ткачества 64 предмета, а также лекарственные травы. О работах представлен доклад (смотри статью М. В. Бородкиной: „Хоз.-этногр. очерки дер. Иткара, Томск. края“).

Летом 1926 г. была организована Музеем и Обществом Изучения Томского Края на средства Комитета Севера, Ваховская экспедиция. По первоначальному плану экспедиция должна была провести обследование системы реки Ваха (правый приток Оби—Сургутский край) в трех направлениях: географическом, экономическом и этнографическом, в соответствии с чем и намечалось три самостоятельных партии. Полностью однако-же осуществить проект за сокращением сметы не удалось и была снаряжена одна партия для экономического обследования, на ряду с которыми все же было решено вести и этнографические работы. Партия работала в составе трех человек: нач. экспедиции Шатилова М. Б. (этнограф.), статистика Попова М. И. и переводчика—васьюганского остяка-студента Ленинградского рабфака Иглыкова А. И.

Экспедиция поднялась вверх по Ваху до его правого притока р. Корельки-еган на расстоянии 750 верст от устья Ваха; выше этого пункта имеется по Ваху всего одна юрта в 6 днях пути.

Экспедицией проведены следующие работы: по стат. экономич. обследованию проведено сплошное подворное обследование всех хозяйств, оказавшихся на ее пути к моменту путешествия, (обследовано 108 хозяйств), затем проведено поселковое обследование всех населенных пунктов по Ваху (32) и несколько по его притокам (8) всего 40 и наконец проведены порайонные обследования промыслов: пушного, оленьего, рыболовного и орешного.

По этнографии довольно полно, обследована материальная, социальная и духовная культура местных остяков, а именно: жилище, домашняя утварь, одежда, пища, образ жизни, промыслы (бытовая сторона и техника), средства передвижения, — оленеводство, народное здравие и медицина, родовые отношения, брак, семья, административное устройство, обычное право и родовой суд, общее мирозерцание, верование, а также собраны материалы по фольклору. На ряду с этим велись фотографические снимки различных сторон жизни остяков; имеется 74 снимка, являющиеся непрерываемым документальным материалом, дополняющим этнографические работы. И наконец, экспедицией вывезены для Краевого Музея 112 экспонатов—предметов быта, промыслов и культа остяков.

Наконец необходимо отметить тесную связь с Музеем этнографических обследований, произведенных двумя врачами-членами экспедиций Красного Креста—врачем А. Н. Аравийским среди шорцев Кузнецкого края в верховьях реки Мрас-су и врачом Моисеевым в Нарымском крае по р. Оби, Васьюгану, Чижапке. Об этих работах точно также были представлены и зачитаны доклады на заседаниях Общества Изучения Томского Края—доклад А. В. Аравийского „Шория и шорцы“ и доклад Моисеева „Быт, нравы и врачебно-санитарное состояние Нарымского края“.

Помимо проведения отмеченных экспедиционных обследований научная работа Музея за последние два года—1924—25 г. г. выражалась, как и прежде, в устройстве публичных заседаний Музея с заслушанием научных докладов, а культурно-просветительная его деятельность выразилась в устройстве публичных лекций, проведении экскурсий по Музею.

За четыре года Музей был открыт для обозрений в течении 34 месяцев, за которые через Музей прошло 343 экскурсии учащихся, красноармейцев и профсоюзов в количестве 17.421 человека и отдельных посетителей за то же время прошло 18.846 человек, а всего 36.267 человек.

Осенью 24 года была устроена выставка археологических материалов, полученных в результате раскопок И. М. Мягкова близ Иштана за истекшее лето—выставка сопровождалась пространными беседами—лекциями.

За отмеченное время состоялись следующие доклады: З. С. Гайсина „Очерки жизни шорцев Кузнецкого края“—доклад демонстрировался привезенными с мест экспонатами, а также сопровождался иллюстрациями по фольклору шорцев поэта-шорца Ап. Тодышева—студента рабфака.

Два доклада И. М. Мягкова: а) „Искусство сойотов и его место в истории искусства“—доклад был основан на исследовании экспонатов Музея—резьба сойотов по камню; б) „Из истории Томска—легенды об Ушае и Томе“. Доклад А. П. Полонского: „Физико географический очерк Барабинской степи“, (оживление мертвой природы—мелиорация).

Сообщение М. Б. Шатилова: „Историко-этнографический очерк Барабинских татар“.

Доклады Н. Н. Белослюдова: а) „Киргизские писатели и поэты“; б) „Киргизский орнамент“—оба доклада были богато иллюстрированы.

М. Б. Шатилова „Предварительный отчет о поездке в Нарымский край“.

Доклад И. М. Мягкова „Об археологических раскопках близ с. Иштана летом 1924 года.

Доклад Шатилова М. Б. „Московская Русь и сибирские туземцы“ и сообщение „Об организации уголка Томских татар при Музее“.

По художественному отделу Музея устраивались доклады—худож. Н. Г. Игнатовской „История Французской живописи“.

Художника М. М. Полякова „Новейшие течения в живописи по личным впечатлениям в Москве“.

Весной 25 г. устраиваются лекции: 1) художника В. М. Мизерова:— „Новейшие течения в живописи“, И. М. Мягкова—„Пути исследования памятников искусства и старины“.

Н. Н. Бакай „Изучение края по письменным памятникам“ и Шатилова М. Б. „Задачи и отрасли краеведения“.

Помимо этого Музей принимает живейшее участие чрез своего представителя Б. П. Юхевича в работах летних губ. курсов по переподготовке работников просвещения, где проведен также ряд лекций.

За зимний сезон 25/26 академич. года устраиваются следующие доклады: И. М. Мягкова: „Археологические раскопки близ Иштана летом 1925 г.“. Доклад Бородкиной М. В.: „Из русского фольклора Нарымского Края“.

В сентябре месяце (8-го) было устроено, посвященное юбилею Академии Наук, торжественное заседание Музея и Общества изучения Томского Края, на котором были прочтены доклады: 1) Н. Н. Бакай: „Первые академики, как историки Сибири“, 2) Профессора И. А. Сокколова: „Ломоносов, как ученый“ и 3) М. А. Слободского: „Двухсот-летний юбилей Академии Наук“. От имени заседания послана приветственная телеграмма Академии Наук.

Заседание сопровождалось выставкой ценнейших изданий Академии Наук—до 150 книг, имеющихся в историческом книгохранилище Музея. Выставка вызвала большой интерес посетителей и любовное отношение к старой редкой книге.

В период организации при Музее общества по изучению художественного творчества устраивается заседание Музея с докладом профессора Н. А. Александрова: „Русская народная песня“.

Весной 1926 года происходят заседания, на которых прочтены доклады: Бородкиной М. В. „Хозяйственно-этнографический очерк дер. Иткара Томского края“ (обследование 1925 г.). И. Д. Серебряникова; „Из прошлого Томска—знаменитый сад Горохова“. М. А. Слободского: „Песни с. Коларова Томского края“. П. Т. Приходько: „К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края. М. Б. Шатилова“; Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района“ (обследование 1924 г.).

Заседание посвященное 50-ти летней годовщине со дня смерти сибиряка историка А. П. Шапова. 1) Доклады Н. Н. Бакай: „А. П. Шапов в его исторических работах“ и 2) В. Н. Наумовой-Широких: „Шапов, как этнограф“.

Совершенно особо стоит столетний юбилей декабристов в Томске. Учитывая чрезвычайный исторический интерес и общественное значение юбилея декабристов вообще и местный краевой интерес его для Томска и Музея в частности по связи Томска с бывшим здесь в ссылке с 1846-56 г. г. декабристом Г. С. Батеньковым, Совет Музея еще в мае месяце 1925 г. (протокол Совета Музея № 2, 12 мая) постановил соз-

дать специальную комиссию из представителей ряда общественных и научных учреждений для разработки плана ознаменования Музея в Томске.

Комиссией был намечен следующий план ознаменования юбилея:

1) устроить 27/14 декабря торжественное заседание заинтересованных в этом научных и общественных учреждений;

2) устроить выставку материалов, связанных с именем Г. С. Батенькова и материалов вообще по истории движения декабристов;

3) издать сборник, посвященный главным образом Батенькову;

4) возбудить вопрос в Губисполкоме:

а) об охране, поддержании и реставрации строений, произведенных Батеньковым на хуторе Степановка (близ Томска).

б) о наименовании хутора „Степановка“ хутором „Батеньковка“.

в) об устройстве на углу Благовещенского и Протопоповского переулков в Томске (теперь пустырь), где жил Батеньков, сквера его имени,

г) о наименовании Благовещенского переулка—улицей Батенькова.

Этот план с некоторыми видоизменениями удалось провести в исполнение. Означенное здесь ходатайство в Губисполкоме полностью признано подлежащим проведению в жизнь. Таким образом ряд исторических строений и местностей в Томске, связанных с именем Г. С. Батенькова, будут увековечены. Сборник выпустить не удалось, но часть работ, предполагавшихся для сборника, печатаются в трудах Музея.—Статья Н. Н. Бакай.

Выставка входила как часть в общую выставку в Университетской Библиотеке революционного движения в России в связи с 20-летним юбилеем революции 1905 г. и наконец состоялось 14/27 декабря торжественное заседание, посвященное памяти декабристов в актовом зале Университета (заседание секции научных работников, Совета Краевого Музея и Общества Изучения Томского Края) по следующей программе: 1) Вступительное слово проф. В. И. Шумилова. 2) доклад Н. Н. Бакай: „Декабрист Батеньков и Сибирь“, 3) сообщение М. Б. Шатилова: „Работа юбилейной комиссии при Краевом Музее“ и 4) доклад В. Н. Наумовой-Широких: „Просветительная деятельность декабристов“.

Отзывается Музей также и на другие юбилеи путем или непосредственного участия в юбилейных торжествах поднесением адреса или телеграфным приветствием, а именно: двухсотлетний юбилей Академии Наук, двадцатипятилетний юбилей Томского Технологического Института, юбилей известного культурного деятеля П. И. Макушина, юбилей проф. В. В. Сапожникова, 30-летний юбилей Читинского Музея и 80-летие его основателя А. К. Кузнецова, 25-летний юбилей Председателя Красноярского О. Г. О. А. Я. Тугаринова и наконец 25-летний юбилей музыкальной деятельности в Томске свободной художницы Ф. Н. Тютрюмовой. Таким образом Музей в той или иной мере отзывается на крупные моменты культурной жизни.

VII. Художественно-просветительная деятельность Музея.

Не замирает за это время точно также и деятельность Музея по художественному воспитанию широких масс и по объединению активных работников в этой области—художников.

Весной 1925 года устраивается Музеем три художественных выставки. Во первых была устроена в апреле месяце большая весенняя

выставка, на которой было представлено более 300 №№ живописи: графики и скульптуры. В выставке принимали участие художники. Н. Ф. Смолин, В. И. Мизеров, Н. М. Корин, В. О. Солодовников, Е. Г. Мако-Тюменцева, Н. Г. Игнатовская, А. Назаров, И. И. Тютиков, И. Н. Введенский скульптор Гамулин, Соловких и др.

Выставка прошла с необычайным успехом. Объявленная на две недели, она была продлена на неделю и посещалась с неослабевающим интересом—выставку всего посетило 4860 человек—посещаемость для Томска небывалая.

Помимо большой культ.-просветительной работы, проведенной устройствами выставки путем объяснений при обозрении ее экскурсиями выставка сопровождалась циклом лекций по истории искусства, а именно: худ. Н. Ф. Смолина: „Русская живопись до передвижников“, художн. В. М. Мизерова: „Русская живопись в конце 19 и в начале 20 века“, худ. Н. Г. Игнатовской: „Русская скульптура“ и инженера К. Н. Карташова: „Новейшая архитектура“. Выставка закончилась публичной дискуссией по вопросам художественного творчества вообще и о творчестве художников-участников выставки в частности.

„Выставка ковровых изделий Азии и предметов искусства Китая и Японии“. Проведение этой выставки, устроенной по инициативе сотрудника Музея И. М. Мягкова, требовала необычайного напряжения сил и участия большой инициативной группы лиц, сочувствующих этой идее.

В устройстве выставки приняли участие: Е. Ф. Усова, В. Н. Колюхова, Н. П. Безходарнова, гр. гр. Памазанский, Козьмин, Тазитдинов, Измайлов, Фахрутдинов, В. Д. Кузнецов и др.

Необычайный характер и задания выставки привлекли внимание значительной части Томского общества, а также представителей томских мусульман,—выставку посетило 1860 человек. За время выставки был сделан доклад И. М. Мягкова „Ковровые изделия Азии“. Сбор с выставки поступил в фонд Музея на пополнение его художественного отдела; из этих средств в последующем приобретено три этюда покойного художника М. М. Полякова. Ввиду особого интереса выставки мы позволим себе привести в выдержках отзыв о выставке газеты „Красное Знамя“ (24 мая 25 г. № 116): „выставка занимает пять больших комнат. На выставке собраны десятки прекрасных восточных ковров. Величина ковров колеблется от очень больших, 15-ти пудовых, до маленьких намазлыков (молитвенных ковриков). Все собранные ковры приготовлены ручным способом, а не машинным и крашены растительными красками. Нельзя не отметить некоторые из них. В первой комнате выделяются небольшие чапраки племени салоров, давшие основу всему ковровому производству. В этой же комнате висит прекрасный, афганский ковер темного тона, текинский ковер со звериным орнаментом (очень интересный), редкий намазлык и другие. Во второй комнате на щитах висят два ковра совершенно из ряда выходящие: один старый мервский с серебристым отливом и другой чудного рубинового цвета. В этой же комнате висят два больших кизылякских ковра кирпично-красного цвета, и несколько текинских, с характерными рисунками. Здесь же находятся две старинные китайские фарфоровые вазы 1468 г. (в Европе же фарфор был найден в 18 в.) и большие японские 17 в. знаменитого мастера Фукагава. В третьей комнате висит огромный персидский старинный ковер. Маленькие же персидские коврики и палас (ковер без ворса) племени номудов заставляют долго любоваться. В четвертой комнате выделяются

большой синий ковер со старинным гранатовым узором из Фергана, и из хотанских—ковер с красными и желтыми пятнами. В этой же комнате стоит первоклассная китайская скульптура из дерева 13 века. В пятой комнате собраны предметы по искусству Японии и Китая. Здесь имеется старый китайский фарфор начиная с 15 века, японской фабрики Сацума с чудными миниатюрами, бронзовая скульптура 8 и 12 в.в." Ковровые изделия все были получены от участников выставки, фарфор же, бронза, отмеченные в заметке, собственность Музея по его отделу Востока.

Окрыленный успехом этих двух выставок, Краевой Музей решил расширить сферу своего художественного влияния за пределы Томска.

Художественная выставка почти в том же составе, дополненная наиболее ценными художественными работами, имеющимися в Музее работами художника М. М. Полякова, была устроена в г. Новосибирске по предварительному согласованию этого начинания с местными общественными деятелями. В Новосибирске эта выставка прошла с большим моральным успехом, была встречена чрезвычайно сочувственно и поддержана местной газетой „Советская Сибирь“,—культуротделом ГСПС и отдельными общественными работниками, как например: тов. Вегман, Гайсиным и др. Несмотря однакоже на это, посещаемость выставки оказалась далеко ниже посещаемости ее в Томске, хотя выставка и была усилена экспонатами Музея—выставку посетило всего 1600 человек. Посещаемость выставки в Томске 4860 чел. и в Новосибирске 1600 чел.; эта разница, по нашему мнению говорит, что Новосибирцы в массе менее культурны, менее художественно развиты, чем томичи и это понятно—у Томска есть культурное прошлое, Новосибирск только начинает культурную жизнь!

Эти художественные выставки в жизни Музея были по счету седьмая, восьмая и девятая, не считая выставок студийных, устраиваемых в 1920—21 г.г. и сепаратных выставок некоторых художников, как например выставка художника Н. Ф. Смолина и старейшего Томского художника, ныне покойного, А. Э. Мако зимой 1924 года. Такое обилие выставок, а художник Тихомиров А. Н. насчитывает таких выставок за это время в Томске 14 (см. журнал „Северная Азия“ 5-6 книга „Искусство в Сибири“ А. Н. Тихомирова) говорит наряду с другим за то, что Томск, несмотря на самые неблагоприятные объективные для него условия за последние годы, все же является центром художественной жизни по меньшей мере для значительной части Сибири или, как признал его А. В. Луначарский, два года тому назад, „культурным центром Северной Азии“.

Заканчивая этим исторический очерк Музея, позволим себе в кратце сделать обозрение отделов и материалов, которыми он располагает.

VIII. Естественно-историческое и общественно-экономическое отделения Музея.

Музей в настоящее время имеет три основных отделения: 1) естественно-историческое, 2) общественно-экономическое и 3) культурно-историческое, которые в свою очередь разделяются на следующие отделы: 1) естественно-историческое—отделы: а) ботанический, б) зоологический, в) геологический; 2) общественно-экономическое, 3) культурно-историческое—отделы: а) археологии, б) истории, в) этнографии, г) старина Томского края, д) народы Востока, е) художественный.

Кроме того, в музее имеется библиотека и историческое книгохранилище.

Естественно-исторический отдел Музея существует с 1924 года. Осенью этого года по постановлению Губисполкома были переданы в Музей материалы бывшей мастерской учебных пособий, которые и легли в основу отдела.

В марте 1925 года отдел был открыт для обозрений в составе п/о ботаники, зоологии, энтомологии, минералогии, геологии и палеонтологии. Всего отдел включает 5429 предметов и необработанного материала 8660 экземпляров. В виду обширности этого отдела и необходимости дать более полное его описание, обзор отдела будет помещен во II выпуске „Трудов Музея“.

Переходим к „обзору“ общественно-экономического отделения Музея.

Находясь пока еще в начальном периоде собирания материала, отдел, естественно, далек от полного отображения общественно-экономической жизни Томского края.

Не желая создавать параллелизма в работах Западно-Сибирского Общества Сельского Хозяйства, которое имеет намерение организовать сельско-хозяйственный Музей, Общ.-Эконом. Отдел первоочередной своей задачей ставит отображение фабрично-заводской и кустарной промышленности Томского края.

Все-же, несмотря на свою молодость по сравнению с другими отделами Музея, он имеет некоторые достижения, в нем представлен целый ряд производств.

Так, кожевенное производство представлено солидной коллекцией из 87 экспонатов с 1-й сибирской механической фабрики обуви и заводов № 1 и № 2 в Томске. Экспонаты дают полное представление о процессе производства обуви. Коллекция дополнена атласом чертежей и рисунков.

Спичечное производство охарактеризовано экспонатами спичечной фабрики „Сибирь“ (находящейся в 7 верстах от г. Томска) в количестве 16 предметов. К сожалению, эта коллекция далеко неполная, а именно она могла бы представлять большой интерес.

Кирпичное производство подобрано образцами кирпичей, углов, изразцов, труб для печей из обыкновенной и огнеупорной глины—работа кирпично-гончарного завода № 1 в Томске. Количество экспонатов 25.

Пимокатное производство включает изделия пимокатного цеха Тахтамышевского завода (8 в. от Томска) в количестве 10 предметов.

Стеклоделательное производство характеризуется довольно полно экспонатами со стеклоделательных заводов „Красная Звезда“ и „Красное Утро“, коллекция отображает весь процесс производства стекла, начиная с исходного материала—основных элементов состава стекла и кончая образцами стеклянных изделий, в количестве 42 экспонатов.

Производство цемента, вырабатываемого на Яшкинском цементном заводе (ст. Яшкино, около 100 вер. от Томска), представлено 17 экспонатами.

Производство льняного масла и олифы характеризуется коллекцией из 8 экспонатов с Сибирского маслодельного завода № 1 (в Томске).

Пивоваренное производство представлено коллекцией ячменя из 6 предметов в разных стадиях его обработки, употребляемого при пивоварении; с пивоваренного завода № 1 (бывш. Крюгера в г. Томске).

Конфетное производство охарактеризовано исходным материалом в количестве 48 экспонатов с фабрики „Профинтерн“ в Томске. (Эссенции, масла, краски, сушеные фрукты и проч.).

Кустарная промышленность представлена работами двух мастеровских:

1) деревообделочной „Краснодеревец“ (с. Петропавловское, Томского уезда), 10 экспонатов изящные изделия (рамки, панно и проч.);

2) Боготольской гончарной мастерской—обширная коллекция изделий из глины: посуда—чайная и столовая, кувшины, вазы и проч.: облитая, цветная с украшением и орнаментом. В количестве 45 экспонатов.

Полезные ископаемые края представлены образцами:

1) золотосодержащих руд с Центрального Мариинского рудника (Мариинский уезд, Томской губернии). Преимущественно с Чирковской, Благовещенской и Покровской шахт в количестве 7 экспонатов. (Коллекция описана горным инженером Л. Плотниковым—его дар Музею);

2) образцами каменного угля с Кузнецкого каменноугольного бассейна—10 экспонатов;

3) образцы глины огнеупорной 3 экспоната (с. Спасское и дер. Лучанова, Томского уезда).

Отдел карт, планов, диаграмм содержит 213 экспонатов; большинство карт относится к территории Западной Сибири.

Диаграммы относятся к 1920—23 г., имеют таким образом уже историческое значение. Диаграммы характеризуют деятельность различных томских предприятий и учреждений, как, например: Губсоюз, ЕПО, Земотдел, Губздрав, ГФО, Губкомхоз.

Всего в отделе числится предметов 724 за 302 номерами.

Как видно из этого краткого обзора, мы имеем по отделу материалы, характеризующие всего лишь десять отраслей промышленности Томского края и то почти исключительно промышленность Томска. Почти совершенно не представлена чрезвычайно интересная и имеющая большой удельный вес в условиях нашего момента промышленности кустарная, которая интересна, как со стороны хозяйственной, так и бытовой, налагая иногда совершенно особый отпечаток на весь уклад жизни населения.

Придавая очень важное значение в общей конструкции Музея его общественно-экономическому отделу, где должно быть представлено все народное хозяйство Томского края, его отрасли, формы, виды, тип, продукция и, наконец, намечены возможные перспективы, музейные работники и Совет Музея еще в 1924 году начали работу по созданию этого отдела и казалось, что именно в этом то отношении работа Музея, как наиболее созвучная текущему моменту, пойдет совершенно безболезненно и самым ускоренным темпом при живейшем содействии всех госхозяйственных учреждений. Так думали инициаторы этого начинания, действительность же показала совершенно обратное. Именно здесь, на этом пути, где не было никаких сомнений в необходимости, своевременности проведения определенной работы, Музей встретился с чрезвычайными затруднениями, полным непониманием или нежеланием понять со стороны представителей хозяйственных учреждений смысла работы Музея, его значение для изучения народного хозяйства и популяризации последнего. Музей встречался здесь иногда с поразительной жесткостью мысли хозяйствующих работников, их мелко-торгашеским подходом к большому научно-общественному начинанию.

IX. Культурно-историческое отделение Музея.

Наконец приступаем к обозрению культурно-исторического отделения Музея.—Здесь прежде всего в порядке последовательности необходимо отметить отдел археологии. Отдел представлен некоторыми экземплярами палеолетической фауны, коллекциями неолетической стоянки близ с. Иштана и дер. Козюлиной у устья р. Томи, предметами обихода бронзовой культуры и наконец небольшими коллекциями „Томского могильника“, „Басандайки“ и др. Среди отдельных экземпляров палеолетической фауны можно отметить отдельные части костяка мамонта, найденного при земляных работах на станции Юрга Томской ж. д.—всего имеется 12 отдельных частей костяка с двумя хорошо сохранившимися, хотя и не полными бивнями. К сожалению в архивных материалах Музея не сохранилось никаких указаний о залегании этого мамонта, ни о сопутствующих ему каких либо моментах, так что материалы эти имеют лишь показательный характер. Подобную же ценность представляют и остатки мамонта, найденные летом 1923 года в берегу р. Томи близ дер. Белобородовой в 8-ми верстах от Томска, при чем в остатках этого костяка имеется слабо сохранившийся, но полностью представленный бивень. Костяк залегал не в первичном соответствующем геологическом наложении, а в наносном слое гальки и песков берега р. Томи. Имеются в отдельных частях и некоторые другие представители палеолетической фауны, как например первобытный бык (лобная часть с рогами) пещерный медведь (череп) и некоторые другие.

Наиболее богато представлен отдел предметами неолитической стоянки близ Иштана и Козюлиной при устье р. Томи. Материалы получены в результате раскопок И. М. Мягкова за три летние его поездки. Коллекции эти главным образом представлены керамикой различного археологического возраста, имеется керамика и безусловно неолитическая. Помимо керамики мы имеем в этих материалах различной формы оббитые каменные топоры, скребки, напярсла, каменные и костяные наконечники стрел, стеклянные бусы, остатки погребений и т. д. Всего материалов полученных в результате раскопок И. М. Мягкова вместе с небольшими раскопками Томского могильника имеется более 800 экземпляров. Из материалов В. Ф. Смолина имеются отдельные предметы (главным образом керамика) из окрестностей села Воронова на Оби, а также материалы по Томскому Могильнику 1920 года в количестве более 100 предметов—керамика, медная пряжка, фрагмент бронзового меча, и т. д.; Имеются по Томскому могильнику также материалы и железного века—узкий железный меч, стрелы трехперые, обрывки уздечки.

Необходимо отметить раскопки Басандайских курганов за 1916—1917 г.г., произведенные Лейбовичем, всего около 200 предметов,—керамика, кремневые наконечники стрел, осколки кремня и каменные оббитые различной формы орудия—нож, топор, грузило, а также материалы Шнейдера на Базайской стоянке близ Красноярска. Заслуживает особого внимания коллекция обской бронзовой культуры, полученная худ. Л. П. Проскураковой в селении Подгорном на реке Чае, Нарымского Края—случайные находки крестьян при распашке полей—здесь мы имеем бронзовые трехперые наконечники стрел различной формы, литые бронзовые украшения в виде летящей птицы, различных животных, рыбы, а также ажурные работы—всего 54 предмета.

Из отдельных предметов заслуживает большого внимания бронзовая ваза, найденная случайно при распашке целины в с. Митрофановском по р. Чулыму и наконец бронзовые кельты, две бронзовые вазы—минусинской культуры, круглое бронзовое китайское зеркало и другие.

Всего по отделу археологии числится 1297 предметов.

Здесь же можно отметить нумизматику, иконографию и русские древности.

По нумизматике имеется всего 2550 монет, из которых главная масса—русские медные монеты, 187 монет серебряных русских и иностранных, 4 монеты золотых XVIII в. и наконец монеты из различного сплава иностранные. Среди серебра имеется довольно порядочно старинных западно-европейских монет, встречаются персидские, арабские, китайские и японские... и наконец особенно ценные экземпляры—это древне-римские и византийские. Русские церковные древности и иконография представлены древними медными складнями, крестами, деревянными рельефными изображениями и образами старой церковной живописи, среди которой есть работы XVI века строго определенного письма—всего по церковным древностям числится 118 предметов.

По отделу русские древности (48 предметов) можно отметить две кольчатые кольчуги, старинный портрет Ермака, коллекция кремневого оружия.

Отдел этнографии содержит материалы, характеризующие ряд отдельных народностей, живущих как в Томском крае, так и за его пределами; здесь мы имеем русскую деревню Томского края, нарымских остяко-самоедов, сургутских остяков, нарымских и енисейских тунгусов, енисейских остяков, киргиз, якутов, урянхайцев—сойот, хакасов и некоторых других, представленных отдельными предметами.

Отдел этнографии в культурно—историческом отделении Музея самый позднейший по своему происхождению, почему коллекции по некоторым народностям лишь в зачаточном состоянии.

Русская этнография представлена интересными зарисовками крестьянской архитектуры Томского края и сборами М. В. Бородкиной летом 1925 года в дер. Иткара, в результате чего имеется значительный набор образцов крестьянского тканья— всего 54 вида, некоторые тканые изделия, а также орудия обработки льна, прялки и наконец лекарственные травы. Этим и еще некоторыми предметами исчерпываются зачатки русской этнографии в Музее.

Нарымские остяко-самоеды представлены сборами М. Б. Шатилова летом 1924 года, в Принарымском районе—всего имеется 118 предметов за 85 №№. Здесь мы имеем предметы домашнего обихода, культа, средств передвижения и главным образом орудия промысла—различного рода ловушки на зверя, птицу, а также настораживающиеся луки (на медведя, лося) с большим набором различной системы стрел, употребляющихся в настоящее время. Среди предметов домашнего обихода можно отметить берестяные изделия с различным по технике и рисункам орнаментом, а также костяное долото, бывшее в употреблении до последнего времени. Из предметов культа—(приклады—„кого-кох“) заслуживает внимания икона, череп медведя и общий приклад к ним из юрт Пыжыных-Заречных. Эта коллекция относится к переходному моменту в жизни остяков от шаманизма к христианству; здесь на лицо остатки культа медведя, так распространенного вообще у северных народов. Полуобгоревшая икона и череп медведя взяты на полочке вместе в старинном лабазе (амбаре) и при них был

общий приклад—изделия из олова, меди, обожженный котел, металлическая тарелка и истлевшие куски материи и шкурок белки...

Сургутские остяки с р. Югана представлены сборами И. М. Мягкова летом 1922 года—всего 35 предметов, за 24 №№. Здесь представляется интерес орнамент по бересту и особенно коллекция бисерного шитья различных отдельных принадлежностей костюма остяков, а также музыкальные инструменты домбра и скрипка.

Тунгусы нарымские и енисейские представлены случайными поступлениями и сборами М. Б. Шатилова 1924 г. близ озера Иссан-по Нарымского края. Здесь наряду с отдельными принадлежностями тунгусских костюмов, коллекцией бисерного шитья, нескольких верхних костюмов „парки“ и орудий промысла—должно отметить богатый праздничный костюм „парку“—(по тунгусски „шопдатч“) из прекрасной темно-малиновой замши, шитой очень богато бисером, полученный в Нарыме с реки Кеть, и наконец деревянный колчан для стрел с острова Диксон—всего 23 предмета за 19 номерами.

Туземцы южной окраины Кузнецкого края „шорцы“ представлены частью материалами кузнецкого этнографа—любителя Д. Т. Ярославцева и сборами З. С. Гайсина в 1924 г.—всего имеется 67 предметов за 55 номерами. Шорцы представлены предметами домашнего обихода, промысла и отчасти культа, среди которых заслуживает особого внимания чрезвычайно примитивного устройства—идолы домашние духи покровители—„курмежеки“, и употребляющееся и единственное у шорцев по р. Мрас-су до настоящего времени орудие для ручной обработки земли для посева ячменя—„абыл“—мотыга.

Слабо представлены случайными поступлениями киргизы—всего 30 предметов.

Сравнительно очень ценными и интересными предметами представлены якуты—всего 123 предмета за 60 номерами. Среди этих материалов можно отметить прекрасное шитье (нашивки цветными материями, бисер, серебро и т. п.) принадлежности свадебного поезда, особый прибор—дорожный „календарь“, якутского изделия ручная пила с костяной рукояткой с изображением на последней льва. Интересны в этих материалах также деревянные сосуды—„чорон“ с ручной резьбой и наконец наибольшую ценность представляет коллекция серебрянных изделий якутов—серьги, броши, браслеты, кресты и т. п. с очень тонкой, сложной чеканкой и чернью.

Урянхайский край—сойоты и минусинский край—хакасы представлены частью отдельными поступлениями, но главным образом художественными зарисовками в красках Том. худ. С. К. Просвиркиной, бывшей в Урянхайском и Минусинском крае в командировке от Томского Кустарного Комитета в 1917 году. Среди этих материалов можно отметить богатый шелковой китайской материи сойотский женский костюм, кожаные сосуды и художественные зарисовки типов сойот и хакасов, их быта, костюмов и отдельных частей принадлежностей костюмов, а также предметов домашнего обихода.

Все эти зарисовки поражают чрезвычайной красочностью всего домашнего обихода хакасов и сойотов, их большим художественным вкусом. „Всего имеется зарисовок 108 и 38 предметов. Здесь же должно заметить, что часть сборов Просвиркиной в Урянхайском крае 174 предмета—резьба из камня и дерева находятся в отделе Востока, где о них будет сказано особо. Таким образом всего по Урянхаю и Минусинскому краю 212 предметов и 108 зарисовок.

Наконец в этом же отделе необходимо отметить материалы по музыкальному народному творчеству алтайцев, хакасов, сойот и монголов— это записи народных мотивов на валики фонографа, произведенные в разное время этнографом-музыкантом А. В. Анохиным— всего имеется 190 валиков-мотивов. Эти материалы представляют исключительную музыкальную и этнографическую ценность.

Среди материала не вошедшего в отмеченные выше коллекции под рубрикой „разное“ заслуживает внимания резьба из мамонтовой кости, самоедов Тобольского севера— это модель самоедского чума с группой самоедов и оленями с нартами, а также гребень с ажурной, ювелирно тонкой резьбой по кости. Всего по отделу этнографии таким образом числится 739 предметов за 312 номерами. Ко всему этому должно присоединить богатый иллюстрационный и некоторый картографический материал, а также зарисовки и письмо в красках с натуры по некоторым народностям,— остяки, якуты, тунгусы, енисейские остяки...

Отдел этнографии является одним из основных отделов всякого местного Краевого Музея, в том числе и Томского и, как таковой, должен привлекать внимание и силы всех местных музейных работников и вообще краеведов в направлении пополнения, расширения отдела и, в первую очередь необходимо, по нашему мнению, создание отдела русской этнографии, где бы нашла отображение наша деревня в столь интересный для науки момент ее жизни— момент коренной ломки всего деревенского уклада. Жизнь не ждет... былое уходит... спешите сохранить его для науки!

Далее следует отдел, так называемый „Зал Востока“, не являющийся непременно принадлежностью Краевого Музея. Наличие его объясняется чисто историческими условиями возникновения, музея. Этот отдел представляет собой большую художественную и этнографическую ценность и заслуживает при обозрении большого внимания.

Здесь собраны предметы китайского, японского и отчасти сойотского и монгольского искусства, культа и быта. В коллекции по буддизму представлено 36 изображений Будды, среди которых особенно интересна очень древнего происхождения бронза-Будда, сидящий на единороге.

Интересны также с бытовой стороны предметы культа, так называемые, молитвенные мельницы, столь распространенные у нас у забайкальских бурят, в Монголии и Тибете. Эти мельницы, как известно, являются механическим прибором, заменяющим в случае необходимости „живую молитву“.

Главный же интерес представляет „зал Востока“ в художественном отношении. Здесь особенно интересна чуткость художника к свойствам материала, которым он располагает, применение соответствующей техники при его обработке, так что мы имеем максимальные достижения в смысле выявления прелести того или иного материала. Именно под этим углом зрения и необходимо рассматривать предметы искусства Китая и Японии. Здесь мы имеем и необычайную прелесть глазурной поливы на фарфоре, монументальность камня, выразительность массы в бронзе, живописность дерева и ювелирную тонкость обработки слоновой кости... Здесь отметим гарнитур китайской мебели полированного дерева— ручная резьба китайских мастеров-художников, представляющая интерес, как в смысле художественного выполнения, так и со стороны техники обработки дерева.

Имеется в отделе значительное собрание китайских и японских ваз, среди которых заслуживают особого внимания две большие японские вазы XVIII в. времен расцвета фарфорового производства;—вазы эти помимо их древности прелестны простой цельно-выдержанной формой и мягкому, ласкающему глаз цвету. Еще более древняя китайская ваза синяя по белому фону—орнамент- узор изображающий драконов. Ваза эта относится к эпохе династии Мин и сделана в 1468 г. и представляет большую ценность.

Интересны также старинные японские вазы—клуазане—перегородчатая эмаль, а также новые японские образцы ваз изящной работы с изображением ириса и птиц...

Интересна также резьба из дерева (XVIII в. изображение Лао-Цзи основателя даосизма).

Особенно художественно ценна акварель-букет цветов, написанный на тонкой-как облатка, рисовой бумаге, он кажется почти фарфором; чувствуется, что это вещь; нет европейского стремления обманно передать освещение, глубину за предметом и т. п. и, тем не менее, не смотря на такие с точки зрения европейского искусства недостатки, этот узор кажется живым, чувствуется как бы соки наполняющие листья и стебли...

Имеются здесь также ценные образцы шитья шелком, японские картины—черный полированный фон и по нему инкрустация слоновой кости и перламутра. Чрезвычайно интересны работы сойот—резьба по камню и дереву; здесь художник своеобразными приемами обработки камня, в примитивно плоскостных формах удивительно удачно передает силу и величие; эти работы в миниатюре напоминают памятники древнего Египта. Резьба по камню чрезвычайно распространена в Урянхайском крае и здесь имеются большие, прославленные в своем роде мастера и искусство это несомненно обещает интересное будущее по удивительной выразительности камня в примитивных формах его обработки. Искусство это во всяком случае заслуживает большого внимания наших художников. Всего имеется 174 предмета за 37 номерами по искусству сойот. Весь зал Востока включает в себе 430 предметов за 160 номерами. Образцы фарфора и сойотская резьба по камню ожидают своих исследователей.

По Отделу „Старина Томского Края“ имеется собрание старинных карт, планов различных городов Томского края, чертежей, фотографий, художественных зарисовок, гравюр, портретов и тому подобных различных предметов, имеющих исторический интерес для Томска и Томского края.

Этот отдел Музея, несмотря на его сравнительную бедность, все большее и большее значение играет в жизни Музея, привлекает все большее внимание и музейных работников и посетителей,—любителей Музея—и это понятно. Томск один из древних городов Сибири, насчитывает более 320 лет своего существования. Понятно, что здесь есть своя старина, полная значения и интереса, достойная внимания и ее запечатления. Здесь в известных чертежах Семена Ремезова конца XVII века представлен постепенный ход занятия русскими современного Томского края—„земля Сургутского города, Нарымского, Томского, Кузнецкого“. Здесь мы находим и чертежи этих крепостей того времени. Здесь же находим и фотографию с единственно сохранившегося, как бы современника основания Томска—фотографию с иконы дара царя Бориса Годунова боярскому голове Писемскому и Тыркову на основание „Томского города“,—Подлинник этой иконы, представ-

ляющий, таким образом, необычайный интерес для томичей, находится в Благовещенском соборе.

Интересна гравюра „вид города Томска“, где город весь расположен еще по правую сторону р. Ушайки, на Воскресенской горе виднеется еще крепость—деревянные стены и башни, а также Успенский монастырь, а за Ушайкой, за городом виднеется Алексеевский монастырь. Гравюра должна быть отнесена к половине XVIII века.

Заслуживает внимания также ценное собрание старинных планов различных городов Томского края, как например: 1) план Кузнецка и Кузнецкой крепости, 2) план Семипалатинской крепости 1836 г., 3) Бийской крепости, 4) План Каинска, 5) г. Нарыма 1836 г., 6) План г. Кийска (Маринска) и др. Самый Томск 19 столетия представлен 3 планами—1830, 1846—56 г.г., 1883 г. и старинными планами и чертежами отдельных частей города, пригородов, всего планов 26 экземпляров. Сюда же должно отнести большое собрание различных чертежей старинных и типичных зданий этапов, тюрем, больниц, соляных амбаров и т. п., а также чертежи бывших каторжных заводов Кереевского, Краснореченского—всего чертежей 165 экземпляров.

Интересны зарисовки общего вида и отдельных частей (раб. худ. И. И. Тютикова 1920 г.) Кузнецкой крепости в современном ее состоянии;—крепость эта, как известно, является единственным на всю Сибирь памятником древнего каменного крепостного строительства.

Здесь же имеется древняя пушка, найденная в берегу р. Ушайки под обрывом горы, где была крепость; надо полагать—это пушка начала XVIII века—Томской крепости.

Из альбомов представляют интерес альбомы рисунков первого Томского художника Кошарова, а также альбомы литограф. видов Томска 1871 года с работ художника Колосова. Из портретов можно отметить портрет загадочного старца Федора Кульмича, известного жертвователя на Сибирский Университет Томского золотопромышленника Цибульского, строителя Бесплатной Библиотеки Валгусова и нек. др.

Особо должно отметить уголок декабриста—сибиряка Г. С. Батенькова, бывшего в Томске дважды—за время реформ Сперанского 1818—22 г.г. и в ссылке с 1846 по 56 г.г. Здесь можно отметить портрет Батенькова—пастель художника Блюменталя, (зарисовки строений по плану Батенькова), план Томска чертежа Батенькова, фотографию домика, где он жил в Томске и т. п.

Из отдельных предметов можно отметить вериги юродивого начала XX столетия, представляющие известный бытовой интерес вчерашнего дня (юродивый умер в 1913 году), английские часы XVIII в. и юбилейные ленты полкового знамени Томского 42 полка с юбилейными датами 1811 г. (столетний юбилей) и 1911 г. (200 л.).

Наконец, в этом же отделе находятся художественные зарисовки архитектурной старины Томска, зарисовки послужившие началом, как это отмечалось в начале очерка, всей работы по созданию самого Музея. Зарисовки эти вместе с находящейся здесь красной мебелью стиля „ампир“ дают особый аромат эпохи 30—40 годов для уголка старый Томск.

В зарисовках представлены наиболее интересные, типичные памятники старинной архитектуры Томска и его окрестностей, начиная с 30-х годов 19 столетия и, главным образом, памятники стиля ампир.

В зарисовках этих мы имеем любопытные крестьянские постройки д. Каштак, Федосеевки, с. Семилужного и др. В центре расположены зарисовки строений стиля „ампир“, богато представленного в Томске

в середине прошлого века; здесь мы имеем своеобразное претворение этого стиля в дереве как в целом, так и в деталях—колоннах, пилястрах, капителях и т. п. Строгий стиль „ампир“, предназначенный для монументальных построек, наивная глухая провинция смягчила и придала ему чарующую прелесть...

Имеем мы здесь постройки и других стилей и азиатское влияние в многокрасочности построек и сложности, вычурности резьбы; представлены и самобытные старого Томского типа постройки и наконец деревянные руины, их борьба с всеокрушающим временем...

Былое вокруг нас, оно отходит в область преданий, спешите его зафиксировать!..

Вот эту то работу и продолжает Музей по отделу „Старина Томского края“ и в частности по старинной архитектуре по отделу имеется 252 зарисовки и 70 фотографических снимков, а всего по старине Томского края имеется 484 предмета за 309 номерами.

Былое вокруг нас... познайте старое, чтобы творить новое!..

Приступаем наконец к ознакомлению с художественным отделом культурно-исторического отделения Музея—его завершением.

Здесь прежде всего необходимо остановиться на характеристике самого здания Музея, с которым тесно, органически связан художественный отдел в его некоторых частях, как например „зал Ампир“.

Главное здание Музея принадлежало когда то томскому золото-промышленнику И. Д. Асташеву, построено архитектором А. П. Деевым в 40-х годах 19 века и является высоко-художественным архитектурным памятником стиля „ампир“, наиболее выдержанным прекрасным образцом этого стиля в Томске. Два уличных фасада этого здания украшены в духе народной классики прекрасными колоннами „коринфского ордера“, часть его со двора носит, как это типично для барских усадеб того времени, более интимный характер.

Тот же парад высокого стиля в прекрасной старинной мебели, органически связанной с самим зданием.

В нескольких комнатах чувствуется „аромат эпохи“.

Памятники художественные, исторические несомненно должны включаться в дома, носящие характер соответствующей эпохи, ибо только так—в сочетании архитектуры, мебели, картин, бронзы и исторических документов,—по памятникам материальной культуры может быть понято то или иное время, усвоен дух эпохи; в этом смысле дом Асташева—единственный в своем роде в Томске памятник. Этим объясняется и вся история того, как он стал Музеем, вмещающим в себе памятники Томской старины и зачатки местной картинной галлерей.

Перенесенный в другое место художественно-исторический отдел Музея—стильная мебель, гобелены, картины (старая живопись) не смогли бы воссоздать памятник высокой художественно-исторической ценности, выявить дух эпохи...

Памятник этот имеет и другой исторический интерес; в этом доме бывали известный анархист Мих. Александрович Бакунин и единственный сибиряк-декабрист Г. С. Батеньков, бывшие в ссылке в Томске, один из которых—Батеньков, особенно связан с прошлым Томска десятилетней жизнью в нем.

Художественный отдел включает в себе три зала, в которых имеются образцы художественного творчества различных направлений, начиная с некоторых образцов старой западной живописи и, кончая футуристами, правда, представленных отдельными, подчас, случайными экземплярами и с пробелами в смысле освещения последовательно ху-

дожественных направлений. Один из зал художественного отдела—„зал ампир“ создан в духе 30-х годов прошлого столетия—эпохи расцвета стиля „ампир“ у нас в России.

Так называемый стиль „ампир“ есть высшая точка тех устремлений к мотивам античного, классического искусства, которые в архитектуре Западной Европы получили решительное преобладание в середине XVIII века.

В России наибольшего расцвета это направление достигло в блестящую эпоху нашей архитектуры—эпоху Александра I, почему этот стиль в России именуется „александровским классицизмом“, получившим в Петербурге и Москве своеобразные оттенки.

Переносясь далеко за пределы столиц в дворянские усадьбы, этот стиль занес классические мотивы глубоко в недра нашей России и между прочим и в наш „старый Томск“.

Вместе с постройками этого стиля создавалась и соответствующая—стиля ампир обстановка.

И вот „зал ампир“ воспроизводит обстановку 30—40 годов; мебель, выставленная в этом зале подленная работа, прекрасно выдержанная в стиле „ампир“. По времени своего возникновения она может быть отнесена к 40 годам прошлого века—имеет почти столетнюю давность.

Мебель прекрасна своим основным созвучием: черного, синяго и золота, мощными и изящными линиями, парадна и торжественна; великолепны и классические детали—сфинксы, маски и гирлянды... Четкая и легкая ясность, соединенная с парадным великолепием—основная черта стиля... Обстановка эта очень близка к мебели одного из зал Зимнего дворца.

В этом же стиле имеем здесь золоченые, бронзовые часы, композиция которых выдержана в пирамидальной общей массе с классическими мотивами орнамента... Общая масса оживлена бурным движением фигур...

Чрезвычайно ценны два бронзовых золоченых чеканных рельефа, работы лучшего русского медальера знаменитого художника александровской эпохи Ф. П. Толстого, изображающие сцены из Одиссеи—правый—пир женихов у Пенелопы в доме Одиссея, левый—избиение женихов, возвратившимся домой, Одиссеем. Чрезвычайно красивы „гобелены“ (тканые ковры—картины для стен), исполненные по композициям француз. худ. Ланкре. В розоватом тумане выплывают зеленовато-синие в тенях массы деревьев, розовые, желтые фигуры кавалеров и дам... Сцены имеют темой, так называемые—„любовные празднества“—сцены танцев, игр и развлечений на лоне несколько меланхолической природы. Гобелены интересны и по технике—это ручное тканье из цветных ниток.

Из картин находящихся в этом зале заслуживает особого внимания очень ценная старинная копия с работы испанского художника Мурильо XVII в. „Отдых св. семейства на пути в Египет“ (большое полотно, купленное Музеем в Томске в 1924 году)—подлинник у нас в Эрмитаже. Очень ценна картина старого итальянского письма XVI в. „Рождество Христово“. Интересны также образцы старой голландской (копии) живописи и наконец великолепно работа русского художника Неффа—60 г.г.—портрет дамы (большое полотно).

Эти ценные образцы старой живописи производят чарующее впечатление; они вполне уместны на общем фоне представленной здесь в других образцах западной и русской церковной живописи, образцах

старого портретного письма и совершенно гармонируют с общим тоном зала, не нарушая ласкающего душу аромата классицизма.

Переходя к обозрению других зал художественного отдела, можно отметить образцы, характеризующие некоторые направления русской живописи, начиная с передвижников, а также работы местных томских художников, как прошлого времени, так и современных, что особенно важно и должно всегда иметь место и особый смысл в местном Краевом Музее.

Из направлений представленных здесь можно отметить прежде всего наш первоначальный академизм, который представлен этюдом проф. Маркова, рис. худ. Малявина и некоторыми другими. Далее следуют работы, характеризующие передвижников, которые, не выдержав старого формального, замкнутого в себе академизма ушли в жизнь, стали писать ее, как она есть, совсеми ее горестями и радостями, ставя на первый план требования определенного смысла работы, известной ее общественной тенденции. Важно—„что писать“, а „как писать“—это стоит на втором плане, говорили они.

Среди этих работ необходимо отметить картину худ. Федотова—копия известной картины И. С. Репина „Бурлаки“. Эта работа имеет весьма серьезные достоинства. Общий силуэт группы, идущих по берегу, бурлаков, подбор отдельных типов и общий теплый тон полотна сообщают ему и в этой копии также весьма значительную ценность и во всяком случае достаточно характеризует это направление.

Следующее поколение художников устремилось, как известно, в противоположную крайность. Если передвижники, заботясь о том „что писать“, забывали о том „как писать“, то художники, сгруппировавшиеся вокруг Общества „Мир искусства“, считали, что важно—„как писать“; хорошо написанный, блестящий красками букет цветов больше дает, чем слабо изображенный какой либо момент жизни общества или просто человек. Эти художники, желая овладеть искусством цвета, красок, обратились к изучению французского искусства импрессионистов и неоимпрессионистов. Художники этого направления, желая передать пятнами чистых красок яркость воздуха и света, начали писать под открытым небом. Среди этих работ, представленных в Музее, ярче по цвету и сильнее по формам работы большого московского художника Кончаловского (7 экземпляров). Из чашек и плодов („*Natur morte*“) он создал радующий глаз сочный узор красок; особенно замечательны его акварели с видами Гренады и Севильи—сочетание красок ярких, жгучих они прекрасно передают жгучий юг, солнце Испании.

В подобных же работах другого художника эти красочные искания носят какой то особый нежный оттенок; поэтическая грусть Левитана дает интимную прелесть, задушевность работам М. М. Полякова. Таковы его грустный „левитановский“ „Закат“, интимная „Комната при вечернем освещении“ и др.

В нашу задачу не входит обзор, а тем более оценка всех имеющих в отделе работ и, указывая на некоторые работы, мы лишь пытаемся как бы набросать основные пятна общей картины, уловить настроение, дух картинной галереи.

Необходимо отметить работы известного русского художника—сибиряка В. И. Сурикова (3 экз.), польского художника Коссака, а также прекрасный образ русской девушки, работа неизвестного автора школы Венецианова.

Представлено в Музее также и левое течение вплоть до футуризма; здесь мы имеем, правда, незначительные работы, самого отца рус-

ского футуризма Бурлюка; работы Оскара Янкуса — „Улица города“ и „Последний трамвай“ довольно удачные, выразительные образцы футуризма, стремящегося передать в красках бурный поток повторных меняющихся впечатлений, переживаний художника. Эта живопись, как думают футуристы, созвучна веку машин, больших городов, — „небоскребы“ их сфера. Правда, теперь уже футуризм многие считают не живописью „будущего“, а „давно прошедшим“. Близка к футуризму и работа Вериги-Чудновской, Курзина и Уфимцева. Наконец необходимо отметить графику талантливого немецкого художника Руд. Ваккера.

Помимо основных отмеченных нами моментов, как показателей известных направлений, Музей располагает, и в этом одно из его основных заданий, работами многих местных художников, как старой плеяды, так и современных.

Здесь мы имеем работы художников прошлого времени А. Э. Мако, Л. П. Базановой — „портрет Потанина“, „Грузчики“, „портрет Макушина“, работы Капустиной.

Видное место занимает упомянутый уже М. М. Поляков, а также Гуркин — этот своеобразный самородок горного Алтая с его большой работой — „Хан-Алтай“ (композиция) и несколькими другими картинами. Имеется также, правда, не в характерных для него полотнах художник-барнаулец Никулин.

Более близкое время представлено работами Н. Ф. Смолина, Шульпинова, Тарского, Зеленецкого, Хазова, Лобанова, Солодовникова и др... Скульптура представлена слабо. Здесь можно отметить работы О. П. Поповой — русской эмигрантки в Америке — бронзовый бюст Макушина и большая скульптура „рабочий с женой“ — работа была на русской художественной выставке в Париже и подарена автором в 1914 году „Дому Науки“ в Томске. Имеется скульптура — модель памятника революции в Томске, копия с работ барона Клодта, бронза. Скульптура С. Н. Просвиркиной.

Всего по художественному отделу числится 465 экземпляров — картин, этюдов, эскизов, рисунков, декоративных работ и т. д. из которых выставлено 168 экземпляров в трех залах.

Одна из главных работ по художественному отделу — его пополнение работами по возможности всех местных художников прошлого времени и современных, дабы таким образом дать местный материал и по художественному творчеству, где бы можно было проследить историю художественной жизни Томска, который имеет в этом отношении значительное прошлое.

И в настоящее время художественный отдел, обладая отмеченными экспонатами, несомненно представляет собой основу местной картинной галереи.

Имея вышеуказанные отделы, культурно-историческое отделение Музея в настоящее время заключает в них всего 2218 экспонатов в количестве 6323 предметов.

В заключение совершенно особо должно отметить библиотеку и историческое книгохранилище, которые к данному моменту вместе взятые всего содержат 6398 книг. Принципиально предпринятое подразделение книжных богатств на библиотеку Музея — общего пользования для музейных работников и на историческое книгохранилище, как часть культурно-исторического отделения Музея, предназначенное для особой охраны книг исторической и библиографической ценности, подразделение это практически еще не завершено. Историческое кни-

гохранилище Музея обладает несомненно историко-библиографическими ценностями, среди которых, помимо отмеченных уже выше рукописных книг, можно отметить, как лишь примерные, следующие книги; рукописное на славянском и греческом языке послание Александрийского Архиепископа Афанасия Петру Великому, труды некоторых академиков и первых исследователей Сибири—на русском и немецком языках как например: Миллера, Палласа, Крашенинникова, Миттендорфа, Миссершмидта, Гагемейстера и др.

Заключение.

Заканчивая краткий обзор отделов Музея, позволим подвести итоги всех имеющихся в нем материалов, как уже вполне обработанных и выставленных в Музее или хранящихся в его фондах и архивах, так и сырых материалов, находящихся в процессе научной обработки, а также его книжных богатств, а именно: 1) естественно-исторический отдел 790 экспонатов, в них 5429 предметов, сырых материалов 8660 предметов; 2) общественно-экономический отдел 302 экспоната, в них 724 предмета; 3) культурно-исторический отдел 2218 экспонатов, 6323 предмета, а всего по Музею 3310 экспонатов, в них 12476 предметов и сырых материалов 8660 предметов, и наконец 6398 книг по библиотеке и историческому книгсхранилищу.

Обладая всеми указанными отделами с их значительными музейными ценностями, Томский Краевой Музей при содействии группирующихся около него общественных и научных сил в виде Общества Изучения Томского края, Общества по изучению художественного творчества и Комитета содействия Музею несомненно займет видное место, как в научной жизни Томского края, так и во всем его культурном строительстве.

Обращая ретроспективный взгляд на пройденный путь, Краевой Музей с чистой совестью может сказать; „Я сделал, что мог, пусть другие сделают больше“, а невероятные затруднения, индеферентизм окружающей среды и жестокие тернии на его пути невольно обращают наше внимание к „Апологии Музея“—статье помещенной в одной из книг Казанского Музейного Вестника^{*)}, выдержками из которой и позволим закончить наши очерки; „Апология Музея“ основана на философии нашего самобытного и смелого мыслителя Н. Ф. Федорова, о котором Л. Н. Толстой в свое время сказал: „Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком“. По мысли Н. Ф. Федорова Музей должен открывать все виды, все степени, все данные науки всем нуждающимся в знании Но в то же время он должен быть местом занятий ученых специалистов, а для того, чтобы сделать труды последних возможными, он должен быть пополняем всем необходимым научным аппаратом, всеми вспомогательными учеными и учебными учреждениями, библиотекою, обсерваторией, лабораториями, учеными кабинетами Музей должен иметь характер учреждения не только пассивно поучающего, но и наблюдательного, экспериментального, проэктивного и активного. Музей есть научное учреждение положительное, созидательное, активное, а если так, он не может ограничиваться, как думают некоторые, областью одного исторического знания и вообще человековедения. Служа последнему он вместе с тем есть орган природоведения, изучения стихийных сил в целях обладания этими силами, для победы над слепой неразумной силой, силы

^{*)} „Казанский Музейный Вестник“ № 2—1922 г. Э. Голлербах: „Апология Музея“

разумной волевой и моральной“, а отсюда, скажем мы, Музей есть орган и обществоведения.

Современный Музей вообще уже вышел на путь осуществления сознанный в идеале задачи—сделаются живой лабораторией для проявления творчества—в области ли эстетической, в сфере ли научной мысли, или практического строительства жизни Музей сделался необходимою для науки и для всех видов школы. Музей постепенно проникается тенденцией взять на себя частично задачи школы и в то же время сделаться постоянной живой органической потребностью для духовно-растущей народной массы“.

Подобное состояние Музея является целью устремлений всех друзей музейного дела в настоящее время. Кто же эти друзья Музея? Это не только специалисты музейные работники—это самые широкие слои местного населения, поскольку Музей изучает, отображает местный Край, поскольку краеведение есть высшая точка демократизации науки,—Музей—открытая книга даже для неграмотных.

Особенно жизненное, актуальное значение получает Музей именно в наше время—время переоценки всех ценностей, время строительства новой жизни на развалинах прошлого, когда мы подобно древним грекам, говорившим: „познай самого себя“, должны сказать: „познай свой край“, „познай старое, чтобы творить новое“.

Усвоив этот взгляд на значение и назначение Музея вообще, мы не находим достаточно горячих слов убеждения, чтобы обратиться ко всем учреждениям, организациям и отдельным лицам с призывом проводить практически идею широкой поддержки Томского Краевого Музея, как важного культурного учреждения Томского Края, ибо лозунг: „познай свой край“—это значит не только сам познай, но и „дай познать другим“!

Литературные источники о Томском Краевом Музее:

- 1) Журнал „Казанский Музейный Вестник“—1920 г. № 7—8. В. Ф. Смолин—„Охрана памятников искусства и старины в Сибири“.
- 2) Журнал „Краеведение“—1924 г. № 3. Хроника—Томск—„Томский Краевой Музей“ М. Ш.
- 3) Газета „Советская Сибирь“ 1924 г. № 247. „Культурные сокровища Сибири“.
- 4) Журнал „Северная Азия“—1925 г. книга 5—6. А. Тихомиров—„Искусство в Сибири“ (Томск).

Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков¹⁾.

Один из крупных исследователей русской мысли и литературы М. О. Гершензон в 1916 году сказал: „О Батенькове, этом замечательном человеке, писали, но тайна его судьбы до сих пор не разгадана“. Другой исследователь, в настоящее время академик, Модзалевский, уже не так давно, в 1918 году, в одной из своих работ, касаясь Батенькова, говорит: „Декабрьское дело вовлекло в свой водоворот 579 человек, но наиболее страшная судьба из всех этих почти 6 сотен человеческих жизней, не считая 5 казненных, постигла Гавриила Степановича Батенькова“.

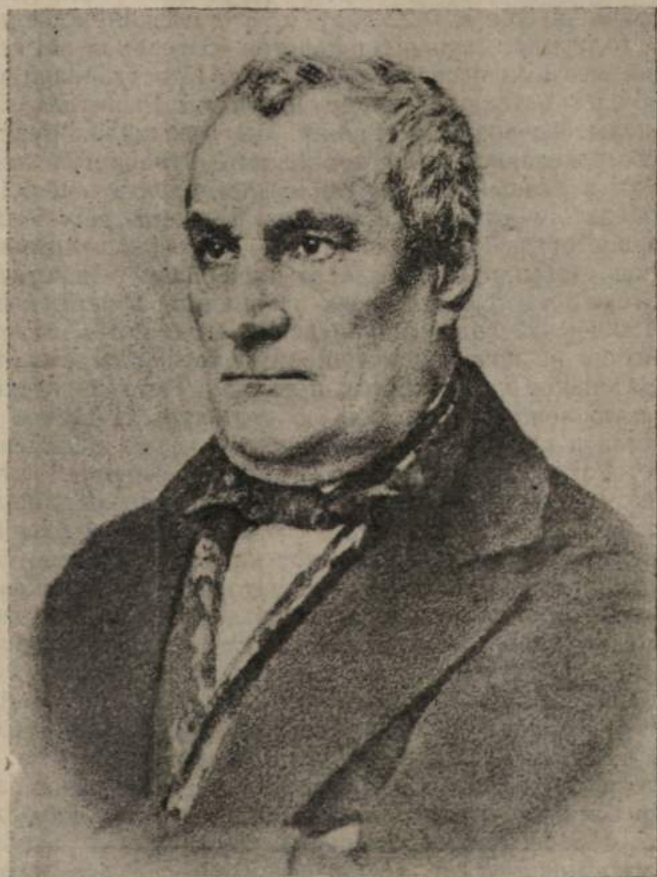
Избрав темой настоящего доклада „Сибирь и Батеньков“, мне хотелось бы сообщить в докладе главнейшие черты из его жизни и деятельности, как периода Сибирского, так и периода жизни в Европейской России. Но прежде всего два слова об источниках. Юбилейный год принес немало работ, посвященных декабристам и декабризму, но среди этих работ почти нет материалов и работ, посвященных Батенькову. Главнейшим из этих изданий можно признать „Следственное дело о декабристах“, в состав которого входит 500 дел. Для каждого декабриста и вообще для каждого, призванного к следствию, заведено особое дело. Но к изданию этого важного материала приступлено не так давно, вышел только первый том, имеющий главное отношение к декабристу Трубецкому. Несомненно, что Централхив, взявший издание этих материалов на себя, доведет его до конца, и мы получим тогда более полные данные о Г. С. Батенькове, по крайней мере, об участии его непосредственно в декабрьском движении. Но все-же многие вопросы из жизни Батенькова едва-ли когда-нибудь выяснятся: время и обстоятельства своего дела сделали. Современники Батенькова давно уже в могилах, а документов у нас, при поразительном веками воспитанном неуважении к ним, сохранилось немного.²⁾

1. Первый вопрос—где родился Батеньков. Можно вполне определенно сказать, что Батеньков родился в Тобольске 25-го марта 1793 г. в семье ниже среднего достатка. Оставляя легенду о том, что Батеньков родился в таком истощенном состоянии, что его сочли за мертворожденного и положили в гробик, где он подал первые признаки жизни,

¹⁾ Доклад, сделанный 27 декабря 1925 г. в ТГУ на объединенном заседании Секции Научных Работников. Совета Краевого Музея и Общества Изучения Томского края.

²⁾ Источники и пособия: 1) Г. С. Батеньков. Записки собственной жизни. Р. Арх. 1881 г., кн. II; 2) Г. С. Батеньков. Массонские воспоминания. В. Евр. 1872 г., № 7; 3) Рукописи Томского Краевого Музея, № 18; 4) письма Батенькова. Русские Пропиллеи, т. IV, М. 1916 г.; 5) Записки Иркутского Жителя (И. Т. Калашникова). Русская Старина, 1905 г., № 7—9; 6) Модзалевский Б. Декабрист Батеньков, Новые данные для его биографии. Русск. Ист. Ж., 1918 г., кн. 5, Петроград; 7) Письма Г. С. Батенькова. Декабристы на поселении. Из архива Якушкина. Записки прошлого, под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского М., 1926 г.; 8) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов СПб., 1909 г.; 9) Покровский М. Н. и Левин К. Декабристы, Истор. России в XIX в., т. I, СПб.; 10) М. Н. Покровский. Русская история о древних временах, т. III; 11) Штрайх. Декабристы. К столетию заговора, 1825—1925 г., Москва; 12) П. Щеглов. Исторические этюды, СПб., 1913 г.; 13) Восстание декабристов. Материалы т. I с предисл. М. Н. Покровского, Изд. Централхива 1925 г.; 14) Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906 г. и др.

необходимо. однако, признать, что организм Батенькова в младенчестве отличался чрезмерной слабостью. Нервная восприимчивость проявлялась в высшей степени, оставив следы и на всю остальную его жизнь, хотя физическое его здоровье вообще впоследствии окрепло и закалилось. Резкие звуки, резкие черты на изображениях лиц вызывали у Батенькова неприятные впечатления. Сделавшись однажды случайным свидетелем, как убивали к столу домашнюю птицу, Батеньков получил отвращение от всякой животной пищи, и стал избегать ее, а позже и совсем не употреблял, прибегая к овощам и молочным продуктам.

Г. С. Батеньков.

Что касается первоначального обучения, то в нем главную роль играли врожденная любознательность и недюжинные умственные способности. Читать он научился самоучкой по буквенным карточкам. Писать же начал, повидимому, прежде всего, татарскими буквами. Так как родители не обладали средствами, то Батеньков, после элементарной школьной подготовки, поступает в военно-сиротскую школу в Тобольске с курсом несколько выше б. уездных училищ. По окончании школы он, несомненно, как наиболее способный, поступает в Петербургский Кадетский корпус, откуда 21-го мая 1812 года в возрасте 19-ти лет получает назначение в одну из артиллерийских бригад. Уча-

стует Батеньков в походе во Францию и при Монмирале, получив 10 штыковых ран, умирающим был найден среди трупов, отнесен французами в городской госпиталь, где постепенно поправился. Когда русские заняли Монмираль, Батеньков снова находится в рядах войск при блокаде Меца. По возвращении войск в Россию в 1816 году, он оставляет военную службу, усиленно готовится к экзамену для поступления в Институт Путей Сообщения, успешно выдерживает испытание и, по окончании, получает назначение в Сибирь управляющим округом путей сообщения с местопребыванием в Томске.

Вот в этом то периоде, т. е. до 1816 года, сыграло важную роль в жизни Батенькова его знакомство с первым декабристом В. Раевским, арестованным еще в 1822 году, т. е. до декабрьского движения. Уже в 1811 году двое мальчиков-кадетов, Батеньков и Раевский, делились своими мечтами о свободе и воле. „По вступлении в кадетский корпус,—сообщает Батеньков,—подружился я с Раевским. С ним проводили мы целые вечера в мечтаниях. Мы развивали друг другу свободные идеи и желания наши поощрялись ненавистью к фронтовой службе. С ним в первый раз осмелился я говорить о царе, как о человеке, и осуждать поступки цесаревича. В разговоре с Раевским бывали минуты восторга. Идя на войну, мы расстались друзьями и обещались сойтись, дабы позже привести идеи наши в действие“. Это тот Раевский, который так близко стоял к Пушкину в период его ссылки в Кишинев 1820—1822 года. Кишиневский период был эпохой наибольшего воздействия на поэта оппозиционных течений прошлого века.

Когда Батеньков после войны, прибыл в Петербург, он был принят в мasonicкую ложу св. Михаила и его близость к этой мasonicкой ложе послужила к основанию им мasonicкой ложи в Томске „Восточное Светило“. Как член мasonicкой ложи, как человек глубоко честный, чуждый тех своекорыстных интересов, которые доминировали в тогдашней жизни Томска в среде его сослуживцев. Батеньков приобретает репутацию беспокойного человека, чему особенно способствовала его размолвка с Томским губернатором Ильичевским из-за постройки моста в городе, сделанной Батеньковым гораздо дешевле против цены, по которой Ильичевский хотел отдать постройку подрядчику. Но беспокойный человек по своему уму, знаниям и энергии нужен был Сибири и он не затерялся здесь. Обстоятельства благоприятствовали. На горизонте Сибири в 1818 году появляется Сперанский, назначенный в Сибирский край генерал-губернатором.

Для Сперанского, чтобы хотя несколько выяснить те колоссальные злоупотребления, которые имели место здесь в первой четверти XIX века, то полное пренебрежение и законами, и распоряжениями центра, тот ужасающий гнет, который испытывало все население Сибири и, наконец, то наглое глумление над человеческой личностью, которым забавлялась Сибирская высшая администрация в лице Пестеля, Трескина, Ильичевского и других, а за ней и высшая администрация, нужны были сотрудники, и одним из первых делается Батеньков.

II. Какие же обстоятельства и какие картины сибирской жизни наблюдает Батеньков теперь, когда ему открыли возможность стать ближе к этой жизни уже далеко за пределами Томска до Иркутска и Байкала. Вот эти впечатления. В 1817—18 г.г. в Иркутской губернии был исправник Лоскутов. Всегда мрачный и грозный, он делался еще мрачнее и суровее, если долго не видел крови и не слышал стонов; развесялялся, когда кровавые ручьи и лужи обгадряли землю, и стоны наполняли воздух. Окруженный всегда казаками, в роде опричников,

Лоскутов возил всегда с собой орудия казни: розги, палки и плети. Приезд его в населения был сигналом к пролитию крови: тотчас начинались истязания, в которых он доходил до адской утонченности. Селение, извещенное о его прибытии, заблаговременно готовило ему жертвы. Толпы обреченных к наказанию стояли на улице, пучки розог и палок были разложены в большом количестве. Не было пощады ни полу, ни возрасту, ни состоянию здоровья. Старики и дети, беременные женщины, больные и хилые, все равно подвергались истязанию. Вопли и стоны раздирали душу. Некоторые умирали на месте, другие спустя день-два. За какие же тяжкие преступления подвергались таким бесчеловечным истязаниям? Плохо вспахана земля—секли; не чисто во дворе или в избе—секли; прореха на рубашке или сарафане—секли; за все и про все секли. Если на население падало подозрение в краже ящика или тюка с обоза, а виновный не был пойман, без разбора секли все население деревни, и это было великим праздником для исправника. Сам Лоскутов был одним из величайших грабителей губернии и, награбив огромное имение, сделался из нищего богачом. У него было отобрано, при ревизии Сперанского, деньгами 138,242 рубля, кроме серебра и мехов. Перед прибытием Сперанского, Лоскутов отобрал в целом уезде все чернила, перья и бумагу и сложил их в волостное правление. Но просьбы все же были написаны и вручены Сперанскому двумя стариками, согласившимися передать их. Невообразим был ужас этих стариков, когда при переправе через р. Кан, старики увидели рядом со Сперанским Лоскутова. Оба упали почти без чувств на колени, держа просьбы на голове. Сперанский велел Репинскому, приехавшему вместе с ним, читать просьбы. Так как все сообщаемое было подтверждено уже известными фактами, то Лоскутов был немедленно отрешен от должности и арестован. Старики говорили Сперанскому: „Как бы тебе за нас чего худого не было, ведь ты не знаешь Лоскутова“. Почти в это же время в Енисейске городничий Куколевский катался по городу в экипаже, запряженном чиновниками, что он делал сколько для собственного удовольствия, сколько и для наказания этих чиновников, которые хотели ходатайствовать о смене его. Тогда-же в Томске смотритель тюрьмы Худяков, когда пересылали арестантов, сам осматривал их и тех из них, которые не могли откупиться от наказания, он подвергал по своему усмотрению наказанию розгами, чтобы они не делали проступков в будущем. В 1819 году в августе Батеньков вместе с Сперанским во время перепряжки лошадей за Красноярском шол пешком, окруженный толпой народа. Один из крестьян сообщил, что у них были готовы просьбы на исправника, но после рассудили, что „он еще человек порядочный, что может другой будет худший, где же тебе взять хорошего, а нам от нового за просьбу крепко достанется. При том этот уже сыт, а другой приедет голодный“.

Таковы впечатления Батенькова о Сибири. Какие мысли в Батенькове все виденное, слышанное и проверенное возбуждало в нем? Он думал о возможности если не искоренения, то значительного ослабления зла в Сибири, созданием новых учреждений, точнее, уставов хозяйственно-административного уклада и привлечением на службу в Сибирь лучших людей. Под руководством Сперанского он с большой энергией создает целый ряд уставов-проектов. Это были: 1) Устав об управлении сибирскими инородцами; 2) устав об управлении сибирских киргизов, 3) устав о ссыльных и этапах, 4) устав о сибирском городском казачестве и т. д. Кроме того, он же редактирует общее:

установление для управления сибирскими губерниями. По окончании этой работы в 1821 году мы видим Батенькова в Петербурге с Сперанским.

Тяжелое впечатление от Сибири, не вполне одобренные Сперанского-Батенькова проекты о реформе сибирских учреждений, о выборе начале в учреждениях Сибири от общественных групп, близкое знакомство с вопросом о военных поселениях, встреча с декабристами Рылеевым, Бестужевым и Пуциным заставляют Батенькова искать выхода из создавшегося положения. „Проходя мысленно историю внутренней нашей администрации, я удостоверился, сообщает Батеньков, что она, не быв утверждена на политической свободе, не может быть прочна и не может достигать своего назначения“. Губернаторов он характеризует как воевод XVII в., а генерал-губернатор, как сатрапов.

III. Батеньков поступает в члены северного общества декабристов. Известно, что северяне в среде декабристов по своим воззрениям были конституционалисты и базировались на положении, выработанном в этом отношении Муравьевым, проектировавшим ограничение верховной власти и создание двухпалатной системы управления. Но окончательные суждения в этом направлении о Батенькове осторожнее будет отложить до издания указанного выше дела о нем.

Отнесенный к третьему разряду государственных преступников, он подлежал наказанию в 20-тилетние каторжные работы, при чем вина его была формулирована следующим образом: „Был членом северного общества, прежде вступления в общество питал образ мыслей, согласный с духом общества. Знал об умысле на цареубийство, согласился на умысел бунта и приготавливал товарищей к мятежу планами и словами“. Но затем вместо ссылки в Сибирь на каторжные работы Батеньков был заключен в форт Свардгольм, находившийся на Аландских островах, а затем, вскоре перемещен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, где в одиночном заключении пробыл 21 год 1 месяц и 18 дней. Историк-биограф и теперь стоит перед вопросом— почему Батеньков так жестоко был наказан? Документы молчат по этому поводу, других сообщений нет, бывшие современники Батенькова давно сошли в могилу. Вероятнее всего здесь имели значение следующие обстоятельства: Батеньков-сибиряк и опасались сослать его в Сибирь, где его хорошо знали. Кроме того, Николай I мстил Батенькову за то, что тот на допросе с горячностью защищал деятельность и планы членов тайного общества и „проявил мечты не только о роли члена временного правления, но и члена регентства“. Мечь Николая I должна была еще более увеличиться, когда стремления следственной комиссии узнать от Батенькова об отношениях Сперанского к северному обществу не привели ни к чему, мечь должна была увеличиться от писем Батенькова из крепости, если они доходили до Николая I.

IV. Как прошли эти 21 год в жизни Батенькова? Он живой был в могиле. В своем стихотворении „Одичалый“ Батеньков писал:

„Скажите, светит-ли луна
И есть-ли птички хоть на воле?
Ужель и люди веселятся
Друг другу смеют поверяться
И думают, и говорят?“

Сохранились сведения, что Г. С. Батеньков из крепости, в первые годы пребывания, посылал письма Николаю I. Об этом имеется

указание в недавно напечатанном письме сына декабриста И. Д. Якушкина—Е. И. Якушкина, когда он в 1855—56 г. ездил в Сибирь и встретился с Батеньковым, передававшим ему содержание писем. В одном из этих писем Г. С. Батеньков писал:

„Было время, в Москве стоял на площади болван, да приезжал из орды баскак—в том и состоял весь адрес—календарь, оба его тома. Баскак заставлял всех болвану кланяться. Теперь баскака нет, а кланяться все заставляют. Надо же это когда-нибудь кончить“.

В другой раз он писал: „меня держат в крепости за оскорбление царского величия. Есть-ли в этом какой-нибудь смысл? Как я могу оскорбить царское величие? У царя огромный флот, многочисленная армия, множество крепостей, как же я могу оскорбить? Ну что ежели я скажу Николай Павлович свинья—это сильно оскорбит царское величие“?

Одно из писем заканчивалось: „и на мишурных тронах царьки картонные сидят“. Доходили-ли эти письма по назначению? Батеньков считал, что доходили. Крепостное начальство приходило в ужасное волнение при получении писем и держало Батенькова некоторое время строже. „Николай I, замечает Батеньков, был уверен, что я сошел с ума и подобных писем не мог писать в здравом рассудке“.

Не верю—все переменялось
И солнце красное сокрылось,
Но может быть лишь для меня?

Дни, недели и месяцы проходили для Батенькова в одном и том же помещении и одинаково.

Каземат имел 10 шагов в длину и 6 в ширину при 4-х аршинной высоте. Караульным солдатам было запрещено говорить с заключенным: на вопрос который час, какой день— был ответ „Не велено говорить“.

Пищу Батенькову давали растительную. Из книг дали только библию, но дали по просьбе Батенькова на языках славянском, еврейском и греческом. Лишь на седьмой год ему позволили выходить на короткое время в корридор около каземата, но никого, он здесь, кроме солдат, не видел, и с ним было строго запрещено разговаривать.

С 1828 года, т.-е. после перехода в Петропавловскую крепость, по 1845 год равновесие душевного состояния Батенькова все более и более нарушалось. Он потерял счет времени и ему казалось иногда, что он уже несколько сот лет в заключении. О многом он совершенно потерял понятие. Как памятник умственных упражнений Батенькова, случайно сохранилась толстая в 40 писанных листов тетрадь, в которую он записывал обрывки своих мыслей. Предметом рассуждений являются тут вопросы политические, административные и философские, но Ореус, у которого была в руках эта тетрадь, говорит: „Одинокое заключение сделало свое дело и стройный ход мозговой работы у несчастного узника прервался“. То Батеньков приходит в возбужденно-восторженное состояние, то впадает в уныние и приводит себя к убеждению, что он должен совершенно отрешиться от мира. Он слышит какой-то голос, осуждающий его. В 1835 году он представил смотрителю равелина Яблонскому пакет, адресованный Николаю I, но пакет не был доставлен по назначению „по расстройству ума Батенькова“. В пакете было обращение к Николаю I: „Постучимся еще, пишет Батеньков, ведь я могу каждый день пить и есть. Могу пламенно любить невесту и деву. Возврати мне свободу“ и дальше: „Как стоит сия не-

объятная громада, вмещающая в себе миллионы лиц. Что каждый человек в сравнении с нею". Вслед за этим рассуждением-бредом находим проект указа или рескрипта какому-то преосвященному об образовании комитета для выслушивания слова Батенькова.

За этими записками Батенькова о нем снова жуткое молчание на протяжении 10-ти лет. Узник снова забыт, он сам не подает о себе признаков жизни, но еще живет и мыслит.

О нем вспомнили в 1845 году и вот по какому поводу. В январе 1845 года от Батенькова была получена записка: „Библию я прочел уже более ста раз. И так теряю в этом нужду. Для облегчения печальных моих чувств желал бы я переменить чтение. Он просит выписать ему „Отечественные записки“. Очевидно, возвратилось сознание, возвращалось постепенно нормальная мозговая работа у Батенькова.

В январе 1846 года был возбужден вопрос об освобождении Батенькова из крепости. Этому освобождению предшествовал незначительный эпизод: возбуждение комендантом крепости Скобелевым вопроса об увеличении ежедневного денежного пайка на содержание Батенькова. Скобелев вошел с ходатайством к шефу жандармов Орлову с секретным рапортом 19-го января 1846 года такого содержания: „На пищу арестанта Алексеевского равелина определено в сутки 28 $\frac{4}{7}$ копейки: чашка чая с хлебом, но ассигнуемых денег не достает, необходимо доассигновать 16 $\frac{3}{7}$ копейки“. Сделан был доклад Николаю I. Последний согласился. Кроме того Орлов, пользуясь докладом о Батенькове, указал, „что все соучастники в преступлении Батенькова, даже более виновные, уже несколько лет освобождены от каторжных работ и находятся на поселении, тогда как он остается в заточении и доселе. Не было соображений—не следует ли каким либо образом, без вреда общественного, облегчить и его участь. Последовал ответ: „Согласен, но он содержится только потому, что было доказано в лишении рассудка. Надо его переосвидетельствовать и тогда представить, как далее с ним поступить можно“.

Скобелев ответил, что с 1839 года при нередких посещениях равелина, он никогда не находил преступника Батенькова вполне лишенным рассудка и в 6 последних лет он был тих и скромен. При разговоре он часто сбивается, повторяет одно и то же слово несколько раз, но предмет материала помнит, читая выписываемые ему журналы хорошо понимает, а из латинской библии истины передает вразумительно и ясно“. Дальше Скобелев сообщает:— „Дозволить Батенькову жить во внутренних городах России—неловко, не потому что он был бы опасен, но по тому влиянию, какое могут произвесть рассказы о его 20-ти летнем заключении; здесь подобные явления неизвестны и будут судиться превратно. Но пользуясь свободой в Тобольске или Томске под призором полиции он будет на своем месте“.

31-го января 1846 года последовало распоряжение: „Отправить Батенькова в Томск с надежным жандармским унтер-офицером“. Таким унтер-офицером был избран Никифор Жданов, получивший 14-го февраля на прогоны от Петербурга до Томска 429 рублей, кормовых для себя жандарм получил 85 руб. 76 коп., а для Батенькова было отпущено 30 рублей, снабжен он был инструкцией от начальника штаба корпуса жандармов Дубельта“. „Во время пути никуда с ним, Батеньковым, не заезжать и не позволять ему отлучаться, наблюдать, чтобы он ни с кем не имел разговора ни о своей жизни, ни даже о своем имени, равно и самому Жданову уклоняться от всяких вопросов насчет препровождаемого арестанта, на ночлегах останавливаться не в городах“.

14-го февраля 1846 года в 6 час. пополудни Батеньков в сопровождении жандарма оставил Алексеевский рavelин и выехал в Томск. Одинокое заключение закончилось, он был на свободе. Зная все, что он перенес и как жилось ему в рavelине, можно легко представить душевное состояние 50-тилетнего Батенькова, после 21 года пребывания в могиле, вдруг очутившись на свежем воздухе, в возке, сперва на улице шумного города, а затем среди покрытых снегом полей и равнин своей необозримой родины-мачехи. 15 лет спустя Батеньков в одном из своих писем отметил: „Когда отпустили меня из рavelина в 1846 году, я был как новорожденный младенец“.

V. Переезд Батенькова до Томска из Петербурга через Москву и Владимир 4500 верст продолжался 24 дня. Батеньков был привезен в Томск, по сообщению томского губернатора Татаринова, 9 марта, в 4 часа пополудни и тотчас был направлен к томскому полицмейстеру „для водворения его в Томске“.

По прибытии в Томск Батеньков поместился в единственной тогда гостиннице Томска „Лондон“, но вскоре весть о его прибытии разнеслась по городу, нашлись люди, когда-то его знавшие или о нем слышавшие, они приняли участие в Батенькове, нашли ему помещение в доме одного из местных чиновников Лучшева. В семье Лучшева Батеньков и нашел первое тихое пристанище, после многострадального предшествующего периода. Как отразился этот период на Батенькове? Декабрист Завалишин, сообщая в апреле 1848 года о приезде Батенькова в Томск, прибавляет: „Одинокое сильно на него подействовало, но здоровье выдержало это испытание, он и мыслью теперь начинает освежаться“. Волконская, жена декабриста, в своих записках сообщает, что Батеньков по выходе из заключения оказался почти совсем разучившимся говорить: „нельзя было ничего разобрать из того, что он хотел сказать; даже его письма были непонятны. Способность выражать правильно свои мысли вернулась к нему мало-по-малу. При всем этом он сохранил свое спокойствие, светлое настроение и неисчерпаемую доброту; прибавьте сюда силу воли, которую вы в нем знаете, и вы поймете цену этого замечательного человека“.

Что представлял из себя Томск в 40-х годах прошлого столетия? Всего населения в нем было 14 тысяч. Обыватели Томска разделялись на многочисленные кружки в зависимости от материальных средств и социального положения. Была в Томске публичная библиотечка, в которой числилось 712 названий и 1683 тома. Была и типография, но книги в ней не печатались. Книжной лавки не существовало. Книги газеты и журналы выписывали из Петербурга. В 7-ми классной мужской гимназии всего было 79 учащихся, из них живущих постоянно в Томске 69 учащихся. Частных учебных заведений до 1843 г. в Томске совсем не было. В 1844 г. было открыто первое частное женское учебное заведение; учащихся было 21.

Обыватели были заинтересованы лишь в своем материальном благополучии. Интересов морального и интеллектуального характера у них почти не было. Батеньков был одинок. И все же с жизнью в Томске он примирился.

В октябре 1856 г. Батеньков писал Елагиной: „Томском я вполне доволен. Нашлись люди, которые меня любят и не оставляют. Они по возможности примирили меня с жизнью. Еще я жив, еще дышу и вот даже пишу тебе“. Через год, в марте 1847 г., в письме к дочери Сперанского Батеньков сообщал: „Продолжительные страдания наложили на все бытие мое неизгладимые печати. Уже я стар и сед. Впрочем,

вы еще узнали бы меня. Я год живу в Томске. Несколько отдохнул. Снова увидел людей, как из гроба вставший. Понятия переступили время и пространство. Через сравнение и противоположение могу делать такие комбинации понятий, какие и не предполагал возможными". В Томске знакомые Батенькова помогли ему устроиться. Благодаря знакомым Батеньков устроил около Томска займку „Соломенное" или „Соломенный Дворец", где он проводил нередко целые дни. „Соломенное" было верстах в трех от города, оно было расположено на очень красивом месте.

Понемногу затягивались его физические страдания, повидимому, постепенно улучшалось и его душевное настроение, но только повидимому. Какую среду нашел Батеньков в Томске, близко подойдя к которой, он мог бы слиться с нею. Эта среда была не окружавшие его люди или не столько окружавшие его люди, сколько молчаливые друзья, таившие в себе творчество человеческой мысли,—это был книжный мир. Батеньков набрасывается на книги, журналы и газеты, русские и иностранные, последние он достает из библиотеки местного золотопромышленника Асташева. Он очень увлекается философской литературой, усиленно просит прислать из России сочинения Шеллинга. Он по возможности следит за ходом русской литературы, в частности, за произведениями Жуковского, и в одном из писем делится с Елагиной своими мыслями по поводу восточного эпоса в связи его с „Рустемом" Жуковского. За этими запросами мыслей Батенькова, когда читаешь его письма, видишь большой интерес у него к надвигающимся событиям в Европе и особенно в Европейской России. Но зная, что письма его подвергаются периллюстрации, он делает только намеки на свои мысли в этом направлении. Касаясь событий восточной войны, Батеньков замечает: „Никого нет умного ни с той, ни с другой стороны в такое чреватое будущим время. Может быть одной дозы согласия на новый во всем порядок, сообразно с успехами жизни,—было бы на все достаточно и к утолению жажды народов и к покою властей".

Несколько позднее Батеньков по этому поводу сообщал Якушкину: „У нас в Томске патриоты так разбушевались, что мне житья от них не было. Когда англичане и французы появились в Балтийском море, то все почти говорили, что теперь их флот не уйдет,—его сожгут и пойдем воевать в Англию. А когда высадились в Крыму, то такая радость была, что и описать невозможно. Чем бы ни кончилась война,—прибавил Батеньков,—она должна принести нам пользу: переворот и у нас, и везде неизбежен. В этом убеждают все события последних лет". Откликаясь на современные события, Батеньков много читал и следил за ходом жизни и в России и за границей.

В письме к Елагиной в январе 1848 г. Батеньков писал: „Книги читаю охотно; но не имею никакой возможности проследить все, что было без меня, я стараюсь приводить к общим понятиям, и привыкнуть сливать понятия и соображать читанное, с равным участием и старое и новое. Не легко поставить мысль в гармонию с мыслью целого поколения, при мне не существующего, и которое мне довелось видеть только в углу и в отрывке. Но это психически и занимает меня преимущественно Вижу ежечасно новое и не знаю скуки".

Шли годы и здоровье Батенькова сдавало все больше и больше. К тому же и климатические условия в Томске давали себя чувствовать. В январе 1848 г. Батеньков отмечает: „Мы перетерпели страшные морозы; теперь не более 17 градусов, что мы считаем оттепелью. Со-

вершенно отвык от здешнего климата: голова отяжелела, нервы ослабели, раны начали беспокоить и никак не могу согреться". Еще определеннее он говорит об этом в июне 1850 г.: „В продолжение краткого лета я бываю здоров; но с наступлением осени весь обращаюсь в болезнь, многие раны, полученные в сражениях против французов, предрасположение к цынготным, апоплексическим, а частью нервным и душевным недугам, особливо при морозах зимою, и при недостатке пособий, мучат меня и истощают". Но дождался Батеньков переезда в Россию лишь в 1856 г. по общей амнистии для декабристов. Он избрал для местопребывания село Петрищево, Белевского уезда, Тульской губернии, у друга детства Елагина, а затем город Калугу.

В Томске долгое время и настойчиво сообщали, что Г. С. Батеньков оставил свои записки Лучшевой, завещавшей эти записки положить, когда она умрет, в гроб, что и было будто бы исполнено. Но Батеньков, как теперь устанавливается, никаких записок не вел. Близко стоявший к Батенькову Е. И. Якушкин, в год отъезда из Томска Батенькова, спросил у него: „Вы хотели писать записки, начали ли вы или отложили в долгий ящик?"

Батеньков ответил: „И не начал и не начну. Писать может только тот, кто уверен, что его бумаги сохранятся; а у нас кто может быть этим уверен? Семейных архивов у нас нет, а у себя держать бумаг нельзя. Думал положить бумаги в монастырь, потому что попы бумаг читать не станут и не узнают, что у них за бумаги, но нельзя поручиться, что бумаги не уничтожатся. Как же при таких обстоятельствах писать?"

В краевом музее Томска хранится альбом рисунков архитектурного характера, частично приписываемых Батенькову. Но до тех пор, пока специалисты не выскажут своего мнения по этому поводу, дать точное заключение об альбоме нельзя, т. к. он не датирован и нет подписи.

Время до 1862 г. прошло, насколько можно судить по сохранившимся данным, в горячей работе у Батенькова по крестьянскому вопросу. В конце 50-х и начале 60-х годов шла сначала организационная работа по этому вопросу. Утверждены были губернские комитеты, подготовившие записки с проектами по вопросам экономического и правового характера по крестьянскому делу: сюда входили вопросы о земельном наделе, о правах на выкуп надела, об устройстве крестьянских обществ и т. д. Огромной ценности эти материалы в 4-х томах были изданы за границей в Боне. Из этих материалов, да и из других источников видно, что в Калуге при разрешении крестьянского вопроса имел большое значение небольшой кружок по тому времени передовых людей, куда входили декабристы, в значительной степени способствовавший разрешению правовых и экономических вопросов по крестьянскому делу в пользу крестьян. Своими знаниями и опытом Батеньков очень много работал для более правильного разрешения этих вопросов. В одном из своих писем декабрист Оболенский писал к декабристу Муравьеву-Апостолу: „Гавриил Степанович Батеньков пользуется сочувствием по личному его характеру, уму чисто русскому и несомненным достоинствам".

Здоровье Батенькова, между тем, все более и более ухудшалось. В октябре 1863 г. Оболенский сообщал Муравьеву-Апостолу: „Все менее и менее имеем надежду на сохранение нашего славного Гавриила Степановича. Я его оставил в трудном, но не безнадежном положении". Но уже 10-го ноября 1863 г. тот же Оболенский писал М. И. Апосто-

лу-Муравьеву: „Грустную весть сообщаю тебе, друг Матвей Иванович; нашего Гавриила Степановича нет уже между нами. 29-го октября, в 9 часов вечера, он умер. Так совершил он свой путь житейский на 71-ом году от рождения, совершил его, украсив жизнь делами любви. Грустно было расставаться с ним. Какое-то чувство безотчетное, но тяжелое наполняло сердце, когда тело его бездыханное лежало на столе, так еще недавно полное жизни и отвечавшее слову любви словом взаимным. Его симпатичная натура приобрела ему много друзей, которых он сумел сохранить до конца своей жизни.

Он завещал себя похоронить в имении Елагиной в Петрищеве, что и было исполнено“.

По имеющимся сведениям, полученным в декабре 1925 г., могила Батенькова сохранилась. На ней находится каменная плита с надписью: Декабрист Батеньков.

И. Д. СЕРЕБРЕННИКОВ.

Из Томской старины. Сад Горохова.

В отделе „Старый Томск“ Томского Краевого Музея в числе различных зарисовок отдельных зданий и видов помещена весьма интересная литография (дар. М. И. Шипициной) с надписью „сад г. Горохова в Томске“.

На литографии изображено то место Томска, на котором теперь помещается задняя часть городского театра, сад общества пчеловодства и дальше пустырь с отдельными уже устаревшими постройками вплоть до Макаровского переулка и затем примыкающая к ним низменная часть „Заистока“, на которой стоит уже разрушенная баня Дистлера и покрытые плесенью остатки озерков. На том месте, где теперь величественно красуется здание театра, стоял собственный дом владельца сада, сгоревший в ночь на новый 1899 год.

На всем этом обширном пространстве в половине XIX века был разбит великолепный парк, хозяином которого был Томский чиновник-золотопромышленник Философ Александрович Горохов, уроженец города Енисейска. Благодаря своим выдающимся способностям, он, не имея образования, поступив в 1809 году на службу в Енисейский уездный суд, пятнадцатилетним юношей, получает ответственную командировку от Томского губернатора в Туруханский край для „устройства поселений и зимовьев для перевозки почты и чиновников“, как говорится в его формуляре. Удачное выполнение поручения создало Горохову репутацию хорошего работника и дало ему возможность быстро получать продвижения по службе.

В 1816 году он был переведен на службу в Томское Губернское Управление, где снова обратил на себя внимание высшего начальства и повышения и награды посыпались на него как из рога изобилия и, в конце концов, он в 1833 году получил должность Томского Губернского прокурора, а перед этим занимал административные должности в Каинском округе.

Казалось бы Горохов, увлеченный государственными делами, еще сравнительно молодой, мог бы получать и дальнейшие продвижения по службе, но все его заботы с этого времени были направлены в совершенно другую сторону. Его увлекла, свирепствовавшая в то время в Сибири „золотая горячка“. Благодаря женитьбе на дочери богатого откупщика золотопромышленника Филимонова, он быстро вошел в его дело и всем своим существом отдался обещающим богатство золотым откупам.

Горохов сообразил, что государственная служба не даст ему тех материальных благ, которых требовала его широкая натура, и точно также не упустил случая не бросать службы, которая тоже могла оказать ему некоторую услугу. Поэтому он, состоя в должности и увлеченный золотом, откладывал все дальнейшее рассмотрение судебных дел и занимался разработкой приисков.

По два и по три года ждали арестанты решения своих дел, но богатеющему прокурору было не до них.

В Петербург полетели доносы, а Горохов, пользуясь покровительством военных губернаторов Западной Сибири, все больше и больше погружался в золотые промысла.

На запросы Петербурга губернаторы объясняли запущенность в делах Горохова огромным количеством дел, но и покровители, видя увлечение прокурора, дипломатически предложили ему перевод в Витебск, от которого он отказался и ушел в отставку.

Вскоре же он сделался компаньоном по одному из крупных золотопромышленных предприятий и блестяще поставленное дело дало ему огромные барыши.

Быть может, давно лелеянная мечта сбылась, Горохов стал миллионером. Он выстроил себе великолепный деревянный дом, разбил при нем в 1840 г. роскошный сад и начал жить, как выражались тогда, „по барски—на широкую ногу“. На устройство сада, на месте пустыря с небольшим ручейком, была затрачена огромная сумма свыше 200,000 р. Ручеек он перегородил плотиной, вследствие чего образовался порядочный пруд, через который перекинул красивый мост и над водой устроил великолепный павильон.

На литографии мост виден на первом плане, при чем самый снимок с сада сделан, очевидно, с Макаровского переуллка, от которого и открывался вид на весь сад.

Имеющееся в настоящее время внизу у переуллка всегда грязное и покрывающееся к осени зеленью озеро, быть может, и есть остатки того пруда, который был сделан Гороховым.

Мост высокой аркой перекидывался через пруд и шел от горы в глубину сада, а на середине его были устроены пьедесталы, увенчанные крылатыми конями.

По всему саду были расставлены статуи, устроены цветущие куртины, беседки с поэтическими названиями и даже оранжереи с тропическими деревьями, в которых зрел виноград и фиги.

Но лучшим украшением сада был павильон, устроенный сплошь из рам со стеклами. В праздничные дни он в буквальном смысле слова горел огнями. Роскошные фейерверки, гром музыки, плавающие по пруду красиво убранные лодки, переносили зрителя в какой то сказочный мир.

Особенной пышностью отличились торжества 31 мая и 25 июля, когда хозяин хозяйка сада справляли свои именины. В эти дни сад привлекал к себе „весь город“ и каждому предоставлялось право быть его гостем, а в павильон в эти дни обыкновенно собиралась вся знать города и вино, что называется, лилось рекой.

Гости ели с тарелок, украшенных снимками Гороховского сада, и даже, по некоторым сведениям, собственного завода Горохова. Золотопромышленники вообще любили веселиться. На маслянице они, например, устраивали огромнейшую ладью и ставили ее на специально устроенные сани, в которые запрягалось до 24 лошадей. На ладье ставились столы стулья и даже печь для приготовления блинов. Размещался оркестр музыкантов. Наряжалась специальная прислуга. Блины пеклись и тут же подавались на стол или раздавались публике. Против богатых домов ладья останавливалась и хозяйину пелась „слава“.

Одна из упомянутых выше тарелок имеется в Краевом Музее (дар П. И. Макушина).

Диаметр тарелки 26 сантиметров, сделана она из белой глины. На оборотной стороне ее поставлено клеймо „Ф Горохов“. Повидимому, сделана она не на собственном заводе Горохова, а по его заказу.

В середине тарелки помещен тот же вид сада, что и на литографии, но с некоторыми изменениями, например: на первом плане литографии виден высокий берег с руслом ручейка, а на тарелке выемки проделанной ручейком нет, затем на литографии здания, расположенные по правую сторону церкви, едва выступают из общего фона, а ближе ее их почти нет, между тем на тарелке они выделяются очень рельефно и представляют собою здания казарменного типа и помещены даже там, где на литографии их нет. По бортам тарелки идет орнамент из ветвей винограда с гроздьями ягод, цвет краски, которой изображен рисунок, серый Повидимому, оригиналом для мастера служила такая же литография, какая имеется в Музее. Да и литография представляет собою не точное воспроизведение сада и окружающей его местности, потому что по левую сторону сада начиналась Заисточная часть города, на литографии же в этом месте изображены какие то возвышения уходящая вдаль. Богоявленская церковь стоит на этих высотах, а о береге Томи никаких намеков.

Между тем Заисточная часть в городе была не только во времена существования сада, но даже и в XVIII веке, как говорит Фальк, бывший в Томске в 1771 г. „Нынешний город, говорит он, стоит частью на высоком берегу реки Тома, частью же на низких его берегах, по обеим сторонам по истоку Ушайки и притоку берегового озера выше ушайки“ *).

Эта часть города имела название „Татарской слободки“.

Снимок и с нее имеется в Музее в ряде изображений отдельных частей города 80-х годов прошлого столетия.

Возможно, что снимок с сада сделан, приехавшим в Томск в 1850 г., художником Кошаровым. В это время имущество Горохова уже было описано и продавалось с молотка.

Кошаров любит делать зарисовки, поэтому есть возможность предполагать, что это рисунок его, тем более, что в 80-х годах Кошаров издавал свои произведения в виде альбома под названием „Художественно-этнографические рисунки Сибири“. Печатались они на литографском камне с пояснениями. Одним из этих рисунков и был, вероятно, интересующий нас сад. Украшена литография инкрустацией из золотой бумаги и чьей то заботливой рукой вставлена в золотую рамку.

В 1750 году Горохов уже не был хозяином сада, который, благодаря его расточительности, перешел во владение конкурсного управления, а затем часть его, занимаемая теперь Обществом Пчеловодства, к известному в то время золотопромышленнику Асташеву, который тоже, очевидно, некоторое время поддерживал сад, так как Музей обладает снимком и с Асташевского сада, собственно, видом из беседки его сада.

В 1857 году дом и большая часть сада перешли к Общественному Собранию и сад начал мало по малу приходить в упадок и, наконец,

*) Фальк — Собрание учен. путешествий и VI стр. 537.

исчез без следа; разве только великаны тополя, украшающие теперь болото, были свидетелями былых попок Горохова.

В 1865 году сад еще был, что доказывает заметка, помещенная в № 16 „Томских Губернских Ведомостей“, в которой говорится, „что нынешним летом подобно прошлому учредятся гулянья в Гороховском саду, который значительно обновляется, постройкою и созданием новых курзалов. Говорят даже, что там будет учреждено нечто вроде дешевого театра“.

Дальше заметка перечеркнута цензором, но не лишена некоторого интереса, поэтому и приводится... „Такие театры известны за границей, что касается до такового в Томске, то мы крайне сомневаемся и думаем, что это будет не развлечением рабочей демократии, а просто услада разным тунеядствующим филантропам“. Но очевидно эти предположения так предположениями и остались, потому что томичи-старожилы говорят, что в конце шестидесятых годов сада уже не было.

А. ШИЛОВСКИЙ.

Художественные сокровища г. Томска.

(Посмертная статья).

С 1604 года ведет свое начало гор. Томск, но никто ничего не слышал о его художественном лике, никто не видел его художественных сокровищ. Да правда-ли? Есть-ли они? Что-то ничего не слышать, не видать. Назовите Тобольск, Омск, Барнаул—про них кое-что известно. Про Тобольск так даже многое. Если даже обратитесь к ученому специалисту, так и то услышите, что, мол, древностей и вещей, выдающихся в художественном отношении, в Томске мало, а вот, мол, в Тобольске или в каком ином месте много. Конечно, гораздо легче знать о том, на что давно уже обращено внимание, что открыто и что само собой из-за монументальности бросается в глаза, но гораздо труднее знать о том, что, как полевой цветок, затеряно в траве и там безмолвно благоухает, а именно старые деревянные ампирные домики г. Томска, которых так много тут повсюду, в особенности на Миллионной („Коммунистический проспект“), Магистратской („Розы Люксембург“) и Подгорной напоминают забытые полевые цветы*. Весь аромат высокохудожественной эпохи ампира в них еще сохранился в неприкосновенности. В России, в ее городах едва-ли встретите так цельно представленную в дереве полосу этого строительства. И сколько в композиции и в обработке домиков изобретательности, сколько чуткости и мастерства в выполнении! Поистине, домики эти представляют лучшие, не написанные еще никем страницы истории деревянной архитектуры времен ампира. В России давно подобные особнячки исчезли, задвленные каменными громадами. В Ленинграде вы их разыщите штуки 3—4, в Москве побольше, но в этих городах характер их богаче, пышнее, более приближается к дворцам, они не так уютны, как здесь, не так просты, бесхитростны и милы.

Правда, это не монументальные сооружения, говорящие своими размерами, не храмы, не дворцы. Но разве к области искусства принадлежат только церкви и дворцы или иные роскошные сооружения, а домики-особнячки, сарай—не плод творческих достижений художников-строителей?

Разве простая изба северянина, где-нибудь в Вологодской губернии, не вызывает высокохудожественных переживаний? Разве простая рубка в „лапу“ или „обло“ не имеет своей эстетической ценности?

В России давно художники, а за ними средний обыватель, а теперь рабочий и крестьянин переживает и осознает это. Только Сибирь еще продолжает дремать в своем полном неведении, а давно бы пора уж проснуться. Новые запросы народных масс с каждым днем все больше и больше дают себя знать. Массы стучатся, требуя света и знаний. Пора открыть глаза и показать всякому и каждому, что среди нас и у нас самих находятся сокровища прошедших эпох, принадлежащие высокой художественной культуре. Жилье, как таковое, во все времена занимало и занимает зодчих. В решении этого кажущегося простым и злободневным вопроса гений человечества не менее изобретателен и глубок, чем в решении вопросов, разрешаемых монументальным строительством.

Но это еще не все. Город Томск не только может славиться своими ампириными особняками, но у него есть и своего рода деревянные дворцы, каким, например, является дом бывшего купца Сосулина на Степановке с двухстенной громадной залой со специально устроенным для танцев, подогреваемым, по преданию, полом и с блестяще решенной наружной декорацией, там же находятся великолепные трехфронтонные конюшни, но и это еще не все (постройки декабриста Г. С. Батенькова. Город Томск, кроме деревянной архитектуры, имеет и монументальные сооружения той же эпохи. Вещи—первоклассные, сделавшие бы честь даже столицам. Их бы там давно уже зарисовали и перерисовали бы, сняли бы и издали бы и переиздали бесчисленное число раз. Таковым зданием является, например, Совнархоз (бывш. Губернское Управление). Здание, предназначенное для площади и представляющее своей высокой открытой лестницей и ионическим портиком пример разрешения зодчим общественных задач.

Вспомним Петроград, Казанский собор с его лестницами, колоннадами, Невский проспект, Казанскую площадь, дни торжеств, дни демонстраций, дни революции, дни, когда народные массы выходили на улицу. Тогда портик Казанского собора становился всегда, словно по мановению магического жезла, холмом, усеянным людьми, как травой или цветами. Тоже самое значение в улично-общественной жизни Томска играет лестница с портиком здания Совнархоза; подаром памятник революции и погибшим героям решено поставить против нее. Новый собор, массой своей способный задавить здание Совнархоза, не имеет того художественного и архитектурного значения, как лестница и портик Совнархоза. Это характерное место города Томска и в будущем значение его, в связи с памятником и дальнейшей обработкой (постановка фигур на выступах лестниц Совнархоза) площади, только усилится.

А дом Асташева (бывш. Архиерейский дом) с взнесенным коринфским ордером и с великолепно решенным дворовым фасадом! Кто хоть сколько-нибудь чувствующий красоту, не любовался им зимой, когда среди белоснежного покрова так ярко вспыхивают розовые пятна стен, а сочные кронштейны окон кажутся причудливыми оплывами снега. Поистине этот дом должен быть предназначен для музея искусств.

А „мясные ряды“, так хорошо своими приземистыми пропорциями говорящие о торговле, о земле, о деловой и практической жизни!

А дом мещанского общества на Обрубке с выдержанной дорической колоннадой, а каменные дома-особняки по Хомяковскому пер. и улице Карла Маркса! Разве не отличаются изысканной тонкостью обработки? Да, если как следует заняться всем этим, так, может быть, не перечить. А сколько еще испорчено, изуродовано подобных домов, например, на углу Ленинского проспекта и Плехановского переулка.

Нет, Томск имеет свою своеобразную, старинную физиономию, присущую только ему одному.

Надо только приглядеться и разобраться. Надо полюбить архитектуру—этот специальный род искусства, не даром названный „матерью всех искусств“.

Нельзя безразлично относиться к постройке, к своему жилью, пусть к хате и к лачуге. Теперь, когда советская власть вступила на путь нового строительства по принципу городов, садов и урегулированию жилищного вопроса, рядом мероприятий, нужно более присмот-

реться к уже созданному жилью и к местным типам, выработанным климатическими условиями, чтобы не повторять старых ошибок, а пользоваться лучшим, что уже выработано веками для создания своего нового. Таков старый Томск в смысле архитектуры гражданской, но, кроме этого, в нем есть и церковная архитектура, не такая уже заурядная, как кажется с первого взгляда.

Бывшая деревянная архиерейская домовая церковь при бывшем архиерейском доме в мужском Алексеевском монастыре, ныне, к сожалению, попорченная перделками и достройкам самого архиерейского дома, решена и выполнена блестяще. Восточной частью ее, лучше сохранившейся, можно поистине любоваться без конца. Такие деревянные памятники не часто встречаются и надо только удивляться, что он нигде не издан. Это, действительно, художественно-историческая находка^{*)}. Хороша и Иверская часовня, копия с московской (ампир), ныне изуродованная приделкой, и старый Благовещенский собор, особенно живописный замок, и церковь мужского монастыря, и Духовская, и Вознесенская церковь с какими-то своеобразными барочными причудами.

Давно бы пора всем студиям и художественным мастерским, имеющимся в городе Томске, выйти на улицу, вместо того, чтобы сидеть в духоте, и явить народу в своих набросках, этюдах, картинах старый и новый Томск в его различных эпохах.

Ведь жил же город, видоизменялся, рос, и как это происходило, видно еще сейчас по сохранившемуся и уцелевшему. Имеет город и политическую историю с кошмаром 1905 года, которая также не безинтересна и для народа и для художника. Правда, что пропало, о том не приходится говорить, как, например, о выгоревшем в 1901 году Заисточье, но Воскресенская гора с ее кладбищами, вся часть города ниже, около нее, берег реки Ушайки, Монастырский луг и долина реки Игуменки — это все еще старый Томск, дряхлеющий и быстро идущий к своему уничтожению. Много в нем художественно-ценного, поучительного.

Но это еще не все богатство, которым обладает Томск. Как это ни странно, город, просуществовавши 316 лет, не имеет своего художественного музея.

Да неужели же нет вещей? Они есть, они рассеяны по городу то тут, то там, надо их только разыскать и собрать. Уже любители начали свое дело коллекционирования.

Тут будут иконы, гравюры, офорты, резьба, китайский и японский фарфор, ценные старинные книги, роскошная ампирная мебель, картины, да какие еще картины! Есть, например, картина, приписываемая кисти Тинторетто, знаменитого итальянского мастера эпохи возрождения, некоторых польских художников и т. д., а в секции Охраны Памятников Искусства и Старины работы Кончаловского, Сурикова, Гуркина. Надо только поискать и в Томске по мановению волшебства вырастет богатый художественный музей.

Секция Охраны Памятников Искусства и Старины принимает в этом направлении меры. Ею недавно приобретены рисунки австрийского художника Ваккера и собраны работы вышеупомянутых мастеров. Кроме всего этого она приобретает картины и ценные художественные вещи. Надо только чтобы сами граждане, рабочие откликнулись, ведь

^{*)} От Редакции: Здание сгорело в феврале мес. 1926 г. В Музее имеются фотографии с различных сторон здания.

заинтересованы же они сами во всем этом. Ведь не может же быть, чтобы они не хотели узнать, увидеть, наконец, то художественное и ценное, которое находится в г. Томске. Только надо бросить отвратительную привычку все собирать и копить только для себя, надо для всех.

Теперь здесь организован советским правительством орган Охраны Памятников Искусства и Старины, которому подлежит взять это дело в свои руки. Давно пора всем имеющим что-либо ценное, художественное, искренно любящим искусство, связаться с ним, не дожидаясь каких-либо декретов.

Музей давно был бы организован и открыт, если бы не произошло осложнение с помещением. Помещение, предназначенное для него (бывш. архиерейский дом), экстренно было занято Наробразом, а другого подходящего помещения до сих пор в городе не удалось подыскать.

20 июля 1920 года.

А. ШИЛОВСКИЙ.

Деревянная архитектура г. Томска*).

(Посмертная статья).

Темой моего сегодняшнего доклада является: деревянная архитектура г. Томска. Но прежде чем говорить о ней, я хочу сказать несколько слов вообще об архитектуре деревянной, тем более, что этот вопрос требует особого освещения и важен особенно для Сибири, как страны преимущественно застроенной этого сорта материалом.

Но должен оговориться, что освещая этот вопрос, я буду подходить к нему с чисто художественной точки зрения, неразрывно связывая его со строительством всей природы, так как рассматриваю архитектуру ни чем иным, как дальнейшим развитием ее.

Чтобы быть более понятным я скажу, что смотрю на произведения рук человеческих и на его искусства и вообще на всю деятельность, где проявляет он свои умственные и духовные силы, как на продолжение творчества природы, создавшей для этой цели самого человека. И правда, человек является в борьбе с природными условиями неоспоримым и могучим фактором развития и усовершенствования всех природных богатств и сил заложенных в ней. Выражение, что человек борется с природой, заключает в себе самый ограниченный круг понятий о природе и не рассматривает ее как великую и всеобъемлющую связь всех явлений, в числе которых является и сам человек, как один из важнейших факторов ее. Он своей культурой изменяет до неузнаваемости вид пейзажа. Своими посевами, виноградниками, фруктовыми садами, древонасаждением, орошением и осушением болот он делает чудеса. Железные дороги, каналы, шлюзы, телеграфы, села и города, плотины, искусственные водоемы и водопады, фонтаны—все это есть природа, выправленная великой рукой мастера, рожденного ей самой.

Архитектура в точном смысле этого слова есть организация, устройство, связь различных элементов для выражения формы и, связанных с ней, идей, объемов; и в этом смысле она является повсюду и лежит в основе мироздания.

В узком смысле она является продуктом строительства человека. Но что же такое художественная архитектура и можно ли всякое здание назвать таковым? Художественной архитектурой я называю такие создания рук человека, где выявлен образ, где образность доведена до известной большей или меньшей точки выражения, бросающейся в

* От Редакции: Статья эта как посмертная помещается без каких либо изменений, дополнений и т. п. и редакция не имеет даже возможности сделать указания в тексте на соответствующие №№ худож.-архитектурных зарисовок „Старого Томска“, на которые ссылается автор, не указывая однако же их точно.

Редакция, помещая эту работу, ввиду ее особого интереса, как по теме, так и по разработке, выражает глубокое сожаление, что за неимением средств не представляется возможным ее иллюстрировать, хотя в музее и имеется 252 зарисовки и фотографии по архитектурной старине Томска.

глаза, где идея или чувство с помощью видимых и осязаемых в пространстве форм становятся ясны и кристаллизованы.

Конечно, вопрос, который я сейчас только затронул, требует более детального освещения и углубления его, но тема моего сегодняшнего доклада не позволяет сделать этого.

Из того, что я только что сказал, неудивительно, что строительство человека тесно связано с окружающей его природой, и как бы непосредственно выходит из нее. В местности, изобилующей камнями и песком и имеющей в ограниченном количестве строевой лес, естественно, развивается каменная архитектура, и подсобным строительным материалом будет, конечно, песок, как это и было например в Египте. В стране, изобилующей солнцем и глиной, разовьется кирпичная архитектура, причем кирпич будет в начале не обожженный, как это было в Вавилонии и Сирии. В стране, изобилующей строевым лесом, разовьется, конечно, деревянная архитектура, как это и было у нас на севере в России и в Сибири.

С развитием железа и бетона, строительными материалами начинают быть они. Является железобетон и, так называемые, скелетные металлические здания Америки.

Виолле-де-Люк в своем трактате о русском искусстве, затрагивая эту сторону вопроса, говорит: у различных племен, составляющих род человеческий, существует лишь весьма ограниченное число основных начал искусства, как в отношении самой постройки зданий, так и в отношении орнаментации; что же касается собственно постройки зданий, то они располагают лишь двумя главными приемами. Первый, и, по всей вероятности, самый древний прием состоит в употреблении дерева; второй же заключает в себе все способы соединения материалов посредством растворов и определяется общим именем каменной кладки, будь то воздушный или обожженный кирпич, камень или бутовая плита, связанные цементом или глиною.

Дальше, развивая эту точку зрения, он приписывает систему постройки здания с помощью кладки на растворах желтым племенам, а употребление дерева в сооружениях арийскими племенами: „Если одна из ветвей арийского племени водворяется, например на равнинах между Тигром и Ефратом, то оба элемента могут смешаться, но в них всегда окажутся следы родовых влияний“—говорит он и указывает на Элладу, где при употреблении каменного материала „замечаются формы, свойственные деревянной конструкции“, а именно он говорит: „Грек-Дорянин никогда не употребляет извести, как священного вещества, хотя очень хорошо его знает, потому что делает из нее, под живопись, весьма тонкую и легкую штукатурку. Словом, он всегда строит из камня на сухо. И даже Римлянин, употреблявший оба способа постройки, никак не смешивая их, и когда строил с каменной облицовкой, то никогда не связывая цементом тесанного камня, а всегда складывал его на сухо, в притеску“. Переходя же к деревянной конструкции, он разделяет ее на 2 системы, а именно: что „одна состоит в накладывании бревен друг на друга по длине, венцами и на срубке их по углам для образования прочных стен. Другая же, которая и составляет собственно то, что называется деревянной системой), состоит в искусстве собирать таким образом деревянные бруссы, чтобы воспользоваться качеством свойственным этому материалу, употребляя его в дело сообразно этим самым качествам. „Славяне“, говорит он в другом месте, как это подтверждается еще живыми преданиями, возводили свои деревянные сооружения из срубов, а Сканди-

навы из стояков и раскосов и потому они очень рано достигли большой ловкости в постройке судов. Я нарочно остановился на этом вопросе и осветил его с помощью такого авторитетного исследователя и знатока, каким является Виолле-де-Люк, для того, чтобы осветить вопрос о важности самого детального исследования деревянной архитектуры у нас в Сибири и России, где сохранились следы самого первоначального зарождения и постепенного развития, может быть, если не полного еще развития, то во всяком случае расцвета. Это тем более необходимо сделать, что время и скорый ход истории грозят уничтожить целые звенья из этой цепи последовательного развития, имеющегося еще налицо, в Сибири. Тем более это важно сделать, изучить и осветить, чтобы понять художественные элементы деревянной архитектуры, как одной из двух основных начал архитектурного искусства.

Всем вам хорошо известно, что дерево не долговечно и в этом смысле слова не может равняться ни с камнем, ни с кирпичем. Но оно далеко не наихудший материал в ряду других строительных материалов, очень распространенный и подчас незаменимый. В последнее время только железо и железо-бетон начали изгонять его в системах крыш и вообще перекрытий. Быстрое уничтожение лесов, хищническое хозяйство ими и растущий спрос приводят к тому, что строевой материал в смысле доброкачественности все ухудшается. Место кондовой лиственницы древних построек заменяется в новых скоро изнашивающейся пихтой, что, конечно, отражается на долговечности постройки. В то самое время как техника и вся совершенствующаяся обработка дерева дает возможность проявиться новым формам и новым художественным возможностям деревянной архитектуры, с изучением приходится торопиться, ибо исчезает не только старое, древнее, еще дошедшее кое-как до нас из глубины веков, но и проходит быстро современное, развивающееся со сказочной быстротой, но еще более сказочной быстротой и гибнущее. Мне скажут, да нужно ли это, нужно ли это гробкопательство в век стали и железа. На этот вопрос я отвечал на столбцах газеты „Знамя Революции“, здесь же я приведу снова слова того же самого ученого, который был „решительным противником академических учений“, говорил „я не принадлежу к числу отчаявшихся в настоящем и оплакивающим прошлое. Прошедшее есть минувшее; но в нем нужно рыться тщательно и добросовестно, нужно заботиться не о его возвращении к жизни, а о его разузнании для извлечения пользы из его уроков“, а раз деревянная архитектура является одним из основных начал строительства, то его необходимо проследить во всем его историческом объеме, от первых до последних дней. Надо сознаться, что этого еще не сделано, что это надлежит еще сделать нам. Правда, уже начато и за последнее время уже сделано много, но до сводки еще далеко. Многие художественные стороны деревянной архитектуры еще не изучены и на них слишком мало обращают внимания в то самое время, как этого же нельзя сказать про каменную архитектуру, так например, мало изучен старый русский ампир, являющийся целой страницей в истории деревянной архитектуры. Совершенно не затронуто наше деревянное строительство недавнего времени и последние его влияния. Да и в древней до Петровской эпохе и после Петровской, думается, в Сибири не все еще открыто и с достаточной научностью изучено и освещено.

Деревянная архитектура не вечна, она гибнет на наших глазах с изумительной быстротой. И ход этого разрушения часто невозможно остановить. Построенная на непрочном фундаменте, часто на времен-

ных стойках или даже на четырехаршинных столбах—она падает. Картину такого обрушения можно было видеть в июне 1920 года за Аптекарским мостом, где одноэтажный дом с мезонином, совсем еще на вид хороший и по обработке новый, свалился с подгнивших стоек. Под'отделу охраны удалось его снять, к сожалению, не сразу после падения, а немного позже. Другие постройки, выстроенные на болотах и топях, стоят и уходят в землю, засасываются болотом. Таков дом № 2, на Загорной. Он изображен на рисунке Жигалова, а в доме № 3, рядом с этим уже первый этаж утонул, уходит верхний со своей колоннадкой, у которой сейчас не видно пола, который уже покрылся землей. На рис. Берингова тоже лачуга уходит в землю и жители его говорили мне, что тщетно просят нового помещения. Рисунок—дом по Гоголевской улице уже не обитаем. На рисунке он изображен со двора и видно как ломается, а с улицы он падает на тротуар. Да и куда не поглядишь по Томску, таких домов найдешь достаточно, так как во многих местах города болото и невылазная грязь. Весной даже по некоторым улицам с трудом проедешь. Да и наводнения делают свое дело. Лед разбивает, а вода уносит дома. Так мы в истории Сибири знаем наводнение?—года, уничтожившее часть Барнаула. На снимке зафотографировано одно из крупных наводнений г. Томска, залившее все Заистоцье и причинившее много бед жителям. Да я сам в году, проезжая вверх по Оби, видел целые деревни, стоящие в воде, скот на крышах, а людей на чердаке. Да из рассказов людей, с которыми я встречался в г. Томске на Монастырском—лугу видно, как чердаки приспособлялись для жилья на время весеннего разлива Томи и Ушайки.

Наконец пожары довершают это стремительное исчезновение с необычайной быстротой и свирепостью. Это поистине настоящий бич деревянной архитектуры. Выгорают не только дома, кварталы, по чуть ли не сплошь города. Многие коренные жители Томска помнят вероятно пожар 1882 года, когда Заистоком выгорело 200 домов. А Барнаул и по сие время в лучшей своей части стоит в развалинах.

На рисунке № изображено пожарище деревянных казарм, теперь сносящихся.

Кроме того грибок, очень распространенный в Сибири, заражает целые районы и производит губительное действие.

Да и люди не отстают от природы и калечат старые постройки, подчас образцовые, перестройками, достройками и поправлениями или небрежным отношением.

В междуусобиях на войне, конечно, уже ни кто не думает о художественной ценности их. И если Реймский собор разрушен немцами, то нами, вероятно, разрушено достаточное количество неисследованных памятников нашего деревянного народного зодчества. А оно своеобразно, оно красиво, так как выразительно в своей логике и простоте, освещено традицией и усовершенствовано художественным чутьем строителя. Эдгар Норверт в своей статье „К вопросу о популярной литературе по архитектуре“ в журнале „Художественная Жизнь“, за март и апрель 1920 г. пишет, что: Архитектурная красота различна повсюду, что не следует ее искать в помпезных монументальных зданиях. „Она сама преследует нас на каждом шагу в обдерганной и обшарканной колонне, решетке старого особняка, повороте кривого тупика, иногда в витрине табачной лавки“. И это глубоко справедливо. Недаром вопрос охраны и изучения старинной архитектуры, открытие ее художественной ценности у нас в Росси произошло

тогда, когда целый ряд даровитых художников своими работами открыли дотоле неподозреваемую красоту былого. Таковы из художников Васнецов, Якунчиков, Поленов, Рерих, Билибин, Плотников, Добужинский, со своим уже синтезом отжившего провинциального города, старой Вильны или каким нибудь захолустьем Лукомский и т. д. Из архитекторов-художников: Суслов, Покрышкин, Милеев, Романов, Шусев, Шуко, да их и не перечесать. За последнее до революционное время дан ряд многих великолепных научных обмеров, рисунков, акварелей, удивительных реставраций и исследований. С помощью этих работ на основании всего собранного материала стали уже возможны некоторые выводы и научные обобщения. Стала писаться история, дотоле никем не виданной, русской архитектуры.

И останавливаться нельзя, надо работать, не покладая рук, так как еще не все освещено, не все ценное собрано, но, чтобы не упустить этого ценного, нужен художественный подход. Не достаточно умом понять то или иное, а надо художественно воспринять старину, увидеть действительный лик ее, понять аромат всякой эпохи, ее характерность, осмыслить ее художественные приемы. Тогда только мы оценим и каждую эпоху по заслугам, найдем в ней самостоятельную ценность.

И, правда, поглядите на всю серию работ художника Берингова, чем увлекается он, что воспроизводит он. Ведь, это все деревянные руины, обглоданные, изъеденные—корявая старость их и разве изуродованные, обезображенные, ошестинившиеся, они не говорят вашему сердцу, не напоминают вам ничего из своей трудовой жизни, убогой, нищенской. Разве это не целые образы, не целые картины, говорящие о человеке и его жизни. Но, ведь, мы так не привыкли заниматься деревянными руинами—это совсем ново. А почему? Почему каменные руины вызывают восторг и общепризнаны ландшафтной живописью всех народов?

Даже были великие мастера, тратившие на изображение их всю свою жизнь, подобно Пиронезе, влюбленному в римские развалины, и разве после него не было подобных же любителей: Росси, Гонзаго, Рибейрон, не мало других.

Да этого мало, к художественной живописности их привыкли и полюбили ее, так что стали даже воспроизводить у нас в России. Я не буду говорить о других странах, подобные сооружения имеются и у нас в Петергофе, и в Царском Селе, и в Павловске, и в Гатчине, и в других дачных местах. И строили их знаменитости, известные архитектора того времени. Теперь же они охраняются, как памятники искусства, но, наслаждаясь каменными постройками и их характерной картиной разрушения и запустения, мы не подозреваем о красоте деревянных руин, а они красивы, изысканно-трагически красивы в своем разрушении и медленном угасании. Есть характерная черта, отличающая их существенно от каменных руин. Это удивительная возможность деформации. Дом может покоситься необычайно и не разрушиться, вдавиться, выгнуться, изогнуться, бог знает как, и все-таки держаться, поставить „ершом“ все доски крыши и жить. Наблюдая и рассматривая в натуре всю чудовищную эту деформацию, которой камень никогда в такой мере не обладает, приходится восхищаться ею, так как это ничто иное, как удивительная способность всего сущего приспособляться. И деревянное строение приспособляется куда лучше, чем каменное, которое статично, а это динамично. Оно живет... Оно видоизменяется, оно усыхает, трескается, кривится, сообразно различным

условиям. Его крутит, гнет, распирает или сдвигает, ломает, калечит, выворачивает, а оно не поддается. Меняется чуть-ли до неузнаваемости, но все-таки живет и дает приют бедняку.

На фотографю № дома я не могу смотреть без трепета. Вы видите воочию, как жило здание и люди в нем, всю его историю. Рисунок Берингова мне говорит, что мы все идем цеукоснительно туда же, куда движется эта похоронная процессия домов. Рисунки № и мне говорят о фейерверке перед смертью и многое еще другое. Любопытно, что художник не упустил еще одной специфической черты деревянных руин—это их зарисованность, инкрустированность, я бы сказал. И, действительно, рисунок дерева в разной пилке, очень разнообразный, всегда свободный и необычайно художественный в своем логичном ритме.

Художник на рисунке N... стремится подчеркнуть муар дерева, его бархат, то, что нравится ему утрировкой—прием вполне художественный. Это свойство дерева художники заметили еще давно, так, например, полировкой узор еще сильнее выделяется. И им, например, старики всегда пользовались, подбирая соответственно рисунки. Особенно красивы разводы карельской березы. В красочном отношении дерево разнообразно и богато, едва ли беднее камни. Мох, плесень, сухость или сырость вносит свою художественность в его красочный лик. То оно желтеет, буреет, краснеет, зеленеет, синееет, сереет, становится похожим на мыш, то в нем преобладают горячие тона, то холодные, и надо быть слепым, чтобы всего этого не заметить.

Наконец, сама форма рубки, конструктивные особенности дерева, возможность больших выносов и нависших балконов, тонких колонок, косяков, ставен, вывесок, характерность углов, рубленных в „обло“ или „лапу“, наконец, округлость самого дерева—все это есть элементы архитектурной художественной красоты, из которых и складывается и художественный образ. Деревянная руина ценна тем, что она воочию открывает художественное богатство деформации. Ни одно каменное здание не обладает тою „прочностью“, эластичностью и гибкостью, которую обладает деревянное. Вот почему при землетрясениях каменное скорее разрушается, чем деревянное.

Деформация архитектурных зданий, конечно, не новость. Все знают, что при рубке дома всегда оставляют пазы для усыхания, и чем сырее лес, тем это усыхание сильнее. Но степень, до которой возможно усыхание разных пород и деформация отдельных частей всего здания, заключенного в целое, едва ли достаточно освещены. Если деформация каменных форм вызвала к жизни некоторые художественные мотивы в каменной архитектуре как, например, опускание замков ниже наличных арок, разорванные фронтоны, то кто поручится, что, изучая более серьезно деформацию деревянных руин, мы не scopируем с них новые художественные формы. Во всяком случае, в деревянной руине осязаешь ясно боящиеся силы напряжения и эти напряжения, осязаемые глазом, красивы; они исказили постройку, придав всем формам ее высшую целесообразность. Это не простая игра судьбы, это закон приспособляемости, имеющий высшую житейскую целесообразность. А как красиво дерево горелое! Рассматривали ли вы его когда-нибудь серьезно. Конечно, что и говорить, пожар всегда напоминает горе, но художник привык смотреть и видеть, прежде всего, художественный лик, физиономию. И я сознаюсь, по моему, еще никем не изображено достойно пожарище. Весь ужас и трагическая красота его бархатных узоров, искрящихся особым блеском, изъязвленных,

из'еденных массой разводов, не нашли еще достойного изображения. Я не шучу, и когда говорю, что художественную красоту дерева художники еще не открыли. Правда, открыли уже красоту деревянных форм, явили ее миру и она стала бесспорна для незрячих. Но все богатство фактуры еще впереди. Вправду, если японские художники увлекаются ласточками на воде и стаяй рыбок, идущих в глубине, то почему не заинтересоваться художнику жучком-короедом, его ходами, его работой, сидящим на спиле пне; или домашним прусаком, ненароком попавшим на стену горевшего дома. Может быть, это кажется смешно, но только до тех пор, пока рука мастера не воплотит подобный образ и не покажет всю красоту его. Теперь я перейду к дальнейшему, но укажу тут, что я так долго остановился на руинах потому, что они до сих пор всеми позабывались. Художественную красоту их никто не видел, и обыватель и сейчас, вероятно, после моих слов в некотором недоверии. Уже не увлечение ли это художника, уже не заврался ли он. Пусть так, но мысли, брошенные мной, найдут отзвук в душе сотоварищей, а у других возбудят мысли и так как все, о чем я говорю, находится тут и только что указанные рисунки характеризуют руины г. Томска, то не трудно пойти и убедиться самим. Следует только забыть мещанский взгляд о прекрасном и о какой-то недостижимой далекой красоте. Надо смотреть и чувствовать, а не смотреть, заранее все зная и презирая наперед. У художницы Вериги-Чудновской есть рисунок одного висячего деревянного балкона, где удивительно выражена, я бы сказал, экзотика дерева, т. е. подчеркнута его способность меняться, деформироваться.

Как греки камень красили, так и дерево красят.

Переходя к характеристике деревянной архитектуры г. Томска, к краткому обзору его по стилям, я выделяю 5 периодов ее. К первому периоду относятся постройки, еще уцелевшие, характеризующие 18 век. Есть и серия дворов в Томске, мало отличающихся от деревенских, например, на Петровской улице, затем № на П двухэтажный дом, перенесенный из деревни и сохранившийся довольно хорошо, он очень типичен (описание художественно типичных частей). Потом дом № на и дом № 13, на Воскресенской ул., пожалуй, самый старый. К этим домам можно отнести и дом „старца Кузмича“, который выполнен великолепно и производит при детальном даже осмотре удивительно приятное впечатление. Потом идут характерные сибирские двух-этажные дома (нижнее окно мало, верхние крупнее, крыши на 4 ската.

Тип сибирский, встречающийся и сейчас по деревням Сибири. Часто на них уже традиционны окна ампира. Потом эпоха русских построек пропорций. Потом эпоха узорного ампира. Традиции обшивки, эмитация под камень, обшивка углов рустами, а не скатами, железные крыши, карниз с простыми классическими обломами. Коринфский стиль, ионика и дорика. Модель окна—целая усадьба. Окраска. Аристокризация ампира, фестоны, резьба в воротах, присоединение к нему русского стиля колонок, пестрая расцветка. Бытовые черты, замкнутость.

Характерная черта—мотивы каменного ампира и эмитация каменной архитектуры, русты, замки и т. д., но все это видоизменяется и достигает совершенного своеобразия и логичности деревянной конструкции, пропорции деревянные—пестрота—в них.

Барокко—резьба с выпилкой, раскраска.

Потом эпоха новая—усиление выпилки, ажур, обшивка не под камень, а характерная дереву—шпонтом.

Новый вид изжития ампира—влияние, вероятно, Репетовское, его стиля и тона—обращение к русскому стилю. Точность и резьба входят в употребление.

В 1900 году застройка г. Томска и расцвет нового русского стиля. Его отличительные черты: большие двухэтажные дома, на прочных фундаментах, на одном каменном этаже с разделкой; пилястры с резьбой и обработка углов оригинальная. Окна—богатство резьбы и обработка резьбы. Характер орнаментации растительный, азиатский, виртуозность. Окраска разными колерами непременно. Балконы с цветными стеклами. Ажур, кружеватость. Любовь к серебрению. Что то мавританское, азиатское. Ворота: новая форма их. Влияние китайского искусства в окончаниях, вернее, индийского. Обработка колонок на воротных пилонах и т. д. Нарядный характер.

Второе течение—это влияние каменной Московской архитектуры. В дереве повторяют ее формы. Богатство, солидность, почти дворцы. Нежная полихромия. Карнизы с выпиленными кронштейнами. Типы каменных построек переносятся в дерево. Все это быстро гибнет. Похоже, что дерево цветет.

Третье течение—это иностранное, проводимое инженерами и образованными архитекторами иностранцами. Игра крыш, трюков с рубкой „модерн“. Обшивка крупна, верхушки, шишки, полосочки, бессмысленная плоскость. Дома—коробки.

Но есть и в иностранном стиле несколько домов, по своему эффектных и, пожалуй, хороших.

И. МЯГКОВ.

Находка на горе Кулайке.

Археология Западной Сибири и особенно северной ее части, так мало изучена, что каждая находка древностей или новая раскопка приобретают особое значение. Придавая большое значение и находке на горе Кулайке—я предлагаю ее для опубликования и введения в научный круг знаний древностей Западно-Сибирского Края. В 1922 г. крестьянин села Подгорного, Чаинской волости, Нарымского края, Томского округа, распахивая возвышающуюся над р. Чаей гору, известную под названием „гора Кулайка“, выпалал большое количество предметов сделанных из серебра и меди (железных предметов, по его словам, не было найдено совсем). Найденные предметы и особенно серебрянные быстро разошлись по рукам крестьян. Спустя некоторое количество времени о находке был извещен Томский Губмузей и ему удалось получить небольшую часть предметов из найденных на горе Кулайке. Остальную часть не удалось получить из-за отсутствия средств у Губмузея на командировку туда специального лица. Коллекция доставленная в Томск и хранящаяся в настоящее время в Томском Краевом Музее состоит из следующих предметов: 1) 2-х обломков бронзовых котлов минусинского типа, причем один найден был со всеми предметами, а другой несколько поодаль от них; 2) большое количество медных наконечников от стрел двух типов, первый, который значительно преобладает над вторым представляет из себя трехперый наконечник от 7 до 8 сантиметров длиной, жальца которого выходят на 1—1½ сантиметра дальше втулки для древка. Втулка у этого типа наконечников расположена внутри наконечника (см. фотографию). В настоящее время их в Томском Краевом Музее 24 штуки. Второй вид наконечника такой же величины, но отличается от первого типа тем, что у него втулка для древка выходит дальше жальцев, которые короче чем у первого типа; 3) плоское литое изображение человека с непропорционально тонким туловищем и большой головой, похоже на найденное в Тюкалинском округе, Тобольской губернии,¹⁾ только на голове отсутствуют отростки и брови поставлены горизонтально, а не наклонно, как мы это видим у Тюкалинского экземпляра; 4) обломок выпукло-вогнутой бляхи из серовато-золотистого, очень ломкого, металла напоминающая бляхи Истяцкого клада²⁾; 5) изображение птицы с опущенными крыльями и лицом человека на шее (груди) (см. фотографию); 6) 13-ти ажурной работы изображений фантастических животных и изображений лося и пр.; 7) 15-ти медных обломков. Керамики не было доставлено совсем. Была ли она найдена на месте—неизвестно. Все предметы за исключением 2-х минусинского типа котлов и обломка бляхи сделаны из меди³⁾. Во время тяжелого положения Музея в связи с

¹⁾ Отчет Археологической Комиссии за 1899 г.

²⁾ A. Heikel—Antiquites de la Siberie occidentale... Helsingfors. 1894 г.

³⁾ Анализ был произведен в химической лаборатории Томского Технологического Института, за что пользуюсь случаем принести глубокую благодарность.

соединением его с Домом Просвещения—изображение человека и несколько наконечников стрел исчезло, причем среди них все наконечники второго типа. Из найденных на горе Кулайке серебряных предметов в Томский Музей не попало ни одного, интересно только упомянуть, что в ноздре одного из ажурных изображений лося хранящихся в Томской коллекции сохранилась плоская серебряная проволока. Все доставленные предметы от пребывания в земле покрыты патиной и имеют ноздреватую поверхность. Найденные предметы представляют определенный интерес для изучения. Район находки слишком мало изучен или даже, точнее сказать, совсем не изучен в археологическом отношении, с другой стороны редкость подобного типа находок заставляет обратить существенное внимание на находку на горе Кулайке. Мы можем указать на очень немногие аналогичного типа находки и сюда прежде всего нужно отнести: 1) находку, сделанную в 1913 году в Нарыском же крае из предметов ажурного литья типа горы Кулайки и переданную В. Я. Нагибедой финскому исследователю К. Доннеру и опубликованную им в *Finskt-museum*¹⁾; 2) известную находку предметов около деревни Ишимки в северной части Ачинского уезда, Енисейской губернии, (район имеющий определенное тяготение с одной стороны к бассейну р. Оби (д. Ишимка находится на р. Чульме впадающей в р. Обь) и с другой стороны к степям Минусинского края—отсюда смешанный характер предметов²⁾; 3) изображение человека, найденное около озера Сайма и Ика Тюкалинского округа быв. Тобольской губернии³⁾; 4) идол (или изображение человека) из кургана № 15 Чувашского мыса около г. Тобольска⁴⁾ и, наконец, 5) находка предметов около Итяцких юрт Тобольского округа состоящая из металлических блях, типа Кулайки, серебрянного изображения Дианы и литых изображений зверей, здесь же был найден и минусинского типа бронзовый котел⁵⁾. Как видно материал еще слишком незначителен, чтобы делать какие-либо окончательные выводы—но некоторые наблюдения сделать возможно. Прежде всего очевидно, что находки подобного типа тяготеют определенно к району р. Оби, за р. Енисеем мы не находим их совсем. Далее, они приближают нас к древностям Восточной России и мы там находим многие аналогии. Предметы с горы Кулайки сделаны на месте за исключением бронзовых котлов минусинского типа, в то время, как среди находок других аналогичных предметов есть импортные предметы. Отсутствие здесь предметов домашнего обихода, типы фантастических животных и некоторые другие признаки, на которых мы остановимся несколько ниже, заставляют предполагать, что предметы имели религиозное назначение и, что гора Кулайка была почитаема за священное место аборигенами края. Труднее датировать древности горы Кулайки.

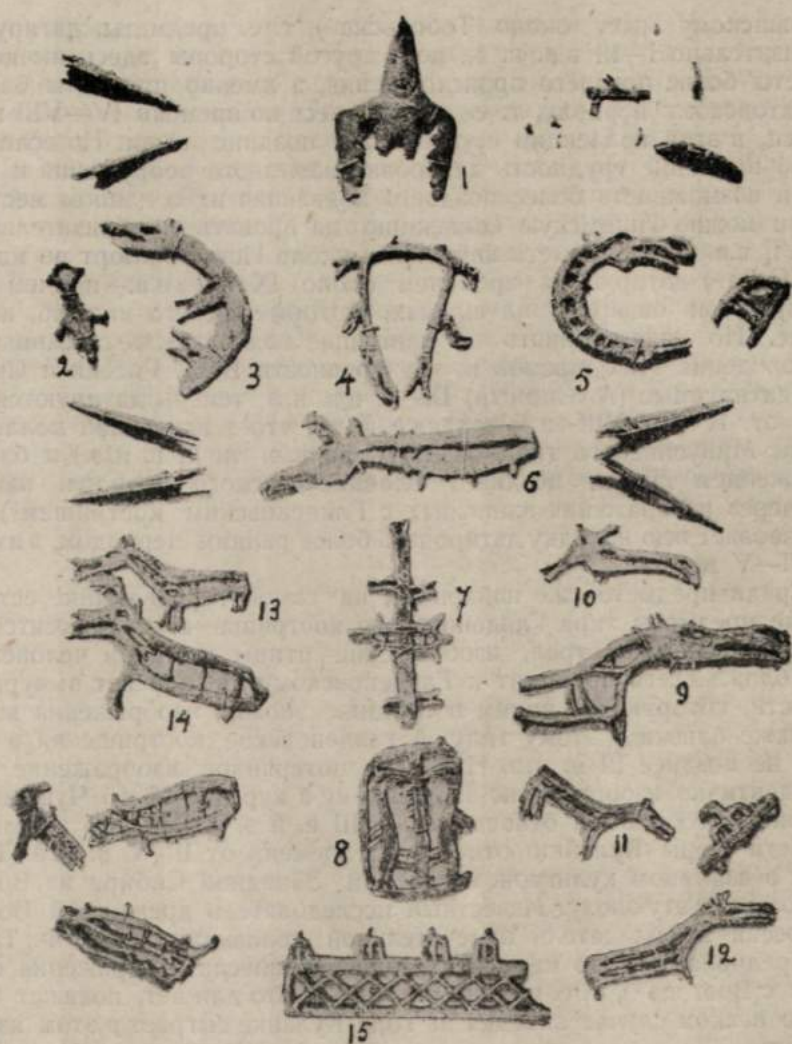
1) *Finskt-museum* т. XXII 1916 г. Helsingfors. 1916 г.

2) Е. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск. 1914 года.

3) Отчет Археологической Комиссии. 1899 года.

4) Heikel—*ibid.*

5) Heikel—*ibid.*

Часть предметов найденных на горе Кулайка, Чаинской волости, Нарынского края, Томского округа.

Для этого необходимо рассмотреть находки аналогичных предметов в других вышеупомянутых местах. Что касается находки В. Я. Нагнибеды в Нарынском крае, хранящейся в Гельсингфорском Музее, то она мало помогает нам в данном отношении. Ишимская находка, хранящаяся в Красноярском Музее—сборная. Здесь мы имеем предметы близкие к Пьяно-боярскому могильнику¹⁾, Кошибеевскому могильнику²⁾

¹⁾ А. Спицын—Древности Камской чуди (зеркало таб. IV № 8, застенка таб. VI № 10 в книге Ермолаева.

²⁾ Материалы по археологии Вост. Губ. России (пластинка таб. V № 8 в книге Ермолаева.

и Чувашскому мысу около Тобольска¹⁾, т. е. предметы, датируемые приблизительно I—III в.в. н. э., но с другой стороны здесь имеются и предметы более позднего происхождения, а именно предметы близкие Ломоватовскому периоду, т. е. относящиеся ко времени IV—VIII в.в.²⁾. Наконец, в этой коллекции есть и более поздние вещи. Но если принять во внимание трудность датировки железного вооружения и предметов и возможность более позднего появления их в данном месте, то в целом можно Ишимскую коллекцию датировать приблизительно от II до VII в.в. н. э. Предметы найденные около Истяжских юрт по мнению Бела Поста³⁾ датируются временем около IX—XI в.в.—причем свою датировку он базирует на шлемах, которые, по его мнению, весьма поздние. Но если принять во внимание возможность сассанидского происхождения этих шлемов и, что древности Вост. России и Сибири ранее датируемые (А. Спицын) IX—X в.в. н. э. теперь датируются временем от IV до VIII в.⁴⁾ а также и то, что в названной коллекции найдены Минусинского типа вазы (IV до н. э. по II в. н. э.) и бляха с изображением Дианы позднего эллинистического периода, наконец связь через изображения животных с Гляденовским кострищем⁵⁾—все это позволяет всю находку датировать более ранним периодом, а именно около I—V века н. э.

Среди предметов же найденных на самой горе Кулайке есть некоторые предметы типа Гляденовского кострища—сюда относятся оба типа наконечников стрел, изображение птицы с лицом человека на груди ближе всего подходит к Гляденовскому, в ней нет вычурности и сухости, которую мы видим в поздних эпохах; изображения животных также близки к этому типу. А гляденовское кострище ни в коем случае не позднее III в. н. э. Наконец, потерянное изображение человека идентично изображению, найденному в кургане № 15 Чувашского мыса около Тобольска, относимого в III в. н. э.⁶⁾ Все это заставляет древности горы Кулайки отнести ко времени от II—V в. н. э. Темен вопрос о взаимном культурном влиянии Западной Сибири на Восточную Россию в эту эпоху. Известный исследователь древностей Восточной России и обладатель замечательной коллекции их А. Ф. Теплоухов предполагает, что пермская „чудь“ принесла изображения своих идолов с Востока⁷⁾, т. е. из Сибири. Так ли это или нет, покажет будущее, во всяком случае находка на горе Кулайке сыграла в этом известную роль.

Можно поставить вопрос о том, кому принадлежали эти предметы?—имеются ли по этому поводу какие-либо указания. Здесь прежде всего следует обратить внимание на филологическую основу названия горы Кулайка. Это слово остяцкое и оно состоит из двух слов куль—(рыба) и айка—(маленькая). С другой стороны слово „куль“ имеет иное значение: куль—водяной бог, живущий в темных водах под землею или глубокими водах на земле. Он настроен враждебно к людям и всегда им

¹⁾ Heikel—ibid.

²⁾ А. Шмидт—Гуйский всадник (Зап. Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук, Ленинград 1925 г. (Под Ломоватовским периодом подразумевается культурная эпоха, которую А. А. Спицын называет эпохой VIII—IX в.в. н. э. в настоящее время их относят ко времени от IV до VIII века.

³⁾ Posta Bela—Regeszeti tanulmányok az oroszfoldön Zichy jenő grofharmdie azsiai (Bela Posta—Archaeologische studien auf Russischen bogen).

⁴⁾ А Шмидт—ibid.

⁵⁾ А. Спицын—Гляденовское кострище (Зап. Р. Арх. О-ва I—XII в. I).

⁶⁾ Шмидт А.—ibid.

⁷⁾ Bela Posta—ibid.

вредит—отсюда требует умиловительных жертв¹⁾. Если принять это во внимание, тогда перевод названия горы будет гора Куля (бога рыб). Место священное, и естественно, что на нем отсутствуют предметы домашнего обихода. Становится понятным присутствие изображений фантастических животных, а также изделий из серебра так высоко почитаемого, в качестве священного дара богам, туземцами Западной Сибири и Восточной России²⁾. Места других аналогичных находок древности также связаны с финнами. Чувашский мыс, упоминаемый выше, имеет название также остяцкое чу—ваш (город)³⁾. Истяцкая находка сделана около места жизни отатарившихся, по мнению Радлова⁴⁾, остяков. Географическое же распространение предметов упомянутой культуры совпадает с территорией распространения финских племен. Все это необходимо принять во внимание при дальнейшем изучении затрагиваемой культуры. Интересно также упомянуть, что бляха (см. фот. № 8 с изображением стоящих в герольдической позе водяных птиц неотъемлемо связывает эти вещи также с остяками или другими финнами: гагара—священная, почитаемая ими птица.

¹⁾ S. Patkanov—Die Jrtysch—Ostjaken. т. I. СПб. 1900.

²⁾ А. Шмидт—ibid.

³⁾ С. Патканов. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб. 1897 г.

⁴⁾ Radlov—Aus Sibirien. Leipzig—1884 г.

Деревня Иткара Томского края.

Хозяйственно-бытовые очерки.

На правом берегу реки Томи в 65 верстах от г. Томска к югу, у подножия невысокой „гривы“ живописно приютилось небольшое селение Иткара. Из сырого Иткаринского лога, служащего гранью между горой „Митюхиной“ и „Игловской“ вытекает студеная речка Малая Иткара, которая, соединившись с Большой Иткарой (берет начало в соседних землях дер. Саламатовой), и, пересекая селение, впадает в Томь. По имени этой речки и получила, повидимому, свое название деревня. Как образовалась Иткара, кто положил начало ее существованию, иткарцы не знают, помнят только от стариков, что много лет уже их селению „почитай што и не одна сотня“. И действительно не менее двухсот лет уже стоит Иткара, а может быть и больше. В атласе Ремезова указывается, что наряду с другими деревнями в самом начале XVIII века существовало село Иткаринское. Если Иткара в то время называлась селом, то, следовательно, тогда в ней находилась церковь. Как бы в подтверждение этому, в некоторых еще ранних исторических документах (за 1699 г.) имеется грамота Томскому воеводе Петрово-Солового о жаловании томскому духовенству, в которой говорится также и о селе Алексеевском—Иткаре. Когда была построена в Иткаре церковь доподлинно неизвестно, нет об этом и предания у населения. По словам стариков—Иткаринцев, церковь у них была в то время, когда ни в Кулаковой, ни в Остроге храмов не было. Возможно, что это древнее селение было вначале заимкой какого-нибудь служилого человека, жившего в Сосновом Остроге (в 6 вер. от Иткары). Последний, как стратегический пункт, был средоточием русских военных сил, ведших борьбу с киргизами, калмыками и другими туземцами, приходившими в XVII веке довольно часто в окрестности Томска.

В 1680 году приказчик Сосновского Острога Матвей Кулаковский известил томских служилых людей о нападениях туземцев—„пришли де войной на Томской уезд и под Сосновский и Верхотомский остроги и на села и на слободы и на деревни киргизские воинские люди и киргизский князец Шалдычко Сатикеев, да вора и изменника Еренячко сын Шапчко, да зять его Еренячков Кашка. И те воры Томской уезд, села, слободы и деревни воевали и государевых всяких чинов людям урон учинили, дворы жгли и всякий скот отогнали без остатку и в кладях сжатые снопы во многих деревнях сожгли“.*)

По рассказам стариков Иткаринский „приход“ в стародавние времена был настолько велик, что для отпевания покойников привозили даже из Болотной (40 в.) и многих хоронили на Иткаринском кладбище. Следует заметить, что до настоящего времени сохранились осатки старых „могильников“, где наполовину ушедшие каменные плиты, поросшие мохом, говорят о временах давно минувших.

Около ста лет тому назад Иткаринская церковь сгорела и с этого времени значение Иткары в жизни окрестных деревень прекращается.

*) Дополнения к актам историч. т. VIII.

Как жила Иткара в далекие от нас времена теперешние ее обитатели не знают, среди них не сохранилось никаких воспоминаний преданий и легенд. Старики помнят лишь о работах, которые производились при их участии на Гурьевском заводе, когда они еще были приписные, „заводские“. Некоторые крестьяне утверждают, что после объявления „воли“ прошел по их землям инженер и провел между — „тогда сделали надел 15 десятин пашни, да 3 десятины лесу“, до того же времени земли и лесу было много и пользовались ими каждый где хотел — „кто куды глядит, тот туды и валит“. Основное занятие иткаринцев — хлебопашество; до проведения железной дороги многие еще занимались извозом, ямщиной и лесным промыслом. По исследованию, произведенному Швецовым и Юхневым в 1894 году¹⁾ из 44 хозяйств, составлявших в то время Иткару, помимо хлебопашества 27 жило лесным промыслом, 7 извозом, 2 ремеслом. Цифра 7, указанная Швецовым, однако не согласуется с рассказами крестьян, которые говорят, что почти вся Иткара, до проведения железной дороги, занималась ямщиной и извозом. По Сибирскому тракту вплоть до Иркутска, а иногда и далее до Кяхты „ходили“ с кладью ямщики, беря подряды от томских купцов — Кухтерина, Пушникова и др. Везли чай, мануфактуру, железо и проч., при чем с пуда клади получали 1 р. 20 коп. — 1 р. 50 коп.; чай расценивался по 4 рубля с „места“.

„Ходили мы, рассказывают старики, и на Семипалатно и на Кузнецк; в зиму раза три, четыре сходишь. Иной год заработка ладна, а иной ни за што маешься — то место сымут, то беда кака приключится“.

Проведение рельсового пути должно было несомненно отразиться на экономической жизни населения; ямщина, извоз как заработок падают — однако это обстоятельство, судя по рассказам, видимо, не вызвало особенного неудовольствия. „Как стали дорогу строить, думали — ишь ты заработок хотят отнять; все думали, хуже для нас будет, а оно будто лучше вышло, жить тогда чижало было — машин не было“.

Здесь любопытно попутно отметить отношение населения к постройке железнодорожного моста через реку Томь (около села Поломошного). С недоверием следили иткаринцы за работами, ожидая весны, когда тронется на реке лед, который, по их представлению, должен был снести всю эту хитрую затею. „Вон у меня, замечали некоторые, каки столбы листвяны на дворе, а как потоп придет все выворачивает — где же он (мост) удоржится“. Каково же было удивление, когда мост и весной остался цел, а бушевавшая ранее Томь с этого времени заметно будто бы не стала сильно заливать деревню.

Помимо извоза население Иткары занималось лесным и дровяным промыслами; лес обыкновенно сплавался в Томск по реке. Кроме этого некоторые ходили на ломку известки к с. Колмогорово („пожарище“); там работали обыкновенно артелями, нагружали плоты известкой, с которой и плыли по Томи в город.

В 1894 году в Иткаре было 44 хозяйства, исключительно старожильческих, которые имели всего под посевом 219,13 десятины. Господствующей культурой был овес (77), за ним рожь (озимая и яровая)¹⁾, пшеница 38,5, ячмень 21,1. В небольшом количестве сеялся картофель 2,1, горох 2,1, лен 2,3 и конопля 0,2²⁾.

¹⁾ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе т. II вып. 3. (промыслы, население) Барнаул 1900 г.

²⁾ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе т. II вып. 3 (промыслы, население) Барнаул. 1900 г.

Годы.	Число хозяйств.	К У Л Ь Т У Р Ы (в десятинах).														
		Яровая рожь.	Пшеница.	Овес.	Ячмень.	Картофель.	Горох.	Лен.	Конопля.	Просо.	Гречиха.	Полба.	Клевер.	Всего под яровыми.	Рожь озимая	Итого под посевом.
1894	44	38,8	38,5	77,3	2,1	2,1	0,5	2,3	0,2	—	—	—	—	161,8	58,5	219,13
1917	52	—	51,70	99,00	—	1,53	—	0,83	0,40	—	0,05	—	—	154,50	66,90	221,41
1920	82	2	120	155	—	0,40	—	2,46	0,60	—	—	—	—	280,46	99	379,46
1925	105	0,50	98,96	86,31	0,60	5,49	—	6,87	0,49	1,72	3,93	3,34	1	209,21	116,70	325,91

В это время среди иткаринцев не было ни одного переселенца; переселенческий элемент из-за Урала начинает проникать лишь с 1900 года—то были выходцы из Вятской губернии— „вдовуха“ Анна Дурова и семья Д. И. Ложкина. Ложкин 76 летний старик, побывав неоднократно на амурских приисках, увидел безпредельный простор Сибирских земель—в конце концов, недолго думая, решил переселиться за Урал. Его привлекла стоящая на берегу реки Томи, богатая строевым лесом и кедровником—Иткара. Приписавшись к деревне, он вызвал к себе двух сыновей.

В последующие годы вслед за Ложкиным потянулись из Вятской губ. (Малмыжского уезда) и другие крестьяне, которых насчитывается теперь 25 дворов; остальные новоселы, живущие в Иткаре пришли из губерний: Могилевской (2 дома), Казанской (2 дома), из Каменецк-Подольской (2 дома)—украинцы или „хохлы“, как называют их крестьяне. Надо сказать, что украинцев в 1920-23 гг. было в Иткаре домов шесть. В связи с революцией на Украине, когда прошел слух, что там население наделяется землей, „хохлы“, жившие в Иткаре довольно хорошо бросили свои крытые соломой мазаные хатки, снялись с мест и двинулись на родину. Судьба однако жестоко над ними насмеялась—более половины из них перемерло в дороге от голода и эпидемии. Оставшиеся с трудом добрались до своей Украины—истощенные и изголодавшиеся. Если первое время старожилы без особых препятствий пускали в свою среду переселенцев, то теперь каждый новосел встречает крайне недоброе отношение. Привыкшие к земельному простору старожилы тяжело переживают урезку их владений. „Моя земля, я ее раздобыл, она у меня в силу вошла, вот выдержится, тогда и берите“, слышится в ответ на постановление общества взять у кого либо лишнюю землю и передать ее новоселу. „Ишь лопатня понаехала“, с неудовольствием замечают старожилы, наблюдая, как одна за другой в одну ровную улицу, строятся за речкой Иткарой избы переселенцев. „Старикам тоже все жалко было при нарезке землю отдавать другой деревне; все больше хотелось, думали мир умножится, своим надо будет, а тут как стали приходиться и отказывать нельзя“.

Считая „российских“ выходцами из какой то чужой им страны, сибиряки старожилы часто смеются, рассказывая о первых годах пребывания новоселов в деревне. „Они теперь ниче маленько подучились, образовались, а то раньше пахать едет и бабу с собой берет, она у него за плугом ходит, да еще сарынь прихватит. Смех да и только“. Отмечая неряшливость в домашнем обиходе, сибиряки обыкновенно колко замечают: „Лопатня, что свинья, что на дворе, то и в избе“. Но

не остаются в долгу и новоселы; считая себя более передовыми людьми, они обвиняют своих соседей в консерватизме.—„Работать то челдон горазд, а все у него по старинке, нового он боится; они теперь лучше стали—раньше то: драки; убийства, пьянство“. О былом весельи некоторые из старожилов рассказывают довольно охотно— „Кабаков то в то время много было, почитай што в каждой деревне; один Исаев томский комерсант 700 кабаков по губернии держал“. Отмечая некоторую обостренность в отношениях между сибиряками и новоселами, нельзя сказать, чтобы это относилось к всему населению Иткары, а тем более к молодежи. Так Заречный край, где живут новоселы, всегда служит местом сборищ парней и девушек со всей деревни; там поются песни, пляшут (особенно в вечернее время и праздники).

Набросав некоторые штрихи, характеризующие отчасти отношения двух живущих на разных концах деревни групп населения, перейдем теперь к краткой обрисовке занятий обитателей Иткары. Здесь надо заметить, что Иткара в настоящее время представляет селение из 105 хозяйств, при чем на долю переселенцев приходится 33 хозяйства; всего населения обоого пола насчитывается 483 человека, из них мужчин всех возрастов 232, женщин 251. По данным 1894 г. в Иткаре было 203 человека обоого пола.

По грамотности население распределяется так: новоселов 15 грамотных и 7 неграмотных, старожилов 9 грамотных и 12 малограмотных (в 1894 г. всего грамотных было 7 человек).

Основным занятием иткаринцев является хлебопашество. Земельный надел в настоящее время равен $11\frac{3}{4}$ десятины на каждую наделную душу. Когда было первое межевание, население не знает, указывают лишь, что оно прошло во время „распушенья“ заводских крестьян. В канцелярии сельсовета Иткары сохранились два межевых плана, из которых первый относится к 1900 году, второй более позднего времени—1913 г.

В плане 1913 года видно, что под пашней числится 2351,45 десятин. Конечно вся эта площадь не используется населением под посев. Если мы возьмем данные за последние два года цифры за 1924 и 1925 г.г., то увидим, что количество в 1924 году исчисляется в 357,65 десятин, за 1925 г.—325,91 дес.

По сравнении вышеприведенных цифр за 1925 г. с данными 1894 года замечаем, что посев ярицы сошел почти на нет см. выше таблицу. По словам крестьян под эту культуру нужна хорошая земля („зябледь“)—которой у иткаринцев, как они говорят, мало.

Новыми хлебными растениями по сравнению с 1894 г. являются: просо, гречиха, полба, а из кормовых клевер. Гречиху и просо стали сеять с „голодного года“, когда ощущалась острая нужда в каком-либо подспорьи к хлебу, к тому же эти культуры весьма урожайные. Однако за последнее время просо стали засеивать меньше—„Оно любит полку, а полоть рук не хватает“, поясняют крестьяне.

Полба введена новоселами и сеется, как видно из таблицы, в небольшом количестве; клевер же впервые посеян только в нынешнем году одним из наиболее передовых крестьян И. А. Бобковым (новосел).

Все пашенные угодья Иткары расположены за „гривой“, которая представляет лесной надел в 543,31 десятины (сосняк и кедровник попеременно с другими породами). Непосредственно за лесным участком идет сначала конский выпуск, а за ним следуют пашни. Расстояние самой дальней пашни от деревни доходит до 9 верст. Пашенные

участки, свободные от посевов и залежей в большинстве случаев, покрыты березняком и осинником и служат местом, где население берет себе дрова, жерди, колья. Лесной надел, состоящий из хвойного леса, оберегается населением; лес берется только на постройку, ремонт, для чего употребляется сосна и пихтач. Расчистка „старых пашен“ от леса практикуется населением, но понемногу, так как эта работа требует много сил и времени. Господствующей системой земледелия в Иткаре является залежно-паровая и отчасти подсечная.

С появлением сельско-хозяйственных орудий работать стало, по словам крестьян, много легче; так ранее, когда не было молотилок, весь хлеб свозился в овины, где он сушился и затем уже на обледе нелой поверхности земли, специально для этого обливаемой водой, молотился цепами. С появлением молотилок дело с уборкой хлебов значительно упростилось; хлеб уже не вывозится в овины, а оставляется на полях, где и складывается в „клади“. Когда весь хлеб уберут с полей, его сразу же весь тут же и обмолачивают.

Появление первого сельско-хозяйственного орудия еще памятно населению Иткары; так первая веялка была заведена в 1892 году Воротниковым Серг. Ив., а первая сенокосилка лет 25 тому назад.

Сенокосные угодья находятся у иткаринцев за рекой (Томью) и на каждую надельную душу приходится всего по $\frac{3}{4}$ десятины; конечно сена с этих угодий крестьянам не хватает, но всегда есть богатый запас на пашенных участках. В общем сена оказывается достаточно не только для своего скота, но и для продажи. При разговоре о скоте приходится слышать жалобы на недостачу лошадей. Если в 1894 г. на каждое хозяйство приходилось в среднем по 6,1 голов крупного скота и по 9 мелкого, то в 1925 году на каждое хозяйство приходится в среднем по 3 головы крупного и по 3,5 мелкого.

С половины апреля скот, кроме овец и баранов, выгоняется на пашни, где он и находится до того времени, пока не кончится сев. Затем его перегоняют в паскотину, где он и пасется приблизительно до 1 октября. С этого времени скот загоняется во дворы—в стойла. Крупный скот ходит без пастуха, лишь весной, пока он на пашнях, крестьяне, чередуясь между собой, пасут его попеременно. С 30 апреля или с 1 мая выгоняются на подножный корм овцы; за ними следит особо нанятый пастух, которого содержит вся деревня до 1 октября. В 1925 году был нанят старик татарин, которому с каждой взрослой овцы за лето должны заплатить по 15 фун. муки и за каждого ягненка по 8 фун. В случае потери овцы по вине пастуха, последний платит за нее потерпевшему хозяину 5 рублей. На ночь овцы загоняются в особый загон, при чем, если пастух обнаружит кого-либо из крестьян, зашедших туда без ведома, то забравшийся платит штраф—15 рублей (из этой суммы 5 руб. идет в пользу пастуха и 10 рублей в комитет взаимопомощи). С восходом солнца пастух выгоняет свое стадо к реке на луг и только вечером часов в 6—7 кончает свою работу. Загнавши овец в загон, он идет в тот дом, который в порядке очереди должен накормить и напоить его.

В летнее время ухода за скотом никакого нет (если не считать доения коров), он все лето живет на подножном корму; не редко коровы с наступлением зноя, вовсе не приходят вечером домой—они тогда, как говорят крестьяне, „спят“ в поле.

Рациональной мерой в отношении скотоводства является приобретение нынешней весной за 140 рублей двух племенных быков-производителей. Большой урон местному скоту причиняют волки, кото-

рые во множестве обитают в окрестностях деревни; с ними борьба не ведется, так как это не под силу населению. Дерзость „зверей“ доходит до того, что они иной раз на глазах у собак из дворов утаскивают овец, жеребят, в лесу нередко нападают и на коров.

Пчеловодство, не имеющее в Иткаре особого значения, ведется примитивным образом; из общего количества ульев (106), только 36 рамочных. Пчеловодство, по словам крестьян, имеет место в деревне „со старины“, при чем раньше оно было более распространенным занятием. В 1894 году в Иткаре было 6 пасечников, у которых насчитывалось до 108 дуплянок. Рамочные улья появились здесь будто бы только со времени Германской войны. Мед и воск обычно сдается в местный кооператив, но большую часть увозится на продажу в Томск. Лет пят тому назад в Иткаре существовала воскобойня, но теперь ее нет. Пасеки обычно расположены не далеко от деревни в березняках, при чем у некоторых хозяев там же имеется омшанник, куда колодки с пчелами заносятся осенью, но большинство зимой хранят пчел дома в подпольях. Урожай на мед бывает не часто: „Взятку ноне нет такого, как ране“, говорят обычно крестьяне. В прошлом году случился полный неурожай—меду ни у кого не было.

Известным подспорьем в хозяйстве служит ореховый промысел. Кедровые орехи, собираемые населением каждую осень (в половине августа по ст. стилю), сдаются крестьянами в местный кооператив или же увозятся в Томск. В прошлом (1924 году) за пуд ореха кооператив давал 2 р. 30 к., 2 р. 50 к. Существующее в Иткаре Отделение Поломошинского О-ва Потребителей снабжает крестьян предметами первой необходимости. Частных торговцев нет. Товаром из лавки, по словам заведующего, пользуются главным образом бедняки, которым не с чем ехать в город, более же зажиточные покупают все в Томске. Членопайщиков в Иткаринском Отделении насчитывается 30 человек. В летнее время в лавку сдается более всего масло (от 30 до 35 к. за фунт) и яйца (по 10 к. десяток), зимой к этим продуктам присоединяется хлеб. Последний осенью прошлого (1924) года принимался кооперативом от 35 до 50 коп. за пуд (рожь). Сдав хлеб по такой низкой цене, многие из крестьян очутились весной в затруднительном положении, так как пришлось у того же кооператива покупать муку по 1 рублю за пуд и дороже.

Огородничество в Иткаре не имеет того значения, как во многих других деревнях Томского края. Овощи садятся главным образом для своих нужд и лишь незначительное количество вывозится осенью в базарные дни в с. Поломошинское и в Томск. Из овощей сеется картофель, капуста, огурцы, лук (репчатый), морковь, репа, редька, брюква; некоторые сажают помидоры, тыквы.

Кроме овощей иткаринские хозяйки с „голодного году“, когда наступил кризис и табачных изделий, стали засеивать листовой табак, который обычно запасается на весь год.

Истые хлеборобы-иткаринцы не занимаются никакими отхожими промыслами, нет среди них и кустарей; почти все изделия из дерева: кадушки, дуги, самопряхи, коромысла и проч. приобретаются ими из других деревень—как с. Спасское (славится выделкой дуг), Пашково (кадушки) и др. Но, конечно, пряслица, вилы, грабли и прочие незамысловатые вещи сумеет сделать каждый крестьянин. С появлением в Иткаре выходцев из России, стали появляться свои плотники, пимокаты, овчинники. Особенно обращает на себя внимание слепой сапожник Рубцов, с 3-хлетнего возраста лишившийся зрения; он научился

прекрасно владеть сапожным ножом и молотком—к большому удивлению крестьян, чисто, аккуратно выполняет заказы обуви. Помимо этого Рубцов еще и столяр; так без особого труда он может сделать пряслицу, мялку для льна и проч.

Указав в общих чертах на занятия иткаринцев, посмотрим теперь, как протекает у них сельско-хозяйственный год.

Лишь только начинает „прогалиться“ и снег, превращаясь в веселые ручейки, торопливо потечет по земле, крестьяне выгоняют (в половине апреля) на пашни скот, распределив между собой порядок очередей для пастьбы. С этого времени на пашнях в березняках и осинниках начинается резка дров. Сажено 10—12 надо заготовить каждому крестьянину на год и вот кто только может работать топором и пилой, уезжают „на гриву“. Лес „трудный“, местами коряжистый и двое недели две, а то и больше затратят, чтобы приготовить себе дровяной запас. Дрова тут же ставят в поленицы и оставляют до осени.

Числа с 20-го мужчины переезжают на пашню для опаливания ее от прошлогодней травы, подчищают гумно, приводя, таким образом, в порядок землю, над которой им придется потрудиться во все последующее время. Егорьев день (23 апреля по ст. стилю) служит началом многих работ крестьянина. С этого дня обычно начинается пахота полей, хозяйки садят рассаду табаку, брюквы и капусты, пасечники выносят из подпольев и омшанников на „вольный воздух“ колодки с пчелами. Уделяя время от домашних работ, женщины стригут овец, снимая с них шерсть „веснину“.

Мужчины обычно начинают в первую очередь пахать целину и залого, оставляя бороньбу на май месяц. В конце апреля начинается сев пшеницы на приготовленной с прошлого года зябледи¹⁾. В то же время овцы и бараны выпускаются на луга, где их пасет все лето особо нанятый пастух.

Почти весь май проходит в непрерывной работе на полях, где один за другим сеются яровые хлеба. Особого порядка в севе не наблюдается, каждый сеет по своему усмотрению, нередко руководствуясь приметам, доставшимися им от предков. Так, например, взвесив первые два яйца, снесенные курицей, они замечают их вес и, если первое яйцо тяжелее—первый сев будет лучше, если второе—будет удачной второй. В период сева пшеницы и овса пахут залого под лен; овес сеется под соху, т.-е. сначала разбрасывается зерно, потом земля запахивается и заборанивается. Урвав день от пахоты и сева, мужчины вспахивают огород, после чего женщины и ребяташки начинают делать гряды. С „Миколы вешнего“ (9 мая по ст. стилю²⁾) до Троицы (конец мая по ст. стилю) огород засаживается морковью, свеклой, репой, луком и др. овощами. Картофель обычно сеется на полях, при чем сев производится двумя способами—под соху и под лопатку. В это время, когда набухшие почки деревьев возвещают иткаринцам, что природа проснулась от зимнего сна и вновь начинает одевать свой зеленый наряд, ребяташки с котелками и ведрами бегут в березняк для собирания сладкой „березовки“. Тогда же кое-кто из женщин идут в кед-

¹⁾ Земли под зяблель обычно готовят так: весной вспахивается целина или залог; через месяц заборанивается, а в начале августа перепахивается. Весной следующего года зерно пшеницы разбрасывается сразу на „зябледи“, после чего поле запахивается и заборанивается.

²⁾ Престольный (сезжий) праздник в с. Кулаково (находящееся в 6-ти верстах от Иткары), куда многие иткаринцы в этот день ездят в гости.

ровник для скобления смолы, которую впоследствии варят, превращая ее (таким образом) в продукт, именуемый серой. Собранный с кедра смола при перетапливании проходит через особого рода фильтр; на глиняный горшок кладется несколько лучинок, покрываемых соломой и куделью. Помещаемая сверху смола, перетапливаясь, просачивается через солому и кудель и таким образом очищается от коры и сора. Подвергаемая нескольким фильтрациям, смола делается чистой, прозрачной, после чего ее выливают в холодную воду. Наиболее нуждающиеся из крестьянок увозят в базарные дни серу в с. Поломошное, где она имеет, повидимому, хороший сбыт. Так рассказывают, что кто-то продал серы на 8 руб. (30—35 коп. за фунт).

Наступившая Троица служит днем отдыха для крестьян. Накануне этого дня некоторые девицы, соблюдая бессознательно славянский обычай, ходят в лес завивать березки. Следующим утром, срезая венки, они бросают их в Томь, гадая о своей судьбе. Если венок полывет и не разовьется, девушка выйдет замуж в этом году, если венок тонет, то будет смерть. После Троицы кончается посадка овощей и табаку, подходит к концу и сев яровых. Июнь месяц, до Петрова дня (29 июня по ст. стилю), относительно свободный у мужчин, употребляется на поправку сельско-хозяйственного инвентаря, на очистку дворов от навоза, который утилизируется в очень небольшом количестве для огородов. В этот период, до сенокоса починают дворы и изгороди, ремонтируют постройки, стараются обеспечить себя продуктами первой необходимости на все последующее время сенокоса и жатвы. Уезжая в город или с. Поломошное, некоторые везут излишки сена или овса, плавят сажень—другую дров, продают яйца, мясо и даже скот. Женщины, остающиеся дома, занятые поливкой и полкой огородов, ходят также полоть и на пашах. Особенно тщательной полки требует просо. У кого хватает рабочих рук, полют и остальные хлеба.

В Петровки женщины помимо своих обычных домашних и огородных работ устраивают иногда и „супрядки“; собираясь у кого-нибудь в дом, они с пением песен прядут неоконченную за зиму пряжу, а вечером угощаются пивом¹⁾. Таких „супрядок“ бывает в Петровки две, а то и более. Июнь месяц служит также временем, когда хозяйкам нужно запасти на всю зиму веников и солоду. Веники делаются из березовых прутьев, связываются в „гнезда“ по два и подвешиваются в амбаре или под навесом. Солод готовится следующим образом: зерно ржи высыпается в кадушку и поливается водой; когда оно достаточно разбухнет и даст росток, его выкладывают на чистую тряпицу (на пол) и, выровняв, делают слой зерна не толще пальца, после чего закрывают сверху скатертью или же тряпичей. На следующий день зерно обливают холодной водой и переворачивают, чтобы не сильно горело. Это продолжают делать три дня, после чего, если ростки выросли еще более и переплелись один с другим, зерно теребят руками „пошибче“ и складывают в кучу на печь. Облив зерно горячей водой, его закрывают плотней и время от времени смотрят. Если зерно сделалось достаточно темным, коричневым, его убирают с печи, сушат и затем мелют.

К Петрову дню женщины оканчивают и вторую стрижку овец, снимая с них „летнину“. Мужчины готовят „пары“ под посев озимых.

¹⁾ Пиво варится обычно только к праздникам.

Наступающий незадолго до Петрова дня Иванов день (24 июня по ст. стилю) у молодежи отмечается кроме песен и плясок, которые бывают каждое воскресенье и другие праздничные дни, тем, что они, весело бегая по деревне, обливают друг друга водой; девушки бросают в реку венки из цветов. Канун Иванова дня, по мнению некоторых, самое хорошее время для сбора лекарственных трав. В эту ночь цветет папоротник и „нечистая сила“ веселится в лесу. Петров день¹⁾ возвещает крестьянам о наступлении горячего для них периода—сенокоса. Ежедневно с утра, лишь рассеется туман по низинам, начинают одна за другой подниматься по Митюхиной и Игловской горам телеги с косцами, отправляющимися на пашни.

До позднего времени ходят косари по полям, скашивая литовками и сенокосилками сочную траву и делая перерыв лишь на обед. Многие из мужчин, экономя время и силу лошадей, остаются в течение всей недели ночевать на поле (в специально сделанных на летнее время избушках).

Опустевшая деревня во время сенокоса, как бы вымирает, дома остаются лишь старушки „домовницы“, да „сарынь“ (дети). Изредка лишь встретится „молодуха“, не уехавшая работать из-за малого реbenка. На период с „Петрова“ до „Покрова“ (1 октября) многие крестьяне нанимают няnek и работников на „строк“. По „строкам“ живут обычно новоселы, не устроившиеся еще как следует своим хозяйством; (рублей по 15—20 зарабатывают они, выговаривая себе иногда в придачу обувь или на платье.

Остающиеся в деревне домовницы, нянчась с детьми, поспевают еще кое-что сделать. Иногда какая-нибудь женщина, проходя мимо соседки, остановится потолковать о своих делах: „И то, мила ты моя, кажинный день все работа и работа, то табаку порвешь посушить, тут в огороде все борозды заросли—полоть надо, как кончу опять того разу картошку подбивать... „капусту тоже полоть надо. Ежели есь кому, сарынь, да хто, оно легче, а я все одна и одна“... „Опять же на сарынь только и шей, отвечает другая. „Седни залила холсты—золить буду—шить надо. Работнику чембары кроила, а тут чувал развалился ладить надо, кудель лежит еще однако не допрядено. Постиратца, починятца, а там запас на пашне вышел—все припаси, все надо“. „Это че. У Лександры однако баня топитца. Да как, завтра праздник, отвечает более пожилая собеседница. „На третий день после Прокопьева всегда праздник живет—„облачение Христа в ризы“; раньше-то старики справляли, а теперь хто помнит, хто нет“. Прокопьев день, ранее соблюдавшийся старожилami, теперь почти не празднуется: в период сенокоса каждый день дорог—„Ведь знаешь время-то какое—день год кормит“,—говорят крестьяне. Некоторые, не отдыхая и в воскресенье, уезжают на пашню, чтобы во время, до дождя сгрести и сметать высухшее сено²⁾. В период сенокоса мужчины, урвав время, перепашивают „пары“ под рожь.

1) В „Петровки“ же производится заготовка „Иван-чая“—белоголовника, который употребляется большинством крестьян как суррогат чая. Растение собирается до цветения, кладется в горшок, обливается крепким чаем или же крепким настоем приготовленного белоголовника и ставится в вольную печь. На следующий день его кладут на листы и сушат в печке же, пока он не станет коричневым.

2) В этот день престольный праздник в соседней деревне Асановой, куда съезжается много крестьян погулять, часто издалека.

3) Вилы при уборке сена употребляются двух родов: копнят короткими с двумя развилками, мечут в стога длинными и с тремя развилками вилами; копна делается пуда 4—5.

Усталые, загорелые, загрязнившиеся за неделю, собираются крестьяне в субботу в деревню, чтобы отдохнуть, почиститься, поговорить друг с другом после непрерывной шестидневной работы. В деревне наступает оживление; „сарынь“ радостно бежит навстречу возвращающимся родителям. „Домовницы“ хлопочут около бань, которые обильно выбрасывают темный дым из всех щелей и отверстий¹⁾.

В воскресный день девицы и ребяташки, к которым иногда присоединяются женщины, с раннего утра разбредаются по лесу в поисках „земляницы“, местом сбора которой служит, главным образом, так называемая „Горелая гора“—в полверсте от деревни. Крестьяне, имеющие колодки, уходят посмотреть на пчел, достать свежего меда, который понемногу вынимают числа с 10—15 июля (по ст. стилю)²⁾. Неохотно пускают пасечники к себе посторонних—„Пчела урочлива“, по мнению некоторых, и взгляд чужого человека не служит на пользу хозяину. Стоящая неподалеку одна от другой пасака подвергается иной раз опасности от соседа. „Иной слово тако знат, что может переманить к себе пчелу“. Предосторожностью от этого служит совет не оставлять на ночь мед в колодках. После полудня, как схлынет жар, по деревне кое-где начинает появляться молодежь, изредка раздаются звуки гармонии, скрипки или балалайки, наигрывающей плясовую, затем опять все смолкает. Большинство парней уезжают на противоположную сторону Томи, где их встречают „Асановские девки“ к великой досаде иткаринских девиц. „Ты че же Петра не переезжаешь?“—ядовито заметит которая-нибудь из них одиноко стоящему на берегу, повидимому, опоздавшему парню. „Захочу и перееду“, с задором отвечает тот. К вечеру на берегу Томи на лужайке собираются девицы и, прогуливаясь вдоль берега, затягивают какую-нибудь протяжную „долгу“ песню. Вскоре отдельно от них группами появляются вернувшиеся из-за реки парни и, наигрывая на гармонии или балалайке мотив частушки, изредка поют их. Постепенно обе группы сходятся у ворот избранного ими дома и тогда уже начинается пение и пляска. Когда совсем стемнеет, часть молодежи расходится, но большинство переходит в заречный край (к новоселам), где „весельства“ более и там до поздней ночи, пока светлеющая полоска на горизонте не покажет, что пора расходиться по домам, веселится молодежь. Воскресный день служит обычно для всякого рода собраний, на которых крестьяне решают свои общественно-хозяйственные вопросы.

Период сенокоса, продолжаясь весь июль, захватывает и начало августа; здесь наступает самое горячее страдное время, когда поспевают хлеба и надо приниматься за их уборку. После „первого Спаса“ (1 августа по ст. стилю) принимаются в первую очередь за жатву ржи; жнут и жнейкой и серпами. После жатвы хлеб связывается в снопы и складывается по 10—12 снопов в суслоны. Собрав рожь и наскоро цепами намолотив зерна, мужчины сеют озимые, разбрасывая пудов по 10—12 на десятину. Женщины с начала августа рвут лен и „посконь“, которые связав в небольшие снопики рядами ставят друг к другу, чтобы немного просохли. После ржи и посева озимых косят под литовку с граблями овес, и связывая, складывают его по пять снопов в кучу. За овсом следует пшеница, просо, горох; пшеница так же как и рожь складывается в суслоны. Выстоявшийся недели две-три

¹⁾ Все бани в Иткаре „черные“; все они помещаются на задах дворов по берегу Томи или Иткары.

²⁾ Вынимать мед больше начинают к 1 Спасу.

хлеб складывается в клады в „остожья“, где он находится до молотбы. Горох также как и овес скашивается под литовку, после чего дня через два—три, когда он немного подсохнет, его навешивают на „шеломы“, чтобы горох продувало со всех сторон. В это же время женщины, урвав время от жатвы и уборки хлеба, рвут коноплю, которую, после того как обмолят зерно цепями, увозят домой и намачивают большую часть в болоте недалеко от деревни. Выстоявшийся лен также обмолачивают цепями или просто вальками и вместе с „посконью“ стелют на пашне недели на 3—4.

В половине августа созревает „шишка“; крестьяне, предварительно собравшись на „сборную“, назначают день „боя“, с этого же времени (по очереди) назначаются караульщики, которые зорко следят, нет ли покушения на столь дорогой для них плод со стороны обитателей других деревень или просто озорников-ребятишек. Наконец, наступает день, когда имеющие право „бить шишку“ выстраиваются, кто верхом, кто на телеге в длинную линию в конце улицы и вдоль по дороге на Митюхину гору. С тяжелыми „байдонами“ и жердями в руках, с лицами, горящими нетерпением, они представляют какое-то странное зрелище. По знаку, данному распорядителем „шишкобоя“, вся эта нестройная толпа с громкими криками, перегоняя друг друга, стремительно бросается в кедровник и, захватывая наиболее хорошие кедры, лихорадочно принимается за работу. Гул стоит в лесу от ударов большими полуторанудовыми байдонами по стволам деревьев. Во все время боя по кедровнику ездит „охранник“, следя, чтобы в нее не проникали посторонние. Дня два—три продолжается шишкой, после чего иткаринцы вновь принимаются за свои очередные (полевые) работы. В этом месяце срезается табак; связанный пучками тонкой бичевой он развешивается по стенам изб или амбаров. Те, у кого вышел запас хлеба, наскоро намолотив себе цепями несколько пудов, молотбу остатного оставляют на сентябрь месяц.

18 августа день Фрола и Лавра—покровителей скота, чтится некоторыми иткаринцами. В этот день они ездят в дер. Пашково или с. Зелеево (престольный праздник) служить молебен о здравии своего скота.

Наступающий сентябрь указывает, что скоро надо приниматься за уборку овощей и картофеля—„Здвиженья жди, морковку-репку рви“, говорят, как и в других деревнях Сибири, крестьяне, вырывая овощи в огородах и копая картофель в полях. На зиму картофель складывается в подполья или в специально вырытые ямы. Огурцы и капуста засаливаются на зиму, из тыквы варят обыкновенно кашу, а сушеную также как морковь употребляют вместо чая, из брюквы делают „паренки“.

Лен и „посконь“, посланные в августе, теперь снимаются с полей и увозятся в деревню, где обычно сушатся в банях. Сентябрь и начало октября служит временем молотбы всех хлебов; каждому крестьянину обычно хочется обмолотить свой хлеб с помощью молотилки, а так как последние имеются не у всех, то крестьяне, собравшись группами, обмолачивают хлеб совместно. В день молотбы тот, у кого собираются „поденщики“, старается „припасти“ продуктов, чтобы всех накормить „как полагатца“. Провеянное зерно складывается в мешки и свозится домой в амбары и закрома, солома остается на месте, при чем озимая как негодная, по мнению крестьян, в хозяйстве, почти вся сжигается; оставшееся незначительное количество ее служит для покрытия „дворов“ осенью, да на подстилку скоту.

С первого октября („Покров“) загоняются во дворы овцы, которых хозяйки стригут теперь третий раз, собирая шерсть „зимнину“. Овечья шерсть некоторыми перемывается, но большею частью ее прядут немойтой, очищая от грязи готовую пряжу. Шерсть идет для вязки шарфов и тканья опоясок мужчинам; кроме того из нее вяжут варежки и „полушалки“, но главным образом ткнут „понитину“—полушерстяной материал, идущий на верхнюю осеннюю и зимнюю одежду. Шерсть употребляется также на выделку половиков, ткать которые сибирячки большие мастерицы.

В октябре колодки с пчелами уносятся в омшанники или подполья.

В период молотбы—5 октября (по ст. стилю) является днем, отмечаемым каждым иткаринцем (как сибиряком, так и новоселом) Если вы спросите крестьян, что это за день, то получите непонятный для вас ответ—„день Митрополита—праздник“. Оказывается, сгоревшая в Иткаре церковь была построена в честь какого то митрополита Петра; с течением времени имя Петра исчезло из памяти населения—осталось лишь слово митрополит. К этому празднику хозяйками еще с лета припасается понемногу масло, яйца, ягода, мед, чтобы „справить“ праздник „не хуже других“. Дня за три, за четыре начинают они готовиться к этому торжеству, стряпая разное печенье, вафли, розанчики хворосты и т. д., закалывая птицу, баранов, телят, варят квас, хмельное пиво; не обходится и без самогонки. Из последних сил тянется и беднота, лишь бы только праздник прошел хорошо. Утром 5 октября в Иткаре наступает праздничное оживление: из окрестных деревень начинают съезжаться гости; раньше в это утро в Иткаре служился молебен, теперь же его уже несколько лет, не бывает. Одетые в праздничные одежды, встречают иткаринцы приезжих и через некоторое время начинается угощение. Весь день ходят гости вместе с хозяевами из дома в дом по Иткаре, выпивая и угощаясь до пресыщения. Утром заночевавшие гости уезжают и иткаринцы гуляют уже одни. Празднество продолжается нередко дня 3—4, а то и больше. В эти дни действие винных паров сказывается довольно сильно и веселье не проходит без скандалов и драк. Нередко дело оканчивается вмешательством местной власти, отбирающей к неудовольствию веселящихся самогонку. После праздника „Митрополита“ (5 октября ст. стиля) опять наступают для иткаринцев рабочие дни—в первую очередь приходится им „крыть дворы“ для скота. Скот после уборки хлебов, пасущийся опять на пашне, загоняется домой числа 15 октября. Теплых помещений в Иткаре для скота почти нет и он всю зиму находится у них во дворах, которые представляют большие навесы с соломенными крышами.

Покрыв дворы мужчины по „первопутку“ возят сено, дрова; некоторые увозят часть в город на продажу. Женщины, помимо своих домашних работ трудятся над льном, „посконью“ и коноплей, приготавливая их для пряжи. Высохший лен мнут на особого рода мялках, причем, чтобы скорее шла работа, собираются друг у друга по несколько человек. Измятый лен треплют „тряпалом“, освобождая его от крупной „костриги“. После этого уже каждая хозяйка на досуге чешет трепанный лен при помощи особого гребня, очищая его от мелкой кострики. Для приготовления изо льна тонких ниток лен после чесания „пачесают“, т. е. так же чешут, но на этот раз круглыми щетками из свиной щетины.

„Посконь“ приготавливается также, как лен; вымокшую коноплю сушат в банях и затем стелют на зиму на пашне до весны.

Мужчины, покончив с дворами, подправляют другие домашние постройки или же оканчивают недостроенные летом. С наступлением зимнего времени работа у них много облегчается; в ноябре, декабре и последующие месяцы по мере надобности возят они дрова, сено, ездят на мельницу смолоть зерно, починают обувь, сбрую и проч.— По понедельникам многие из крестьян едут в с. Поломошное—продать кое что из своих продуктов, чтобы иметь возможность приобрести для себя предметы первой необходимости как спички, мыло, керосин, соль и проч. Кроме Поломошного, стоящего в 25 верстах от Иткары, пунктами сбыта продуктов являются Тайга и с. Болотное.¹⁾

В зимнее время у женщин помимо их домашних работ весь досуг поглощается непрерывной пряжей, которую они прядут без устали в течение всей недели отдыхая лишь в воскресенье и праздничные дни. Однообразная утомительная работа несколько оживляется „посиденками“ и „супрядками“, которые часто устраиваются иткаринскими пряжами. Тогда под пение песен незаметно проходит время и уставшие пальцы быстрее прядут тонкую пряжу²⁾. Незаметно подходит Рождество и Святки—время веселья молодежи. К Рождеству особых приготовлений не делается и оно проходит как обычное воскресенье. В святочные вечера молодежь „оболокается“ (маскируется) и намазав лица сажей, или закрыв их ходит по домам. Накануне Нового года и Крещенья девушки темным вечером гадают разными способами о своей судьбе. Так за наружную дверь накануне вешают на веревочке чисто вымытый гребень; если на утро на гребне окажется волос белый—быть замужем в том же году за блондином, если волос черный—суженый будет брюнет: если гребень остался без изменения—не судьба выйти замуж в этом году. Вечером ловят овцу наугад; если попадает белая—суженый будет блондин и наоборот. Садятся верхом на лошадь—куда лошадь пойдет, там и милый живет. Брасают башмак за ворота—в какую сторону упадет носком—в ту сторону девица замуж выйдет. Льют воск, „слушаются“ под окном, окликают прохожих и проч.

6 января.—Крещение является также „с'езжим“ праздником у иткаринцев, он проходит весело и оживленно, но не так уже, как праздник Митрополита. Быстро проходят святки, Крещение—опять наступает рабочая однообразная пора, оживляемая посиделками и супрядками. Февраль. Масляница с ея оладьями, блинами и прочими масляными кушаньями. Катаясь целыми днями по узеньким улицам деревни, иткаринцы провожают зиму и с наступлением Великого поста начинают постепенно готовиться к весенним и летним работам. Пост—период усиленного тканья у женщин; к этому времени они стараются напрядь как можно больше пряжи из льна, конопли и шерсти и, направив „красна“ ткнут холсты, „понитину“, половики и проч. Мужчины понемногу починают сельско-хозяйственный инвентарь, промывают посевное зерно в формалине, чтобы очистить ее от головни²⁾.

¹⁾ С наступлением осени и зимы молодежью, располагающей большим количеством свободного времени, иногда по воскресеньям устраиваются спектакли. Литература, которой они пользуются, берется из библиотечки—передвижки. Своей библиотеки иткаринцы не имеют; лишь за последнее время в Сельсовете появилась с/х и антирелигиозная литература. Им же выписываются центральные и местные газеты.

Школы в Иткаре до сего времени не было. В 1923 году сами крестьяне построили здание для школы, но преподавать было некому, так как Иткара не вошла в школьную сеть по губернии.

²⁾ Промывка зерна началась только с текущего 1925 года.

На последней неделе поста хозяйки чистят, моют, красят яйца, пекут куличи, девушки шьют „обновки“. На Пасхе молодежь ставятся качели на Митюхиной горе и весенний воздух опять оглашается звонкими песнями.

Во вторник на Фоминой неделе—день поминовения умерших; чуть забрежжит свет хозяйки разносят милостыню старушкам в виде крашенных яиц, ватрушек, шанежек и пр. печений. Этот старинный обычай ежегодно соблюдается в Иткаре, при чем милостыня дается старухам и не нуждающимся в этом подаянии; никто из них не может отказать от принесенного—ибо ее молитва более угодна богу—старый человек лучше помолится за умершего. С восходом солнца кладбище оживляется прихдящими из деревни похристосываться с дорогами покойниками. В этот день в могилы закапываются крашенные яйца и родственники, побыв на кладбище, возвращаются домой¹⁾.

Оканчивается и Фомина неделя, солнышко светить все ярче и теплее. Наступает время, когда опять можно выпускать скот, подчищать пашни, ладить гумешко, стричь овец и проч. Такова в кратких чертах хозяйственно-бытовая жизнь дер. Иткары.

Приложение:

СЛОВАРЬ.

Абыз—урод и в смысле нехороший, недобрый человек.

Бархатник—трава, лекарственный сок который употребляется вместо иода.

Бесёдуйка—говорят обычно вошедшему гостю, приглашая его сесть.

Бродни—обувь из чирочной кожи с мягкими без каблуков подошвами.

Белить холсты—вывешивать холсты после мытья и золения на солнце.

Байдон—колотушка, которой ударяют по стволу кедра при битье шишек (рукоятка достигает 1 саж. длиной; самая колотушка до 1^{1/2} пуд. весом).

Вклепалась—обозначалась.

Вдовуха—вдова.

Ведро—хорошая ясная погода.

Веснина—овечья шерсть снимаемая весной.

Гля—для (это гля че же).

Галиться—издеваться.

Дневать—провести день в одном месте.

Доспелось—что то случилось.

Долгая—длинная (долгая песня, протяжная песня).

Дурнина—сорная трава.

Жёнски—женщины.

Живет—в смысле получается, бывает.

Жировый—кедр, кедр у которого мало ветвей.

Желна—птица, питающаяся кедровыми орехами.

Зверь—волк.

Завечать—заметить.

¹⁾ У старожилов „могильнички“ находятся на Митюхиной горе; новоселы имеют свое кладбище в конце деревни.

- Запас—хлебные продукты.
 Золиль—заваривать холсты раствором из золы (щелоком).
 Земляница—земляника.
 Зимнина—овечья шерсть снимаемая с овцы осенью.
 Иззаболь—правда, верно.
 Ись—есть, кушать.
 Имать—ловить.
 Испажинки—успенский пост.
 Искони век—с давних пор.
 Клубница—клубника.
 Кострига—кострика.
 Квашня—заведеное тесто „у меня сегодня квашня“.
 Кулайки—лоскутья.
 Ланско́й—прошлогодний.
 Ланись—летом прошлого года.
 Ломовище—ломота в костях.
 Леха— $1/10$ и $1/12$ часть десятины.
 Лопать, лопатина—одежда, белье.
 Люто—сильно „В огороде трава люто растет“.
 Лётнина—шерсть снимаемая с овцы в Петровке.
 Мангазе́я—хлебный амбар.
 Мир—в значении: 1—дружба, согласие. „Баб мир не берет. 2—большое количество людей, население. „Миру то нонче множёт(в)о стало на Иткаре“.
 Множёт(в)о—много, множество
 Матершинник—ругательник, любит ругаться
 Нагото́во—совсем совершенно на смерть. „Убили парня на готово.“
 Овин—помещение для сушки хлеба, с появлением с.-х. машин утратило свое значение:
 Обиходно—опрятно, чисто „В избе то у их обиходно“.
 Опух—опухоль.
 Осто́жье—место огороженное жердями, куда складывается хлеб и сено.
 Оцепь—жердь одним концом укрепленная к потолку, на другой вешается люлька.
 Оболока́ться—одеваться, маскироваться.
 Пивки—пивки (привозятся татарами, за каждую пивку крестьяне платят 10 копеек.
 Могильники—кладбище.
 Пособить—помочь.
 Пониток—верхняя одежда самотканная, полушерстянная.
 Пёстрыдь—крашенная материя льняная и конопляная.
 Посконь—мужские конопли.
 Погóда—ненастье.
 Прокóс—ряд проходимый косцами при косье.
 Посидёнки—собрания женщин зимой для совместного прядения пряжи.
 Рóбить—работать.
 Рукотёрник—полотенце ручное.
 Стрежь—быстрое течение.
 Спон, спóнить—спор, доходящий до ссоры.
 Согласье—собрание в сельсовете.
 Сборная—тоже. „На сборную, на согласье“, кричит десятник постукивая под окном каждого крестьянина.

- Странный—постороной—„Странные люди“, сторонние, чужие
 Станушка—нижняя женская сорочка.
 Сарынь—дети.
 Сураз, суразёнок „незаконно“ рожденный.
 Самодельщина—сделанное не фабричным и не заводским путем.
 „Пиво то у нас самодельщина.
 Схинуть—сбросить.
 Скинуть—родить до срока.
 Стяг, стяги—березовый кол, палка.
 Самолучший—самый лучший.
 Спокон веку—сначала веков с давних времен.
 Угоить—ухаживать (за землей). „Я ее угоил (землю) она таперь только в силу вошла“.
 Фартит—везет.
 Подфартило—посчасливелось.
 Чембары—мужские рабочие штаны из холста.
 Чайничать—чай пить.
 Чёлядь—дети.
 Чувал—труба у печи между потолком и крышей.
 Шелом—приспособление из жердей (коротких) для навешивания на них скошенного гороха
 Ятный—заметный, яркий.
 Тóлковать—понимать. „Она кого ето толкует“.
 Строк, на строк—период, время. „Она все по строкам живет“.

П о г о в о р к и:

- „Грех сказать, а стыд утанть.
 „День год кормит. Период, когда дорог каждый день, напр. сенокоса и жатвы.

В ы р а ж е н и я:

- „Собиратца в улицу“. В праздничные дни взрослые собираются за воротами около домов на скамеечках или бревнах беседовать.

П р и м е т ы:

- „Это мошка как проймет, того и гляди дож будет“.
 „Если в Евдокею ведро—год медовой и гребной будет“.
 „Если месяц (на небе) маленький—первая неделя дождливая“.
 „Если петух поет не во время—будет ненастье“.
 „Курица ошипывается к дождю“.
 „Че то галки табунятся—видно дож будет“.
 „Если паут матерой живет, рожь ядрена будет“.
 „Если два ножа на столе лежат—несчастье будет“.
 „Если радуга воду пьет—дож будет“.

ПОРЧА, УРОК, СГЛАЗ.

Большинство болезней и несчастий происходит от дурного слова, от дурного глаза. Так например, индюки и индюшки очень урочливы, кто недобрый чужой взглянул на них, так они и крылья распустят и начинают дохнуть, поэтому их стараются не выпускать за ограду. Урочлива также пчела.

Если вновь купленная корова уходит к своему прежнему хозяину и скучает у нового, то корову продали „не спраста“—пожалели и проку в скотине не будет. В таких случаях корову стараются лечить шопотами и наговорами.

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ и ОБРЯДЫ.

Когда на реке трогается лед, женщины бросают в реку небольшие калачики, специально спеченные для этого „Сила в воде прибывает“ по мнению „женских“ (т. е. река скорее пройдет, не причинив несчастье людям своим разливом). Когда выведут цыплят и курицу хотят вместе с выводком пустить во двор, то обычно, если нет в доме бабушки знающей „слово“ от всякой напасти (от коршуна, ястреба и проч.), призывают специально старушку, которая знает это слово; после определенного обряда и нашептывания курица с цыплятами выпускается на улицу.

Когда нанимают пастуха, то ищут такого, который знал бы слово от „зверя“.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА.

1. Растение „Бархатник“ употребляется вместо иода при порезах, выжимается сок.

2. „Пострелина трава“—употребляется при головных болях лист, стебель и цветок заваривают и пьют.

3. „Трава от надсады“ желтый цветок.

4. „Душица“—дикая мята от головной боли.

5. „Ромашка“—пьют от болей в животе.

Сера кедровая растапливается с деревянным или постным маслом при растапливании получается пластырь—употребляемый для предохранения ран от гниения и для сращения тканей.

„Богородицина трава“ употребляется, как очистительное средство для коров. После отела, когда молоко делается негодно для питья, „Богородициной травой“ с наговором окуривают скотину, после чего молоко можно употреблять в пищу.

Пихтовый и муравьиный спирт употребляется при опухолях. Одним из радикальных средств при болезнях является „пускать дурную кровь“. Банки ставят из коровьих рогов, также покупают „пивки“ у татар. Те привозят их из юрт Константиновских и других татарских местечек, за каждую „пивку“ берут по 10 коп., после употребления пивки отдаются обратно татарам, которые делают их вновь пригодными.

Песни.

ДОЛГА ПЕСНЯ.

В последний час разлуки
С тобой, мой дорогой,
Не вижу кроме скуки
Утехи никакой.

Одно мне утешенье—
Мил плакать не велел
Ходила я гуляла
В садочке зеленом,
Искала те следочки,
Где мил гулял со мной,
Искала приустила
Под кустичком сижу;
Сидели две голубки
На ветке зеленой,
Одна из них спорхнула
Ко мне на белу грудь,
А я млада вздохнула
По милом чижало—
И где моя отрада,
Сережа пастушок,
Ходил ко мне Сережа
На крутый бережок,
Носил с собой забаву
Гармошку да свисток,
Разыгрывал Сережа
Ракитовый кусток.

Сообщила Мария Ложкина, де-
вица 15 лет.

ПОЮТСЯ НА ПОСИДЕНКАХ.

Скажи, скажи фартовая
Из двух любишь которого?
Любила дружка первого,
Сейчас люблю последнего,
Последний друг бедняжечка
Склонил на грудь головушку,
Склонил на грудь головушку
На правую сторонущу,
На правую, на левую,
На грудь свою на белую
Он на груди лежал
И чижало здыхал,
И чижало здыхал
Последний раз
Прощай сказал.

Падала, падала бутылочка с печки,
Плакала, плакала Дунечка у речки
Ей дай боже, ей дай боже
Жениха хорошего
Васеньку пригожего.

(Поется каждой девице, вместо Дунечки
и Васеньки ставятся соответствующие
имена).

Сообщила Аграфена Григорь-
евна Ложкина, девица 17, лет гра-
мотная.

Виткуля ты, милый, взялся?
Гдеж-ж ты, где-ж ты пропадал?
Хочь бы бога побоялся, хошь бы
трошки совесь взял
Ехал, ехал я дорожкой,
Солучилася беда,
Я напелася на возе привезли меня
сюда
Лучше жить буду вдовою, а с
тобою не сойдуся.
Я на Турцию уеду на тебе я не
женюсь,
Приму веру магметанску и с
тобой я не сойдуся.

(Привезена хохлами).

ДОЛГА ПЕСНЯ.

Последний раз сиж у вас,
Последний раз гляжу на вас,
Мне тоска печаль несносная.
Мне куда бежать, тоску девать?
Я тоску в Москву,
Печаль к Острову,
Сама млада в часты поля.
Во тем поле растет трава,
Растет траванька шелковая,
И цветут цветы лазоревые,
Я сорву цветок, совью венюк
Своему дружку на головушку,
Ты носи, носи не сранивай,
Люби девочку не обманывай.
Ты когда любил, ты счастливый
был,
А любить не стал разнесчастный
стал.

ВЕЧЕРОШНА.

Влоль по столику рюмочки шумят,
 А стаканы выговаривают,
 Ай люли, люли, люли, люли, люли,
 А стаканы выговаривают.
 Ты сойди, сойди девица с терема,
 Сойди бела красавица с висока,
 Ай лю-ли люли...
 Сойди бела красавица с висока.
 Я сойду, сойду скорешенько,
 Трону милого легошенько,
 Ай лю-ли люли...
 Трону милого легошенько;
 Тут башмачки не топчутся
 Чулки белы не мараются,
 Ай лю-ли, люли...
 Чулки белы не мараются.

Мне сказали девки лен не улежал,
 Не по той он по дорожке убежал,
 Не по той он по дресвяночке
 Ко девченке ко хрестьяночке.
 Ручки, ножки призазноблены,
 Лицо бело принадуло ветерком,
 Приходи ко мне поздненько
 вечерком,
 Напою тебя горяченьким чайком
 (Чеддонская, поют больше бабы под
 веселую руку).

Из-за гор горы едут, едут мазуры,
 Едут, едут мазурочки, везут везут
 во военочки,
 Венки золотые (2 раза).
 Заехали они к девице во двор
 стук, бряк в окошечко.
 Выйди выйди на крылечко (2 раза)
 Дай коню, дай коню воды ой да
 достать.
 Коню, коню дать (2 раза).
 Мне мамаша приказала, чтоб я с
 парнем не стояла,
 Я мамаша боюсь (2 раза).
 Мамаша не бойся, садися на воз,
 Мы поедем в чисто поле, где ни
 скуки, нет, ни горя
 Там мы заживем (2 раза).
 Силой ехали, люди, люди
 смотрели
 Что, что за дивчина хорошая
 черноброва
 С парнем ехала (2 раза).

ВЕЧЕРОШНА.

Еще по полу, полу, полу
 крашеному
 Там ходили гуляли две родные
 сестры,
 Не к тебе ль моя сестрица
 соколик прилетел,
 Не соколик прилетел, молодец
 забегал,
 Молодец забегал, целоваться
 приказал.

Поется на посиденках (привезена „вят-
 скими“).

Пряла Дуняша не тонко, не толсто
 Дуня ли, Дуня, милая Дуня
 (припев).
 Не тонко, не толсто в веретенну
 пятку
 Дуня ли Дуня...
 Стала Дуня ткать—негде берды
 взять.

Спасибо народу дали огороду
 Дуня..

Новину мочила
 Семь пар нацедила
 Дуня ли Дуня, милая Дуня.
 А восьмую пару
 Ко смерти пригнала
 Дуня ли Дуня, милая Дуня.
 На сарай набросила,
 Сарай обломила

Дуня...
 Сарай обломила.
 Скотину придавила
 Дуня ли Дуня...

Скотина племянна,
 Вся она именна
 Дуня ли Дуня..

Кобыла Ненила,
 Жеребец Данила
 Дуня ли Дуня...
 Корова Пеструшка,
 А бычек Андрюшка

Овечушка Наська,
 А барашка Васька

Свинка Оксинка,
 Боровок Максимка

Подружка, подружка,
Товарушка моя,
Неужели не знала,
Давно я влюблена.
Огонь тушить водою,
Любовь ничем нельзя.
Мой миленький с часами
Разглаживал усы,
Снимает черну шляпу,
Сам смотрит на часы.
Скажи, скажи, мой милый?
Скажи мне сколькой час?
А час сейчас девятый
Разлучат видно нас.

ТЮРЕМНАЯ.

Звенит звонок насчет поверки,
Ланцов из замку убежал.
В трубу он каменну пробрался
На тот тюремный на чердак,
Перекрестился, вниз спустился,
Солдат увидел, выстрел дал,
По всем частям было известно
Ланцов из замку убежал.
Бежал Ланцов Московским
трактом,
Потом свернул в дремучий лес.

(Поется на посиделках „челдонка“ любимая „мутовочка“).

Наша вдовушка прибранчата была,
Три мои братца скалыбой назвала,
У скалыбы столбы точеные,
Веренечки спозолочены,
Ворота были хрустального стекла,
Подворотник сер горючий
камешок.

Из под камешка неволюшка идет,
За неволицей студеница ползет,
За студеницей немножко людей
По моему счету семь человек.
Раз восьмой кашевар кашу варил,
Раз девятый водолей воду лил,
Раз десятый сам хозяин господин
По студенице похаживает,
По студенице похаживает
Кормовым веслом направливает,
Кормовым веслом направливает
Сам ко стрелке приговаривает,
Ты лети, лети каленая стрела,
Полетай лети каленая стрела;
Сера утица назад с бережка
Красна девица невеста моя.
Красна девица невеста моя
Целоваться разохотница была.

(Сообщила Аграфена Ложкина 16 лет
грам. Александра Скороходова, девушка
13 лет неграмотная).

Частушки.

Я залезла бы на елочку боюся
кочаны
Полюбила бы приезжого, боюсь
его жены.

Подружка моя в черном
фартучке,
Мы с тобой будем любить
бубновы карточки.

Ухожу я нонче взамуж,
А гребелочки куда?
Брошу милочке в коленочки
Играй теперь имя.

На окошке свету любят
поливанье,
Нонче всяко барахло любит
свидованье.

Залезла бы на елочку,
Боюся вышины,
Полюбила бы женатого,
Боюсь его жены.

Зажигала берестиночку, сухая
не горит
Дожидалася матаничку
Дожидалася говорит.

Сядился милый на коленки,
Просил деньги на вино.
На мне серый полушалко,
Пропивай мне все равно.

Косомола не любила,
Косомолкой не была,
Косомола полюбила,
Косомолкой стала я.

Милочка лести, лести, (льсти)
Тебе меня не проведи,
Ты лестишь наедине
Да и другая на уме.

Увезут меня в солдаты,
Как невесту у ворот,
Запоют солдатску песню
И заплачет весь народ.

Че ты миленький наделал,
Каку ты славу проложил,
Золото мое колечко
За бутылку заложил.

Вон Асановски идут.
Кофточки алеются.
Своих милых не найдут
На наших все надеются.

Говорят, платки горят,
Коймы обгорают,
Нам не надо тех подруг,
Которы отбивают.

Шила милому кисет
Покуль мамы дома нет,
Мамонька за скобочку
Я кисет в коробочку.

Под окошком черемушка
Расцвела букетами,
Кого сроду не любила
Закормил конфетами.

Я на горочку тихонечко,
Под горочку рысцой,
Купил милочка конфеты
И раставил их рукой.

Паня, паня, Паничка
Не твоя Матаничка
Я тогда Матаня буду,
Ковды старого забуду.

Меня мамачка лупила,
Помутила в глазах свет,
Повареночкой лупила
За малиновый кисет.

У меня коса до пояса,
Кудринчики до глаз,
Во своей деревне Милка
Под обидушку не даст.

Черемошка цветет
Белыми цветами,
Меня милка завлечат
Серыми глазами.

Чай пила жара была,
Окошко отворила,
Грубиянка беженка
Милочку отбила.

Гармошка играт
У гармошки планка
Ты за што меня ругаш
Черная цыганка.

Она за что меня ругат
Твоя чернокожа
Я по баням не хожу
По сараям тоже.

В поле аленький цветочек
С неба ангел уронил,
Вышей милочка платочек
Знай, што мил тебя любил.

Я не буду седня спать,
Буду звездочки шшитать.
Насчитаю двадцать семь
Уеду с милочкой совсем.

Ах, мать, моя мать,
Пусти на станцию гулять,
Там вагоны новые,
Ребята чернобровые.

Я стояла на мосту
В полосатой юбке,
Меня били по щекам
Целовали в губки.

Я сидела на полешке,
Ела пряники, орешки,
Мама била по щекам,
Не гуляй с прикащиком.

Я на тем берегу черемуху
ломала,
Я на етот перешла милку
целовала.

Я по улочке иду
Улочка качатца,
Лет семнадцати девченка
В окошко бросатца.

Как за речкой медный таз
Девки сердятся на нас,
Вы сердитель не сердитесь
Отобъем ребят у вас.

Как за речкой круглый дом
Я его любила,
А теперь заречный дом
Кажется могилой.

По малину я ходила
По малиновым светам,
Своево милочку искала
Слезы лила по щекам.

За поскотиной была,
Голубы цветы рвала,
Отдай милочка колечко
Я у старосты была.

Али, али, али-ли-ли
Чашку меду налили,
Самовар поставили,
Целовать заставили.

По канавной я ходила
Светы алые любила.

Не хотела задаваться
Задавальныйчик пришел,
Не хотела раставаться
Верно восподи привел.

Как за речкой за рекой
Голуби несутся,
Пошли девочки плясать
Титички трясутся.

(Сообщила девица 13 лет Александра
Скороходова).

Пускай меня бьют
Голову ломают
Я платочком завяжу
Долго не узнают.

Я гармошку на окошко,
Гармониста на кровать,
Я гормошечку прикрою,
С гармонистом лягу спать.

Я на тятеньку на мамоньку
Составлю протокол,
Приду рано, приду поздно
И ложусь на голый пол.

Седня вечер не веселый
Дорогого милки нет,
Дорогого не виню
Дорожка дальняя ему.

Пароходы нонче ходят
По сухому без воды,
Чернобровых нонче любят
Белоглазых никуда.

Мой батистовый платочек
Обходил парней пяток,
Во шесты руки попал
Мой батистовый пропал.

У меня то под пальтом
Не кудель, а вата,
Ты подружка моя
Люблю твоего брата.

Чище чище пляшите
Пол не проломите,
У нас под полом вино
Вы не утоните.

Я стояла у крыльца
Милка ехал от венца,
М. . . . шапочку не скинул,
Его законная жена на меня коси-
лася,

А я еду перейду яровое поле,
Перетерпит мое сердечко
Хоть какое горе.

Карий конь воды не пьет,
Путь дорожку чует,
Темна ноченька придет
Где мой мил ночует.

Я по улице иду
Широко шигаю,
На милашкин дом гляжу
Чижало здыхаю.

Мил фартовый
Мил фартовый
Я фартовые его,
Мил подружку

Мою любит
Я товарища иво.

Две гармонии третий бубен
Мы асановских не любим
Иткаринских уважаю
До заречки провожаю.

Пойдемте на речку
Камешки выкидывать
Заберут меня з солдаты
Три года не выдывать.

Крою, крою, старшину,
Крою всю милицию,
Досвиданья милочка
Еду на позицию.

Я бы грамотна была
Горечка не знала,
Написала бы письмо
К милочке услала.

Говорят, что некрасива,
Красоту мне не купить
Некрасива да счастлива
Меня так будут любить.

Куда милочка поехал
Повези меня с собой,
На фатерушку заехал
Назови меня женой.

Я бы знала в речке дно
Я бы не купалася
Я бы знала милки совесть
Я бы не влюблялася.

Ты милашка моя
Стоишь дорогого,
При тебе люблю тебя
Без тебя другого.

Я носила ботиночки
Шегреневы носки,
Меня лечат от простуды
Я хвораю от тоски.

Как у наших у ворот
Можно задаваться,
Тятыки нету, мамка спит
Некого бояться.

Нету нету гребешка
Нечесана головушка,
У миленка есть сестра
Будет мне золовушка.

Ты зачем в аптеку ходишь
Чернобровая моя,
Пузырек в кармане носишь
Отравить хочешь меня.

Меня солнышко не греет '
Из-за бережку волной,
Меня милочка не любит
Из-за девочки одной.

Че миленький мой
Коротенька шейка,
Как стал меня любить
Люби хорошенько.

Не допытывай подружка
Не скажу кого люблю,
Полюбила сокола
Белого высокого.

Мой платочек шибко бел
Куды далеко улетел
За Москвой четыреста
Мне без милочки тоска.

В поле ели надоели
Сосны напрокучили,
Мою милочку забрели
Меня запоручили.

Говорила голосу
Не раздавайся по лесу,
Голос но лесу раздался
Со мной миленький растался.

Винополка, винополка
Каменное здание,
Три бутылки захватила
Теперь досвиданья.

Запряги-ка тятя лошадь
Карию косматую,
Я заеду с того края
Девочку посватаю.

Коля, Коля дрова колет
Коля клеточку кладет,
Коля милку караулит
Скоро в лавочку пойдет

У меня милашки два
В тем краю да в этом,
Одного люблю зимой
А другого летом.

Я залезла бы на лес
Вышины его боюсь,
Полюбила бы женатого
Жены его боюсь.

Сел я в лотку взял лопатку
Посадил с собой солдатку,
Сел я в лодку, взял весло
Нас с солдаткой понесло.

Девочки весна, весна
Поляночка зеленая,
Вся порода бойкая
Я одна смиренная.

Мы в лески таперь не ходим
Мы землянки не берем,
Губы сахаром намажем
Без бахтиров не живем.

Че ты бела прилетела,
На окошко ко мне села,
Сизая касаточка?
Осталась я солдаточка.

М. СЛОБОДСКИЙ.

Песни села Коларова, Томского округа.

В 18 верстах от Томска вверх по Томи расположена красивая долина, окруженная полукольцом высоких холмов; дальний конец его упирается в село Вершинино, а ближний подходит у с. Коларова к берегу Томи и образует скалистый крутой выступ, который у местных жителей зовется Релкой. Коларово получило свое название после Октябрьской революции, раньше оно называлось Спасом и под этим именем продолжает слыть у местных крестьян и до сих пор. Впрочем, новое название успело проникнуть даже в песни, но в искаженном виде „Коралово“.

Коларово живописно раскинулось по берегу Томи тремя параллельными улицами, разделенными на кварталы поперечными переулками. Ландшафт оживляется небольшою церковью в обычном стиле сибирского бароко.

В селе есть школа с двумя учительницами и кооперативная лавочка. Главное занятие коларовских крестьян земледелие и огородничество. Злаков сеют мало: многим приходится прикупать в городе. Довольно значительную статью в крестьянском бюджете составляет доход от продажи овощей, главным образом, капусты и огурцов. Зимой везут в город сено, дрова, молоко. Многие занимаются производством дуг, которые сбывают или в местном кооперативе или приезжающим в Коларово скупщикам. Скотоводство развито слабо: скота мало, уход за ним плохой.

В Коларове остро встал земельный вопрос, а также чувствуется серьезный недостаток в строевом лесе.

Во время моего пребывания в Коларове летом 1925 года, сельский сход несколько раз собирался по вопросу о разграничении земельных участков, но в виду того, что голоса каждый раз разбивались почти поровну, вопрос оставался нерешенным.

В Коларово я приезжал на две недели, чтобы использовать свой каникулярный отпуск для отдыха, а также в целях собирания народных песен. Меня интересовал вопрос, как мировая война и Октябрьская революция отразились на изменении репертуара народного творчества.

Всем собирателям народных песен известно, какие затруднения приходится встречать, прежде чем приобрести доверие населения, без которого немисливо успешное собирание. Только благодаря содействию моей дочери которая приехала в Коларово на месяц и успела уже познакомиться с коларовскими жителями, удалось записать довольно большое количество песен, главным образом частушек. Половина частушек и все протяжные песни записаны Т. М. Слободской, остальные песни мною.

Прежде чем перейти к обзору собранного материала, скажу несколько слов о летних „вечорках“, во время которых поются песни. По праздничным дням, к вечеру, у одного из сельских домов начинают появляться девицы; они располагаются на завалинке и на противлежащем бревне и ведут между собою беседу или играют в карты и га-

дают. Постепенно к ним начинают подходить парни; некоторые из них молча садятся, другие пускают шуточки-прибауточки; компания постепенно растет, завязывается оживленный разговор, который сменяется песнью; песня на середине обрывается, когда кто-нибудь сделает по адресу другого шутливое замечание. Веселье, хозот чем дальше, тем больше. Но вот подходит к компании гармонист, и начинаются танцы и хороводы. Танцуют деревенскую польку и русскую. В танцах девушек движения плавны, монотонны, чувствуется какая-то жеманность, отсутствует одушевление. Значительно оживленнее движения парней, особенно в русском танце. Определенных па в русском танце нет; танцуют по вдохновению, и каждый стремится изощриться и щегольнуть каким-нибудь неожиданным, залихватским движением, к общему удовольствию окружающих. После окончания танцев и хороводов около одиннадцати часов парни и девушки начинают расходиться, но долго еще потом раздаются по селу песни подгулявших парней, под звуки гармоники.

Все записанные нами песни можно разделить на две категории: частушки и протяжные песни. По внешней форме частушка отличается от протяжной песни своею краткостью: она состоит из четырех, редко из пяти или шести стихов, из которых рифмуются первый с третьим, или второй с четвертым, или же два соседних стиха, реже стихи рифмуются попарно. Первые два стиха по своему содержанию иногда не имеют видимой связи с последними двумя. Получается впечатление, что автор частушки только внешним образом пристегивает первые два стиха, чтобы только соблюсти традиционную форму четверостишия. В пример подобной частушки можно привести следующую:

У миленочка буренушка
По криночке дает;
У миленочка сестреночка
Снохой меня зовет.

Иногда первые два стиха представляют мысль параллельную главной: например:

Мне не надо два соперика (кольца),
Хоть один, да золотой;
Не надо два женатых,
Хоть один, да холостой.

Параллелизм обычная форма народной песни: народная мысль не любит отвлеченных выражений, она ищет себе примера, стремится воплотиться в нечто конкретное; иногда сопоставляется впечатление от какого-нибудь явления жизни с явлением природы; иногда параллельная мысль переходит в символ; напр.:

Там-там, по задам,
Ласточка летала;
Третий годик милый ходит,
Мамочка не знала.

Частушка не имеет неподвижной формы: в процессе пения она меняется иногда до неузнаваемости. Это вполне соответствует ее содержанию, которое выражает мимолетную мысль, меняющую свой оттенок своеобразно настроению и характеру поющего.

Этим же объясняется недолговечность большинства частушек: она возникает, как растение с коротким корнем, возникает и гибнет, если случайно не попадет в запись подслушавшего ее собирателя. Не только в одном и том же селении, но даже у одних и тех же лиц репертуар частушек из года в год меняется: одни исчезают, на смену им нарождаются другие, и чем индивидуальнее содержание частушки, тем скорее она исчезает.

Но, изменяя свое содержание, частушки удивительно долго удерживают свой ритм и мотив.

Можно сказать, что они выливаются, как экспромт на знакомый песенный мотив, в сознании, проникнутом привычным песенным ритмом. Предметом частушек является в большинстве случаев милый или „миленок“ и милая. Любовь и связанные с нею чувства очарования и разочарования, тоски и ревности, обиды оскорбленного чувства, и тяжелое предчувствие, одним словом, внутренняя жизнь молодой души, у которой нет других интересов, кроме любви—вот самые обычные мотивы частушек.

На-ряду с частушкой сохранились в Коларове и старые протяжные песни. Всего их записано 22. Сюжет большинства песен несчастная любовь. Некоторые из них несомненно заимствованы из песенников, другие чисто народного происхождения. Особенного внимания заслуживает песня о Ваньке-ключнике. Эта песня получила очень широкое распространение: различные ее варианты были записаны в Саратовской, Новгородской, Псковской, Московской, Архангельской, Вологодской и др. губерниях России, один вариант в сборнике Шеина был записан в Томской губернии. Общая схема песни о Ваньке-ключнике определенно говорит о происхождении ее из исторической песни о молодце, который пошел гулять в Литву и жил там с „королевишной“. Впоследствии король в этой песне был заменен кн. Волконским, а королевишна женою—Волконского. В третьей стадии развития песни имя Волконского совсем исчезло. Записанный в Коларове вариант имя Волконского утерял, утерян также конец песни, в котором рассказано, как князь казнил Ваньку-ключника за то, что он разлучил его с женой. Наш вариант больше всего приближается к варианту, записанному в Смоленской губернии в 1888 году. Для сравнения приведу первые стихи обоих вариантов.

Коларовский вариант.

Смоленский вариант.

На пригорке зелененько
Под закрытием росла;
Там княгиня молодая
С князем в тереме жила.

Ягодка лесная под закрышею
цвела;
Молода княгиня с князем
в тереме жила.

На основании этого сопоставления я сделал предположение о возможности занесения этой песни переселенцами из Европейской России, но случайно мне попал в Коларове песенник, изданный в Москве в 1914 г., который заставил меня изменить первоначальное предположение. Этот песенник начинается песней о Ваньке—Ключнике, которая несомненно является источником Коларовского варианта. Вот ее начало.

На пригорке земляничка
Под закрытием росла;
А княгиня молода
С князем в тереме жила.

Сопоставляя наш вариант с этим началом, мы имеем возможность восстановить искаженный смысл первого стиха Коларовского варианта.

В числе записанных нами песен имеются две очень популярные солдатские песни, которые можно слышать нередко на улицах и в казармах г. Томска и одна из которых попала даже в оперетку на сцене Томского театра: я говорю о песнях: „Последний нынешний денечек гуляю с вами я друзья“ и „Как на дальнем Варшавском вокзале стационный зритель стоял“.

Записанными песнями не исчерпывается весь репертуар с Коларова. Так на одной из вечеринок мне удалось услышать хоровое исполнение широко распространенной песни „Вниз по Волге реке с Нижнягорода“.

При всем моем желании записать песни, навеянные революцией, мне удалось зарегистрировать только одну комсомольскую песню и то только припев; ее поют парни на вечеринках. Вот ее слова:

Соберемся, друзья,
Соберемся тесней,
Разобьем капитал,
Будем жить веселей.
Комсомольцев семья,
Собирайтесь тесней,
Разобьем капитал,
Будем жить веселей.

Эта песня несомненно городского происхождения, созданная по шаблону и на мотив студенческой песни: „Проведемте, друзья, эту ночь веселей; пусть студентов семья соберется тесней“...

Мы старались выяснить, существует ли песенное творчество в Коларове, нет ли в селе парня или девицы, которые сочиняют новые протяжные песни. Но на все наши вопросы ответ получался отрицательный. Правда, в конце концов удалось установить факт, что одна из длинных песен, которую парни поют под звуки гармоники, сочинена местным парнем. Я ее слышал несколько раз позднею ночью, но слов разобрать не удалось; на просьбу продиктовать текст этой песни, все отказывались, ссылаясь на то, что она неприличная, до того неприличная, что парни не решаются петь ее в присутствии девушек; а если кто-либо из парней и вздумает ее запеть, то девушки тотчас уходят.

Мне остается сказать несколько слов о кладбищенском творчестве в Коларове. Гуляя по кладбищу и рассматривая кресты и памятники на могилах, я среди обычных надгробных надписей прочитал два стихотворения, неуклюжие по форме, но трогательные по содержанию, которые и привожу ниже, как образцы коларовского кладбищенского творчества. На одном из крестов после обычной надписи: „Под сим крестом покоится прах младенца—отроковицы Мотроны Здобниковой. Мир праху твоему, милая дочь! Скон. 1913 г. янв 2 дня“—я прочитал следующее стихотворение (сохраняю его орфографию):

Пращай, мой ангил, мая Мотя!
Типер растали мы с тобой.
Ты жыла у нас малутка,
Ровна алай тцет (цвет?) твила.

Типер тибя у нас не стало:
Тебя сыра земля взяла.
Твой отец, твоя и мама
Повсюду плачут день и ночь.
Отлетела ты, голубка,
Из глаз наших, мила дочь.

Другое стихотворение я прочитал на каменном памятнике, который относится к шестидесятым годам прошлого столетия. На одной из четырех сторон этого памятника с большим трудом я мог разобрать следующую надпись: „Под этим камнем покоится прах раба Божия Александра Петрова Стефановского, родившегося в августе месяце 1841 года и скончавшегося 26 марта 1861 года на 21 году от рождения. Жестокая болезнь в юных годах без матери разлучила его с жизнью и отцом, оставив только для утешения младшего брата своего. Он помер на руках своего родителя и орошен его горячими слезами в незабвенную память!“

На другой стороне памятника помещено, повидимому, окончание предыдущей надписи:

„Прощай, сын мой незабвенный,
Прощай, цвет мой драгоценный,
И все и все прости.

На третьей стороне помещено посвященное покойному стихотворение его отца:

„Во имя отца и сына и святого духа. аминь.
Кроплю твой прах слезами
Я отец не в первый раз,
Приходя к тебе путями
И в часто временный час.
С кладбища удаляюсь
Тебя благословил
И, вновь там являясь,
Неразлучно с тобой жил.

Из расспросов местных жителей я узнал, что Александр Петрович Стефановский был сын ссыльного поляка и служил писарем в Коларове.

Подводя итог обзора песенного репертуара с. Коларова, можно сказать, что, на ряду с непрерывно меняющимися свое содержание частушками, здесь сохраняются еще старинные песни, иногда очень древнего происхождения, занесенные переселенцами из Европейской России или почерпнутые из песенников. Песенное творчество, повидимому, проявляется только в создании частушек да в постепенном изменении содержания старинных песен. Новая протяжная песня, отражающая современное политико-экономическое состояние деревни, еще не народилась: она ждет еще своего творца, который несомненно придет.

В истории поэтического творчества бывают периоды, когда наступает застой и художественный гений народа как бы парализуется.

Это бывает тогда, когда народ творит новые формы жизни, когда старое меняется, а новое не отливаётся еще в ясно выраженные формы. Именно такой период и переживает сейчас наше крестьянство: он начался задолго до революции, достиг своего наивысшего напряжения в дни октябрьской революции и будет продолжаться, пока не выкристаллизуется то новое, которое поколебало старые устои жазни. Тогда наступит полный расцвет народного песенного творчества.

Вышла на берег она, покачнулась,
 В волны упала она.
 Спи же, красавица, спи,
 моя милая!
 Я помолюсь за тебя.

**

Спомни, милый, тот вечер
 заветный,
 Где сидели в саду мы вдвоем;
 Мы сидели в саду на скамейке,
 А над нами все пел соловей.
 Он пел невеселую песню,
 Про разлуку он нам говорил:
 Скоро, скоро придется растаться,
 Скоро ты позабудешь меня.
 Скоро горькие слезы прольются
 На мою изболелую грудь.
 Прихожу я на ту же скамейку,
 Где сидели подружки мои;
 Тут подружки меня спросили:
 Почему ж ты сегодня одна?
 Не могла я им слова ответить
 И не помню, домой как пришла:
 Прихожу я домой не на радость:
 Начинает бранить меня мать:
 „Где ж ты, где ж, бездомная,
 ходишь?
 Про тебя весь народ говорит.
 Брось ты глупые мысли
 И послушай родительских слов“.

**

Звезды мои звезды, полно вам
 блистать,
 Полно дни прошедшие
 мне напоминать.
 Вспомню: в роще зеленой
 пел древний соловей;
 Мы с милым там сидели
 под гущею ветвей.
 Мой миленький уехал, сказал,
 что не скучай,
 Пиши почаще письма, меня не
 забывай.
 Долго я писала, ответа все ждала,
 Ночами я рыдала, как малое дитя.
 Однажды мне приснился жуткий,
 страшный сон,
 Что милый мой женился, а и
 женился он.
 Но я над сном смеялась при
 ярком свете дня:
 Не может этого случиться, чтоб
 милый забыл меня.

Но, правда, сон мой сбылся при
 ярком свете дня:
 Мой милый возвратился
 с красавицей своей.
 Я у ворот стояла, когда
 он проезжал,
 Меня в толпе народа он взглядом
 отыскал;
 Увидел мои слезы, глаза вниз
 опустил;
 Тогда злодей поверил, что счастье
 он разбил.
 Пойду я в лес дремучий, где
 журчит река,
 Тогда злодей узнает, что я была
 верна.

**

На дальнем Варшавском вокзале
 Станционный смотритель стоял.
 На лавке под серой шинелью
 Молодой новобранец лежал.
 Перед ём, опустясь на колени,
 Молодая красотка в слезах.
 „Останься, останься, мой милый!
 Не губи ты меня молодую,
 Вспомни наши прежни свиданья.
 — Говорил, что ты любишь меня“,
 Пассажиры звонки прогремели,
 Новобранец красотку бросит;
 На глазах навернулись слезы.
 Новобранец заходит в вагон.

**

Как на дальнем Варшавском
 вокзале
 Станционный смотритель стоял,
 А на лавке под серой шинелью
 Молодой новобранец лежал,
 Перед ним, распустясь на колени
 Молодая красотка в слезах;
 Ее вид был так грузный,
 (грустный) печальный,
 По плечам распустилась коса.
 „Ты останься, останься, мой
 милый,
 Не губи ты меня молодую,
 Вспомни наши первые свиданья—
 Говорил, что ты любишь меня“.
 —Верю, верю, моя дорогая,
 Что попрежнему любишь меня;
 Но я должен послушать
 начальства
 И на время оставить тебя.
 Пассажирский звонок уж раздался,

Пассажиры спешат все в вагон;
 Новобранец красотку бросает,
 С ними вместе заходит в вагон.
 Но в вагоне ему не сидится,
 Он потихоньку к окну подошел;
 На глазах навернулись слезы:
 Ему жаль стало девицы той.
 Как поутру пошли по вагону—
 Новобранец там мертвым лежит.
 Так погибла их жисть молодая;
 Они оба в могилу пошли.

* *

На пригорке зелененько
 Под закрытием росла;
 Там князюшка молодая
 С князем в тереме жила.
 А у князя был слугою
 Ванька-ключник молодой;
 Ванька-ключник, злой разлучник
 Разлучил князя с женой.
 Стали люди дознаваться,
 Стали князю говорить.
 Князь дознался, рассердился,
 Посадил ее в тюрьму.
 „Ох вы, слуги, мои слуги,
 Слуги верные мои!
 Вы пойдите, приведите
 Ваньку-ключника ко мне“.
 Вот ведут, ведут Ванюшку,
 А русы кудри так и вьют;
 А на ём-то шелкова рубашка
 К белу телу так и льнет.

* *

При лужке, лужке, лужке,
 При широкой доле,
 Не в знакомом табуне
 Конь гулял по воле.
 Ты гуляй, гуляй, мой конь,
 Покуль твоя воля.
 Как споймаю,—зануздаю
 шелковой уздою.
 Вот споймал парень коня
 шелковой уздою,
 Тронул шпорой под бока—
 Конь летел стрелою.
 Ты лети, лети, мой конь,
 Лети стрелою,
 Против милкиных ворот
 Встань, остановись,
 Штобы вышла ее мать.
 Но не вышла ее мать,
 Вышла красна дева.
 „Распожалуте сюда до хаты!“

Но я до хаты не пойду—
 Прайду во светлицу,
 Разбужу я крепкий сон,
 Красную девицу.

* *

Кончил курс своей науки,
 В дом родительский попал.
 Друзья, пред вами сознаюся:
 Сестру родную полюбил.
 Раз зашел я к сестре в спальню—
 Сестра на розовой подушке
 Лежит под белой простыней.
 Пред ей пал я на колени,
 Сказал: „Сестра, люблю тебя“!
 Сестра от жалости сказала:
 „Люблю, люблю, братец тебя!“
 Тихонько двери отворились,
 Заходит грозный наш отец.
 „Ах вы, дети, мои дети!
 Зачем пролили кровь мою!
 Тебя я, доченька, прощаю,
 Тебе, сыночек,—никогда!
 Бери, сынок, свои катомки,
 Иди, куда глаза глядят“.

* *

Любезные подружки,
 Вам счастье, а мне нет.
 Любила страшно друга,
 И он меня любил;
 Любовь была напрасна:
 Он бросил, позабыл.
 Он редко навещает,
 Терзает грудь мою.
 Пойду я, снаряжуся
 К дружочку своему.
 Иду, и ветер дует;
 Едва на свет гляжу.
 Зашла я на крылечек
 И стала у дверей;
 Дрожжавшею рукою
 Я дернула звонок—
 Служанка выходила,
 Мне руку подала,
 С гордою насмешкой
 По комнатам вела.
 Вдруг двери отворились—
 Я вижу пред собой:
 Мил держит на коленях
 Соперницу мою.
 Подруга ты, подруга,
 Соперница моя,
 Отбила у меня друга,
 Теперь люби, как я.

* * *

Пташки-канарейки
 Так жалобно поют;
 А нам с тобой, мой милый,
 Разлуку придают.
 Разлука ты, разлука,
 Чужая сторона,
 Никто нас не разлучит;
 Ни месяц, ни заря.
 Зачем нам разлучаться,
 Зачем в разлуке жить?
 Нам лучше повенчаться,
 С тобою вместе жить.
 Рука моя писала,
 Не знаю для кого,
 Но серденько сказало:
 Для друга своего.

* * *

Мой милый сон, счастливый,
 Воротися, сон, назад;
 Быть мне девушкой счастливой
 Хоть во веки один раз.
 Перелетны мелки пташки
 Высоко в поле летят,
 Две несчастные подружки
 Под окошечком сидят.
 Они сидят и бога просят,
 Про милого говорят.
 Мой-от миленький далеко,
 Он за тысячу двести верст,
 Он мне писмеца ни пишет
 И поклончики не шлет.
 Чем мне письма дожидаться,
 Лучше с'ездить, побывать.
 Я уеду, не приеду
 И помру я не у вас,
 Помру там я—ручки к сердцу
 И грудь покрою полотном;
 Грудь покрою полотном
 И пошлю я за попом.

* * *

Кари глазки, где ж вы скрылись?
 Мне вас больше не видать.
 Где ж вы скрылись—удалились?
 Век заставили страдать.
 Я страдала, страдать буду,
 Пока на свете буду жить;
 Кари глазки не забуду,
 В какой бы не был стороне.
 Где ж ты, милый, простудился?
 — Во собраньи вечер был.
 Во собраньи при гуляньи
 Мальчик девочку обнял,
 А девице стыдно стало—

Стала плакать и рыдать;
 А мальчишке жалко стало—
 Стал девицу унимать:
 „Не плачь, девка, не плачь, красна,
 Не плачь, душечка моя:
 Разболится мое сердце,
 Возьму замуж за себя“
 — Ты богат, а я бедна,
 Тем я боле сирота.
 Твой папаша и мамаша
 Не позволят меня взять:
 Я к работушке не сродна—
 Будут волей попрекать.

* * *

Последний нынешний денечек
 Гулю с вами я, друзья,
 А завра раньше, чуть светочек,
 Заплачет вся моя семья;
 Заплачут братья мои, сестры,
 Еще заплачет дорогая,
 С которой шел я под венец.

* * *

Как царская дочь, она была
 смуглянка,
 Сманила красотку на бережек
 морской:
 „Пойдем, пойдем, сестрица,
 Посмотрим, сестрица, чем берег
 украшен.
 Украшен бережок травкою—
 муравой,
 Травкой-муравкой зеленой,
 шелковой“.
 Смуглянка красотку столкнула
 с бережка.
 „Постой, постой, сестрица, не дай
 мне спотонуть,
 На с руки колечко, которо—
 милый мне дарил“.
 Куда ветер подует, туды меня
 несет.
 Прибил меня ветерочек к крутому
 берегу.
 „Тебе, сестра, темница,
 Мне вечный упокой;
 Тебе, сестра родима,
 Не быть за милым за моим“.

* * *

Звездочка ночная светила
 при луне,
 Девица молодая служила
 при дворце.

Сам король, вздыхая, девице
говорил:
„Девица ты, девица, ты сполюби
меня;
Я дам тебе корону и лучшего
коня“.
— Не надо мне короны, не надо
мне коня—
Мне, простой девице, дай душе
покой.

* *

Зачем я тебя полюбила
И душу тебе отдала?
На свете я все позабыла
И счастья с тобой не нашла.
Зачем же ты топчешь ногами
Невинную душу мою?
Будь же ты проклят словами,
Злодей, за измену свою.
Не шейте мне белое платье:
Я с милым к венцу не пойду;
Сшейте мне желтого цвета:
Я с милым в разлуке живу.
Смотрите вы, добрые люди:
Злодей, что он делает надо мной;
Сорвал он во поле цветочек,
Бросил, стоптал под ногой.
Что же ты топчешь ногами
Безвинную душу мою?
Будь же ты проклят словами,
Злодей, за измену свою!
Наденьте вы желтое платье,
Положите меня вы во гроб,
Везите меня на болдахине
Гроб мой с погибшей душой.
Осенние листья шумели
Осенней ненастной порой—
Гроб мой в могилу спускали,
Гроб с отравленной душой.
Тихо, бесплачно зарыли,
И все удалились прочь;
Только луна над могилой
Так ярко сияла всю ночь.

* *

Зачем я тебя полюбила
И душу тебе отдала?
На свете я все позабыла
И счастья с тобой не нашла.
Смотрите вы, добрые люди:
Злодей, что он сделал со мной;
Сорвал он во поле цветочек
И бросил, стоптал под ногой.
Зачем же ты топчешь ногами
Невинную душу мою?
Будь же ты проклят словами,
Злодей, за измену твою!
Не шейте мне белое платье:
Оно мне совсем не к лицу;
Сшейте мне желтое платье:
Я с милым в разлуке живу.
Сегодняшний день воскресенье.
Ах, милый ко мне не пришел!
Сыграйте, подружки, разлуку:
Наверно, другую нашел.
Лежу я в больнице, болею,
А солнце сияет в окно.
Осенние листья шумели
Осенней, ненастной порой,—
Гроб мой в могилу спускали,
Гроб мой с погибшей душой.
Тихо, бесплачно зарыли,
Все удалились прочь.
Только луна над могилой
Так ярко сияла всю ночь.

* *

В саду есть могила—
Урасла травой;
Там гуляла Катя
Всю темную ночь.
С полночи Катя ложилась спать.
Поутру рано будила ее мать.
„Вставай, Катерина, будет тебе
спать:
Корабли проплыли—больше не
видать:
Два корабля белых, третий
голубой,
Два матроса старых, один
молодой“.
Катя отвечала: „Это милый мой“.

Первые 4 песни, затем песни № 9 и 10 записаны от девицы Натальи Ивановны
Одинцовой, 23 лет, № 5—7 от Тани Карташевой, 15 лет; № 8, 12—16, 19—32 от Авдотьи
Николаевны Вершининой, 23 л., № 11 от Григория Ивановича Одинцева, 19 лет

Частушки.

- 1 Я сидела на лугу,
Вязала юбку голубу;
Крючок гнется, нитка рвется,
Надо мной милка смеется.
- 2 Я стояла у ворот,
До земли протаяло;
Свои новые галоши
У ворот оставила.
- 3 У меня коса большая,
Ленточка атласная;
Про меня слава большая,—
Это все напрасно.
- 4 Купи, маменька, ботинки,
Шегреновы носки;
Меня лечат от уроков,
Я хвораю от тоски.
- 5 Я сидела у комода,
Шила кофточку по моде;
Две оборки да волан;
Меня трое завлекают:
Шура, Коля да Иван.
- 6 Моя милка богомолка
У кобеденки была;
Шаль пухову промолила,
Дипломатик продала (пропила).
- 7 У миленочка буренушка
По криночке дает;
У миленочка сестреночка
Снохой меня зовет.
- 8 Шура— шурачок,
Твой короткий пиджачок;
Я нарочно подмигнула,—
Ты бежишь, как дурачок.
- 9 На качелюшке качалась,
Под качелюшкой вода;
Я миленку подмигнула:
Подговаривай меня.
- 10 Не так тяжело
На горочку взяться,
Но еще тяжеле
С миленьким растаться.
- 11 Не пойду я тот конец
Ни по коров ни по овец,—
Пойду по теленочка—
Проведать миленочка.
- 12 У меня миленка два:
В тем краю и в этом;
Одного люблю зимой,
А другого летом.
- 13 Мне не надо два соперика
(кольца),—
Хоть один, да золотой;
Не надо два женатых,—
Хоть один, да холостой.
- 14 У меня миленка нет,
Нет и не надо;
Худошнее не найду,
Гадины не надо.
- 15 Не хочешь любить,
Силой не заставлю;
Пойдешь мимо нас,
Фонари наставлю.
- 16 Ис-под горки вестерок
Щепочки уносит;
Мой миленок-писарек
Мое колечко носит.
- 17 Ис-под горки идут двое;
Вон подружка твой да мой;
Мой—от в синенькой рубашке,
Твой, наверно, в голубой.
- 18 Шла я по горочке,
Принасвистывала;
Милый шляпу потерял,—
Я разыскивала.

- 19 У миленка в оградке
Стоит карька под ковром;
Ты не сватай меня бегом:
Отдадут меня добром.
- 20 У точеного столба
Нет счастья никогда;
Когда ветер, когда дождь,
Когда милку долго ждешь.
- 21 Шла я горкой лесовой,
Нашла платочек носовой;
У платочка койма редка:
Развернула—там конфетки.
- 22 Шурочка в тужурочке,
Постой со мной на улочке;
У нас—у вас огонь погас:
Потеряли дома нас.
- 23 У меня миленка два,
Оба ненавистники:
Один высмолил ворота,
А другой наличники.
- 24 У моей милой
Семьюбок с фанбарой (оборкой)
Все они заношены,
Под кровать заброшены.
- 25 Гармошка стальна,
Переводка медна;
Сполюбила богача,
Сама девчонка бедна.
- 26 Нету, нету гребешка,
Нечесана головушка;
У миленка есть сестренка:
Будет мне золовушка.
- 27 Там—там, по задам,
Ласточка летала;
Третьей годик милый ходит,
Мамонька не знала.
- 28 Мамонька ругается:
Куда платки деваются;
Она не здогадается,
Что милый утирается.
- 29 Милочка-крутилочка,
Крутое колесо;
Распустила русы волосы
На белое лицо.
- 30 Как кораловски дивчата
Судомойки лавошны:
Чайны выварки едят,
На них ребята не глядят.
- 31 Нам хотели запретить
По Кораловой ходить;
Стены каменны пробьем,—
По Кораловой пройдем.
- 32 В тем краю полазы долги,
В нашем все коротеньки;
В тем краю парнишки страшны,
В нашем все хорошеньки.
- 33 У подружки нова кофта,
У меня гребелочка;
У какой-нибудь девчонки
Отобью миленочка.
- 34 Потопайте, ботиночки,—
Вам больше не плясать:
Замуж выйду—буду плакать,—
Вам на полочке лежать.
- 35 Говорят: платки разлука;
Я нарочно два дала:
Не платочки разлучают,
А подружкины слова.
- 36 Незабудочка—цветочек,
Незабудочка—трава;
Не забудь меня, миленок,
Не забуду я тебя.

- 37 У кого какой милой,—
У меня мастеровой;
Замечательна походочка,
Качает головой.
- 38 Шура, Шура—сын
Носит ленту семь аршин,—
Праву рученьку в карман,
Любит девок на обман.
- 39 В переулке много сору,
Переулочек не наш;
Вам какого чорта надо
Песню складывать про нас.
- 40 В тем краю миленка бьют,—
В этом отдается;
Хорошенько подлеца:
Пущай не задается.
- 41 Стоит милый у ворот,
„Не маши бумажкой:
Я теперь не твоя,—
Не зови милашкой“.
- 42 Не начосывай начоски,
Крутолобая моя:
За твои кудри-начески
Бьют молодчика меня.
- 43 У нас на заваленке
Цвели цветочки аленьки;
Как мы будем раставаться:
Мы свыкались маленьки.
- 44 Милый мой, милый мой,
Ты бы помер годовой,
Я бы не родилася,
В Вас бы не влюбилася.
- 45 Сегодня скучный вечерочек:
Дорогого милки нет;
Дорогого не виню:
Сегодня некогда ему.
- 46 Под горой коров доила,
Молоком умылася;
Хотела к милому зайти—
Народу постыдилася.
- 47 Ты, корова, ешь солому
И не думай об траве;
Мил с другою задаеся—
И не думай обо мне.
- 48 Попляшите-ка, ботиночки,
В родительском дому;
Посмотрите-ка, родители,
На молодость мою.
- 49 Земляничка зрела, спела:
Земляничку градом бьет;
Я ни чаяла от подружки,
Что миленка отобьет.
- 50 На горе комары,
Под горою мухи;
У моего милого
Лихорадка в брюхе.
- 51 Ах ты мать, моя мать,
Матереночка,
Не бей, не ругай
За миленочка.
- 52 Ко всем пришли,
На коленки сели,
А у нас с тобой, подружка,
Верно, мыши с'ели.
- 53 Не садися на коленки—
Много места на бревне;
Ты с другою задаеся,
Интересту мало мне.
- 54 Гуляй, мой милый, веселися,
Пока не знаю ничего;
Как узнаю—берегися,
Ты бойся взгляда моего.

- 55 Чайник новый - цвет бардовый,
Кипячая вода;
По глазам миленка вижу,
Что сердитый на меня.
- 64 Песни петь — душа моя;
За песенки бранят меня,
За песенки за бастеньки
Велят отстать от Васеньки.
- 56 На одном окошке роза,
На другом гераночка;
Дорога моя подружка
Стала грубияночка.
- 65 Говорят — не завлекала,
Говорят — не завлеку;
Я такого завлеку —
Чуб на правом на боку.
- 57 Балалаечка — гитара —
Утешеньице мое;
Вы куда, подружки, дели
Ухажора моего?
- 66 Мой-то миленький далеко,
Ох как, ох как далеко;
У его сердечко ноет,
И моёму не легко.
- 58 Я не по полу хожу —
Хожу по острому ножу;
Не с таким я раставалась,
Я тобой не дорожу.
- 67 Прощай, уезжай —
Тосковать не буду;
Себе нового найду,
Про тебя забуду.
- 59 Миленький мой,
Светик огуречный,
Полюбила бы тебя, —
Ты не долговечный.
- 68 Все бы пела, все бы пела,
Пела, веселилась;
Но одно меня сгубило:
Молода влюбилась.
- 60 У миленочка избеночка,
Избеночка — не дом:
Кабы я была не дурочка,
Не думала б о нем.
- 69 Все бы пела, все бы пела,
Пела летом и зимой;
В крепки руки жить попала;
Жаль мне воли дорогой.
- 61 В поле аленький цветочек,
Его андел уронил;
Вышью милому платочек —
Будет знать, за что любил.
- 70 Не ходите, девки, замуж:
Замужем не весело;
Одна девка вышла замуж —
Голову повесила.
- 62 Эх, яблочко — с боку ямочка,
Не целуйте меня: я, ведь,
дамочка.
Эх, яблочко мелко рублено:
Не целуйте меня: я напудрена.
- 71 Кто солдатиков не любит —
Я бы стала бы любить:
Образованные люди:
Знают, что поговорить.
- 63 Коля, Коля дрова колет,
Коля клеточку кладет;
Коля Маню дожидатца,
Вместе в лавочку пойдет.
- 72 Говорят я не красива,
Красоты мне не купить;
Некрасива, да счастлива, —
Меня так будут любить.

73 Меня хают и ругают,
Я хаеная живу;
Я хаена, отчаянна,
Нигде не пропаду.

74 Милый мой, милый мой,
Милый взводный молодой;
Две нашивочки имеешь,
Поухаживай за мной.

75 Ты миленок—кари глазки,
Покарал бы тебя Бог
За твою неверну клятву,
За мою верну любовь.

76 Ох, не я ли сирота,
Не я ли обижена:
Были волосы кудрявы,
А теперь острижена.

77 Пошла плясать,
Весело запела,
А соперница моя
Вскосе поглядела.

78 Мне немного надо,
Цыпочка моя:
Два-три поцелуя,
И доволен я.

Первые 44 частушки записаны от девицы — Ееры Кроневои. 45 — 55 от девицы Натальи Ивановны Одинцовой, 23-х лет, 56—60 от девушки 15 лет Тани Карташовой, 61—77 от Авдотьи Николаевны Поршнягиной, в замужестве Вершининой, 23-х лет.

П. Т. ПРИХОДЬКО.

К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа была проведена автором по заранее выработанному плану в течение 3-х недель августа 1925 г.

Сообщаемый материал¹⁾ о приемах и способах народной медицины, употребляемых в деревнях: Батурино, Ларино, Вершинино, Коларово и Красный Яр, Коларовского района, Томского округа, был получен нами большей частью со слов ряда знахарок и знахарей, некоторые фамилии которых упоминаются в тексте. А также по сообщениям местных жителей, из которых А. И. и Н. И. Иваницким автор приносит особенную благодарность за оказанное содействие в его работе и студ. Н. М. Кошурниковой, помогавшей в составлении гербария и определении последнего. Проф. Н. В. Вершинину автор выражает свою глубокую признательность за ценные указания в работе.

ВВЕДЕНИЕ.

„Несмотря на различные наслоения, на отсутствие системы, единого взгляда в народной медицине, внимательное изучение обнаруживает в ней много правильных воззрений и положительных средств врачевания, привлечших внимание целого ряда представителей научной медицины“.

Г. Виноградов.

Если и в городах Томского округа население еще далеко не в достаточной мере обеспечено медицинской помощью как стационарного, так и амбулаторного характера, то что же можно сказать о селах и деревнях Томского округа, когда многие врачебные участки до сих пор остаются вакантными, вследствие трудности и многообразия врачебной работы на селе и недостатка квалифицированных медработников. Смета здравоохранения в Томском округе в текущем году²⁾ исчислена в 699306 руб., или 10,9% общей сметы бюджета Том. Окр. исполкома. Из этих сумм лишь 50% идет на нужды сельской медицины.

В 23—24 году в Томском у. расходы на здравоохранение составляли около 9% сметы УИК'а, в Мариинском у.—10%, в Кольчугинском у.—8,1%, в Нарымском крае—11,5%.

Имеющиеся лечебные учреждения в уездах в отношении оборудования, снабжения медикаментами и перевязочными материалами, оставляют желать очень многого.

Бедность и нужда еще сквозит во всем и везде в наших сельских лечебных учреждениях.

¹⁾ Доложено на открытом заседании Совета Томского Краевого Музея—27/III 26 г.

²⁾ Цифров. материал относится к 1925 г. Автор.]

Приведу еще немного цифр в подтверждение сказанного. Расход на лечебную помощь в г. Томске исчислялся (по данным 23—24 г.) в 3 р. 90 к. в год на душу, а в Томском у. эта цифра выражалась в 26 коп (т. е. в 15 раз меньше), в Мариинском у.—31 коп., в Кольчугинском у.—36 коп., в Наркрае—50 коп. Трата на медикаменты на душу в год составляла для г. Томска—41,5 коп., для Томского, Мариинского и Кольчугинского уездов—по 5 коп., в Наркрае 9 коп.

Недостаток медпомощи родит доморожденных лекарей, знахарей, знахарок и повитух, на ряду с ними выплывают различного рода исцелители, шарлатаны обирающие доверчивый люд. „Знахарство имеет значительное распространение, особенно в глухих участках губернии (Наркрай, юг Кузнецкого у, Зачулымье), благодаря отчасти темноте населения, отчасти потому что медсестра редка и не может удовлетворить всех, чему мешают и неблагоприятные пути сообщения и необеспеченность медпунктов достаточным количеством лекарственных средств“¹). Невежество и суеверие цветет пышным цветом в сибирской деревне. Задача советской общественности бороться за проведение культуры в деревню. Но чтобы бить врага надо хорошо знать его. Вот почему краеведческая работа, многосторонняя, систематическая, должна стать насущным делом, боевой задачей дня.

В связи с приведенными данными изучению народной медицины, приемам и способам лечебной помощи населению различного рода „знахарями“, должно быть отведено особенное внимание, как наших органов здравоохранения, так и имеющихся в г. Томске исследовательских, краеведческих организаций, в частности находящихся при Томск. Госуд. Университете. (Попытки к собиранию материалов по народной медицине в Томской губ. последними кстати уже предпринимались в 1892 г. М. Горстом, в 1914 г.—Уткиным и другими).

Для исследовательской работы в этом направлении должны быть широко привлечены все медицинские силы деревни (врачи, фельдшера, акушерки), а в особенности студенчество, работающее на летней медицинской практике в селах и деревнях.

Результаты исследований помимо чисто научной ценности должны послужить и важным подсобным материалом для работников здравоохранения на селе, давая возможность с одной стороны черпать из народной медицины, как из неисчерпаемой сокровищницы, действительно ценное для терапии, с другой—быть готовым к помощи населению в случае причинения вреда знахарскими приемами „лечения“²).

Д-р медиц. Попов в своей прекрасной монографии о русской народно-бытовой медицине говорит: „Родная действительность должна заслуживать тем большего внимания и изучения, чем более она печальна и отталкивающая: уродливые и ненормальные явления жизни только тогда могут быть устранены и изглажены, когда они хорошо известны, когда определены причины их происхождения и выяснены сила и размеры их значения. Такое изучение, достигаемое мелкой, кропотливой и настойчивой работой, составляет неотложную и вполне назревшую задачу нашего времени“.

Эти слова не потеряли своего значения и вполне приложимы к нашей действительности.

¹) Из отчета Завгубздравом перед Томск. Губкомом РКП (б). Август 1925 г. Цифровой материал заимствован там-же. Автор.

²) Инструкции и литературу см. ниже.

1. Знахари и знахарки (типы).

В каждой деревне имеется несколько „знающих“ людей, „знахарей“, преимущественно женщин („знахарок“), могущих подать первую помощь человеку в несчастном случае, принять роды, вправить вывих, вылечить переломы, знающих средства от тех или иных человеческих страданий.

Весьма любопытны типы этих знахарей и знахарок, черты их характеров, условия их работы в своем хозяйстве, а также на „практике“, взаимоотношения с крестьянами, познания и успехи в лечебном деле.

Привожу несколько характернейших типов доморожденных лекарей, проживающих в с. Батурино, Коларовск. района.

а) Лукья Павловна Егорова—56 лет, вдовствует 12 лет, самостоятельно ведет свое хозяйство имея более 30 десятин земли надела. При ней живут сын 16 лет и дочь 14 л.

Умная, энергичная и уверенная в своих поступках женщина. Крестьяне про нее говорят, что она сама „и корову и овцу заколет...“ Очень спокойный и весьма скрытный человек. Кержачка (старообрядка), умеренно религиозна, весьма нравственна („ни разу не замечали, чтобы с мужиками баловала“). Любит погулять с бабами, но пьет умеренно. Неграмотна, детей своих грамоте и ремеслу также не учит. Мало хозяйственна, мстительна („и кур в огород к соседке загонит, и в плетне лазейки к ней сделает...“) Говорят, что недругу может в чай подложить чего-нибудь „чтобы очумел“. Лечит очень успешно, ходит „по бабкам“ (т. е. принимает роды). „Больше сотни родов приняла“—говорит она. Как знахарка пользуется большим авторитетом. К ней едут и она сама выезжает (по вызовам) и в г. Томск (к купцам) и в с.с. Вершинино, Ларино, Коларово, Красный Яр и др. окружные села.

Приезжающие издалека крестьяне с тяжелыми переломами, вывихами, живут у нее в маленькой бедной хатке по неделе, по две. Лечит она большей частью травами, но знает свойства и употребляет аптечные медикаменты.

Знает заговоры, умеет делать массаж. Знания свои получила от матери, также бывшей знахаркой, и из своего многолетнего опыта. За лечение сама ничего не берет, принимает „что дадут“.

в) Мавра Степановна Ориханова—60 л., семейная, занимается хозяйством в доме сына. Очень ограниченная, простодушная женщина. Религиозна („учить тебя заговорам-то не буду, пост у нас сейчас“—сказала она мне). Не энергичный человек, плохая хозяйка (по отзывам односельчан).

Совершенно неграмотна, даже счет плохо знает. По бабкам ходит мало, стара. Собирает и хранит лекарственные травы, знает их свойства и применение, часто прибегает к заговорам. К ней обращаются за советом и помощью очень много крестьян, ввиду ее крайней отзывчивости и бескорыстности. Заговорам и знахарству научилась у бродяжки-старичка, некоего „Гриши“, тоже знахаря.

с) Сергей Гаврилович Маликов—57 л., грамотный—самоучка, крестьянин, ведет вместе с сыном (председателем Батуринского кредитного т-ва) все хозяйство. Старый работник крестьянских потребительских об-в, работал в земстве по выборам.

Большой ревнитель кооперации и народного здравоохранения. С 1911 г. у него хранится аптечка кредитного т-ва, до 1919 г. он вел выдачу из нее несложных медикаментов, руководствуясь в назначениях домашним лечебником „Школа Здоровья“—Д. Андреевского. Медикаменты вышли, средств на закупку новых не нашлось и С. Г. перешел на лечение травами (кое-что помнит от матери бывшей знахаркой), знает их применение, хранит сборы. Бескорыстно лечит крестьян. Производит опыты на себе с травами, имеющими по его мнению лекарственное значение. Мечтает о восстановлении своей общественной аптечки, создании теплого возка для транспортировки тяжело-больных в город и других мероприятиях по медпомощи на селе, которое не обеспечено последней, т. к. ближайший фельдшерский пункт находится в 12-ти верстах.

2. Лекарственные растения, способы и показания к их употреблению.

Большей частью для лечения, обращающихся к знахарям больных, доморожденные лекари употребляют травы местных сборов. Травы заготавливаются в больших количествах (мешками) и хранятся под навесами на улице, в сенях и т. п. Сбор трав производят большей частью в середине лета и осенью. За некоторыми растениями специально ездят на „елани“, за 15—20 верст от села.

В случае надобности знахарки готовят или сами нужное снадобье, или же иногда (реже) дают сухой сбор больным, с наставлением как из него готовить и употреблять снадобье. В основу изложения нами положен клинический или вернее симптоматический принцип, т. е. весь материал о народной терапии собранный нами расположен по заболеваниям, при которых показуются знахарями те или иные лекарственные растения или средства. Нужно заметить по поводу диагностики заболеваний, которой пользуются знахари, что последняя с точки зрения научной медицины не выдерживает никакой критики. Большой частью лечение назначается на основании лишь жалоб больного, при чем в основу кладутся самые общие симптомы, как напр., головная боль, запор, боль в горле и т. п. Проверить на больных результаты знахарского лечения автору не представлялось никакой возможности, с одной стороны из-за краткого пребывания в деревнях, а также известного недоверия и того характера таинственности, с которым обставляют свое лечение знахари.

1.—А ш е п о г г н о е а (прекращение месячных).

а) Даже застарелые формы болезни, до 3-х и более лет, лечат с большим успехом отваром, сравнительно редко встречающегося в этих местностях растения—*Veratrum album*. Fam. Colchicaceae — чемерица. Последнее растет по сырым лугам, цветет в июне и в июле. По словам одной знахарки цветы чемерицы пахнут „женской сыростью“. Сушеный корень запаха не имеет, на вкус слегка горчит.

Пьют отвар из корневищ по маленькой рюмке, после бани. Если после первого приема „краски“ (крови) не появляются дают больной еще рюмку отвара, также после бани.

Обыкновенно эффект, по заверениям знахарок, наступает после приема 1—2 рюмок.

в) В случае прекращения *menstrua* или приходящих ненормально редко, дают заваренный, как чай стебель („дудку“) — щавеля — *Rumex acetosa*. Fam. Polygonaceae. Растет по сухим и открытым местам. Весной собираются листья — в пищу. Стебель щавеля берут в середине лета. Пьют по стакану в день этого отвара до наступления эффекта.

с) Пьют также отвар лягушатника по местному, или *Alchemilla vulgaris*. Fam. Rosaceae — манжетка обыкновенная.

В Бийском окр. его называют „росницей“. Растет по лугам, полям и опушкам лесов. Цветет в середине лета. Употребляют надземные части растения, собираемые во время цветения. Запаха не имеет, вкус вяжущий, солоноватый (М. Горст).

2.—Бесплодие или частые роды пытаются лечить следующим образом. Берут летние (двойные, лапчатые) корни ятрышника — *Orchis maculata*. Fam. Orchideae, растет по сырым местам, цветет в июне. Кладут оба корня на сковороду и ставят в вытопленную печь. „Один-то корешок словно прилипнет к сковороде, вот его и даем бабам, чтобы ребят не носили, а другой корешок нагреется и начнет двигаться словно живой, этот даем, чтобы дети были“. Корешки с'едают в несколько приемов с пищей.

В Пермской губ. растениям из сем. Орхидей, имеющим лапчатые клубни, приписывают конфертативные свойства, думают что пользуясь этими клубнями можно вытравлять плод (П. Крылов).

3.—Белые а. В случае последних дают пить заваренный, как чай — *Chrysanthemum Leucanthemum*. Fam. Compositae — соколик белый, поповник, любит — не любит, или по местному — Пырьеву траву. Цветет в июне, в июле и в августе. Запах слабо — ароматический, вкус острый. Пьют отвар по стакану 3 раза в день перед едой.

в) От „желтых“ белей дают отвар из *Anthemis tinctoria*. Fam. Compositae — пупавка красильная. Растет по сухим местам. Цветет в июне, июле и в августе. Пьют по стакану 3 раза в день перед едой.

4.—Головные боли. а) Лечат питьем из заваренного как чай — зверобоя, *Hypericum perforatum*. Fam. Hypericaceae. Растет по сухим местам, цветет в июле. Кладут также на лоб компрессы из этого снадобья.

в) Дают отвар из плакун-травы — *Lythrum salicaria*. Fam. Lythraceae. Это средство пользуется успехом. Оказывает будто бы болеутоляющее и снотворное действие.

с) От головной боли и развивающейся после нее глухоты дают медвежьих ушки — *Verbascum Thapsus*. Fam. Scrophulariaceae. Растет на песчаной и каменистой почве. Цветет в июле и в августе. Собирают стебли этого растения. Приготавливают снадобье так: кладут в горшок немного травы, приливают воды, наглухо замазывают горшок глиной или тестом и ставят в истопленную печь. Когда хорошенько напарится, вынимают, студят, пьют кружками по мере надобности.

5.—Горло, его заболевания.

При болях в горле дают отвар из *Antennaria dioica*. Fam. Compositae. — кошачья лапка, или по местному — шалфей. Растет по сухим местам, цветет в июне. Делают настой из цветочных головок, дают по чайной ложке несколько раз в день и полощут в горле.

6.—Грыжа. (Hernia).

а) По деревенски „надсада“. Лечат жидким отваром из сушеной коры дикого перца—*Daphne Mezereum*. Fam. Thymelaeaceae. Растет в хвойном лесу. Цветет в мае. Плоды—в июле и в августе. Пьют отвар по 1—2 рюмки в сутки, но не более чайной чашки взрослому pro die.

в) Употребляют также настой в отварной воде *Adonis Arenina*. Fam. Ranunculaceae.—стародубка или по местному—„трава от 12 грыж“. Растет по тенистым местам. Цветет в мае. Вкус горький. Пьют натошак, по чашке в день.

7.—Желудок, его заболевания.

а) От рези и вообще болей в желудке и животе пьют отвар из растения живуньки—*Virpleurum aureum*. Fam. Umbelliferae. Растет на „еланях“, цветет в июне. Употребляются листья, стебель и цветы.

в) Пьют, как чай осот, по местному, *Cirsium arvense*. Fam. Compositae—татарник полевой. После него перестает рвать и „сердце давить“. Осот пьют и высушенный.

8.—Желтуха (icterus).

Для излечения от последней пьют отвар из *Tanacetum vulgare*. Fam. Compositae—дикая рябинка, или по местному—девятитьник. Растет около дорог, вблизи берегов рек. Цветет в июле и в августе. Запах сильный, ароматический. Вкус горький. Употребляют кисти цветов, их верхушки.

При желтухе у детей моют их этим же отваром.

9.—Запор. (obstipatio), лечат „разгон-травой“ или „изгон-травой“—*Euphorbia palustris*. Fam. Euphorbiaceae., последней приписывается слабительное действие. Собирают корни, заваривают как чай, пьют взрослые—по рюмке, но не более чашки в день, детям дают чайную ложку на прием.

10.—Золотуха (Scrophulosis), последнюю лечат чередой *Bidens tripartita*. Fam. Compositae. Растет по сырым местам. Цветет в июле. Вкус горький. Высушенная запаха не имеет. Ее пьют заваренную, как чай.

В Пермской губ. отвар из листьев череды также употребляют от золотухи (П. Крылов).

В Кузнецком окр. дают от золотухи листья черной смородины—*Ribes nigrum*. Fam. Grossularineae., заваренные, как чай; дают также отвар из шишек хмеля—*Humulus Lupulus*. Fam. Urticaceae. Кладут горсть на 2 стакана воды (М. Горст).

11.—Испуг, пугливость (pavor) пытаются лечить отваром из чертополоха *Eryngium planum*. Fam. Umbelliferae. Растет на высоких, открытых местах. Цветет в июле и в августе. Дают по 3 столовых ложки в сутки. Собирают цветущее растение.

В Пермской и Казанской губ. окуривают этим растением детей в бане также от испуга или переполоха (П. Крылов).

12.—Кашель (tussis).

Для излечения от последнего, не разбираясь в причинах вызывающих его, дают процеженный отвар из стеблей и листьев мяты—*Mentha piperita*. Fam. Labiatae. Пьют по маленькой рюмке в день.

13.—Крапивница (*Urticaria*).

Частое заболевание в деревнях. Лечат „крапивную лихорадку“—обыкновенной крапивой—*Urtica dioica*, Fam. *Urticaceae*. Растет по пустырям, собирают все растение, делают из него отвар, пьют или же делают из крапивы ванну заварив ее в кипятке. Рекомендуют это средство.

Знахарки объясняют это заболевание тем, что крестьяне босиком ходят „по росам“.

14.—Лихорадка (*febris*).

а) Лечат шиповником—*Rosa cinnamomea*, Fam. *Rosaceae*. Растет по лугам, по опушкам лесов, цветет в июне и в июле. Берут корень, заваривают кипятком, ставят в печь „испариться“ (настояться), пьют как чай.

в) Пьют также заваренные, как чай, и настоянные головки подсолнуха.

15.—Малярия (*malaria*).

Лечат полынью, *Artemisia vulgaris*, Fam. *Compositae*, растет повсеместно, чаще по пустырям. Цветет в конце июня, в июле и в августе. Запах слабо-ароматический, вкус горький. Сбор во время цветения. Варят полынь в воде или в водке (самогонке), пьют по столовой ложке за несколько часов до приступа лихорадки. Перед употреблением полыни дают больному слабительного (см. „изгон-трава“).

После выздоровления от лихорадки некоторые знахарки продолжают все-таки давать малярику полынной настойки в той же дозе еще в течение 5—8 дней.

16.—Маточные кровотечения.

Останавливают последние отваром из рожков спорыньи—*Secale cornutum*.

Дают по 1 стол. ложке на прием. Знают о том, что этот—препарат сохраняет силу лишь в течение 6 месяцев.

17.—Моча, задержка ее выделения и резь при мочеиспускании.

В таких случаях дают отвар из стеблей и цветов тысячелистника—*Achillea Millefolium*, Fam. *Compositae*. Растет по лугам и полям, цветет в июне, в июле и в августе. Пьют отвар чашками 3 раза в день. При чем знахарки дают мужчинам отвар из растений с белыми цветами, а женщинам—из розовых цветов.

18.—Menstrua, открытие их после родов, достигают последнего дачей женщинам заваренной в воде или настоянной в водке ромашки—*Matricaria discoidea*, Fam. *Compositae*.

Растет по сухим, открытым местам, около дорог. Запах цветов ароматический, цветут в июне и в июле. Сбор после цветения. Доза: по чашке перед едой, 2 раза в день, утром и вечером.

19.—Menstrua частые и ненормально долгие.

Эти заболевания с успехом излечивают отваром растения наз. татарское мыло—*Lychnis chalcidonica*, Fam. *Caryophyllaceae*. Растет по лугам, лесам, около берегов рек в тенистых местах. Цветет в июне. Делают отвар из всего растения (с цветами), пьют по 1 рюмке *pro die*.

В Кузнецком окр. при сильных *menstrua* дают женщинам пить отвар, вместо чая, из листьев костяники—*Ribes saxatilis*. Fam. Rosaceae, также отвар из свежей травы—заячьей капусты—*Sedum hybridum*. Fam. Crassulaceae, или же отвар из надземных частей конского щавеля—*Rumex crispus*. Fam. Polygonaceae. В Барнаульском окр. дают также отвар из земляного ладана—*Valeriana officinalis*. Fam. Valerianaceae (М. Горст).

20.—Молочница (Soor). Лечат отваром молочника по местному или *Tragopogon pratensis*. Fam. Compositae—козлородник луговой. Растет по полям, лесам и лугам. Цветет в июне и в июле. Собирают цветущее растение. Вкус цветочных головок горьковатый. Делают из молочника полоскание, у маленьких детей обтирают отваром во рту.

21.—Опухоль¹⁾. Добиваются устранения последних прикладыванием к ним листьев „мать и мачехи“ *Tussilago Farfara*. Fam. Compositae. Растет по песчаным местам, около берегов рек. Цветет в мае.

22.—Поносы детские. (Diarrhoea).

а) Излечивают отваром из перелойки—*Parnassia palustris*. Fam. Droseraceae—белозор. Растет по возвышенным местам. Цветет в конце июля и в августе. Собирают растение с листьями и цветами. Без запаха, вкус горьковатый. Дают чайными ложками 2 раза в день.

в) Точно таким же образом готовят и дают отвар из *Euphrasia officinalis*. Fam. Scrophulariaceae—очанка лекарственная.

23.—Понос кровавый (Dysenteria). Лечат успешно отваром из измельченных шишек черноголовника, *Sanguisorba officinalis*. Fam. Rosaceae, растет по лугам, в лесах. Цветет в июне и в июле. Собираются лишь головки растения. Заваривают как чай, пьют сколько угодно.

В Кузнецком окр. от кровавого поноса дают отвар из корня земляники—*Fragaria vesca*. Fam. Rosaceae, детям $\frac{1}{2}$ чашки, взрослым по 1 чашке, 3—4 раза в день. (М. Горст).

24.—Припадки (от испуга)—(affectus).

а) С большим успехом излечивают припадки отваром из *Geranium pratense*. Fam. Geraniaceae, растет по полям, у берегов рек, по опушкам лесов. Цветет в июне, в июле и в августе. Собирают все растение. Иногда варят это растение с дрожжами, дают пить по мере надобности.

в) Дают также отвар из плакун травы—*Lythrum salicaria* Fam. Lythraceae. Заваривают все части растения. При варке в печи пенки не сдувают, остуживают и дают пить больному по мере надобности.

25.—Рана (vulnus). Для лечения последних в народной медицине не мало различных испытанных средств.

а) Корень репейника—*Lappa tomentosa*. Fam. Compositae. Растет повсеместно вблизи жилья, на мусоре, невозделанной почве. Цветет в июле и августе. Корни собирают во время цветения. Корень без запаха, на вкус горький. Из корня выжимают сок и примачивают на раны.

в) Употребляют также сок из листьев и сами листья комнатного растения—„живое дерево“—(не определено).

¹⁾ Под опухольями крестьяне понимают всякое „опухание“, увеличение тканей и органов.

с) Залечивают раны с большим успехом листьями (наз. „бархатинками“) и соком (!) из листьев медунки, *Pulmonaria mollissima*. Fam. Boraginaceae. Растет по сырым местам. Цветет в конце апреля, в мае. Сбор производят летом, лишь надземных частей. Сок красноватый, жгучий; один крестьянин говорил мне, что они им пользуются „место иода“.

26.—Сердце, его заболевания.

Сердечные заболевания знахарки затрудняются и чаще отказываются лечить, отсылая больных в город к врачам. В с. Батурино, Том, у. лечит такого рода заболевания, да и то с большой осторожностью, Лукея Павл. Егорова (см. стр. 112).

Она знает единственное средство—наперстянку—*Digitalis grandiflora*. Fam. Scrophulariaceae, последняя произрастает у нее в огороде. Семена наперстянки ею получены от жительницы с. Батурино А. И. Иваницкой (бывш. студ. Т. Г. У.—ботанич. отд.). Наперстянку дает каплями, из отвара последней.

27.—Судороги—(convulsiones) лечат отваром из травы лапчатки—*Potentilla chrysantha*. Fam. Rosaceae.

28.—Туберкулез легких (tbc. pulm). Лечат отваром из бугульника *Ledum palustre*. Fam. Ericaceae, растет по сырым местам, в лесах. Цветет в июне. Собирают ветки с листьями. Дают отвара смотря по болезни в различном количестве (см. также § 51).

29.—Угри, чирьи (acne, furunculus).

При этих заболеваниях дают больному есть ягоды (красн. цвета) растения чирьянки (достать образца последней не удалось. Дают смотря по силе заболевания по 10—20 ягод или по маленькой горсточке в день.

3. Смеси, ванны, натирания и другие лечебные и симпатические процедуры.

30.—Бородавки (verruca) пытаются уничтожить следующим весьма ходовым способом: обвязывают нитку вокруг последних, затем кладут ее в сырое место, „когда нитка сгниет, и бородавка уйдет“. Этим же способом пользуются во многих губ. Европ. России: в Орловской, Костромской, Вятской, Тверской, Ярославской, Пензенской, Тульской и др. (Г. Попов).

31.—Вывихи и переломы (luxatio, fractura).

Некоторые знахарки с большим успехом вправляют даже тяжелые формы вывихов (напр., в тазобедренном суставе). Искусственно лечат переломы. Употребляют лубки из коры березы, туго бинтуют для лучшего сращения костей. Знают о т. наз. ложном суставе, принимают все меры, чтобы куски мышц не попали между срастающимися концами костей.

32.—Глисты. Излечиваются от последних смесью из равных частей огуречного рассола (процезженного) и меда, смесь кипятят. Пьют натошак по 2—3 стол. ложки перед каждым приемом пищи (3 раза в день).

33.— Желтуха (icterus). Излечивают ваннами, приготовленными так: берут листья, ягоды и кору крушины—*Rhamnus Frangula*. Gam. *Rhamneae* и стручковый красный перец, смесь эту варят в воде, процеживают. В ванну для взрослого наливают до ведра такого отвара. По словам одной знахарки от таких ванн „в три дня всякая желтуха проходит“.

34.— Желудок, его заболевания (отдельными симптомами таковых считают изжогу, отрыжку). Лечат смесью (1:1:1) из старых кедровых шишек собранных с деревьев (не с земли!), гвоздики (аптечной) и желтого имбиря (аптечного). Смесью варят, дают по 1 столовой ложке за час до еды раза 3 в день. Этим снадобьем лечат желудочных больных всех возрастов.

35.— Золотуха (*Scrophulosis*), особенно с поражением глаз у детей. Прикладывают к глазам большие кусочки, нарезанные пластинками, из вареной печени молодых свиней, или сырое, но свежее легкое поросенка.

36.— Кровохарканье. (Haemoptoe); употребляют при этом заболевании— смесь из кедровых шишек, гвоздики и желтого имбиря. Приготовление и дозировка те же что и в § 34.

37.— Куриная слепота. (Hemeralopia). Частое заболевание в деревнях. Возможно вследствие упадка питания, истощения за последние годы и продолжительных постов, соблюдающихся в деревнях. Для лечения варят свежую скотскую печень (лучше всего свиную). Больной дышет и подставляет свои глаза действию пара от варящейся печени. Иногда прикладывают к глазам пластинки печени, дают ее есть. Излечение в 2—3 сеанса. По мнению Кубли вареная печенка, которую он применял в сотнях случаях „самое лучшее лечение куриной (ночной) слепоты“ (Демич). *Elschnig*¹⁾ же считает, что „специфическое целебное действие печени (в лечении куриной слепоты) конечно не больше чем сказка“¹⁾. В Вятской и Орловской губ. от куриной слепоты также едят вареную коровью печень (Г. Попов).

38.— Лишай (lichen). Мокрые лишайи лечат табачным „соком“, взятым из трубок курильщиков. Смазывают этим соком лишайи.

39.— Malagia. От последней пьют отвар приготовленный из смеси коры „12 деревьев“ (тальника, черемухи, березы, пихты, ели, боярышника, сосны, бузины и др.). Пьют по рюмке этого отвара 3 раза в день. Одна знахарка уверяла меня что „очень помогает“.

„В народе существует, между прочим, следующее воззрение касательно лечения: каждый человек может иметь в себе семьдесят семь недугов: от каждого же недуга есть трава. И так для более успешного лечения какой-нибудь сомнительной болезни, следует соединить вместе возможно большее количество трав—авось которая нибудь из них и подействует против недуга“. (П. Крылов).

Аналогично этому способу лечение лихорадки в Новгородской губ., т. к. считают что лихорадок 12 сестер, то для лечения последней берут листьев и ветвей непременно с 12-ти различных растений (Попов). (См. также § 42).

¹⁾ *Elschnig*. Гемералопия. Энцикл. практич. медиц. *Schmierer* и *Vierordt* т 1. 1907 г.

40.—М а с с а ж. Некоторые знахарки очень умело и успешно пользуются в своей практике массажем. По отзывам некоторых пациенток-крестьянок, знахарки очень легко находят болевые точки. Массажем приносят большое облегчение больным. При массаже натирают руки мылом, тальком или маслом. „Руки у нее больно мягкие и нежные“—говорила мне одна пациентка Лукеи Павлов. Е. (с. Батурино) об этой знахарке, а ведь эта женщина и сено косит, и хлеб жнет, и за скотиной ходит.

41.—М о з о л ь (clavus). Последние лечат оболочкой с молодого, еще не распутившегося листка комнатного растения—фикуса. Распаривают эту оболочку („пленочку“) и прикладывают ее к мозолям.

42.—М о л н и я—удар ею. Лечат так: варят в большой корчаге (ведра в два) смесь из равных частей зерен ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи и проса. Обкладывают тело, голову и конечности пострадавшего этой смесью, отжатой от воды.

43.—О п у х о л и. Делают компрессы, холодные и теплые, смотря по болезни, делают также припарки из отрубей.

44.—О т р а в л е н и я. Специфических противоядий выяснить не удалось. При отравлениях поступают, как в следующем примере. Мальчики одной крестьянки, обевшись на поле белены (*Hyosciamus*), „настенку лезли“. Одна из знахарок, желая помочь им, перышком попершила у детей в горле, вызвав этим рвоту. Затем дала им крепкого („фамильного“) чая и немножко водки. Дети выздоровели.

45.—П а р а л и ч (Paralysis).

Дают кашу из солода (ячменного). Едят ее сколько угодно.

46.—П о д а г р а (Arthritis uremica). Подагрические узлы растирают в несколько приемов пальцами. Руки смазывают при растирании маслом, или натирают тальком.

47.—Р а х и т (Rhachitis).

Это заболевание („английскую болезнь“) лечат так: купают ребят в ванне, после чего обмазывают им живот и конечности чистой дегтярной смолой.

48.—Р а н а (vulnus). Для заживления последних кладут на раны слой паутины и завязывают тряпкой.

49.—Р е в м а т и з м (Rheumatismus). Это заболевание широко распространено в народе, в связи с чем велико и число рецептов различных снадобьев против него. По последним особенно легко можно наблюдать творческие искания народной мысли в борьбе с „ревматизмой“, „ломотой“, или „рематизом“, как именуют ревматизм.

а) Керосин со стручковым перцем настаивают 1—2 суток и натирают пораженную часть тела.

б) Мочу, лук и соль смешивают, нагревают (не до кипения!) и также получают натирание.

с) Общеизвестное средство—„муравьиный спирт“ (acidum formicicum). Собирают его весной, из муравьев делают настой.

d) Делают „масло“ из дождевых червей, рекомендуют это средство.

e) Настой из мухоморов (*Amanita muscaria*). Кладут их в горшок с водой, наглухо замазывают и держат на холоду. В Пермской губ. соком мухомора натирают руки от ломоты (П. Крылов).

i) Особенно рекомендуют винный спирт (*Spiritus vini*), с растворенным в последнем небольшим количеством камфоры (аптечной). Делают натирание, после которого кладут согревательный компресс и сверху забинтовывают.

50.—Рожа (*Erysipelas*). Накладывают на пораженные места кусочки красного сукна, натертые мелом, сверху забинтовывают. Знахарки различают еще „синюю рожу“, при которой прикладывают также натертое мелом синее сукно. Этот способ лечения цветными материями, по нашему мнению, имеет нечто общее с лечением рожи в научной медицине красным светом¹⁾.

51.—Туберкулез легких (*tbc. pulm.*).

a) Лечат с успехом, по словам знахарки, питьем, приготовленным из овса и молока. На кринку молока кладут 1 фунт овса, ставят в печь „преть“ часа на два. Затем процеживают и пьют по 1—2 стакана в сутки в теплом виде. Пищу больному дают легкую, исключают мясо, рыбу, черный хлеб.

b) Лечат, но с меньшим успехом, смесью алоя (*Aloe—сабур*) с медом. Едят по желанию, сколько угодно.

4. Аптечные средства.

Аптечные средства находят себе также применение в практике народной медицины. Это главным образом несложные медикаменты, отпускаемые в аптеках без рецептов врачей. К последним относятся *camphora*, шалфей—(*Salvia officinalis*), *tinctura jodi*, *spiritus vini*, *talcum*, *sapo viridis*, вазелин, хинин, царская водка, сахар стерильный для засыпки ран, мышьяк (последний употребляют при *tbc. ossis*, делают мышьяком промывание язв. Берут 1 стол. ложку мышьяку на бутылку воды), гвоздика, желтый имбирь. При рвоте—дают пить соду (*Natrium bicarbonicum*), при угаре—нюхают нашатырный спирт (*Liq. ammonii caustici*). Как средство против вшивости, употребляют „политань“ (*Ung. hydrargiri cinerei s. Ung. Neapolitanum*).

5. Заговоры, приговоры и др. способы лечения на селе.

Заговоры имеют очень широкое применение в народной медицине. Знахари и знахарки Томского у. также часто прибегают к ним. Едва ли можно объяснить большую популярность и крепкую живучесть в народе заговоров одной лишь темнотой и невежеством крестьянства.

Мы вполне согласны с В. Демичем высказавшим еще в 1897 г. мысль, что „лечение знахарей заговорами и нашептыванием, употребляемое весьма давно, есть лечение внушением“. В грубом, сыром, необработанном виде, но дающие себя знать по могучей и целительной силе, элементы внушения, гипнотизма у знахарей, несомненно, играют

¹⁾ А. А. Опокин. Лекции общ. хирургии, ч. II, Томск, 1923 г.

доминирующую роль в действительности их заговоров. Если вспомним (см. гл. I-ю), что знахари и знахарки—это люди с сильной волей, большей частью энергичные, авторитет знаний которых у крестьян иногда очень велик, или наоборот это люди крайне ограниченные, очень религиозные, до-нельзя простодушные, но которые в заговоры вкладывают всю силу своей веры, что их лечение правильно и радикально, то нам кажется, что тот смешок, которым встречается понятие о заговорах в народной медицине среди многих врачей, должен смениться более серьезным и вдумчивым отношением к этому вопросу. Существующее у томского крестьянина поверие, что заговоры не может говорить тот человек, у которого нет или мало зубов, по нашему мнению, должно быть объяснено так. В крестьянском быту беззубые большей частью старики, обуреваемые болезнями, ограниченные, слабобольные, ясно, что знахарь или знахарка, находясь в таком состоянии, не смогут из-за слабости своих сил, сконцентрировать и волю свою и получить нужный эффект от заговора или нашептывания.

Заговорами знахарки лечат от целого ряда заболеваний и повреждений. Так, например, при укусах бешеных собак, змей, насекомых и т. д., они употребляют почти исключительно заговоры. Одна знахарка рассказывала мне, что она заговорами „вылечила“ целую семью батуринаского крестьянина, покусанную бешеной собакой.

Заговорами же пользуются в случаях сильных кровотечений. Одна батуринаская знахарка уверяла нас, что она обыкновенные отрубевидные лишай (*huchen pityriasis*), которые при лечении смесью из зеленого мыла и вазелина (способе известном ей и применяемом в научной медицине), излечиваются в несколько дней, она заговорами ручается вылечить в одни сутки.

От испуга (пугливости), кроме указанного способа (см. § 11), лечат еще так: мать держит ребенка на коленях, а знахарка бросает в ковш над головой ребенка горячие уголья и заливает их водой, при чем нашептывает.

Если ребенок плохо развивается, „сохнет“, то лечат таким образом: раскатанный сочень теста надевают на ребенка, как платье, т. е. просто продевают в последнем отверстии для головы. Дают ребенку так немного походить, затем снимают и дают съесть это тесто собаке, отчего, будто-бы, болезнь переходит на последнюю.

Для прогревания при простуде, за неимением ванны, или вместо бани, иногда кладут больного в теплую русскую печь, оставляя лишь голову на шестке наружу.

Среди народа за знахарями ходит недобрая слава, что они могут по своему желанию „напустить“ на своих врагов болезни. Нам указывали даже на отдельных лиц, которые своим недругам „килу посадили“, или „хомут надели“. (Под этими выражениями понимают беспричинные опухоли половых органов, ведущие к нагноению и к смерти, а иногда под „килой“ понимают и опухоль век). Цитированный нами уже Демич также указывает, что знахари „по народному поверию не только излечивают болезни, но и посылают их на людей—„присаживают килы“.

Нам передавали, что какую-то болезнь одна батуринаская знахарка лечила так: положила больную женщину на порог животом, била ее по пояснице венником и слегка обухом топора. Напрашивается аналогия, указанная д-ром Поповым в его классической работе: „Вот как в Новгородской, Вологодской и Орловской губ. лечится „запугом“ пояс-

ничная боль (утин). Больной ложится на пороге избы с обнаженной поясницей. Производящий операцию знахарь становится по одну сторону, с топором в руках, свидетель по другую, первый замахивается топором и прикасается острием к пояснице больного... машет топором над поясницей“.

„В Смоленской губ. операция эта для верности действия совершается непременно на трех порогах, а в Вятской губ. ее могут производить только первенцы и последыши в семье“. (Попов).

При родах некоторые знахарки в помещении, где лежит роженица, тушат свет, если роды бывают ночью, принимают роды в темноте. В одном таком случае роды сильно затянулись, ребенок вышел до половины и застрял. Зажгли свет,—оказалось, что пуповина завернулась у младенца вокруг шеи. При долгом задержании послета тянут его за пуповину. Есть случаи со смертельным исходом для роженицы от сильных кровотечений („У роженицы были руки в крови, сама помогала тянуть пуповину“).

Лихорадку представляют в виде женщины,—говорят, что это „она“ приходит к больным. Представляют лихорадку „в образе женщин (лихоманок, простовласых дочерей Ирода)“. (В. Демич).

В Пермской губ. под лихорадкой понимают „трех или девятерых крылатых сестер, заключенных в челюстях земли; когда их спускают, то они причиняют вред людям; в недосужее же время они приходят через день и через два“ (П. Крылов).

Многие шарлатаны и надуватели пользуются темнотой народа, выдавая себя за „лекарей-специалистов“.

Жители с. Батурино рассказывают про некую лекарку, приехавшую к ним в деревню и лечившую от женских болезней. Говорят, что она бывшая больничная сиделка.

Характерны приемы „лечения“ этой специалистки. Она, напр., лечила воспаление яичников (?) у одной женщины тем, что обыкновенной деревянной скалкой для раскатывания теста собирала на животе больной кожу в складки и мяла ее. Больная после двух таких сеансов отказалась у нее лечиться.

В одну из эпидемий желудочных заболеваний за последние годы в с. Батурино разнесся слух, что эпидемия может быть прекращена лишь, если убьют какого-нибудь человека, называли даже одну фамилию. Из расспросов жителей выяснилось, что действительно в связи с этим слухом был убит „пьянчужка, нестоящий человек“...

Это в 30-ти то верстах от города Томска, в пригородной деревне! Любопытны приговоры мужа к жене. Среди крестьянок есть поверие, что можно „приворожить“ мужа к жене так, что он никогда не разлюбит и не бросит последнюю. Для этого советуют женщине напоить мужа „своим собственным молоком“, или водой, в которой была выполоскана ее сорочка, но так, чтобы он и не знал про это.

Так лечит сама свои страдания и „болести“ наша Томская деревня!

ЛИТЕРАТУРА.

Крылов П.—О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии.—Труды Об-ва Естествоисп. при И. Казанском Ун-те. Том V, вып. II, 1876 г.

Крылов П.—Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губ.—Там же. Том XI, вып. 4, 1882 г.

Горст. Н.—Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губ.—Труды Томск. О-ва Естествоисп. и врачей. Т. IV, 1894 г.

Демич В.—Народная медицина. Энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 40, 1897 г.

Вейнберг.—К истории народной медицины. („Медицинская беседа“ за 1889 г. №№ 8, 9, 10).

Гандельсон. В.—Материалы к изучению способов народного врачевания в Восточной Сибири (Отчет О-ва врачей Енисейской губ. за 1840—41 г. Т. V, Красноярск, 1841 г.).

Неклепаев.—Народная медицина в Сургутском крае (Тобольская губ.), 1900 г.

Попов Г. д-р.—„Русская народно-бытовая медицина“. СПб, 1903 г.

Скалозубов Н.—Материалы к вопросу о народной медицине в Тобольской губ. (Ежегодник Тобольск. Губмузея, кн. 11, 1904 г.).

Скалозубов Н.—Ботанический словарь.—(Ежегодн. Тоб. Губмузея, 1911 г., кн. 21).

Уткин Л.—Экскурсия летом в 1914 г. в Томский, Мариинский и Кузнецкий у. у. для собирания материалов по народной медицине.—Известия Томск. ун-та, т. 65, 1916 г.

Виоградов Г.—К изучению народной медицины у русского населения Сибири.—Иркутск, 1923 г.

Приходько П. Т. „Народная медицина в Томской деревне“. Сиб. Медиц. Журн. № 5, 1926 г.

А. Н. АРАВИЙСКИЙ.

Шория и шорцы.

Собранный материал—результат не специального этнографического исследования, а лишь впечатления работника другой специальности, впечатления, не претендующие, стало быть, ни на всесторонность, ни на этнографическую детализацию.

Венеролог по специальности, лечебник в борьбе с сифилисом—по заданиям Томского Венерического Диспансера и Общества Красного Креста, излагая специальную часть, я все же считал необходимым поделиться и общими впечатлениями о крае, в силу красочности последнего и почти полного незнакомства с ним общества.

Итак, читатель, последуйте за мной на юг бывш. Томской губ. по реке Томи в направлении к Шории.

В холодное майское утро на рассвете вас уносит по многоводной Томи пароход, имеющий рейсом плес Томск-Кузнецк. Уже в Кузнецке вы получаете некоторое представление об ожидающих вас путевых тяготах: требуется 5 дней для того, чтобы подыскать надежных, смелых и ловких лодочников, которым с момента отплытия вверяется не только судьба багажа, но и ваша личная.

Дело в том, что путь от Кузнецка до центра Шории, улуса Усть-Кобырзы, путь в 250 верст необходимо покрыть „на шестах“: нагруженная лодка отталкивается шестами по дну реки. Если представить себе встречный вал горных речек, взбешенных весенним разливом, если учесть момент, когда шесты не хватают дна и лодка беспомощно бьет веслами, совершенно не продвигаясь вперед, можно понять и скорость продвижения за сутки в 20—30 верст и ту массу затрат энергии и предприимчивости, запрос на которую предъявляется лодочникам.

Из числа профессионалов особенно врезывается в память седой высокий шорец—Николай Лебедев. Медлительный, спокойный он очень выгодно отличается от остальных. Относящийся с чувством некоторой иронии к современным сородичам, он с удовольствием вспоминает шорскую старину. „Были шорцы когда-то крупными, сильными. Не знали они неволи, не любили ее. Но изменились времена. Созвали старейшие всех шорцев и сообщили—появилось белое дерево, появится скоро и белый человек, а с ним и неволя. Вырыли шорцы по предложению старейшин землянки, вошли в них; по данному знаку подпиленные стойки землянок рухнули и погребли свободолюбивых шорцев. Вот и теперь можно видеть в 18-ти верстах от Кузнецка остатки этих землянок“.

„Да, крепкие были люди“, задумчиво произносит Николай, с удовольствием поглядывая на окружающих нас тощих, маленьких людей с резко выраженными монгольскими чертами.

От Кузнецка лодка в первый день отходит всего лишь на 20 верст по Томи, и путешественник уже в Нижней Шории.

Шория встречает нас чрезвычайно радушно, вместо сибирских холодных ветров и даже „июньского“ снега—живительное полное солнце, радостная тишина, зелень. Опьяненные весенним воздухом, приятно уставшие от покачивания лодки мы засыпаем у костра под

пение соловьев и дурмящий запах уже расцветшей черемухи. Поднявшись в следующие дни по Томи на 40 верст и свернув в русло красивейшей реки Мрассу, мы проплываем мимо ряда живописно разбросанных улусов уже с чисто шорским населением, наконец мы достигаем последнего населенного места (улус Сосновая Гора) Нижней Шории. Далее полоса припорожья, совершенно не заселенная, т. к. берега, по которым обычно ютятся шорцы, становятся отвесными и высокими—это наиболее глухое место по всей Шории.

Перед самыми порогами минуем овеянную легендами группу скал „Туралыг“, состоящую из 7—8 остроконечных утесов, постепенно падающих к реке, и величественную вершину, покрытую (еще) снегом „Огу—Дун“. Уже в $1\frac{1}{2}$ версте от порогов нарастает тревога, слышится далекий гул, хмурится небо¹⁾, ворчит недовольная волна, лодочники, вздыхая, посматривают вперед, шести их отбивают сильную, напряженную дробь о борт как будто упирающейся лодки; все это вместе с рассказами, слышанными раньше, взвинчивает настроение.

Глухой рев в стиснутом ущелье, открывающаяся панорама на ряд водопадов, бешено рвущих берега, как-будто стремящихся уничтожить все на пути своем, объясняет беспокойство наших кормчих. Лодка становится ничтожной щепкой, прыгающей у самого берега. Голоса замирают: временами необходимо кричать на ухо, чтоб быть понятым.

Пороги не имеют обводных тропинок, и поэтому приходится, нагрузившись ношей пуда в $1\frac{1}{2}$ —2, прыгать с одного прибрежного камня на другой иногда на значительной высоте на протяжении 7—9 верст. Лодочники нанимают случайных встречных шорцев и артелью тянут бичевой лодку с наиболее тяжелым грузом, временами вскакивая в лодку, и работая шестью, временами погружаясь в воду и т. д. —Каждая баррикада, каждая одинокая каменная глыба с бешеным потоком через нее ставит перед нашими „гидами“ вопрос о существовании не только груза, но и их самих.

Сколько рассказов, о погибших здесь, сколько легенд! Самое ужасное бучило²⁾ носит название „Красиловского“, по имени потонувшего с пудами золота смелого прискателя. И теперь еще, по рассказам шорцев, под прибрежными скалами в определенных местах можно найти кости многих погибших в порогах. Для переправы через Мрасские пороги требуются целые сутки. Совершенно измученные, мокрые путешественники в состоянии проехать 10—12 верст до ближайшей пасеки.—Весь путь от Кузнецка до Кобырзы покрывается в $10\frac{1}{2}$ дней.

Шория, куда мы прибыли, очень небольшая страна с площадью в 12. 148 кв. километров. По прежнему—это Кондомский район, а теперь—автономный горный округ. Плотность населения: 1 человек на 18 кв. километр. Шорцев насчитывается до 47,000 человек.

Граничит Шория с востока с б. Енисейской губернией с запада с Алтайской, с юга—в непосредственной близости Ойротия и далее к югу—Монголия, с севера граница проходит верстах в 20 к югу от г. Кузнецка.

Шория занимает гористо-таежный район по отрогам Алатау и Солаирского кряжа.

Населенные места—исключительно по речкам, берега которых изредка переходят в прибрежные небольшие долины, чтоб дать приют небольшим улусам шорцев.

¹⁾ По рассказам туземцев над порогами постоянные дожди и грозы.

Главной чертой, характеризующей климат, следует считать обилие осадков. Лето, проведенное мной в Шории изобиловало дождями, грозами. Зимы славятся буранами и заносами, погребаящими юрты, ко входу в последние шорец проваливается, пройдя предварительно на лыжах над крышей юрты. За обилие осадков говорит и заболоченность немногочисленных в Шории равнинных мест,—приставка „зас“ (Пызас, Анзас, Озас и т. д.) переводится на русский язык „болото“ (Анохин).

В улусе Кобырза, напр., так близка почвенная вода, что нет возможности вырыть даже незначительный по глубине погреб. Суглинок и каменистые почвы характеризуют эту горную страну, богатства которой, а стало быть, и будущее ее,—огромны. Стоит припомнить Тельбесс, где найдены на небольшой территории и свинцовые, и серебряные руды, железо в счастливом сочетании с огромными залежами каменного угля, необходимо учесть неисчерпаемую энергию Мрасских порогов и богатство тайги, чтобы представить себе возможности дикой и неисследованной Шории.

Горные хребты почти сплошь покрыты девственной тайгой, занимающей до 82% всей площади страны. Превалируют хвойные, из которых большое значение в хозяйстве шорца имеет кедр; местами встречаются липняки—огромная редкость в сибирском ландшафте. Из богатейшей по разнообразию фауны промысловую ценность имеют прежде всего колонок и белка: стоило последней исчезнуть за последние 3 года из пределов Шории, как благосостояние охотника—шорца, незначительное и в обычное время, резко нарушилось до обнищания в подлинном смысле этого слова.

Экспортируется также соболев, лисица, бурундук, выдра. Встречается здесь благородный олень, медведь, горный козел, из рыб: таймень (имеющий пудовый вес), харюз, кускуч и т. д. При выявлении возможностей края в целях рационального использования их, при проектировании какого-либо культурного начинания в этой девственной стране необходимо иметь в виду особенности шорских дорог. Собственно, вернее говорить об отсутствии путей сообщения, так как нельзя же за таковые признать путь по реке Мрассу, описанный выше, или тропинку, причудливо вьющую всадника по тайге, местами взмывающую на отвесную скалу, местами падающую в горную речку, тропинку, позволяющую верховому провезти лишь то, что помещается в суме при седле. Не лучше дело обстоит и с зимними путями: лишь в середине зимы удается „протоптать дорогу“ (главным образом лицам и учреждениям, заинтересованным в экспорте и импорте) по льду долго не замерзающей реки, ранняя же весна вновь уничтожает санный путь.

Самому шорцу зимой лошадь совершенно не нужна—она стоит далеко за улусом у стога сена, уничтожая последний,—ни крышей, ни питьем она не пользуется; заинтересованность в ее судьбе со стороны хозяина выражается лишь в немногочисленных случайных посещениях последним ее зимней стоянки.

Еще не вполне точно установлено этнографами место, которое должны занимать шорцы в ряде народностей.

Бесспорно лишь то, что это тюркское племя с резко выраженными в большинстве случаев монгольскими чертами. Вечно голодный, узкогрудый, низкорослый шорец являет собой черты такого резкого истощения, что его неутомимость, выносливость по адресу невероятных условий существования поистине парадоксальны, поражает отсутствие

вырождения: старцы—охотники без седины (обычное явление!), женщины—гимнасты, несущиеся, иногда на следующий день после родов, на лыжах с огромных скал с тяжелой ношей.

Это племя делится на „секи“ (кости): карга (ворона), чедвер (медведица), шалганцы, сагайцы, кэзан, кый, кобуй, таян, кырбанцы, проспанджы и шор. По имени последнего сека шорцы и получили свое общее название (Радлов), так как было установлено, что эта „кость“ имеет наиболее своеобразные черты.

Сами шорцы называют себя татарами¹⁾ („татар-кежи“). Из всех секов особняком стоят шалганцы (с р. Лебеди)—виденные мной были высокого роста, блондины с голубыми глазами, с резким отличием в говоре.

При описании быта шорцов, особенностей санитарии, заболеваемости и т. д. я буду придерживаться материала, характеризующего исключительно южную („верховскую“) Шорию, так как жизнь „низковского“ шорца мало чем отличается от условий быта русской деревни. Жилище шорца—юрта; за последние годы все чаще и чаще строятся русские избы, но все же основным, типовым жилищем остается юрта—деревянный сруб из 6—7 венцов, прикрытый двускатной крышей. Внутренних перегородок юрта не имеет, окон также нет—свет проникает в щель в одной из стен и в отверстие в крыше, центральное место занимает очаг, над устройством которого шорец долго трудится, при чем проявляет несвойственное ему вообще эстетическое чувство.

Очаг напоминает наш камин: на плиты из булыжника ставятся (вертикально) дрова, от стены их отделяет „кебе“ (собств.—„лодка“) — ряд кольев, покрытый глиной. Над очагом свешивается дымоход—большая труба, связанная также из кольев, обложенная глиной, расширяющаяся книзу. Очаг, открытый со всех сторон, значительный по размерам, резко сокращает жилую площадь юрты, увеличивает скученность населения, лучшим доказательством чего могут служить безобразные рубцы от ожогов на теле почти у каждого шорца и обгорелые конечности—у некоторых. Рядом с очагом находится входная дверь—отверстие, в которое с трудом влезает даже низкорослый шорец. Не вдалеке от входной двери помещается обычно ручная мельница,—два жернова на столике с примитивными приспособлениями для регулирования качества размола и вращения жерновов. В противоположном углу часто можно видеть люльку, представляющую иногда чрезвычайно оригинальное приспособление—дать ребенку покой, с одной стороны, и, главное,—избавить мать от постоянного ухода за ребенком: это деревянный гробик²⁾ без крышки, один конец которого заострен и прикасается к полу, второй конец подтянут на ремне, что делает возможным длительное качание всей системы от одного толчка. Центр люльки занят вертикальной трубкой, на которую насаживается верхом ребенок, отверстие в трубке дает возможность ребенку удовлетворять физиологические потребности, не смачивая тряпок.

Для полной фиксации ребенка притягивают к люльке сверху несколькими ремнями.

Вдоль трех стен идут широкие и низкие скамьи („орын“ „тор“). По стенам—полки для деревянной и берестянной посуды.

Темная клетушка, лишенная окон, не имеет и постоянной температуры: остыл очаг—в юрту тянет холод и сверху и через стены; если к указанному прибавить еще невероятную загрязненность этой полу-

¹⁾ Татар шорцы зовут „Казанскими“.

²⁾ Почти в таких-же ящиках хоронят детей, подвешивая их к ветвям деревьев—обычай считавшийся давно оставленным (Анохин) и наблюдавшийся мной не однократно.

норы с земляным полом, шкурами, едким слепающим дымом, то станет понятным характер влияния жилища на здоровье шорца и в особенности на состояние детского развивающегося организма.

Занимаются шорцы охотой, рыболовством, пчеловодством и отчасти хлебопашеством. Пушной промысел—основное в жизни шорца, обуславливающее экономическое благосостояние семьи, определяющее взаимоотношение членов семьи, быт шорца и т. д. Забрав несколько фунтов „толкану“, ¹⁾ охотник отправляется на лыжах на 3—4 зимних м-ца в непроходимую тайгу, дающую ему не только урожай зверя, но и кормящую беззаботного, не имеющего запасов шорца. Говорить о „профессиональных вредностях“ не приходится: переходы до 100 верст в сутки голодание во время их, необходимость лежать в снегу часами при подкарауливании в некоторых видах охоты, наконец, смертельная опасность, частые травмы в борьбе с медведем—все это обыденные черты в жизни охотника. Напряженная деятельность во время промысла сменяется „отдыхом“, во время которого шорец пьянствует. Хозяйство он вообще не склонен вести сам, этим занята жена. Считающийся занятием достойным себя лишь „промысел“, не обращающий внимания на свое хозяйство шорец имеет последнее в самом диком примитивном виде: никаких заготовок не ведется, земля под ячмень на вершинах гор копается руками („абылом“), шорец не молотит—он жжет пучки ячменя, держа их в руках над костром, обивает пучек о пучек в длинную, погожую осеннюю ночь, и сыплется зерно горсточками на расчищенный рядом с костром ток . . . Сколько непродолжительного труда кладет эта кучка покрытых сажей, измученных людей, чтоб обмолотить десяток пудов. . . .

Пчеловодство—исключительно колодочное, рыболовство—в самых варварских формах: уничтожается всякая рыба даже самая мелкая, с которой очевидно вылавливается молодая, ценная рыба Шорец по натуре—истый охотник, он стремится вложить определенное настроение во всякое занятие: если он рыбачит, стремится бить рыбу из лука, для чего может бродить на грудь в ледяной воде снеговых горных потоков часами, если он идет шишковать, и здесь является необходимость страшного риска—он перебрасывается на головокружительной высоте с одного столетнего кедра на другой, пробирается подобно белке по наиболее тонким ветвям за каким-нибудь десятком шишек и т. п. Ни огородничества, ни птицеводства верховские шорцы не имеют. Вся тяжесть домашнего обихода ложится на женщину. Уже не говоря о тех обязанностях, которые несет русская деревенская женщина—мать, шорка, прежде всего,—вьючное животное: на своей спине, иногда на завтра после родов, шорка доставляет бревна для отопления юрты, таким же образом она доставляет огромные воза сена с поля для телят, коров и т. д.

Пища шорцев очень скудная, бедная белками и жирами, шаблонно однообразная, она в состоянии питать лишь закаленный выносливый организм шорца. Главной пищей шорца является лапша—куски теста в воде или у более зажиточных в молоке и „толкан“—крупно размолотый, поджаренный ячмень. Рыба временами или сменяет лапшу, или прибавляется к ней. Хлеба шорцы не пекут. Мясо—очень редкое кушанье, чаще сушеное конское. Шорец не знает, чем он будет питаться через неделю, т. к. он ничего не запасает. Собранный ячменя у самых зажиточных хватает на несколько осенних и зимних месяцев.

¹⁾ Толокно из ячменя.

Особенно сильно голодает шорец летом, переходя на травы, корни их, клубни (кандык, саранка, лук, пучка и т. д.) Страшной слабостью, зависящей от недоедания, объясняется и нестойкость шорцов при инфекционных заболеваниях и особая отзывчивость к терапевтическим дозам предлагаемых лекарств (шорцы плохо переносят иод, иногда и сальварсан), быть может, — отчасти поголовная вшивость и чесотка. Постоянным голоданием и объясняю и полное отсутствие экземы среди шорцев.

Одежда шорцов делается из холста, состоит у мужчин из штанов и шабура, у женщин из штанов и платья, на ногах чирки („итуг“) из самодельной¹ кожи, как у мужчин, так и у женщин. Ни нижнего белья, ни постельного у шорца нет. Носит одежду шорец до тех пор, пока она не начнет спадывать от ветхости, обнажая значительную часть тела. Вшивость и чесотка, безусловно, энергично поддерживаются подобным состоянием одеяния, тем более, что шорец не знает бани, не любит умываться и купаться — все это, по его мнению, понижает выносливость во время зимней охоты. Для защиты же от холода мужчины носят длинные волосы, являющиеся верным хранилищем паразитов.

Культурный уровень шорца уже намечен изложенным материалом: полубора — юрта, кремневые ружья, луки, кирка — „абыл“, — вместо плуга, травы, коренья и собственные паразиты —²) вместо пищи — вот те штрихи, которые рисуют во весь рост современного дикого шорца, — штрихи, не дающие возможности даже говорить о его письменности, грамотности и подчеркивающие в то же время всю беспомощность этих взрослых детей по адресу стихийных бедствий вообще и заболеваний, — в частности.

Из болезней, наиболее грозных и наиболее тесно связанных с бытом шорца, на первое место следует поставить сифилис.

О давности существования сифилиса у шорцев клинические формы, прошедшие через Венпункт в Усть-Кобырзе в 1925 г. с VI—IX), дают основание думать следующее: 1) сифилис существует в Шории не меньше 100 лет, за что говорят случаи неследственного сифилиса у 70 летних пациентов, 2) „старый“ сифилис существовал очагами по реке Пызас, главным образом, не имея эпидемических повадок, и был явлением эпизодическим подобно русскому деревенскому сифилису, 3) за последнее десятилетие произошло „наслоение инфекции“, обусловившее вспышку люэтической эпидемии, чему доказательством служат превалирующие среди остальных форм заразные случаи сифилиса. В качестве инициальных моментов к появлению прежнего очагового сифилиса возможно привлечь наезды в древние времена в этот богатый и глухой уголок скупщиков пушнины, зарекомендовавших себя во все времена и среди всех инородцев, как разносчиков сифилиса и водки. Об оргиях этих безответственных „культуртрегеров“ и теперь

¹) Обрабатывается кожа следующим образом: в вырытую яму кладутся глеющие гнилушки, сверху под дымом помещается берестяной кузов, в который и кладется сырая шкура, сверху все засыпается землей, при чем оставляется отверстие — дымоход. Таким „копчением“ и ограничивается обработка. Подобная кожа обуви, лишенной крепкой толстой подошвы, конечно не в состоянии предохранить ноги от холода и сырости, в силу чего шорец всегда наворачивает ровный пласт мягкой высушенной травы „осагат“ (*carex pediformis*, из сем. осоковых). Трава растет в бору и, стало быть, всегда — к услугам охотника — шорца.

²) На вопрос обращенный к шорцу, поедающему вшей, о причинах, побуждающих его вкушать такое необычное „лакомство“, получаешь недоумевающий ответ: „постын улан чипча“ („ведь он нашу же кровь пьет“).

можно слышать рассказы туземцев, за причину же недавней бурной вспышки сифилиса б м. следует принять набор молодых шорцев на тыловые окопные работы в германскую войну, а также бандитизм, недавнего прошлого, державшийся до 1922 г. в этой стране.

В отношении распространения сифилиса следует разграничивать всю Шорию на низовую в отношении бассейна р. Мрассу—северную—и верховскую, „запорожскую“ Шорию. Первая, сходственная в отношении экономических, бытовых условий с русской деревней, весьма близко стоит к ней и по умеренной распространенности, „эпизодичности“ сифилиса, Нет никаких оснований насчитывать десятки процентов сифилизованного шорского населения в низовьях, как это делают даже медработники участков, близких к Шории. Положение резко меняется, как только мы проникаем к диким „запорожцам“. Через несколько десятков верст после совершенно незаселенной человеком припорожской территории, далее к югу, западу и востоку сифилис свежий не знает препятствий в своем поступательном движении. Среднее процентное отношение сифилитиков к здоровому верховскому населению, установленное прошлогодним специальным обследовательским отрядом Красного Креста (зав. врач Арсентьев) в 15% не противоречит и нашим наблюдениям. Распределению сифилиса по улусам я не придаю никакого значения, т. к. селения шорцев зачастую состоят из 1—2 юрт тогда, как долины речек являются действительными и исключительными коллекторами этих разбросанных юрт. Наиболее поражена долина реки Пызас: 45,3% сифилитиков прошедших через наш венпункт, далее: верховья р. Кондомы—21,2%, река Кобырза—11,0%, средний Мрасс—9,9%, верхний Мрасс—6,1%, река Лебедь—4,9%, остальные районы—1,6%.

По нашему материалу превалируют формы свежего, заразного сифилиса, процентное отношение последнего к общему количеству случаев сифилиса выражается в 58%, при чем первое место в этой группе занимают рецидивные формы: 34% общего количества случаев сифилиса), третичный (совместно с латентными формами) сифилис выражается лишь в 30%, тогда как эта форма болезни для русской деревни является безусловно первенствующей. Отграничиваясь от деревенского „третичного“ сифилиса, шорский „свежий“ сифилис имеет огромное отличие от городского „скрытого“ и „нервного“ сифилиса. Итак, главная особенность шорского сифилиса к настоящему моменту, в то же время и главная опасность его в том, что, во-первых, он выражен количественно резко, во-вторых, в большей своей части заразителен, т. к. безусловна тенденция свежего сифилиса на грязной шорской коже к гипертрофии, зловонному отделяемому, поражениям слизистых оболочек, то есть ко всему тому, что способствует быстрому распространению внеполового сифилиса. Распределение сифилиса на половой и внеполовой довольно затруднительно, так же, как и опознавание места первичной язвы: в анамнезе такой ничтожный момент, как существование безболезненной ссадины при наличии расчесов, постоянных корок, вульгарных язв и т. д., конечно, совершенно не отмечается, слизистые же при исследовании больного, большей частью страдающего цветущим сифилисом, довольно часто имеют выгрузки инфекции вторичного характера, затемняющие следы инициального клероза. Во всяком случае внеполовой сифилис среди шорцев имеет исключительное преимущество перед половым, последним же в большинстве случаев награждает один (заразившийся сам зачастую внеполовым путем) из супругов другого. Мне пришлось видеть обиль-

ное папулезное отложение в области левого плеча ребенка, которому один год тому назад была привита оспа. То, что этот ребенок заболел самым первым из всей семьи, то, что папулы были обильны именно (исключительно!) в месте прививки (на месте бывшего склероза?) наводит на размышления о качестве оспопрививателей¹⁾ среди шорцев, создающих необычные для нас пути распространения венозного сифилиса. В остальных отношениях сифилис шорцев характеризуется следующими цифрами: больных сифилисом—50,1% мужчин и 49,9% женщин, от 1 году до 14 лет—27,7%, от 15 до 19 л.—9,9%, от 20 до 49—46,6%, от 50 до 60 и старше—15,8%.

Возрастное распределение больных стоит в полном соответствии с нашей характеристикой сифилиса со стороны клинических форм: меньшинство поздних проявлений, меньшинство и старых носителей сифилиса. Главное количество жертв люэс вырывает из среды самого сильного, работоспособного населения (46,6% от 20 до 50 лет).

Бытовые условия, как видно уже отчасти из предыдущего,—залог для распространения сифилиса. В описанной уже нами лачужке, у бедняков с земляным полом, темной от дыма, грязи, отсутствия окон, чрезвычайно тесной, тянется день за днем невеселое существование шорца. Дети и взрослые спят в одной куче, часто совершенно нагие, чтобы согреть друг друга теплотой тела. Такой исключительный контакт безусловно один из видных и своеобразных путей распространения сифилиса в случае, если хоть один из целой семьи имеет кожный сифилид (обычно у шорцев в гипертрофической форме, со зловонным обильным отделяемым, что объясняется страшной загрязненностью кожи шорцев). Приготовление обеда (раскатывание сочней и т. п.) местами и теперь происходит на обнаженном грязном колене и бедре хозяйки семьи²⁾ Кожные и слизистые сифилиды могут в этом случае дать неожиданную приправу в виде отделяемого папул со множеством сифилитических бледных спирохет. Посуда шорцев вся из дерева и береста, стало быть, ни вымыть ее, ни хорошо прокипятить (к чему, правда, шорцы попыток не делают) не возможно.

В жаркое время среди юрты можно видеть большой туяк с сырой водой, в которой плавает ковш, употребляемый всяким желающим, случайно посетившим юрту без всякого на то особого разрешения. Пища шорцев часто не подвергается варке, раздается в деревянных чашках, не имеющих ни определенного назначения, ни собственника (в число последних временами включаются и животные). Любимым занятием праздного шорца является посасывание трубки. Сосуг все—и старики и дети, мужчины и женщины, передавая трубку друг другу. Большое удовольствие очевидно доставляет шорцам и второй, часто параллельный первому, процесс сплевывания,—плюют с наслаждением, рискуя попасть в соседа, плюют даже те, которых относительно можно считать „культурными“ людьми.—Имеются благоприятные условия и для распространения полового сифилиса. Правда, здесь нет совершенно профессиональной проституции, но распушенность, в особенности среди молодежи, факт безусловный. Подтверждением может служить амбулаторный материал: нередкие случаи—хотя бы лишения девственности и даже случаи полового сифилиса у девиц. Большинство игр молодежи заканчивается повальным спаньем в юрте, беспорядочным половым об-

¹⁾ По справкам это был низковской шорец, никакого отношения к медицине не имеющий, которого почему-то включили в союз медсантруд, вооружили детритом и отправили в Верховскую Шорию.

²⁾ Верховья реки Кобырзы.

шением. Наибольшая распущенность совпадает с наиболее глухими местами. Усагайцев, напр., не только не считается чем-либо предосудительным половое общение молодежи, но даже девица, родившая до брака ребенка, особенно ценится, как невеста, женихами. Последнее объясняется тем, что сагайские девушки бесплодны (по мнению стариков именно в силу такой распущенности), так, что родившая ребенка от другого, дает гарантию и искателю руки в продолжении его рода. Безусловно—отрицательное само по себе явление—анние детские браки с 6—7 летнего возраста, по договоренности родителей, являются в данном случае фактором, ограничивающим подобную распущенность, т. к. брачная верность, освещенная традициями, очевидно, в большинстве случаев строго соблюдается. Супружеская верность подвергается большим испытаниям лишь во время повального пьянства в течение ряда дней на свадьбах („байги“) и по другим поводам. Не может быть выбора здорового мужа (хоть бы по „наслышке“), у девочки-невесты в другого характера браках, а именно при выкрадывании невест. Один из моих пациентов рассказывал однажды, что только, что с ружьем в руках отбил свою сестру, 12-ти летнюю девочку, от целой ватаги всадников, захвативших во главе с женихом „невесту“, связавших ее и угнавших в тайгу. Крадут и из улусов и из юрт, связывая стариков—отца и мать. Залог супружеской неверности, а следовательно и новый фактор, способствующий росту вензаболеваний это—неравноразрешенности по возрасту браки. Чудовищными должны нам казаться сделки между семилетним мальчиком и двадцатилетней женщиной. Указанные формы браков встречаются среди пизасских шорцев. Не лишены интереса взгляды шорцев на сифилис и их собственные попытки лечить сифилис. „Чабал—агры“, („плохая болезнь“), „поветрие“, „сараза—агры“, („заразная болезнь“)—термины, указывающие, что и среди шорцев укореняется мещански—предрассудочный взгляд на люэс, как на „дурную болезнь“. Кроме того, под влиянием шаманов, терпящих постоянные поражения при попытках лечить сифилис, сифилис считается, не стоящим ни в какой зависимости от „айны“, злого духа, в силу чего разрешается прибегать к медикаментозному лечению при этом страдании. Народная медицина предлагает „патку“ (вязкая жидкость из трубки), медный купорос и киноварь. Первые два средства употребляются, главным образом, наружно, в целях прижигания мокнущих папул, при чем „патку“ прикладывают чаще у детей. Купорос дается и внутрь сифилитику, он же помещается в неразведенном виде на гуммозные поражения костей. Большую рациональность можно видеть в употреблении ртути содержащей киновари. Кусочки последней кладутся в угли, собранные в котел. Ртутные пары собираются мехом, накрывающим котел. После достаточного пропитывания меха парами ртути большой укладывается в шкуру и лежит до сильного потения. Если мы ценим даже фрикции, главным образом, в связи с вдыханием большим выделяемых серой ртутной мазью паров, то этот способ введения ртути в организм быть может заслуживает серьезного внимания.

При оценке материала о сифилизации инородцев, поневоле напрашивается вопрос о будущем этих беззащитных „взрослых детей“. Медработниками и общественниками, вообще, по адресу шорцев довольно часто бросаются фразы о вырождении последних под влиянием сифилиса. О существовании в настоящее время в собственном смысле люэтической дегенерации говорить не приходится: последняя среди шорцев встречается, по моим наблюдениям, значительно реже, чем в городском материале. Лишь в 3 семьях люэтиков мне удалось уста-

новить явные дегенеративные признаки: дистрофии зубов, саблевидные голени, глухонмота у братьев и т. д. Подчеркивая отсутствие массового вырождения, я далек от мысли уменьшать значение люэтической инфекции для будущего Шории—опасность для будущих поколений существует, опасность с каждым годом нарастает и зависит прежде всего от обилия заразных форм и объективных условий, отмеченных выше, в которых влачит существование современный шорец.

Шория, обездоленная вообще и в отношении медпомощи в особенности, наиболее слабое место в нашем фронте против сифилиса, место требующее внеочередного и огромного внимания.

По понятным причинам огромное значение для жизни края имеют и другие инфекционные заболевания, из которых частыми гостями бывают тифы и, в особенности, эпидемии оспы, опустошающие и калечащие целые улусы. Продвигается к верховьям и малярия, не известная раньше шорцам и поражающая за последние 5 лет низовья Мрассу и шорские поселки по Томи, иногда в значительной мере, так напр., улус—Усть Мрассу при нашем посещении насчитывал 14 человек, (из 198 человек населения), имевших в тот момент приступы лихорадки. Туберкулез также свивает прочное гнездо среди шорцев, при чем нередки случаи сочетания туберкулезной и люэтической инфекции. Чрезвычайно оригинальным для рельефа местности и для физико-географических условий края является заболевание зубной болезнью. Это заболевание принято считать свойственным почти исключительно горцам (напр.: массовое распространение ее среди альпийских жителей), причину же болезни связывают с составом воды горных речек.

Эти моменты, привлекаемые в качестве этиологических, имеют место в шорской действительности—горные хребты и падающие с них потоки, как отмечено уже выше,—наиболее характерные черты рельефа Шории. Признаков базедовой болезни, сопровождающих иногда заболевание струмой, в случае шорского зоба мной не констатировано¹⁾, при первом знакомстве намечаются черты коллоидного зоба без значительного нарушения внутренней секреции. В трех случаях мной было установлено особое тяготение этой болезни к определенным семьям, где страдали струмой и родители и дети. Мужчины и женщины поражаются в одинаковой степени часто, при чем превалируют зобатые в молодом возрасте.

Присматриваясь к улусам, можно выделить особо не благополучные места в отношении распространения зоба. Такими очагами можно считать улусы: Усть Мрассу,—единственный улус по реки Томи, насчитывающий значительное количество зобатых, в верховьях же Мрассу—улус Кобуй (верст 15—20 выше У. Кобырза по р. Кобырзе)—обычно же в шорских улусах можно видеть 2—3 ч. больных зобом, так напр., в Кобырзе на 90—100 человек населения лишь трое зобатых, при чем все они местом рождения имеют Кобуй. Настоящим бичем шорца является чесотка („котур“), поражающая до 80—85% шорцев и порождающая постоянную экзематизацию кожи, гнойнички и т. д. В то же время настоящая экзема и другие распространеннейшие кожные заболевания у шорцев совершенно отсутствуют, что можно, учитывая существование в дерматологии указаний на связь²⁾ многих

¹⁾ Исключением была Тарьяк Судакова родом с притока Покзас, верст на 45 выше улуса Кобырзы по р. Мрассу, у нее было отмечено учащение пульса, выпячивание глазных яблок из орбит при огромном зобе.

²⁾ Наблюдения дерматологов об отсутствии экземы среди голодающих, лечение вегетарианством себорейных поражений американскими врачами и т. д.

кожных болезней с количеством и качеством питания, объяснить постоянным голоданием шорца и растительным подбором его пищи.

В полном соответствии с оригинальностью быта, традиционной самостийностью стоит и народная медицина шорцев, крупным разделом которой я считаю „терапевтическое камлание“. Знахарства, как такового, среди шорцев нет: нет специалистов по собиранию трав и пользованию ими, нет заговоров, бабушек, знахарей. Некоторое сходство с последними имеют „усют цюлейша“ (заговорщики), обычно—старые люди, имеющие узкой специальностью лечение оспы, кори и острого энтерита (дизентерия?). Возбудители оспы и кори „Поспа-энчик“, „Кор-энчик“ окружены каким-то сыновним благоговением (энчик—матушка). При заболевании оспой и корью заговорщики создают ряд требований, обязательных, как для больного, так и для окружающих его, при несоблюдении которых грозит кара со стороны „Поспа-Энчик“ или „Кор-энчик“. Не допускается обращаться к шаману, ходить с иконами мимо избы больного, нельзя шуметь возле постели больного. Большое санитарно-гигиеническое значение имеют следующие правила: нельзя отказывать в еде, которая требуется больным необходимо созвать знакомых и родных, которым симпатизирует больной, в улусы, где Кор-энчик благосклонна к больным, следует ехать со здоровыми детьми встречать корь (т. е. дать возможность переболеть корью именно в данную легкую эпидемию). Сам заговор обставляется довольно таинственно: перед приходом заговорщика накрывается стол чистым полотенцем, ставится вино, печенье и др. угощения для умиловления „матушки“ кори и оспы. Заговор заключается в утрашивании „матери“ быть благосклонной к больному. При дизентерии (?) заговорщик обходит больного с горячими углями, в которые насыпается мука, Окружение совершается трижды к ряду и повторяется несколько раз. Во вторую подгруппу отнесем заболевания, неподведомственные ни шаману, ни заговорщикам и требующие медикаментозного лечения.

Особых специалистов по последнему не существует и „средствами“ пользуются согласно народной молве. Имеется ряд трав, предлагаемых при тех или иных заболеваниях. При явлениях малокровия, напр., употребляется „кровяница“, растение (*Chelidonium majus*¹⁾), чистотел, из сем. маковых) четверти полторы в высоту, растущее на лугах и выделяющее на изломе густую, оранжевую каплю сока. *Impatiens coeundi* лечится „моральей-травой“—высокое растение с яркими, крупными шапками синих цветов. Растет на высоких горах (абаканских) и выделяет во время цветения одуряющий запах (*Leusea cart-hamoides* из сем. сложноцветных, большеголовник альпийский).

Роды, протекающие у шорцев в самой кошмарной обстановке, требуют следующих „вмешательств“. В связи с поверьем, будто женщине при всяких родах необходимо возможно „энергичнее“ помогать, роженицу вынуждают совершать невероятные упражнения: схватываться за подвешенную к потолку над кроватью веревку, подтягиваться вверх на ней и пр. С целью же облегчения родовых схваток дается не только женщинам, но иногда с целью предупреждения и девочкам (с 9 возраста!) „медвежий зык“. Это также трава (*Thalictrum minus*—василисник малый из семейства лютиковых), подвергшаяся весьма оригинальной обработке. Осенью она достигает высоты человеческого роста и имеет мясистый прошлогодний корень. Этот-то

¹⁾ Собранные мной растения определены научным сотрудником М. В. Куминовой, за что приношу ей глубокую благодарность.

корень, главным образом, и поедается отправляющимся на спячку медведем в огромном количестве.

Зимой результат пониженного пищеварения в виде плотного (как камень, по словам охотников) комка („зык“) с кулак взрослого человека и больше извлекается из прямой кишки убитого медведя охотниками. Употребляется в терапию порошок от скобления зыка, ценящегося шорцами весьма высоко. При артритах прибегают к пиявкам, которых в горных озерах так много, что охотнику достаточно за ними опуститься голым в озеро—все тело сплошь покрывается крупными пиявками. Далее следует „красное мыло“ при глазных заболеваниях (втирают в конъюнктиву), нашатырь при легочных, змеиное сало также при глазных страданиях и т. д.

Наиболее оригинальным видом шорской терапии—следует считать камлание (самое действо шамана), чрезвычайно популярное лечение при разнообразнейших болезнях. Шаманизм охватывает все стороны быта шорца: без камлания не начинают и не кончают охоты, не колют лошади, камланием встречают весну, камланием же отмечают крупные семейные события...

И все же главенствующее значение шаманизма среди шорцев—терапевтическое, при чем сеансы его строятся по особой схеме, имеют чрезвычайно оригинальные особенности. Прежде, чем перейти к последним, остановимся на личности самих камов (шаманов). Камы, носители высшей лечебной силы, пользуются огромным авторитетом среди шорцев. В большинстве случаев камов боятся: от них зависит „допустить болезнь“, повешать успешному промыслу и т. п. Немногочисленные камы стремятся ограничить количество представителей этой „касты“ (новый кам получает права на камлание чаще—или по смерти или непосредственно перед утратой работоспособности старого шамана), передавая свое ремесло избраннику лишь по наследству. Интересуясь нервно-психическим складом камов, я подверг наблюдениям четырех, наиболее известных из них: 1) Ваяпан, мужчина 28 лет, устье реки Мрасс—су, 2) Куртаг, мужчина 69 лет, р. Кобрыза, 3) Тарьяк, женщина 40 лет, р. Кечень и 4) Куюга, женщина р. Пызас, 38 лет.

Все они—носители истерических припадков: отсутствие корнеального, глоточного рефлексов, яркий блеск глаз (Куюга, Тарьяк), дермографизм, резкое повышение libido (даже у 69-летнего Куртага!), повышение сухожильных рефлексов (Ваяпан), легкая возбудимость, отмеченная непосредственно перед сеансами, (Куртаг—пульс при обычной обстановке 82, перед камланием за 5 минут—116, во время камлания—122, через 5 минут после камлания—118), конвульсивные подергивания (Ваяпан). Наконец, самый, подчас многочасовой, акт камлания требует огромного нервного напряжения, едва ли возможного при нормальной конституции. Анамнез шаманов содержит указание на тяжелое страдание в детстве. Вот как, напр., описывает его Куюга: „С шести лет меня стал грызть айна (злой дух). Айна приходил внезапно, часто во время игры с другими детьми, я падала, была, как мертвая, пробуждение наступало через ночь или несколько ранее. По описанию ее, она чрезвычайно тяжело переносила эти припадки. Лишь через 3 года,—после камлания ей стало легче, и вскоре с целью избавиться от айны она сама приступила к камланию, после чего ни разу больше припадков не наблюдалось. Повествования других шаманов—вариации приведенного. Лишь в анамнезе Ваяпана можно было усмотреть эпилептические симптомы—временами прикусывание языка, непроизвольное

мочеиспускание, выраженную повседневную угнетенность, негативность в семье и обществе.

Уверениям камов относительно того, что они совершенно не учатся камлать—доверять не приходится, т. к. самый порядок камлания, отличаясь в деталях, несмотря на кажущееся затемнение сознания шамана во время камлания, все же сохраняет во всех случаях основную схему. . . . Во всех случаях шаман находится в известной сложной зависимости от добрых по отношению к каму, и, главным образом, злых духов. Первая часть „терапевтического“ камлания состоит в вызывании поочередно духов—покровителей кама. У каждого шамана они различны и по названию и по количеству (от 9 до 14). Оставив одного из них охранять дверь от возможного нападения злых духов, шаман отправляется вместе с помощниками к главному духу „Эрлику“, от которого зависит принудить духа, пославшего болезнь снять последнюю с пациента кама. Беседа с Эрликом, а в некоторых случаях борьба непосредственно с айной—„вредителем“ составляет продолжение и заключительную часть действия. Приведу одну из наиболее законченных (Кобырза) характеристику духов, посылающих болезни, согласно их специальностям 1) „Башка-тегры“—небесный, вездесущий—насылает главным образом страдания суставов, опухание, боль, повышение температуры. 2) „Кажук“¹⁾ ведает гастрическими болезнями, энтеритом,—давлением под ложечкой, тошнотой. 3) „Узун-куремыс“—длинное коромысло, поражает поясницу, вызывая резкие болевые ощущения, также и неопределенного характера боли. 4) более мелкий специалист „Учугаткан“, летяга, летающий—прилипает к зубам, грызет последние. От него же—опухоль лица (флюс?), ушные заболевания. Прежде, чем камлать над больным, шаман осматривает его, определяет очевидно на глаз возможный исход болезни и (даже!) щупает пульс, а также оценивает приблизительно температуру. Только в том случае, если болезнь „зависит от злых духов“, (так напр., кам. распознавая сифилис, отказывается камлать, больше того,—один из камов лечился у меня на пункте, цосылал свою семью ко мне на специфическое лечение), т. е. подходит под одну из рубрик, выше описанных, шаман объявляет, что он намерен вступить в борьбу с соответствующим „вредителем“; Родные больного готовят туяс „абортки“ (нечто вроде пивной барды) специально для умилоствления Эрлика, последний же по своему усмотрению делится с соответствующим „специалистом“. Самый акт умилоствления, как и трактовка этиологии, патогенеза и терапии заболеваний—от шамана и через шамана. Больного кладут на „орын“ (боковая лавка) в том самом шабуре и штанах, в каком его застала болезнь. Вокруг—больного, грязного (умыть больного, также, как и переодеть его,—значит разгневать айну), в маленькой душевной юрте развешивают все то, что может развлечь и привести в хорошее состояние духа айну: вешаются длинные ленты, целые куски материи, деньги, у самого изголовья на столике ставится толкан или другая закуска для злого духа. Сюда же, наконец, на вечерней или утренней заре является жрец-целитель, шаман. Кам садится на противоположную скамью. Медленно, заунывно вызывает он одного за другим помощников. Глухой речитатив вскоре прерывается вскрикиваниями, подергиваниями. Кам тянется к бубну, кам теряет спокойствие—руки, ноги его, голова чаще и чаще подергиваются. Нога начинает отбивать частый галопирующий такт. Мне часто воспомина-

¹⁾ Понятие собирательное, нечто вроде латинского „cum“.

лись прошедшие передо мной многочисленные картины искусственного взвинчивания самих себя невротиками, наводнившими за последнее, послевоенное время наши города. Также дело начинается с речитатива, довольно бессвязной речи, переходящей позже в истерические вопли, речи, включающей слова команды, заключаемой в конце буйствами, где элемент симуляции трудно дифференцировать от патологии. Подобное же бурное течение принимает под конец в некоторых случаях и камлание. Медленные удары бубна учащаются. Вопли становятся непрерывными. Неожиданный прыжок, быть может символизирующий наступление кама, сопровождается неистовым ревом и кружением с бубном. Через минуту шаман вновь завывает. Иногда кажется, что он о чем-то жалуется, изнемогает, временами прыжки становятся явно „пораженческого“ характера: кам отбивается, счищает что-то, будто застрявшее в многочисленных подвесках бубна, вращая последним. Чаше камлание заканчивается постепенным стиханием речитатива, темпа и размаха движений—изнемогающий, конвульсивно зевающий кам клонится к лавке. В исключительных случаях камлание выливается в неистовый танец, когда моментами можно видеть кама, стоящим (!) на голове (Ваяпан), танец, заканчивающийся общими истеро-эпилептическими судорогами, когда бьющийся кам с пеной у рта валится на пол юрты.

Таким образом, народная медицина в главной, наиболее оригинальной своей части зиждется на доминирующей черте камлания—внушении, захватывающем наивного зрителя величием развертывающихся картин (фантастического общения с духом, борьбы с ним, чудесных путешествий и т. д.), приковывающем внимание страждущего невероятным напряжением силы воли, разрядами этого напряжения, быть может, заменяющими ¹⁾ для самих камов обычные обязательные для них истеро-эпилептические припадки в качестве эквивалентов по адресу последних. В могучем действии красочного акта камлания на впечатлительного, непосредственного шорца, очевидно, следует искать причину успеха терапии камов и их авторитета среди шорцев.

¹⁾ Чем объясняется „выздоровление“ („припадочных“ в детстве) камов после начала камлания.

М. ШАТИЛОВ.

Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района.

(Путевые заметки).

I. От Томска до Нарыма.

Летом 1924 года, используя месячный отпуск, мне, при некоторой поддержке Краевого Музея, удалось совершить небольшую рекогносцировочную поездку в целях этнографических сборов в Принарымский район. Отправившись из Томска 7 августа на пароходе „Китай“, мы на следующий день к вечеру достигли небольшой деревушки Казырбак, являющейся южной границей расселения остяко-самоедов в Томской губ.

Называя местных туземцев остяко-самоедами, необходимо отметить следующее: до работ известного исследователя самоедских племен Кастрена, на основании исследования Клапрота, полагали, что Нарымский край населен исключительно остяками; самоедам же отводили лишь несколько небольших участков на правом берегу Оби и по рекам Тыму, Кети и Чульму. Но Кастрен доказал,¹⁾ что на самом деле остяки занимают только область р. Васьюгана, начиная с правого его притока Чижакки, все же прочие места, как по Оби, так и по ее притокам, заселены самоедами. Однако же самоеды нарымские подверглись значительному влиянию остяков, почему их и принято называть остяко-самоедами.

Патканов²⁾ на основании материалов Кузнецова-Красноярского в его работе „Приходные окладные ясачные книги Томск. у. 1706—18 г.“ и работ Кастрена полагает, что последним населенным самоедским пунктом вверх по Оби в Нарымском крае, самой южной точкой расселения здесь самоедов являются юрты Казырбак, а соседние с ними (выше по Оби) юрты Кайбаловы (ниже села Никольского) служат гранью района Чулымско-томских тюрков. Казырбак расположен сажень в 50 от левого берега Оби на „Казырбакском затоне“, близ устья р. Шегарки.

К сожалению, пароход не имел здесь остановки и мы не могли наблюдать первых на нашем пути коренных представителей края, в пределы которого мы уже вступили, о чем красноречиво говорило все окружающее. Слово Нарым или Нерым (по остяцки) в точном переводе означает „болото“, что и является совершенно полной характеристикой природных условий края, где основной тон всей жизни дают его необъятные болота, могучие реки, бесчисленное количество речек и озер с расположенными здесь и там в межречных пространствах гривами-„материками“, как здесь называют более сухие возвышенности, с непроходимыми лесами-урманами.

Могучая, многоводная Обь, прорезая в самой середине весь Нарымский край, с целой системой протоков и притоков, является основным источником существования местного населения,—дает тон всей жизни аборигена края, который ее называет „Колда“ дух, душа, бог,

¹⁾ „Магазин земледения и путешествий“, т. IV. 1860.—„Путешествие А. Кастрена по Лопландии, Сев. России и Сибири“ (1898—99 г., 1845—49 г.).

²⁾ С. Патканов. „Племенной состав населения Сибири“ т. 2.—1911 г.

выражая тем самым значение Оби в жизни местного населения; в дальнейшем мы можем наблюдать, как с именем этой могучей реки связываются самые, повидимому, отвлеченные понятия аборигена. Главное русло реки лежит преимущественно около правого берега. Параллельно главному руслу идут с левой стороны боковые протоки, старицы в два, три и более рукавов, образуя целый лабиринт водных путей, разделенных между собой низменными, едва выдающимися песчаными островами, поросшими густым тальником. Кроме основной артерии Нарымский край имеет густую сеть притовов и множество малых речек, речушек, озер, изобилующих рыбой, что дает местным жителям основной род занятий—рыболовство.

Межречные пространства заняты или непроходимыми болотами, или более или менее сухой некоторой возвышенностью, „материками“, покрытыми урманом, непроходимыми лесами, что дает местному населению второй основной вид его промысла—звероловство и охоту и частью орешный промысел.

Уже на полпути к Нарыму вы всецело во власти этого нарымского ландшафта. Серое унылое небо, многоводная мутно-серая равнина реки, серые песчаные отмели берегов, едва выступающие из воды песчаные острова, покрытые тальником с серовато-зеленой листвой— вот основной серый, унылый тон местного ландшафта, унетающий душу свежего человека своим однообразием и безбрежностью открывающихся водных перспектив, где часто горизонт сливается с водной стихией или отдаленные чахлые деревца кажутся вам как бы оторванными от своего основания и расположенными в колющемся мареве бесконечных далей. Настроение падает, вы чувствуете, что за этими „болотами“ скрыт другой „нарым“—такая же серая однотонная жизнь местного населения, бедная красками...

Лишь иногда глаз путника радуют показатели иной, внедряющейся в край жизни, как, например, расположенное на крутом левом берегу Оби с. Кривошеинское, которое служило когда то отправным пунктом колонизации края. Здесь мы встречаем привычную для глаз жизнь паровой пристани с ее сутолкой, спешкой, так негармонирующей с общим тоном жизни, но это на момент... Тревожный свисток... паровоз отчалил и мерные, однотонные удары лопастей паровозных колес начинают отбивать свои мотивы в тон серых нарымских буден...

Под таким настроением на четвертый день к ночи мы достигли г. Нарыма, или, вернее, острова, где расположена нарымская пристань, верстах в трех от города.

Мои первоначальные предположения пробраться на реку Пайдугину до юрт Пайдугиных в Нарыме потерпели полное крушение; оказалось, что эти юрты существуют только на карте, в действительности же весь род Пайдугиных давно вымер и лет шесть тому назад погибла последняя семья этого, когда-то многочисленного рода.

В последующем, в юртах Тюхтеревых мне поведали о трагической кончине последнего представителя этого несчастного рода „Пайдугэн“, как он точно именуется по остяцки.

Последняя семья Пайдугиных о которой здесь говорится, состояла из 4 человек: старика отца—Семена Пайдугина, его жены и двух взрослых сыновей. Оба сына лет шесть тому назад погибли от „огневой болезни“ (тифа), старуха мать утонула, а сам Семен был убит грозой. В Томском Краевом Музее имеется фотогр. снимок этих последних представителей рода „Пайдугэн“.

II. Юрты Тюхтеревы.

На следующий день моего пребывания в Нарыме, ориентировавшись о возможностях и способах передвижения (для чего я располагал самыми мизерными средствами), мне посчастливилось встретить в кооперативной лавке двух попутчиков остяков, приплывших в Нарым из юрт Тюхтеревых за мукой. Юрты Тюхтеревы находятся на сев.-восток от Нарыма, по прямому направлению верстах в 20 на р. Иссан. Разместившись на небольшой лодочке, мы отправились утром из Нарыма трое—я и двое остяков Григорий и Костянка (Константин). Наш путь лежал вначале вниз по протоке Оби версты 3, а затем вверх по небольшому притоку Оби речки Иссан на сев. восток. Дорога была скучная, однообразная, по небольшой (сажен 10 шириной) речке, с частыми песчаными перекатами, с низменными берегами, покрытыми тальником. Мои спутники—подросток Костянка и Григорий, мужчина лет 35, оказались довольно разговорчивым и мы коротали время во взаимном знакомстве. Они пытались узнать жизнь далекого от них Томска и по вопросам, которые мне ставились, было видно, что их представления о городе дальше их родного Нарыма не идут. Григорий оказался неженатым, о чем он мне и поведал и в своих сообщениях отдавал этому обстоятельству не мало внимания, и не напрасно: в Тюхтеревых юртах я узнал, что одинокие, не женатые остяки—явление не редкое, тогда как в нашей крестьянской среде этого почти не встречается. В простых, бесхитростных словах он мне поведал о нескольких попытках устроить свою судьбу, но все кончалось неудачей и в заключение он сказал: „баба што лодка, ветер подул, вал покачал, — лодка по ветру пошла“.

Предполагаемые 25 верст водой нашего пути мы за день сделать не смогли и заночевали на полпути. На завтра мы отправились далее и, пересекши большое озеро Иссан-По (версты 3 ширины), мы далее той же речкой Иссан приблизились к юртам Тюхтеревым, при чем влево от реки Иссан начинался материк с красным лесом.

Юрты Тюхтеревы стоят на левом берегу большого „чвора“ речки Исаан и представляют собой группу беспорядочно разбросанных избышек, приземистых юрт и двух-трех крестьянского типа изб—всего семь дворов.

Первоначальное название этих юрт „Чеворэль—эда“, как мне поведали тюхтеревцы, и было видно, что этим названием они дорожат, но что оно означает, никто мне сказать не мог, ссылаясь, что знали „старики“, разумея, очевидно, своих предков.

Общий вид юрт производил самое удручающее впечатление—бедность и поразительная беспечность. Каждый „двор“ представлял собой самое жилое помещение и небольшую амбарушку, никаких „дворов“ в нашем смысле нет, нет загородей, сараев и т. п. Вокруг каждого дома в грязи разбросаны часто и орудия промысла и незатейливые предметы домашнего обихода, утварь и т. д.

Из семи жилых строений обращают на себя внимание две юрты, одну из которых я позволю себе описать. Юрта Павла Коламакова представляет собой деревянный сруб наполовину в земле, длиной три аршина, шириной 2½ аршина. Выдающаяся над поверхностью земли стена юрты имеет всего пять звеньев—бревен в пять рядов и три звена в земле, пол земляной, крыша плоская из мелкого накатника, покрыта землей. В стене против входа квадратное небольшое окошечко. Со двора в юрту вход имеет три ступеньки вниз, слева от входа, занимая

третью часть юрты, стоит глинобитная русская печка, прямо против входа нары и перед ними в правом углу небольшой стол и по бокам у стен справа и слева от входа две лавки, вот вся незатейливая обстановка юрты. Из принадлежностей домашнего обихода я нашел в юрте всего лишь следующие вещи: котел, две жестяных чашки, чугунок, турсук, берестяную квашенку, три деревянных ложки и два ножа. Семья Коломакова—сам, жена и трое ребят все лежали—одни в юрте, другие в амбарушке, страдавшая малярией, которая изнуряла их целое лето. Сам Коломаков имел особенно ужасный вид, он был как бы насыщен водой, рыхлый, с „просвечивающей“ белесой кожей. Одеты все были буквально в рубище. На Анне Коломаковой собственно не было никакого костюма, на ней были полуистлевшие, развалившиеся от времени остатки платья, так что этой представительнице прекрасного пола—не приходилось и помышлять о женской стыдливости. Непременная принадлежность остяцкого „двора“—небольшая амбарушка (о ней мы будем говорить дальше), где обычно хранится весь домашний скарб остяка, у Коломакова оказалась почти совершенно пустой; ни ловушек, ни рыболовных снастей не было видно—это была беднейшая семья среди бедняков.

Оказался в юртах и оседло живущий тунгус, о котором мне говорили еще в Нарыме, Степан Егорович Тонгунчин. Встреча с ним привела меня к интересному путешествию на тунгусское стойбище.

Имеются в Тюхтеревых юртах два жилья,—брошенных хозяевами и оставленная ими амбарушка, полная домашнего скарда, при чем хозяева их ушли на новые места, неизвестно куда, неизвестна также и их судьба. Такие же пустующие усадьбы я встретил далее в двух населенных пунктах, в юртах Пыжиных, что, очевидно, вообще встречается нередко у остяков.

Как уже упоминалось, необходимой принадлежностью каждого остяцкого двора является небольшой амбар—лабаз особого устройства—это нечто вроде древне-русской сказочной „избушки на курьих ножках“. Небольшие, несколько продолговатые (по 3 арш. длины до 2 ширины и $1\frac{1}{2}$ арш. вышины) амбарушки эти устанавливаются на особых стойках в количестве от 4 до 6—8 стоек. Стойки эти высотой до $1\frac{1}{2}$ аршин представляют из себя толстое бревно особого устройства, а именно: на расстоянии вершков 6 от верхнего конца бревна оно запиливается кругом в глубину под прямым углом вершка на $1\frac{1}{2}$ и, затем с нижней стороны затесывается на протяжении до полуаршина. Стойка таким образом в своей средней части суживается, образуя выемку сверху под прямым углом и получает форму как бы рюмки опрокинутой вверх дном. Это устройство стойки с своей выемкой имеет большое практическое значение; выемка эта крутым зарезом препятствует попадать в лабаз грызунам, что предохраняет от порчи весь домашний скарб, орудия промысла остяка. В своей передней части лабаз имеет небольшой поднавесик под общим с лабазом крышей и некоторый выступ—настил на тех же стойках. К этому выступу, как бы крылечку, лабаза, приставляется бревно расколотое пополам и, имеющее на выпуклой стороне лестницеобразные зарубины—это бревно и служит лесенкой лабаза—оно обычно, по необходимости в нем, убирается. Лабаз имеет небольшую, почти квадратную дверку. Поверх лабаз имеет двухскатную крышу или из драниц, или из легкого накатника крытого дерном. Вот эти то лабазы являются,—как хранилищами предметов домашнего обихода, так и местом, где можно встретить нередко предметы прошлого остяцкой жизни, принадлежности

шаманизма, деревянные куклы, или „шайтанишки“, как говорят остяки, приклады к куклам или иконам и др. предметы культа и старого быта. Подобные лабазы устраиваются в каждом дворе, а также и в лесу.

Хозяин моего временного пристанища Колотовкин оказался совершенно обрусевшим остяком; по укладу жизни мало чем отличающийся от крестьян, имел даже небольшой огородик, где был посажен, правда, один картофель, который, кстати сказать, к тому времени (12—15 августа) лишь набирал цвет.

Здесь то, беседуя с этим Колотовкиным и другими тюхтеревцами, мне удалось за мое короткое пребывание наблюдать некоторые стороны жизни остяков, правда, лишь внешнюю их жизнь, легче поддающуюся наблюдению; удалось узнать из бесед их промыслы, кругооборот их хозяйственной жизни, ознакомиться непосредственно с орудиями промыслов, способами их употребления и, наконец, удалось получить здесь для Музея довольно значительное количество экспонатов.

В виду общности внешнего быта остяко—самоедов, наблюдаемого мною района, я позволю себе не останавливаться в частности в этом отношении на тюхтеревцах и скажу об этом в заключение настоящей статьи.

Ознакомившись поближе с, упомянутым мною выше, оседлым тунгусом Степаном Тонгунчиным, я узнал у него, что недалеко, верст 20—25 (примерно) по прямой линии имеется стообище бродячего тунгуса. На мое счастье, если можно так выразиться, мой новый знакомый нуждался в помощи ворожее—(так называют здесь шамана) для лечения весьма злокачественного чирья на щеке. Степан Егорович сам вызвался проводить меня к этому тунгусу—Шолеулу, который, оказывается, „карашо, шипко карашо ворожит“. Отправился с нами для собственного удовольствия и, знакомый уже нам, Костянка, собирался идти и Григорий, да Степан решительно запротестовал.

Потому, как нарастала количественно наша „экскурсия“ к Шолеулу, можно судить, насколько свободно обращаются остяки с временем, когда они без всякой нужды не прочь побродить по тайге совершенно безцельно два—три дня.

III. Тунгусское стойбище.

Утром 15 августа мы отправились к Шолеулу без всякой дороги или даже тропки целиной по тайге и болотам, взявши направление по определению Степана, который, хотя и смотрел очень легко на наше путешествие, все же взял ружье и тоже велел сделать и Костянке на случай встречи с медведем—у меня же кроме записной книжки и карандаша ничего не было...

Дорога для меня была довольно трудная, шли целиной, мшистыми болотами, когда нога все время утопает во мхах и воде почти по колена; особенно это чувствовалось мною в сапогах, спутники же мои шли легче, они были в тунгусских легких оленьих „унтах“.

Отправившись рано утром, мы брели к „неведомой“ цели своего путешествия, как мне казалось, наугад целый день. Часа через два, три нашего путешествия я озабоченно спрашиваю Степана, ладно ли мы идем, уверен ли он в пути, на что Степан совершенно искренно и уверенно мне отвечал: „што ты, друк, пошто неверно идем, в лесу поди мы“. Вот это—в лесу поди мы“ звучало у него так твердо и многозначительно, что сразу же меня успокоило, что в лесу тунгус ориентируется легче и вернее, чем где либо, и это понятно. В после-

дующем в течении нашего как бы безцельного пути, производя опыты над состоянием моего проводника, его уверенностью в себе, я несколько раз спрашивал о дальнейшем нашем пути и неизменно получал уверенное "што ты, друк, в лесу поди мы". В этом стереотипе был во всей своей красе урманый человек, лесовик, бродячий тунгус.

Единственно чего опасался Степан—это, что Шолеул откочевал куда либо далеко...

Уже к вечеру, почти при последних лучах заходящего солнца, когда я уже мысленно готовился к несомненно приятной ночевке среди болот и сырости, Степан вдруг оживился и сказал, что вот и Шолеул; он слушал какие то звуки, которые я вначале совершенно не мог уловить. И лишь через некоторое время я различил среди лесных шорохов странные, незнакомые для моего слуха довольно четкие "деревянные" звуки.—Оказывается стойбище было уже близко и это паслось стадо оленей, у которых у каждого имеется на шее на ремешке особого устройства деревянная побрякушка вроде крестьянского ботала. Побрякушка эта представляет собой округло-продолговатую дощечку с двумя по обеим сторонам деревянными же ударниками на ремешках. При каждом движении оленя побрякушка издает очень четкие характерные звуки, легко и далеко воспринимаемые слухом тунгуса. Побрякушка эта—"кан-нар" обычно имеет резьбу—или стилизованные олени или лапы, зуб медведя, при чем эта последняя резьба имеет особое значение—она, по мнению тунгусов, предохраняет оленя от болезней, нападений зверя, худого поветрия, худого глаза и вообще всех опасностей лесной жизни.

За таинственной лесной завесой слышалась целая симфония этих звуков от "каннар", а вскоре завеса эта развернулась и перед нами открылась красивая картина пасущегося стада оленей, как потом оказалось, до 100 голов. Милое, благородное животное паслось у целой системы кострищ—курева, что спасало оленей от "гноса".¹⁾ Пред нами был целый лес красивых оленьих рог, мерно колышащихся в розоватой от последних лучей солнца дымке кострищ, а за этой розоватодымчатой пеленой мы увидели и самое стойбище. Послышался лай собак, крики людей и вскоре мы оказались у цели нашего путешествия—чума, где была в сборе вся семья Шолеула у огромного кострища в ожидании вечернего чая, бурно хлопотавшего в большом котле. При моем появлении в чуме произошел переполох, глава семьи очень энергично отдавал какие то распоряжения и молодые тунгусы бросились в чум, как потом мне объяснил мой проводник, прятать по приказу отца ружья. Вскоре выяснилась мирная цель нашего появления и Шолеул успокоился, мы же, страшно утомленные дневным путешествием, расположились у кострища, развешивая здесь же части нашего костюма для просушки.

Солнце быстро село за стеной густого хвойного леса, стало темнеть и мы в полумраке у кострища расположились пить чай, при чем оказалось, что чаем обычно как и в данном случае, служит березовая губа, которую я пил уже у тюхтеревцев.

Чай этот заправлялся оленьим молоком, очень вкусным и густым, так что весь напиток получался не так уже противным, как одна березовая губа без всякой приправы. Семья Шолеула состояла из девяти человек—сам Шолеул—старик лет 70, жена лет 40 и семеро детей—

¹⁾ Под именем "гноса" разумеются комары, мошки, которые в местных условиях являются грозой животных и населения.

три сына, из которых старшему лет 19—20, и четыре дочери. Сам Шолеул плохо, но владел русским языком, плохо говорил и старший сын, все же остальные, понимая русскую речь, сами говорили лишь несложные фразы и отдельные слова.

Понятно, что в первый же вечер при таких условиях и чрезвычайной осторожности Шолеула и подозрительности к незнакомому русскому, да еще из загадочного неведомого ему города, беседа наша не была особенно оживленной и, мы, напившись чаю, стали располагаться на ночлег. Пал сильный туман.. олени оставили свои курева и побрели на ночные пастбища, когда их не беспокоит гнус и, долгое, долгое время все дальше и дальше слышались четкие звуки их „каннар“. Не имея с собой верхней одежды, мы вынуждены были располагаться вместе с хозяевами в чуме все в ряд радиусом ногами к небольшому камельку в центре чума, головами к его стенкам. Пол чума был устлан оленьими шкурами, постелью и одеялом служили „мешки“ из оленьей шкуры. Уставшие, мы быстро заснули, предоставив утру наше дальнейшее и возможное в наших условиях знакомство, при чем я первую же ночь заметил некоторую нервозность Шолеула...

Пасмурное холодное утро неприветливо встретило нас на следующий день, когда мы вылезли из своего жилища, так гостеприимно приютившего нас в эту холодную сырую ночь. Все было покрыто молочно-белесоватой пеленой, олени медленно возвращались с своего пастбища и, знакомые уже нам, звуки „каннар“ раздавались здесь и там, все приближаясь и приближаясь. Мужчины спали, женщины разводили кострище около чума, разводили курева для оленей и вскоре приступили к их доению... Кострища тунгусы раскладывают особым образом; обычно натаскивается или вывороченный с корнем или подгнивший сухостойник и складывается в кучу комлями крест-на-крест, и, по мере стгорания деревьев в этой части, пододвигается оставшаяся часть дерева

Вскоре встали и мужчины и мы приступили к утреннему туалету,— у моих гостеприимных хозяев оказалось даже мыло, но умывались они таким способом, что я воздержался последовать их примеру. В водной стихии они однако же как бы экономили воду. Принесенную, в небольших берестяных турсуках, воду они вылили в особый квадратный берестяной сосуд и не из него, а в нем мыли руки и умывались.. Умывшись, брали, приспасенный в кучу около чума, мох и им утирались. Я предпочел умыться в первой попавшейся ямке, окружавших нас болот, но утерся по примеру моих новых знакомых, чем вызвал явное их одобрение... Наблюдая утренний обиход этой семьи, я, сидя около кострища, должен был некоторое время лицезреть и такую картину; у костра, где собрались почти все обитатели чума, мальчик лет 10—12, усердно вылавливая у себя в голове и на рубахе паразитов, жестоко расправлялся с ними при помощи собственных зубов, очевидно, полагая, что это является вполне заслуженной им компенсацией за их поведение в прошедшую ночь. Тем же занималась одна из дочерей Шолеула, снявшая с себя платье, и оставшись в одних коротеньких на подобие трусиков штанах из оленьей кожи. Она однако же просто бросала пойманных паразитов в костер...

Закончивши таким образом, правда, по разному с утренним туалетом, наша почтенная компания приступила к чаепитию, при чем теперь уже пили с большим наслаждением кирпичный чай, принесенный мною... Обычно у тунгусов чай имеется в запасе и употребляется с большой охотой. Чай раздавался хозяйкой всем по группам, по два-

три человека в деревянных или глиняных чашках на особых специальных дощечках, на них же клали и хлеб—это были, как бы, подвижные, маленькие столики—это уже, можно сказать, некоторая претензия на удобства. Черный хлеб был совершенно пресным, сыроватым, а корки все в золе и углях, что объясняется способом его приготовления, как я это наблюдал тотчас после чаепития. Хозяйка принесла из чума берестяной кузовок, стала месить в нем руками ржаное тесто, затем сейчас же покатила в руках нечто подобное нашим хлебам и зарыла их в горячую золу кострища. Через некоторое время, вынувши эти хлебцы из золы, она расставляла их вокруг костра, поворачивая их то одной стороной, то другой. Таким образом на наших глазах был испечен хлеб, местами подгоревший, частью сыроватый, весь вываленный в золе и углях, но и это—уже завоевание в жизни тунгуса, незнающего на далеком севере почти совсем хлеба.

Проведенный у Шолеула день дал мне в смысле наблюдений очень мало. До полудня—до второго нашего сборища всех у кострища, когда был вновь изготовлен чай, мне не удалось вступить в разговоры с семьей Шолеула, хотя бы через переводчика, сам же Шолеул уходил в тайгу. За это время я имел возможность наблюдать лишь несколько уклад жизни тунгусов, поскольку он проявляется внешне, в некоторых предметах домашнего обихода и проч.

Жилище Шолеула—обычный тунгусский чум представлял собой довольно крутой формы конусообразный круглый шатер, в основание которого поставлены жерди, соединенные вместе в своей вершине веревкой из корневища кедра. Это основание имеет летом два покрова, нижний из сплошных полотнищ ровдуги—замши, сшитых из отдельных оленьих кож. Покрываются жерди снизу вверх с таким расчетом, чтобы нижняя полоса ложилась несколько под верхнюю полосу так, что дождь не может проникать в чум. Сверх этого чум покрывается в том же порядке большим полотнищем, сшитым из отдельных частей, очень мягкой бересты, изготовленной путем длительной выварки бересты, чем достигается ее мягкость. Эти берестяные полотнища прикрываются в нескольких местах жердями. Таким же образом устраивается и зимний чум, с той лишь разницей, что чум покрывается оленьими шкурами.

Вверху, в месте смычки жердей имеется отверстие для дыма. С одной стороны устраивается вход, который закрывается, как бы фартуком, оленьей кожей или шкурой.

Посредине чума небольшой комелек, огонь в котором поддерживается непрерывно.

Внутреннее расположение чума не представлял каких либо особенностей. Слево от входа в чум расположены берестяные турсуки, —кожаные сумки—берестяные коробки—с домашним скарбом. Остальное пространство чума к его краям было занято оленьими шкурами, меховыми мешками, одеждой и проч.

Мои попытки ознакомиться поближе с домашним скарбом чума не увенчались успехом; женщины в отсутствие Шолеула не позволили мне что либо осматривать, а главное, оказалось, что почти весь домашний скарб уложен в особых переметных сумках, которые действительно были расположены вокруг всего чума снаружи у его стенок. Эти переметные сумки „ини-мак“ являются, хранилищем домашних вещей, как на стойбище, так и во время пути. Сумки эти имеют в нижней своей части стенки только из оленьей шкурки „кысы“ (кожа с ноги оленя), а в верхней части продолжение той же шкурки и сна-

ружи берестяная (мягкая береста) оболочка. Сверху сумка имеет из холста или замши покрывку на особой здержке на подобие мешков. В каждую сумку можно погрузить клади не больше пуда. Почти все сумки с наружной стороны украшены бисерным шитьем. Сумки во время пути прикрепляются ремешками к седлу оленя. Мы не будем описывать упряжи оленя, так как не могли наблюдать ее в полной мере во время применения.

Летняя одежда тунгусов мужчин и женщин представляет собой смесь одежды чисто-тунгусской и русской. Обувь у всех одинаковая — легкие оленьей шкуры „унты“ (из шкуры „кысы“ с ног оленя) с высокими голенищами обутки по форме напоминающие чулок, вплотную облегают ноги, выявляя совершенно их формы. Далее значительно выше колен идут коротенькие замшевые штаны — „харки“ и наконец у мужчин рубаха, у женщин сплошное платье; — рубахи и платья из покупной материи. Рубаха имеет отложной ворот, ластовицы и обшлага — все это из какой либо цветной материи, отличной от основного тона костюма. То же самое и в платье. Платье, видимо, тяготило женщин и они все время подтыкали его к поясу. У каждого за поясом нож в ножнах и мешочек с табаком, а у женщин еще игольница. Пояс, а равно и мешочек простой ременный или шитый весь бисером. Один из сыновей Шолеула вместо рубахи имел на себе очень поношенный тунгусский костюм — парка — „шопдатч“. Ввиду общеизвестности этого костюма я отмечу его кратко; — парка — это тунгусский костюм из оленьей кожи, — замши или оленьей шкуры мехом наружу. Данный экземпляр был из шкуры. Костюм этот, облекая в обтяжку талию, имеет в передней части выемку, а в задней части как бы фалды фрака. На груди имеется особый фартук — нагрудник, к которому вплотную прилегают полы парки. Парка имела нашивки в узор цветной материей и обрамление по краям из конского волоса.

Летним головным убором для мужчин является или повязка — тряпка или покупной картуз, для женщин обычно платок. Мужчины и женщины носят длинные волосы, собранные в задней части к макушке в пучок особым ремешком, имеющим в заключении в верхней части шитье бисером.

Пищей тунгусов кроме хлеба в небольшом количестве служит оленьё молоко, вареная и сушеная рыба и мясо животных и птиц в различном виде: дичина вареная, жареная в золе, сушеная кусочками, вяленая. Мясо в прок не засаливается. Грибы совершенно не ядят, считая их погаными, так как от них, якобы, произошел „фаллос“. „Давно это было, говорит Шолеул, не было долго хорошего мужика, бабы плакали, долго плакали и раз мужик гриб нашел от него и... „фаллос“. Больше по этому поводу Шолеул мне ничего не мог сообщить, но и это сказание сближает его с наблюдениями в этом отношении В. И. Анучина среди енисейских остяков. В виду общности основной мысли я позволю себе воспроизвести это сказание по записи Анучина: ¹⁾ „Прежде жили только бабы, мужиков совсем не было. Фаллосы в большом изобилии росли в лесу, куда и ходили по мере надобности. Одной бабе надоело ходить в лес; она вырвала фаллос и принесла его к себе в чум. . . Случилось так, что фаллос завяз; ни сама эта женщина, ни соседки ее не могли его выдернуть, и все стали плакать. Тогда Ес (бог) послал мужика (у которого в то время фал-

¹⁾ „Очерк шаманства у енисейских остяков“ В. И. Анучин. Сб. Музея Антр. и этногр. при Акад. Наук т. II, 2 1914 г.).

лоса не было) и он легко выдернул фаллос. Обрадованные женщины стали угощать мужика. Одна подала ему вина—он взял; другая подала что то, а у него обе руки заняты; тогда он сунул фаллос между ног и стал угощаться. Наевшись и собравшись уходить, мужик взял было фаллос в руки, но оказалось, что он прирос. Бабы еще более обрадовались и оставили мужика у себя. А фаллосы в лесу захирели, стали грибами, русские их кушают—при этом В. И. Анучин сообщает, что енисейцы совершенно не едят грибов и с отвращением смотрят, когда это делают русские, иных при этом тошнит.

В виду общности основной мысли этих двух сказаний, можно полагать взаимное влияние этих двух народностей. Шолеул, как мне удалось выяснить потом, прикочевал сюда с Тыма, а на Тым с Сыма—притока Енисея. Здесь же можно заметить, что и остяко-самоеды наблюдаемого мною района избегают есть грибы, особенно старики, считая их погаными, не зная однако же, почему грибы считаются погаными.

Основным занятием тунгусов является оленеводство, затем звереловство, рыболовством занимаются мало. Каждое стойбище, (за исключением уже оседлых тунгусов—есть в Нарымском крае и такие), имеет стадо оленей от нескольких десятков до сотней голов. У Шолеула было оленей около 100, более определенно об этом он не хотел распространяться, как и вообще о своих промыслах, и, указывая на мою записную книжку, где я делал некоторые заметки, говорил „не клади (не пиши), бог милай не любит, олень хворать будет, весь пропадет“. Вот это—„бог милай не любит“ Шолеул говорил очень часто, когда какой либо мой вопрос ему казался подозрительным и опасным.

Здесь необходимо отметить большое искусство тунгусов по изготовлению замши—„ровдуги“. Оленья шкура очищается от меха и с другой стороны от мездры несколькими различной системы скребками. После чистки кожи мочат в воде, промазывают очень густо рыбьим жиром и наконец коптят на кострах и долгое время мнут руками. Получается очень мягкая, бархатистая кожа. Для окрашивания прибегают к природным средствам, берут кору или лиственницы или черемухи, смотря по желательному тону окраски. Кора лиственницы дает темно-малиновый цвет, черемуха—кирпичный. Кожа, подлежащая окраске, после ее обработки, кипятится в котлах в наваре коры; для закрепления окраски, в этот отвар прибавляется зола. Окраска получается очень прочной, выдерживает десятки лет. Прекрасным образцом подобной выработки и окраски является тунгусский костюм „парка“, привезенный нами для Музея—сшитый из мягкой, буквально бархатистой замши темно-малинового цвета и богато украшенный бисерным шитьем.

Олень в хозяйстве тунгуса—это основной стержень; олень, как мы видели, все дает тунгусу: и одежду и обувь и пищу и жилище и средство передвижения; олень же и определяет образ жизни тунгуса. Тунгус, даже по мнению остяка и наконец моего проводника тунгуса же Степана, „человек урманый, лесной, как птица, сегодня здесь, завтра там“. Тунгусы занимающиеся оленеводством в Нарымском крае, ведут бродячий образ жизни и к этому вынуждают их олень, который пасется на подножном корму круглый год. По мере использования оленями корма в окрестностях стойбища, тунгус вынужден отправляться со всем своим хозяйством на другое место, что делается довольно легко и быстро. Остов чума бросается, полотнища же его свертыва-

ются, весь скарб складывается в переметные сумы, нагружаются олени, и стойбище тронулось в поисках другого места. К тому же вынуждает его и охота.

Здесь необходимо отметить, что тунгус любит ружье и предпочитает его луку со стрелами и ловушками в противоположность остяку, который, как увидим далее, очень часто пользуется луком... Из обычаев связанных с охотой мне удалось записать коротенько следующее: медведя бояться, почитают: „медведь, батюшка, хозяин“ как и у остяков. Поэтому охота на него связана с некоторыми обрядами: подходя к медведю в берлоге или выслеживая летом, охотники говорят: „хозяин наш, батюшка или матушка (медведь или медведица) идут к тебе детки голодные, накорми их, дай мяса, бог милый велел, твои ребята в гости идут к тебе... не тронь скотину, нас не тронь... злой человек убить тебя хочет“...

Части убитого медведя имеют различное назначение. Переднюю часть едят мужчины, потому что в ней находится „дух“ медведя и женщины не достойны потреблять эту часть, женщины же едят заднюю часть. Во время еды опять наговаривают: „это едим тебя не мы, хозяин наш, ест тебя злой человек, едят тебя звери, птицы, не тронь нас, не тронь скотину, бог милый велел“... Грудная кость, лапа, ухо подвешивается в берестяном кузовке в чуме, что предохраняет его обитателей от различных несчастий, болезней. Череп медведя подвешивается на дереве у чума—это значит „хозяин караулит скотину“. Мясо убитого медведя нельзя оставлять в лесу, грех, надо съесть, замять, засушить и унести в стойбище; „я двадцать лет жил, ничего не оставлял, скотина жива“... говорит Шолеул.

Охотой занимаются главным образом зимой. Медведя поднимают в берлогах, принимая его на рогатину, при чем рогатина тунгусов „котта“ несколько иная, чем у остяков „пальмо“. Их рогатина более легкая, изящная, но и вернее, так как она представляет собой насаженный на длинном шесте большой нож с железной перекладиной в том месте, где начинается шест. Эта перекладина, когда охотник всаживает этот нож в зверя, не дает медведю возможности в последний момент, хотя бы уже на рогатине подтянуться к охотнику, схватить его, что иногда случается при пальмо“ остяка, не имеющей такой перекладины. Белковать ходят первую половину зимы и великий пост, средину зимы не промышляют. Лося бьют по насту, нагоняя зверя на лыжах.

В беседе с Шолеулом, на которую он, как я уже отмечал, был очень скуп, уже к вечеру мне удалось узнать некоторые понятия тунгусов о жизни, назначении человека, его кончине, происхождении...

Акт появления человека—рождение ребенка, видимо, не вызывает особых размышлений тунгуса. При рождении ребенка ему дается имя или старшим в семье, или шаманом, по имени случайно прибывшего в это время человека, именем зверя, птицы и т. д. На ряду с тунгусским именем дается в последующее время имя русское, как носит два имени и сам Шолеул—по русски Сергей. Женитьба происходит в обычном возрасте. Невеста избирается отцом жениха. Бывает и теперь в богатых семьях, при большом хозяйстве по две жены, одна из которых старшая—хозяйка. Во всей силе и неприкосновенности калым. В случае, если отец жениха не имеет возможности дать достаточный калым, он может в обмен на невесту для своего сына дать свою дочь в жены для кого либо из семьи отца невесты. Если жена сама вскоре уйдет от мужа, то калым возвращается семье мужа или ему дается

другая девица из семьи его бывшей жены. Девство невесты не расценивается тунгусами особенно, и, наоборот, наличие, например, сына у девушки повышает ее шансы на замужество. Как различна мораль в разных бытовых, хозяйственных и культурных условиях! Обычай передавать жену, в случае смерти мужа, одному из его братьев встречается редко. Разводы допускаются в исключительных случаях, производятся старшими в роде. Неверность жены карается домашним порядком, и вообще положение женщины очень тяжелое. Решительно все домашние работы лежат на ней, муж только „промышляет“—ружье его гордость; удел жены чум, все хозяйство, стадо оленей...

Представление о смерти человека самое смутное и, очевидно, уже навеянное соприкосновением с русскими. «Помер кто, говорит Шолеул, дух выходит, пошел бог милый знает». Покойника моют, одевают в чистые одежды, чтобы он явился чистым... куда?—Шолеул не знает. Хоронят в колодах, зарывая в землю; на крышку колоды кладут ружье, пальмо, лыжи, котел, трубку, табак и запасы; если умерла женщина, то кладут соответствующие ее занятиям предметы... Вообще, видимо, готовят умершего к продолжению этой жизни за какой то неведомой для тунгусов гранью... У могилы колется скотина—олень, левая его часть кладется в могилу, правая с'едается тут же при поминках... У могилы на дереве весится котелок, чайник, в могильный бугор вколачивается доска или кол...

Покойник встречается „там“ со всеми умершими, они узнают от него все новости, кто как живет. „Там“ люди все „чистые“. Вещи же, которые кладутся в могилу покойника нужны ему „когда земля переменится“...

Бог есть добрый и злой. Добрый бог „милый бог“,—„Угыда“. „Злой бог“—„Молькон“.

Совсем под вечер Шолеул рассказал мне предание о происхождении человека:

„Давно, давно было, никто не помнит. Жила старуха со стариком... Живут, скушно стало „надо смотреть ребенка“, говорит старуха. Стали смотреть. Взяла лебяжье г. (памет), давай качать, заревел, ребенок стал. Старуха уронила, все разбилось, Давай опять искать. Нашла гусево г... (памет). Взяли, начали качать, стал реветь, стал ребенок. Вырос, ему нашли где то бабу, от него стали ребята. Много стало. Пляшут, песни поют. Им стали баб искать, пока не нашли. Бабушка ихняя говорит: „ну, ребята, солнце село, будет играть, дух утащит“. „Какой идет нечистый, ребята скажут, она врет“. Завтра опять играют, бабушка говорит „вот, вот близко“, опять не верят.

Пришел дух и всех их с'ел, отца с'ел, мать с'ел.

Остались старик со старухой и самый маленький ребенок. Стал ребенок ходить, пойдет в лес, принесет бурундука и спрашивает: „этот с'ел всех ребят“. Они говорят „это богов зверь, где взял, туда унеси“.

Стал большой, принес росомаху и спрашивает: „этот с'ел всех“. „Это богов зверь, где взял, туда унеси“. Принес медведя, сказали: „богов зверь, не тронь, хозяин наш, унеси“. „Твою мать, отца с'ел, всех ребят—он улетел—дух“.

Ребенок растет, ум набирает, думает как ему быть, духа поймать. Стал ковать железные крылья, стал ковать большой нож, стал пробовать летать, каждый день выше. Бабушка говорит „прибавь крылья, тогда силы больше будет“. Прибавил, полетел далеко, высоко... Десять ден летел, все летел... Догнал духа на середине моря, на границе. Дух сытый стал, брюхо большое, сидит, не шевелится.

Парень то, Уняны звали его, стал тесать ножом пень. Дух нечистый—Коренду смотрел, смотрел, „что делаешь“, говорит. Вставай Коренду, говорит парень Уняны, будем драться, у кого сил больше“.

Коренду встает, а Уняны его ножом большим, большим в брюхо и все у него из брюха выпали, которые сгнили, которые живые. Живых Уняны стал мыть в море и всех унес с собой на крыльях. И стали люди родиться от них... нашли им баб где то. Этот самый парень Уняны и есть бог милый Угыда, от него все люди спаслись“...

Как видно, в этом сказании мы имеем одну из бесчисленных вариаций различных народностей об изначальной борьбе доброго и злого начала, первичной победе доброго духа над злым и происхождении человека. На мой вопрос о тождестве Коренду с, упомянутым мною выше, злым духом „Молькон“ Шолеул объяснил, что Коренду теперь нет, а есть „Молькон“.

Шолеул шаманит и сам шаман, когда то он был крещен или, как он мне передавал об этом“, „прежде то носил поповский крест... бросил... худо от него стало... все ребята огневой болью померли, баба померла, олени падали. Бросил поповский крест, хорошо стало. Бабу новую нашел, новых ребят..., все живут, скотина не падает, бог милый не трогат“.

Здесь мы имеем, очевидно, сообщение о трагической кончине всей семьи его от тифа (огневая боль), что было понято, как месть старых богов за измену им.

Происходил между нами, правда, небольшой разговор или, вернее, Шолеул задал мне ряд вопросов и на „обществ.-политические“ темы, которые в достаточной мере характеризуют политический кругозор, если можно так выразиться, тунгуса.

Прежде всего Шолеул интересовался большой-ли город Томск, как далеко, кто там живет, при чем, по его мнению, в городе живут все „богатые“, „шибко богатые“. „Поди медведей много держат, богатые все, по улицам медведей то пускают“. Так представлял богатых томичей Шолеул и тут же добавил „а по улицам комиссары поди ходят“. По мере возможности я объяснил, что такое Томск, что в нем не все богатые, что богатые медведей не держат, а что комиссары по улицам действительно ходят, как и другие люди, но в этом ничего нет опасного. Видимо мои разъяснения Шолеула не удовлетворили, он долго молчал, курил трубочку и наконец, смачно сплюнув, уверенно сказал: „не сказывашь, поди держат“. Очевидно, все представление о богатстве у него связывалось с возможностью держать много медведей. На мой же вопрос, как он представляет комиссаров „которые по улицам ходят“, он ответа мне не дал, но по выражению его лица я видел, что он об этом крепко думает. Дальше последовал вопрос: „што у царя большой река штоли, Расей называется, худой народ живет, все воюет, все воюет, кого сила, кто возьмет“. Здесь мы имеем и отклики нашей революции в сознании тунгуса и полное отсутствие у него хотя какого-либо понятия о самом государстве, гражданином которого он состоит. Все понятия его о государстве связываются с большой рекой—„большой река штоли, Расей называется“. И это понятно—его лично вся жизнь, его все понятия определяются этой большой рекой, большая река, это начало и конец всего, это дух, душа, бог,—отсюда и „Расей“ что то огромное—тоже ничто иное, как большая река.

Наконец последовал вопрос: „кто теперь служит царем. Америка, царя нету“.

Неправда ли, интересное сочетание, здесь и Америка, здесь и вопрос, „кто служит царем“!

При моем разъяснении, что царем теперь никто не служит, что царя никакого нет, что у нас теперь управляет сам народ,—как в „потребилровке“, что было понятно Шолеулу, он одобрил это и сказал: „хорошо, один наврал, худо сделал, другой правду сказал, всем хорошо, бог милай любит“. Этим и закончились наши „политические“ беседы с Шолеулом и вдруг старший сын его, все время молчавший, спрашивает: „А кто кричит в гарманоне (граммоне)“. „Очевидно мысль молодого тунгуса во время нашего разговора усиленно работала и он выделил из своих впечатлений о городе (Нарыме), где он бывал, самое сильное, самое яркое, что его когда то поразило—это „гарманон“.

Таков кругозор этих наивных детей природы, их представления о городе, о революции и наконец их понятие о самой России, в пределах которой их народ живет более трехсот лет. Что же эта Россия за все время в прошлом сделала для этих своих пасынков, для наиболее темных несчастных сынов своих; вправе ли она требовать, чтобы они ее знали—эту необъятную „как большой река—Расею“.

Часов в 9 вечера, когда уже появилась луна, Шолеул вдруг отдал какое-то распоряжение жене, которая принесла в о собом кожаном мешке принадлежности камлания—костюм шамана и бубен. Шолеул решил камлать по просьбе моего проводника Тунгунчина, который, как я уже упоминал, пошел со мной к Шолеулу для получения от него помощи от чирья.

К большому сожалению Шолеул категорически запретил мне вести какие либо заметки во время камлания, а также не позволил осмотреть подробно плащ, бубен и другие принадлежности камлания, почему я не имею возможности дать полное описание этого интересного акта и ограничусь лишь краткими заметками об отдельных предметах и действиях со слов Тунгунчина уже после камлания.

Шолеул—старый шаман, хотя и был крещен при каких то особых обстоятельствах, носил, как он говорил, „поповский крест“, но не оставлял и в это время шаманить, „бог милай все равно видит“ говорил он.

По мере того, как жена Шолеула раскладывала перед ним принадлежности камлания, Шолеул менялся в настроении, он нервничал, что то невнятно бормотал. Жена подогривала бубен. Шолеул начал облачаться; надел особую обувь, нагрудник, повязку на голову, плащ и рукавицы. Бубен—большого размера, овальной формы, имел обычное устройство, на наружной стороне рисунки охрой, во внутренней своей части помимо рукоятки целую систему железных перекладин, увешанных различными железными и медными побрякушками, имеющими то или иное назначение. Шаманский плащ и другие принадлежности костюма Шолеула, хотя я и не имел возможности подробно с ними ознакомиться, все же по обилию нашивок, изображений и металлических подвесок определенно указывали на то, что это костюм старого „сильного“ шамана.

Все принадлежности облачения были из оленьей шкуры, мехом вверх, за исключением головной повязки. Сапоги кроме нашивок имели ряд металлических подвесок. Нагрудник представляет собою длинный узкий плат, на подобие фартука, надевающийся ремешками на шею шамана, имел по бокам нашивки—орнамент и в три ряда поперечные железные подвески, при чем нижняя из них в свою очередь имела подвески—человекоподобные изображения, означающие, по словам Степана, „богатырей“—предков Шолеула.

Головная повязка—небольшой продолговатый, шириной, примерно, в ладонь плат из оленьей кожи с железным изображением в центре летящей птицы; завязывается на затылке ремешком. Самый плащ представлял собою костюм на подобие фрака с усеченной под острым углом задней частью, передние же части костюма не закрывают груди шамана, представляя это, упомянутому выше, нагруднику. Плащ очень богато орнаментирован, украшен символическими нашивками и массой железных подвесок разнообразной формы, изображающих человека, птиц, оленей; имелись и медные круглые пластинки—солнце, луна, земля. Все это имеет несомненно свое место и свое символическое значение и могло бы служить предметом особого описания и исследования. Рукавицы точно также имели нашивки—человекоподобные железные фигурки, символизирующие духов-предков, оказывающие помощь шаману в камлании; кроме сего рукавицы имели на оконечностях пальцев железные когти, долженствующие служить шаману в его дальних, необычайно трудных странствованиях в иные миры, а также в борьбе с злыми силами...

Порядок облачения—сапоги, нагрудник, головная повязка, плащ и рукавицы. Облачившись Шолеул взял в левую руку бубен в правую колотушку, присел на корточки, и, поставив бубен на левую коленку, начал мерно изредка отбивать в него колотушкой, тихо, медленно напевая... затем, вдруг уткнувшись лицом в самый бубен, он начал петь все громче и громче, усиленно ударяя колотушкой и сильно раскачиваясь на месте...

Это он, как объяснил Степан, собирает, призывает духов.

Наконец шаман порывисто вскакивает и начинаются его нервные, истеричные телодвижения вокруг костра, он усиленно встряхивает бубном, бьет с силой в него колотушкой и до последней степени напрягает свои голосовые средства—в это время и начиналась пляска. Вдруг некоторые места зывания шамана начали повторять в унисон хором все присутствующие... Шаман, оказывается, уже отправился „туда“, „высоко“, на небо.

Прокрутившись полчаса в неистовой пляске, шаман начинает постепенно снижать ее темп и пение и наконец, совсем почти затихая, закуривает трубочку, усиленно затягиваясь табачным соком—дымом; начинает бросать пред каждым сидящим трижды колотушку бубна—оказывается это есть гадание, при чем, если колотушка все три раза упадет вогнутой своей стороной вверх—это означает исполнение загаданных в этот момент желаний.

После гадания повторилась первая часть камлания с теми или иными вариациями, с несравненно более ускоренной пляской, с самыми смелыми порывистыми прыжками и другими телодвижениями, когда Шолеул, казалось, доходил до состояния полной невменяемости. Это оказывается были самые трудные моменты его загадочных странствований—он был и „там“—„высоко“ и „внизу“, под землей, боролся с злыми духами и проч.

Наконец, прокамлавши не менее часу, Шолеул, постепенно снижая темп действий, садится в полном изнеможении и сильно трясушимися руками принимает чашку с водой и буквально проглатывает воду. Его начинают раздевать... Начинается разговор, очевидно, обмен впечатлений и предположений об исходе камлания, сам же Шолеул еще не менее полчаса продолжает свои основные мотивы камлания и, что меня поразило,—это его состояние продолжалось до утра. Когда мы уже все легли спать, Шолеул под акомпанимент дружного

и сильного всхрапывания всего чума (мне эту ночь не спалось) от поры до времени тихо воспроизводил основные мотивы камлания и, что особенно замечательно, так это то, что и утром, когда мы уже собирались уходить, Шолеул среди разговора неожиданно обращался к своим мотивам и в это время не отвечал на вопросы, как бы ничего не слышал и не видел... Это говорит несомненно за то, насколько глубоко и длительно было особо-нервное состояние шамана.

Имея перед собой старого и сильного шамана, камлающего, так сказать, с душой, мне тем более было жаль, что Шолеул и утром не разрешил мне осмотреть подробно принадлежности камлания. Оставим это на совести Шолеула—служителя „бога милаго Угыда“!

Мой спутник Тунгунчин был вполне доволен камланием и не сомневался в благоприятном исходе болезни.

С большим трудом мне удалось приобрести у Шолеула некоторые предметы для Музея, при чем, когда я предложил Шолеулу плату, он решительно отказался, считая себя, очевидно, обязанным как то отблагодарить меня за подаренную ему мною плитку чая. Когда я все же настоял на плате и передал ему две-три стопки серебряных монет, завернутых в бумагу, он никак не хотел посмотреть, что там такое и говорил: „што ты, друг, как можно, пошто обманешь“.

Не располагая больше временем, я вынужден был утром оставить Шолеула, не смотря на большой интерес, который представляло это стойбище для меня, и мы отправились в Тюхтеревы юрты в сопровождении старшего сына Шолеула, взявшего трех ездовых оленей под наш небольшой багаж.

IV. Юрты Пыжины—остяки.

Возвратившись в юрты Тюхтеревы, я вечером осмотрел еще одну—амбарушку-лабаз и после больших разговоров и с большими предосторожностями со стороны остяков получил оттуда жертвенный приклад — „кого-кох“, в виде большого собрания различных кусков материи, лент, шкурок белки, колонка, медных и оловянных подвесок и, наконец, небольшого сильно обгорелого котла. Все это были жертвы молящихся, и недавнего происхождения, при чем приклад этот был у иконы, но отношение к этому прикладу было точно такое же, какое и к истуканам, „старым богам“ или, как их называют остяки, „шайтанишкам“. Остяки с одной стороны старались показать, что они не верят в них, подшучивали, а с другой, когда дело дошло до интересующего нас приклада, то меня предупредили, что приклад этот все равно „шайтанишка“.

Утром следующего дня я отправился в сопровождении уже знакомого нам Костянки и одной остячки в Нарым тем же путем по речке Иссан и через озеро Иссан-по. Обратный путь в Нарым не представлял ничего интересного и, лишь недалеко уже от Нарыма, мы наблюдали с одного берега речки, на другой совершенно свежие следы, только что переплывившегося через реку, медведя. По возвращении в Нарым, я провел некоторое время в приведении в порядок и укупорке этнографических материалов, полученных мною в Тюхтеревых юртах, а следующий день провел в поисках проводника в юрты Пыжины, расположенные верстах в 30—40 от Нарыма вниз по Оби.

Погода стояла бурная. Решили ехать, переправившись из Нарыма через Обь, верхами по левому берегу Оби. Дорога была довольно тяжелой, путь лежал местами едва заметной тропиной, местами густыми,

едва проходимыми, тальниками и, наконец, целиной, тах называемыми, „сорами“, т. е. заливными лугами, где в густых диких зарослях трав теряется всадник, при этом всю дорогу моросил дождь. Все же эта, часто совершенно прерывавшаяся, тропка называется у нарымчен дорогой, откуда и юрты Пыжины, в которые мы ехали, называются в отличие от других юрт Пыжиных, расположенных за Обью, юрты „Пыжины-Придорожные“, а вторые „Пыжины-Заречные“.

Пыжины-Придорожные расположены на верховой тропе Нарым-Каргасок верстах всего в 30 от устья Васьюгана. Вечером под сильно моросивший дождь мы приехали в Пыжины и остановились у знакомого моему проводнику остяка Ноякова. Семья Ноякова, состоящая из 12 человек, имела большой крестовый дом, очень чистый и большое хозяйство, другие же шесть домов были, уже знакомые по Тюхтеревым юртам, убогие лачужки.

Остяки здесь, вследствие близости русских и постоянного общения с ними, почти совершенно обрусели.

Семья Ноякова оказалась поразительно неприветливой и, как я им не раз'яснял цель моей поездки, они избегали со мной разговаривать и отнеслись ко мне очень подозрительно и настолько, что, располагаясь спать, они оставили меня одного в большой комнате, бросивши мне при этом „кто тебя знат, товарищ“. Здесь впервые среди остяков, я слышал это обращение; обычно они говорят—„друк“ Пыжины мне дали мало материала для этнографических сборов—здесь я получил всего несколько предметов—берестяные лукошки с орнаментом, медвежий лук, лисий лук и некоторые другие. Но здесь я имел возможность наблюдать изготовление лодок в различных стадиях этого процесса и насторожку на самостреле медвежьего лука.

В одном из домов я встретил ужасную картину. В темном углу, среди смрадногохлама и грязи, я увидел, осветившись спичками, буквально разлагающееся заживо человеко-подобное существо—то была старуха-сифилитичка и к тому же прикованная уже несколько лет к своему смрадному углу еще другой какой то болезнью. Нос и верхняя губа у ней совершенно провалились. Родные избегали общения с ней, подавая на лопате ей пищу... На вопрос мой лечат ли ее, мне только сказали: „да вот не помирает“.

На следующий день к вечеру в сильный низовой вал мы переправились через Обь в юрты Пыжины-Заречные, где я остановился у старичков Сагандуковых, представлявших собой полную противоположность по своей приветливости Нояковым.

Юрты Пыжины-Заречные расположены на высоком берегу протоки по правую сторону Оби у кромки дремучего кедровника, при устье небольшой речки Каилга или Пыжига. Правильное название юрт—„Пыжига“. В юртах всего шесть дворов, выглядят они несколько лучше Тюхтеревых юрт—имеются почти у всех домов, построенных на крестьянский лад, дворы сараи и, конечно, амбарушки-лабазы. Здесь мы уже имеем небольшое скотоводство—6 лошадей, 8 коров, 11 овец. Из шести семей четыре имеют детей и две бездетных. Два дома пустуют за уходом, неизвестно куда, их хозяев,—здесь мы наблюдаем явление, отмеченное нами и в юртах Тюхтеревых;—остяки легко снимаются с насиженного места в поисках лучших рыболовных и пушных угодий, бросая на произвол судьбы свое жилище. В юртах Пыжиных мне удалось провести всего два дня, я должен был спешить в Нарым к обратному рейсу парохода. Старичек Сагандуков—хозяин дома, где я остановился, оказался очень разговорчивым, но, к сожалению, не знал,

по его словам, никаких сказок, преданий, песен, а он был единственным стариком в юртах. У Сагандуковых было 19 человек детей—все они умерли в разное время, как выразилась старушка Сагандукова, от „живота“ и „огневой болезни“—(тифа). Из этого единичного явления обобщений, конечно, делать нельзя, но все же оно является достаточно показательным. Детей остяки, по моим наблюдениям, очень любят и Сагандуковы имели приемную дочь—девочку лет 12, родные которой вымерли от тифа года три-четыре тому назад. В связи с судьбой девочки Сагандуков рассказал мне вообще о свирепствовавшей у них эпидемии тифа в 1920 году, когда вымирали целые семьи и даже целые юрты—селения. Сагандукову зимой этого года пришлось в компании с другими охотниками выйти на один из притоков реки Тыма и здесь они набрали на юрты, которые не подавали никаких признаков жизни.—Войдя в один из домов, охотники увидели кошмарную картину:—в разных углах лежало несколько трупов и в том числе женщина с грудным младенцем у открытой груди. Охотники в ужасе бежали от этих юрт, не заглянувши в другие две юрты. Очевидно здесь все вымерли от тифа, а частью, оставшиеся в живых, дети умерли с голоду или замерзли. Теперь на Тыму „по народному голосу“, как выразился Сагандуков, осталось человек 200 населения, а было когда то „ясашных душ“ (платежных) до 300. По сведениям А. Ф. Плотникова по Тыму числится на 1900 г. всего туземцев 354 человека¹⁾ Не мало жертв было и среди русского населения—так в дер. Ильиной, близ юрт Пыжиных, в двух знакомых Сагандукову домах умерло 16 человек. Таковы отдельные случайные штрихи этой страшной картины победного шествия „огневой болезни“ по Нарымскому краю!

На следующий день моего пребывания в Пыжиных начался „шишковкой“ и все население отправилось в близ лежащий кедровник бить шишки. Каких либо „делянок“—участков кедровника для отдельных промышленников я здесь не встретил: каждая семья отправлялась в любом направлении и снимала шишки, где ей вздумается и на сколько хватит сил. В урожайные годы орехов добывают пуд в по 20—30 на семью. Шишки сбиваются „бойцом“, который лезет на кедр, и, имея в руках деревянный молот-колотушку, прикрепленную на длинную рукоятку-жердочку, ударяет ею по веткам. Шишки собираются тут же в кучи и затем или вывозятся в юрты или обрабатываются на месте, для чего применяется особый прибор—деревянный валеk с рубцами или доска с рубцами на которой вальком и шелушатся шишки. Для провеивания орехов от сору употребляется особое решето—продолговатый ящик с решеткой из узких длинных деревянных пластинок. Решето подвешивается, шелуха просеивается, остается орех. В тех случаях, когда орехи добываются далеко от юрт, орехи обычно собираются остяками в особые хранилища здесь в кедровниках и так остаются до зимнего пути, когда и вывозятся в нартах. Наблюдая это „остяцкое шишкование“, темп работы и общее состояние всех участников—их вялость, молчаливость и как бы совершенно безучастное отношение к происходящему, я невольно сраанил эту серую, унылую картину с веселыми красочными страничками жизни нашей деревни, когда крестьяне отправляются на шишкование с большим под'емом, оглашая звонкими песнями и радостными кликами родные кедрачи с ранней зари до позднего вечера.

К полдню, несмотря на горячую пору шишкованья, я легко договорился об обратном пути в Нарым на лодке вверх по Оби верст

¹⁾ А. Ф. Плотников „Нарымский Край“—Ист.-стат. очерк*.

35—40. Обратный путь был тяжелым; на Оби был, хотя и попутный нам, но сильный низовой вал, который к вечеру перешел в бурю и мы вынуждены были пристать к первым, счастливо попавшимся нам и приветливо пылавшим, кострищам на одном из островов Оби.—Оказалось, что здесь ночует табор цыган в три семьи, отправившихся на лодках на орешный промысел, здесь же заночевали два русских рыбака из дер. Городище. В таком сочетании под неумолчный говор, а затем и песни цыган мы провели эту бурную ночь. Мои спутники—пыжинские остяки, как оказалось, невидывали цыган и были чрезвычайно поражены их живостью, шумным разговором и вообще веселым нравом. И действительно—контраст был слишком сильный потомуки пылких южан—загадочных выходцев Индии и угрюмый, далекий северянин стали лицом к лицу!

В юртах Пыжиных мне удалось получить в дополнение к прежде собранным мною материалам некоторые предметы домашнего обихода и промысла, среди которых особенный интерес представляет костяное долото, употреблявшееся при обработке лодок. Здесь же мною получено два приклада „когокох“—один из которых представляет особый интерес по сочетанию предметов христианского верования и остатков шаманизма и культа медведя, столь распространенного у северных народностей Сибири¹⁾. Медведь был, по их верованию, когда то жителем неба и почитается, как сын божий. Всего мне удалось получить три приклада—один в юртах Тюхтеревых и два в Пыжиных-Заречных. Приклад по остячки „кого-кох“—это собрание различных предметов (шкурки зверков, полосы материи, различное металлическое-медное, оловянное литье и проч.), приносимых молящимися в жертву. В прежнее время приклады эти приносились пред изображением какого либо остяцкого божества или навешивались на священном дереве, впоследствии же, когда христианство проникло к остякам и они оставили открытое поклонение „истуканам“, они приносили подобные же приклады христианским иконам, сочетая таким образом с внешней обрядовой стороной новой для них веры—христианства старые, глубоко укоренившиеся в их сознании, начала шаманизма.

Из трех, отмеченных мною прикладов, два новейшего происхождения, при чем один, хотя и был помещен в лабазе—(амбарчике) на полке, но относился к иконе и в части своей был самого позднейшего происхождения.

Этот приклад, полученный в юртах Тюхтеревых, представлял собою большое собрание кусков материи, шкурок зверков, оловянные подвески, наконеч подержанный, сильно обгоревший, закопченный плоский котел. Второй приклад был менее богат по количеству предметов, но имел совершенно новые платки, не потерявшие еще характерного запаха фабричной краски, что говорит о происхождении этого приклада в наши дни, хотя остяки и отрицали это при м. их попытках установить время происхождения этого приклада.

И, наконец, третий приклад, найденный мною в юртах Пыжиных-Заречных, представляет наибольший интерес. Если первые два приклада по наличию в них совершенно новых кусков материи говорит о

¹⁾ В. М. Михайловский „Шаманство“ Изв. об. люб. ест., антроп. из этнограф. т.—XII в I.

Гондатти „Культе медведя у инородцев сев.-зап. Сибири“, Труды Этн. Отд. Об-ва Л. Е. А. Э VIII.

Кастрен—„Путешествие... в Сибирь 1845—1849 г. г.“

S. Patkanov—„Die irtusch-osfjaken“—II.

живучести этих обычаев—приносить приклады при молитвах до наших дней, то последний приклад относит нас в глубокую старину, сближает зачатки христианства у местных остяков с культом медведя.

В прикладе этом мною обнаружены на одной полке след. предметы: полуистлевшая икона и череп медведя; то и другое убраны различными приношениями—кусками материи, шнурками (почти совершенно истлели) и медными подвесками. Здесь же находился и жертвенный котел.

Приклад этот был передан в мое распоряжение И. А. Сагандуковым и принадлежал еще его отцу и деду и находился в полуразвалившемся, очень старом лабазе

У. Промыслы.

Заканчивая путевые заметки, позволим остановиться вкратце на некоторых моментах хозяйственной жизни и быта, наблюдаемых мною, приобских остяко-самоедов.

Основными промыслами местных остяко-самоедов, как известно, является рыболовство, звероловство и, как дополнение к ним, кедровый промысел и промысел лесной и водяной птицы.

Первое место занимает в крае рыболовство. Промысел этот начинается с половины мая и длится до февраля, начала марта месяца, когда наступает, так называемый „замор“ рыбы, т. е. вода в Оби, как бы замирает, „затухает“ и рыба, пойманная в это время, получает особый неприятный привкус.

По вскрытии рек, по Оби и некоторым ее притокам поднимается с низовьев Оби и Обской губы или, как здесь говорят, „снизу“, так называемая, под'емная рыба; к этим сортам относится осетр, стерлядь, нельма, сырок, язъ, налим и моксун, остальные сорта являются местными.

В зависимости от уровня воды в разное время года промысел производится в различных местах и разными способами.

Ранней весной, лишь только вскрыются притоки Оби, рыбачат, обычно, по притокам местные породы рыбы—щуку, окуня, чебака, ельца и др. посредством различных сплошных заграждений (заторы), небольшими неводами и плетеными снастями. Летом до полного спада вод, помимо главного промысла на Оби, идет рыбалка „в сорах“—по заливным лугам в озерах, протокам сетями, режевками или сплошными заграждениями из сосновых дранок.

После спада воды, когда появляются отлогие берега, „пески“, начинается большой промысел неводами, которыми и промышляют, главным образом, русские артелями.

Остановимся вкратце на описании некоторых рыболовных снастей, лично мною наблюдаемых, а также по рассказам остяков. Сети бывают „наплавные“ и „уставные“—устройство почти одинаковое, но применение различное. „Наплавными“ сетями ловят летом и осенью, „уставными“—зимой. Сети бывают длиной сажень 10—20, из тонких льняных ниток, при чем ячейки сети соразмеряются с величиной рыбы, на которую предназначена сеть.

Избравши место промысла, рыбак отплывает от берега поперек реки и постепенно выбрасывает за собой из лодки сеть; сеть плывет по течению, а за ней рыбак, рыба попадает в сеть и запутывается в ней. Через некоторое время рыбак ностепенно вынимает сеть вместе с запутавшейся в ней рыбой в лодку. Таким простым способом на моих глазах добывали прекрасную нельму. „Уставные“ сети, как по-

казывает их название, применяются не плавным способом, а устанавливаются на кольях на определенных местах. Режевкой рыбачат на мелких местах, протоках, сорах, "ямах".

Режевка—сеть из тонких льняных ниток, длиной сажени 5—10, шириной до сажени, к нижней части сети укрепляются грузила, в верхней поплавки. Сеть по концам прикрепляется к кольям, установленным в песках. На некотором расстоянии впереди режевки для защиты ее от плывущего валежника, коряг устанавливается сеть из толстых ниток с крупными редкими ячейками, откуда и получила свое название "режевка".

Кроме сетевых снастей, в большом употреблении самоловы и переметы, употребляемые на стерлядь и осетров. Самолов "харба"—это бичевка тетива, аршин 20—30, толщиной в мезинец к ней привязываются с промежутками четверти на три тоненькие бичевки четверти $1\frac{1}{2}$ —2 длиной "коленца", на концах которых привязаны крупные рыболовные крючки. Чтобы крючки не погружались на дно, но были кверху острием, к ним в изгибе привязываются на шнурке из конского волоса поплавки. К концам тетивы привязываются, так называемые, "кошки"—большие камни, расщепленные между двух сучковатых палок—самодельные якоря. К этим якорям—"кошкам" привязываются длинные веревки "оттуги", а к одной "оттуге" привязывается длинная бичевка "прогон", а к ней длинный шест. Самоловами рыбачат зимой, для чего прорубаются две основных проруби на определенном расстоянии, в зависимости от длины самолова. Между этими прорубями устраивается по прямой линии ряд небольших прорубок. Устанавливается самолов, как мие передавали рыбаки, следующим образом.

Начинают спускать в одну основную ("отправную") прорубь упомянутый выше шест и пропускают его постепенно по прямой линии, направляя через небольшие прорубки, а за ним идет бичевка—"прогон", за ней "оттуга" и самый самолов-тетива с крючками и таким образом передний конец протягивают до второй основной проруби, когда окончательно и устанавливается самолов, при чем "оттуги", на которых держится самолов, укрепляются на жердях поверх основных прорубей. Рыба—осетр и стерлядь, проходя на большой глубине, почти по дну, сама зацепляется за крючки самолова и вытягивается постепенно рыбаками в прорубь на лед. Промышляют самоловами и летом, когда к концам "оттуги" привязываются жерди, которые и служат наплавами, а самолов держится на дне посредством якорей-кошек. Почти подобного же устройства и "переметы", на которых крючки меньше самоловных, на них нет поплавков, а по крючкам наживляется мелкая рыба. Ухитряются нарымчане и неводить подо льдом, прогоняя невод в общих чертах тем же способом, как и самолов, от одной длинной проруби у отлогих песков через ряд небольших прорубок в даль реки, где невод, описывая подо льдом круг, возвращается к исходному пункту.

Из плетеных снастей мне удалось видеть лишь "корчаги", или "морду" и векшу. Устройство корчаги общеизвестно. Векша—это больших размеров корчага из толстых прутьев, длиной сажени $1\frac{1}{2}$ и шириной в поперечнике до 2 аршин. Устанавливается векша между двумя плотами.

В осенние ночи промышляют остяки рыбу и общеизвестным способом—"лученьем", посредством остроги. В начале зимы, когда рыба часто стоит неподвижно непосредственно под тонким слоем льда, при-

меняется глушение рыбы. Рыболовы ходят осторожно по льду и, увидя рыбу, ударяют по льду; рыба приходит в оцепенение—„глохнет“, сейчас же делается прорубка и рыба вынимается.

В заключение этого краткого описания некоторых рыбных промыслов позволим себе, не располагая точными цифрами данными, хотя бы со слов местного населения лишний раз подчеркнуть, что рыбные промыслы в описываемом районе, как и вообще во всем Нарымском крае, за последнее десятилетие понизились в несколько раз, а низкие цены, установившиеся на рыбу на местах, окончательно подрывают слабое хозяйство остяка. Так в сезон 1924 года на месте были следующие цены за пуд на некоторые сорта рыбы: щука 1 р. 20 к.—1 р. 80 к., язь—1 р. 80 к.—2 р.; карась—40 коп. отборный и т. д.

Сколько же надо иметь остяку навыка, ловкости, приспособляемости и сил, чтобы прокормить семью при таких невероятно низких ценах на его основной продукт.

Вторым из основных промыслов для нашего района является звероловство. Из промысловых зверей здесь водится медведь, лось, дикий олень, росомаха, лисица, выдра, белка, горноста́й, колонок, бурундук, зайцы и очень редко соболь. Волк и рысь, хотя изредка и встречаются, но считаются пришлыми зверями. Наибольшее промысловое значение имеет белка.

Звероловством и охотой занимаются с начала зимы, с замерзания рек до апреля месяца. Орудиями промысла являются кроме ружья лук ручной, лук сторожевой и целая серия ловушек—чиркан, кляпцы, плашка. Из мелких ловушек наиболее употребительными являются, чиркан и кляпцы; чиркан устанавливается на белку, бурундука, колонка горноста́я, кляпцы на лисицу, выдру зайца.

Чиркан—„лада“ имеет две основных части—небольшой лук и небольшие вилы с черенком. Внизу между этих вил имеется поперечный брусочек—„порожек“, а в верхней части вил другой такой же брусочек—„разводка“, который служит разводкой для вил. Эта разводка имеет посредине прорезь, через которую движется параллельно зубьям вил ударник—вертикальный длинный брусочек с прикрепленным к нему горизонтальным брусочком. В верхней части вертикального бруска продета тетива лука. Далее эти основные части чиркана имеют ряд приспособлений, при помощи которых они и действуют. Вертикальный брусочек на передней своей стороне имеет зарубку, куда закладывается насторожка—небольшой деревянный клинышек. Насторожка закрепляется особым подвижным гужи́ком, к которому привязываются две „синки“, т. е. нитки, крученые из конского волоса, концы которых привязываются к задней стороне нижнего бруска—„порожка“. Вверху чиркана на рукоятке привязывается петля, к которой привязывается „суклема“—небольшая деревяшка, нижний конец которой широкий с развклиной, а верхний узкий. Этот конец суклемы соединяется веревочкой с упянутой уже насторожкой. Таково в общих чертах устройство чиркана. Действует он следующим образом: на облюбованном месте охотник укрепляет чиркан заостренными концами вил в снег или землю; лук натягивает, тетива удерживается посредством суклемы. С задней стороны чиркан загоразивается ветками, куда помещается приманка с таким расчетом, чтобы взять ее можно было через промежуток вил чиркана под ударником, где к нижнему бруску протянуты „синки“, соединенные с насторожкой. Когда зверок пытается схватить приманку он неминуемо касается синки, которая при этом освобождает насторожку от придерживающих ее гужи́ков, суклема падает и

ударник с силою бьет о нижний брусок, где и попадает под удар зверок. Установка чиркана на разных зверков несколько различна. В привезенных мною чирканах имеется один экземпляр несколько особого устройства, где обычный лук заменяется подобным же нажимом из плоской сосновой или кедровой дранки, устанавливаемой не перпендикулярно к основанию чиркана, как расположен лук, а вертикально к его развилке, при чем нижний конец нажима укрепляется в ударник. В остальном устройство чиркана одинаковое.

Отмеченный экземпляр найден мною в юртах Тухтеревых, и, по отзывам остяков, является более совершенным.

Другим видом из привезенных мною ловушек являются „кляпцы“— („чахош“ по остяцки). Кляпцы устанавливаются на зайца, лисицу, вездру.

Помимо упомянутых ловушек употребляется в описываемом районе целый ряд более или менее общеизвестных ловушек, как например, капкан, слопец, плашка, петля.

Кроме этих ловушек наиболее распространенным орудием промысла, за исключением ружья, является лук и стрелы, при чем различается лук ручной и лук сторожевой. Лук ручной, как показывает само название, применяется охотником непосредственно, а лук сторожевой настораживается и действует уже в отсутствии охотника и отличается от первого особым приспособлением в виде, так называемого, самострела. По своему устройству собственно самый лук бывает простой и составной из нескольких пород дерева. Простой лук, изготовляемый из одной породы дерева, употребляется, как ручной для охоты на мелкого зверка—белку и др.

Лук вообще имеет форму слегка согнутого коромысла, концы которого стянуты тетивой, скрученной из пеньки или из ремня.

Коромысло составного лука склеивается из двух-трех длинных деревянных пластинок различных пород, чем достигаются большие преимущества этого лука перед простым. Обычно употребляется на устройство такого лука береза, черемуха и кедр или сосна. Из березы изготовляется наружная часть дуги лука, так как береза наиболее упруга и в то же время легко выгибается. Оставаясь же долгое время в выгнутом состоянии, береза теряет эту упругость и ослабляет нажим тетивы, а тем самым и силу полета и удара стрелы. Для предотвращения этого внутренняя сторона лука делается из кедра или сосны особого качества,—так называемой „кремлины“ или „кенины“. Это особое качество дерева встречается изредка, образуется обычно на солнечной стороне, где дерево делается особо смолистым и иногда имеет овальную форму и отличается особенной крепостью. Присоединяя к наружной березовой части лука изнутри пластину из „кремлины“, остяк предохраняет березовую часть лука от чрезмерного выгибания и от потери упругости, достигая тем самым особой упругости лука и его прочности. Эти составные части лука обычно склеиваются рыбьим клеем; затем коромысло лука оклеивается очень тщательно тончайшим слоем бересты.

Употребляемые для стрельбы из лука стрелы имеют различные наконечники, смотря по назначению стрелы. Обычно древко стрелы имеет в длину не более 5 четвертей и толщину в палец. В основании стрелы имеется небольшая развилка для установки стрелы на тетиву. С этого же конца стрела на протяжении 3—4 вершков имеет оперенье с трех сторон необходимое для правильности полета стрелы.

Наконечники стрел—„беловятки“ бывают железные и костяные различной формы. Те и другие наконечники изготавливаются самими охотниками и изредка особыми мастерами из тех же остяков. В зависимости от назначения стрелы носят особые названия—медвежья стрела, лисья стрела и т. д.

На медведя употребляется копьеобразная железная беловятка с большими зазубринами на ее заднем конце—медвежья стрела.

Стрела эта на расстоянии четверти полторы от ее основания несколько надрезывается, чтобы медведь, будучи ранен, не смог выдернуть стрелу; как только он схватит конец стрелы лапой, так стрела ломается по надрезу и передняя ее часть остается в теле медведя.

Лисья стрела имеет наконечник плоский вилообразный. На птицу употребляется стрела с узким копьеобразным наконечником. На белку и другого мелкого зверка употребляют стрелу с совершенно особым наконечником. Эти стрелы имеют на переднем конце древка значительное—до вершка в поперечнике утолщение или из того же дерева или костяное. Эти стрелы—„томар“ бьют мелкого зверка, не разрывая его, не портя таким образом его шкурку.

Ручным луком промышляют исключительно мелкого зверя и птицу, на крупного же зверя, а иногда и на лисицу, выдру употребляется сторожевой лук, имеющий еще особое приспособление—самострел. Самострел для лука устраивается следующим образом: основанием самострела является деревянный брусок до $1\frac{1}{2}$ аршин длиною (примерно) шириной вершка $1\frac{1}{2}$ и толщиной до $\frac{1}{2}$ вершка. На переднем конце бруска делается углубление для накладывания на него середины дуги лука. На заднем конце бруска имеется несколько пилообразных зарубок, на одну из которых закладывается веревочная петля, к которой привязывается спуск—„суклема“.

Брусок самострела в передней своей части вершков пять от конца имеет глубокую зарубку с небольшим выступом, рядом с которым делается небольшая отлогая зарубка.

Далее следуют части самострела—настораживающие.

Упомянутый выше спуск или „суклема“, состоит из деревянной плоской пластинки вершка 3 длиной, нижний конец которой широкий с развилиной—гнездом, а верхний узкий скошенный. Суклема, как было упомянуто, привязывается к петле на одной из зарубок на заднем конце бруска. К нижнему концу суклемы привязывается трехгранная вершка $1\frac{1}{2}$ длиной деревяшка—„щелочек“, который вкладывается в небольшую отлогую зарубку на бруске в его передней части и прижимается к выступу находящейся рядом крутой зарубки, гнездом „насторожки“, которая представляет собой заостренную деревяшку 1 вершок длиной, на толстом конце которого имеется гнездо. К верхней ее части привязывается белая нитка или конский волос длиной аршина 3—5—„синка“, к концу которой привязывается прутик—„подсиночник“.

Таким образом самострел имеет: основание—брусок и настораживающие части—суклему, щелочек, насторожку, синку и подсиночник.

Этот довольно сложный прибор приводится в действие следующим образом: в облюбованном охотником месте, где по его предположению должен пойти зверь, устанавливается на сошки основание самострела брусок, на конец которого в его уступ кладется дуга лука ее средней частью; тетива лука натягивается и задевается за углубленный бок насторожки, к тетиве как обыкновенно прикладывается стрела, а весь инструмент направлен в предполагаемую цель.

Все остальныестораживающие части размещаются по своим местам, как это выше указано. Синка, привязанная одним концом к насто-рожке, протягивается перед луком через предполагаемую тропу зверя и укрепляется подсиночником где нибудь в кустах. Синка висит сво-бодно, чтобы зверь, задевши ее грудью, несколько подался вперед; при этом синка натягивается, отчего срывается насторожка, тетива лука освобождается и с большой силой спускает стрелу по линии про-тянутой синки, т. е. в то самое место, где в данное время находится зверь. Стрела в таких условиях бьет без промаха и с такой силой, что, если минует кости, рана получается сквозная. Раненого таким образом, если и не убитого „наповал“, зверя охотники потом находят по следам обезсиленного от потери крови и уже легко добивают.

Сторожевой лук употребляется на лисицу, выдру, рысь, волка, медведя оленя и лося. Успех данного способа промысла зависит от опытности охотника в смысле выбора места насторожки лука. Каж-дый зверь имеет свои излюбленные места, где его и стережет лук охот-ника. На волка, лук устанавливается по лесным тропам, на лисицу глубокой осенью у замерзающих ручьев, где она в то время держится. На выдру у берегов речек, где выдра проделывает для своего выхода проруби. На медведя, или по выслеженным его тропам, или на мысах, вдающихся глубоко в болото, откуда обычно медведь, как говорят охотники, предпочитает переходить болото.

На лосей и оленей, которые здесь встречаются очень редко, устраиваются „засеки“. Выследивши их стойбище и тропы, остяки ва-лят лесину одну за другой поперек хода зверя под углом, постепенно его суживая и оставляя в конце угла проход, где и устанавливаются сторожевые луки.

Здесь можно отметить, что по тому же принципусторажи-ваются и сторожевые ружья, экземпляр какового имеется в Музее. В интересующем нас районе сторожевой лук употребляется главным образом на лисицу, выдру и иногда на медведя.

Помимо этого применяются остяками и другие общеизвестные способы охоты на зверя. Так выше уже было отмечено применение ими целого ряда ловушек. На медведя охотятся с „лабаза“, выслежи-вают летом с ружьем, поднимают в конце зимы из берлоги, стреляя из ружья или принимая медведя на рогатину—„пальмо“.

Звероловный промысел начинается вообще с замерзанием рек в октябре и продолжается до весны.

Помимо звероловства и рыболовства—этих двух основных про-мыслов местные остяко-самоеды занимаются птицеводством и ореш-ным промыслом, кратко мною уже отмеченным выше. Птицу промыш-ляют и водяную и красную—урманную. На птицу употребляют, глав-ным образом ловушки. Водяную птицу добывают „перевесом“, „пле-ницей“. Между двух озер, где имеются заросли, устраиваются просеки, через которые и устанавливается несколько в наклон „пере-вес“, т. е. особого устройства сеть. Птица, перелетая с одного озера на другое, направляется по этой просеке, ударяется в „перевес“, кото-рый, падая, накрывает целую стаю уток, гусей и т. п. Засевшие в ку-стах охотники сейчас же вылавливают птицу. „Пленица“ представляет собой несколько настоороженных петель из конского волоса. Петли на-стораживаются на особом основании из легких прутьев и устанавли-ваются по озерам в местах заросших травой, где изредка имеются чи-стые проходы. Птица, плавая по озерам, устремляется в эти чистые места—и попадает в невидимые для нее настоороженные петли. По-

павши в петлю, птица начинает биться и тем самым затягивает окончательно петлю. Водяную птицу ловят главным образом весной; в это же время стреляют птицу и из лука. Мясо завяливается или засаливается для собственного потребления, а пух и перо собирается на продажу. Красная, урманная птица добывается зимой „силками“ и „слопцами“. Как подсобный промысел птицеводство играет в жизни местных остяков некоторую роль.

VI. Жилище, одежда, пища и домашняя утварь.

В заключение позволю себе остановиться в самых кратких чертах на некоторых внешних бытовых моментах жизни остяко-самоедов. На устройстве жилища в наблюдаемом мною районе я уже останавливался, описывая юрты Тюхтеревы, где даны в общих чертах основные типы остяцких строений. Остается упомянуть об устройстве остяками на месте рыболовных или звероловных промыслов временных жилищ—земляных или берестяных юрт. Временные земляные юрты на рыбных промыслах—„корамо“—представляют собою вырытую в берегу квадратную яму, над которой лишь иногда возвышается два три звена деревянного сруба, а в большинстве прямо над ямой устраивается крыша из тальниковой решетки, устланная камышом и засыпанная землей. Ни окон, ни камелька в такой юрте не имеется. Берестянная юрта на промыслах представляет собой конусообразный шатер, деревянный остов которого покрывается большими полотнищами бересты. Устраиваются эти юрты и на подобие шалаша, крытого точно также берестой.

В отношении одежды местные остяки мало чем отличаются от окружающего их русского населения. Национальных остяцких костюмов здесь уже не встречается и лишь в деталях и некоторых украшениях особенно женских костюмов еще можно встретить отголоски прошлого. Все костюмы обычно изготавливаются из покупной материи.

Главными видами мужской одежды служит рубаха, штаны, зипун и пояс. Мужская рубаха шьется с прямым разрезом на груди и широким, обязательно отложным—воротником. Обшлага рукавов, воротник, разрез на груди и ластовицы делаются из материи другого цвета, отличного от основного тона рубахи. Штаны шьются из материи и иногда из ровдуги, т. е. из оленьей кожи, и наконец из телячьей шкуры.

Зипун шьется из материи, рукава и правая пола иногда оторачиваются мехом или украшаются нашивками из материи другого цвета. Подпоясываются опояской, к которой подвешивается нож в деревянных и кожаных ножнах и небольшая кожаная, часто шитая бисером сумочка, где держится камень, огниво и трут. Эта традиционная сумочка начинает заменяться обычным крестьянским „кисетом“. Обувью летней служат ноговицы, бродни и иногда сапоги.

Бродни употребляются преимущественно при неводьбе в холодную погоду.

Ноговицы—обувь, нижняя часть которой шьется из телячьей или оленьей кожи, а голенище из холстины. Бывают ноговицы и сплошь из оленьей кожи, как и тунгусские „унты“—обувь плотно облегающая ногу на подобие длинного, выше колен чулка. Сапоги встречаются изредка, как предмет роскоши.

Главным убором летом служит преимущественно базарный картуз или повязка из материи или платка, зимой шапка—вроде чепца, подвязывающаяся под подбородком. Шапка составляет видное место в

одеянии остяка и шьется с большим старанием. Шьется обычно из выдры, оленя, шкурки гагары, лебеда или из лисьих лапок, собранных к макушке, — по краям делается опушка из белки, колонка или соболя—это шапка нарядная. Делают подобный же треух из зайчины. Зимняя одежда— меховая шуба подобная зипуну, с особенной тщательностью отделяется воротник. Обувь зимой та же, что и летом; ноги обертываются как бы онучами для тепла чесаной травой (осока) и из травы же (пырей) делаются стельки. Чесаная трава прекрасно предохраняет ноги от сырости и холода.

Женекая одежда—верхняя мало чем отличается от мужской; здесь только более обязательно нашивки из цветной материи на рукавах, по вороту и правей доле. Домашним костюмом женщины является сплошное платье или юбка и кофта. Платье делается с прямым разрезом и с отложным широким воротом. Разрез, ворот и ластовицы, как и у мужской рубашки шьются из материи отличного от основного тона цвета.

Женщины носят две косы, которые начинаются на передней части головы и обматываются вокруг. Такая же прическа и у девушек, хотя последние по примеру русских начинают носить одну косу, не закручивая ее на голове. Женщины страшно любят кольца, носят их по нескольку штук, преимущественно оловянные и медные; встречаются также, как влияние русских, стеклянные бусы и серьги. Вообще же должно заметить, что в описываемое мною время одежда остяков, как мужчин, так и женщин отличалась чрезвычайной бедностью и изношенностью до последней степени, часто граничащей лишь с жалкими остатками или некоторыми намеками на костюм.

Пища остяков отличается крайним однообразием и малой питательностью. Основным продуктом питания является рыба, чай и хлеб, как дополнение, иногда дичина и ягода. Рыба употребляется в самых различных видах—рыба вареная, печеная на костре, соленая, вяленая, толченая, сушеная и мороженая. Особенно много заготавливается в прок рыбы вяленой, толченой и сушеной. Высушенная мелкая рыба толчется в больших деревянных ступах до порошка, получается так называемая „порса“—одно из любимых блюд остяка. Употребляется как закуска к чаю, при чем ее едят прямо пригоршнями, из той же порсы варится похлебка, а иногда ею же заваривается и чай. Порса очень удобна для заготовки впрок и является главным продуктом, которым запасается остяк, отправляясь на дальние промысла. Здесь между прочим интересно отметить, что остяки все избегают употреблять в пищу щуку, утверждая, что от нее обязательно будет „лихоманка“—малярия. Это мнение чрезвычайно прочно держится вообще в Нарымском крае и, быть может, заслуживает некоторого внимания специалистов—врачей.

Из муки кроме обычного кислого хлеба и белой булки остяки готовят пироги с рыбой, ягодами и пресные лепешки. Последние, как лакомство пекутся на рыбьем жиру или замешиваются на рыбьей икре. Мясо— почти исключительно дичину остяки употребляют вареное, вяленое, мерзлое и сырое. Вяленое мясо заготавливается впрок.

Молочные продукты встречаются в виде исключения; где имеются коровы, там употребляют молоко с чаем или просто хлебают ложками из общей чашки с кусочками хлеба. Масло готовить не умеют. Как подспорье и лакомство употребляются ягоды в сыром виде или сушеные—черемуха (толченая) и смородина. Овощи почти не встречаются. В Тюхтеревых юртах я видел небольшой огородик с картофелем.

Грибов остяки совершенно не едят, считая их особо погаными, но почему, никто объяснить не может. Здесь мы наблюдаем явление, столь распространенное у многих северных народностей Сибири, что нами уже отмечалось в главе о тунгусах.

Из грибов большим вниманием пользуется лишь мухомор — „пун“, который употребляется в сушеном виде с водой. „Пун“ — „пьяный грибок“, по мнению остяков, опьяняет и сообщает человеку особое состояние, когда он „все знает“, знает, кто у него украл что-нибудь, кто обманул его и т. д.

Старичок Сагандуков категорически утверждал подобное действие пьяного грибка — „пун“, указавши однако-же из личной практики, конечно, лишь на состояние крайнего опьянения. Как противоядие при бозьшом употреблении „пун“ пьют парное молоко.

В качестве чая употребляют полевой чай — „иван-чай“, листья черники, брусники и особенно часто, как наиболее крепкий отвар, употребляют березовый чай, — омертвелую часть древесины. Как лакомство употребляется и чай и сахар. Из крепких напитков в большом употреблении самогонка.

Переходим, наконец, к краткому описанию некоторых предметов домашнего обихода и утвари остяков, наблюдаемых мною и полученных для Музея. Вся домашняя обстановка остяка обуславливается окружающей природой, есть продукт обработки различных видов растительного мира. Различной породы деревья, их корневища, бересто, кора и наконец травы, — все это в той или иной обработке, в известной комбинации дает всю домашнюю обстановку местного остяка.

Возьмем ли мы средства передвижения местного остяка, — его легкие упрощенные сани, промысловые нарты, лодки или все довольно сложные орудия промысла — сторожевые луки, различные ловушки и плетеные рыболовные снасти — все это изготовлено исключительно из дерева.

Из дерева же мы видим самодельную домашнюю утварь — чашки, ложки, корыта, ведра, хотя все это уже и начинает заменяться покупной посудой.

Большое значение в домашнем обиходе остяка имеет береста. Из бересты готовят большие полотнища — „тиски“, которыми покрывают, как я уже указывал, летние промысловые юрты и лодки с кладью от дождя.

Но что особенно заслуживает внимания, так это изделия из бересты — небольшие короба, кузовья и другая домашняя утварь, нередко украшенная различной резьбой. Берестяной короб, в котором обычно остяки держат продукты питания и мелкие вещи, имеет цилиндрическую форму; кверху короб этот имеет берестяную вкладную крышку. По верхнему краю короба и в его основании снаружи и внутри он стягивается как бы обручами из черемуховой сарги, которая пришивается к бересте таловым лыком.

Особенный интерес представляют остяцкие кузовки, похожие по своему устройству на русские крестьянские туясыя. Наружная сторона кузовка обычно украшена узорами, представляющими как этнографический интерес, так и чисто художественный, как одна из форм искусства остяков. Украшения эти очень разнообразны, как по способу их исполнения, так и по форме и внутреннему смыслу, их содержанию, что заслуживает специального исследования и может служить темой для особой работы.

Тесно связана с изделиями из бересты, так называемая, „сарга“ — узенькие ленты из черемуховой древесины или кедрового корневища, а также таловое лыко. Для приготовления сарги древесина распари-

вается, когда и делится на узенькие ленты, которые для хранения свертываются в кружок, а перед употреблением снова размачиваются в воде. Сарга идет при изготовлении берестяных коробов, кузовков в качестве обручей и других связывающих приспособлений. Сарга из кедрового корня идет главным образом на изготовление веревок (крученых), употребляющихся при неводах, и затем из этой сарги плетутся особые остяцкие сундуки— „корневатики“. Немаловажную роль в жизни остяка играют и такие простые продукты как камыш, некоторые травы, древесная кора и даже гнилушки. Из камыша и осоки плетутся циновки, коврики. Та же осока, чесаная деревянным гребнем, употребляется как онучи, прекрасно предохраняющие от холода и сырости. В тех же целях употребляют траву „пырей“, делая из нее стельки в зимней обуви. Древесная стружка из молодого тальника— „чип“ или мох употребляется вместо полотенца и тряпок для вытирания рук, лица и посуды. И, наконец, гнилое дерево и то идет в дело у остяков: стружки из гнилушки служат подстилкой в колыбели ребенка, прекрасно впитывая мокроту; те же гнилушки насыпаются в меховые рукавицы и чулки, охраняя руки и ноги от холода и сырости. Наконец, те же древесные продукты дают остяку краску, трут и чай.

Для окрашивания холста, оленьей кожи—ровдуги и сетей в коричневатый цвет употребляется кора лиственничная или черемуховая.

Для получения краски готовится из коры густой отвар, в который прибавляется для закрепления окраски таловая зола. Затем в этом отваре кипятят вещи, предназначенные к окрашиванию. Получается очень прочная окраска, выдерживающая годы, не линяющая. Лиственничная кора дает светло-коричневый цвет, черемуховая темнее.

Все эти продукты, служащие для изготовления предметов домашнего обихода остяка, как видим, отличаются крайней дешевизной, общедоступностью и в то же время отличаются практической целесообразностью в общем примитивном укладе его жизни.

Практическая изобретательность наряду с крайней простотой орудий и материалов, терпеливое выполнение всех мелочей в работе, стремление использовать местные продукты для хозяйственных целей— вот что мы можем наблюдать даже из этого краткого обзора предметов домашнего обихода остяка.

Заканчивая эти беглые, краткие путевые заметки о наблюдаемом мною районе, я, разумеется, далек от каких-либо обобщений; материалы эти, полученные при беглом наблюдении главным образом внешней стороны жизни остяка, не являются достаточным основанием для каких-либо выводов. Подобная работа и не входила в мои задачи при моей кратковременной поездке в Принарымский район; это была не большая рекогносцировка в целях некоторой ориентации для будущих исследований края, предполагавшихся Музеем, и в этом отношении наблюдения, произведенные мною, дают некоторый материал.

Затем одним из заданий этой поездки являлись, произведенные мною, этнографические сборы для краевого музея. Это задание можно считать до известной степени выполненным; всего мною собрано по этнографии остяко-самоедов и местных тунгусов 118 экспонатов, характеризующих быт, верования, промыслы, домашнюю обстановку и отчасти искусство принарымских туземцев. Полное описание всех экспонатов может послужить содержанием для отдельной работы. Настоящие мои заметки в части, касающейся описания различных предметов туземного быта, основаны на упомянутых экспонатах.

В. В. РЕВЕРДАТТО.

О происхождении растительности Бийской степи.

(Опыт фитогеографического анализа).

Под Бийскою степью мы будем понимать степное пространство между р. Обью и Салаирским кряжем, ограниченное на севере р. Чумышем и на юге р. Обью.

Более точные границы собственно степи будут нами указаны в главе о растительности.

РЕЛЬЕФ.

Рельеф Бийской степи представляет собой волнистую равнину, то почти ровную, то более или менее сильно всхолмленную... Южная часть степи от р. Оби до д. Бобровки представляет слабо всхолмленную равнину с пологими и широкими увалами, имеющую отметку в среднем, 170 м. абсол. высоты. Далее к северу степь расчленения значительно повышается и только в районе р. Чумыша она получает плоский характер, свойственный в особенности части степи расположенной по правому берегу нижнего течения р. Чумыша. По направлению к северо-востоку и востоку степь постепенно повышается, переходя в предгорья Салаирского кряжа. Местности расположенные по правому берегу среднего течения р. Чумыша имеют отметки 200—300 м. (напр. Старо-Тогульское—200 м). Эта часть степи имеет уже изрезанный, холмистый рельеф, появляются отдельные вершинки с выходами коренных пород.

Восточная часть Бийской степи, между р.р. Чумышем и Бией представляет собой слабо всхолмленную равнину, имеющую высоту 350—360 м. над уровнем моря; среди нее поднимаются отдельные вершины, образующие полосу вытянутую с северо-востока на юго-запад и представляющие, повидимому, орографическое продолжение Салаирского кряжа. Наиболее северная из гор, г. Кяхду имеет отметку 646 м., к югу же они постепенно снижаются и в виде пониженной цепи почти непрерывных холмов эта возвышенность доходит до параллели дер. Карабинки (на р. Нене),

Самой значительной рекой района после р. Оби, является р. Чумыш. Река Чумыш, войдя в степь в юго-восточной части ее, в южном направлении, делает вскоре крутой поворот на северо-запад и течет вначале почти параллельно северо-восточной границе степи. Дойдя до северной границы степи, река поворачивает на юго-запад и впадает в р. Обь на 75 верст ниже г. Барнаула, образуя здесь северо-западную границу района степи.

Остальные реки степи являются небольшими притоками вышеназванных рек. Из них можно указать на реку Неню, впадающую справа в р. Бию, р. Чемровку, Большую Петровку, Бобровку и др., впадающие справа в Обь и, наконец, ряд мелких речек, впадающих как в р. Чумыш, так и в остальные вышеупомянутые реки.

Как часть р. Оби в степи, так и все остальные реки степи (Чумыш и проч.) характеризуются как равнинные реки, имеющие очень малый уклон, широко разливающиеся весной.

ГЕОЛОГИЯ.

Большая часть степи покрыта молодыми рыхлыми отложениями, коренные же древние породы встречаются лишь в окраинах степи, по границе с примыкающими горными районами и кое-где вскрываются долинами крупных рек. Так, по данным Б. К. Поленова, к северу от р. Чумыша, в предгорьях Салаирского кряжа встречаются редкие выходы агностозойских пород. По левую сторону р. Чумыша, близ с. Локтевского обнажаются те же агностозойские метаморфические породы и залегающие на них, кембрийские известняки. Местами встречаются выходы более молодых, вероятно, верхне-девонских пород в виде песчаников, туффигов и глинистых сланцев.

Молодые, рыхлые образования покрывают почти всю площадь степи и обладают настолько большой мощностью, что даже такие большие реки как Обь, не успели прорезать всей их толщи и ее берега почти сплошь слагаются лессовидными суглинками.

„Лессовидные суглинки“, иногда неотличимые от настоящего лесса, одевают довольно ровным покровом всю площадь своего развития, покорно следуя особенностям выработавшегося и выработываемого рельефа: взбираются на вершины холмов, спускаются по склонам речных долин и только энергично действующие на склонах делювиальные процессы приводят к тому, что на склонах вообще отложения лесса менее мощны, чем на более высоких площадях. Вместе с тем мощность лессового покрова, как кажется, увеличивается и по мере движения с востока на запад, от гор к степи. Тогда как на востоке, напр., по р. Нене, по р. Бие у д. Ажинки и во многих др. пунктах толща лесса измеряется 10—15 метрами, на западе, у дер. Новиковой на Бие, Мартыновой на Чумыше, она достигает уже 40—60 метров. В типичном виде, это тонкие, неслоистые, пористые, легкие суглинки с известковыми журавчиками и обогащенным известью горизонтом на некоторой глубине от поверхности, но местами они приобретают более песчаный характер, а в береговых обнажениях, где они нередко покрывают древний аллювий, в нижних горизонтах их обозначается слоистость, прослойки гравия и постепенное сближение по литологическому характеру с подстилающими аллювиальными слоями¹⁾. По возрасту Поленов относит эти отложения к постплиоцену и состоят они, главным образом, из лессовидных суглинков, весьма тонких, пористых, вскипающих от кислоты и имеющих светло-желтый цвет; местами в них проходят прослойки гравия и гальки.

В районе д. Брагиной и д. Мартыновой на Чумыше нередко находят кости и зубы млекопитающих (*Elephas primigenius*, *Bos latifrons*, *Cervus* и др.).

„В береговых разрезах здесь можно обычно наблюдать такую последовательность слоев:

- 1) Тонкий желтый суглинок.
- 2) Гумусовый горизонт, постепенно переходящий кверху в суглинок № 1, а книзу в
- 3) Желтый или красноватый неслоистый суглинок с остатками *Elephas primigenius*, *Bos latifrons*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Cervus elaphus*, *Cervus aleei* и друг.

¹⁾ Б. К. Поленов. Геологическое описание западной половины 15-го листа IX ряда десятиверстной карты Томской губ. (листы Ажинка—Томский завод) стр. 530. Труды геологич. части б. кабинета Е. В., т. VIII, вып. II, Петроград, 1915 г.

4) Серая слоистая глина с журавчиками, иногда замещающаяся струйчаго-слоистыми песками.

5) Иногда под вышеперечисленными слоями, на урезе воды, выступает железистый скипевшийся песчаник, уходящий под уровень реки ¹⁾.

Местами наблюдается смена лессовидных суглинков сыпучими кварцевыми песками желтого цвета. Где можно наблюдать непосредственное налегание постплиоценовых осадков на головах более древних пород, там ясно видно, что самыми нижними слоями постплиоцена является галечник, довольно мелкий, переходящий местами в гравий, составленный из обломков сланцев и кварца.

Соображения палеогеографического характера о происхождении и времени возникновения описанных отложений приведем в заключительной главе, в связи с вопросами происхождения флоры Бийской степи.

К Л И М А Т.

В отношении температуры, Бийская степь характеризуется довольно высокой средней годовой температурой. В северной части, у Барнаула мы имеем среднюю годовую около $+1,1^{\circ}$, а в южной она поднимается до $+1,8^{\circ}$, в Бийске.

	Средн. т-ра зимы	Средн. т-ра лета	Продолжи- тельн. теп- лого периода	Продолжи- тельн. веге- тац. периода
Барнаул	-16,5	+18,2	192	161
Иткульский завод	-16,3	+17,8	193	162
Бийск	-15,2	+18,5	196	166

В общем тепловой режим района характеризуется таким образом: теплый период (средняя t выше 0°) продолжается 192—196 дней, с начала второй декады апреля до конца второй декады октября; вегетационный период (средняя т-ра выше 5°) продолжается 161—166 дней, наступая в середине третьей декады апреля и оканчиваясь в половине первой декады октября. Минимальные температуры, обычно наблюдаемые в январе, равны для северной части (Барнаул) — $48,3^{\circ}$, а для южной — $44,6^{\circ}$; максимальные же по большей части наблюдаются в июне и равны для северной части $+35,4^{\circ}$ и для южной $+36,5^{\circ}$.

Распределение осадков в степи и прилегающих непосредственно к ней районах видно из следующей таблицы:

	ГОДОВОЕ КОЛИЧ. ОСАДКОВ в м.м.	
	По Дудецкому	По Шестаковичу и Вознесенскому
Барнаул	428	336
Бийск	466	447
Бол.-Угриневское	543	543
Маслянино	489	468
Медведское	346	346
Иткульский завод	572	559
Овсянниково	515	488
Сорокино	310	310
Яново	477	485

¹⁾ Поленов. Там же.

Совершенно ясно видно из этих цифр*) и по карте, что в районе собственно степи количество осадков возрастает с северо-запада на юго-восток и, кроме того, делает довольно резкий скачек при переходе в прилегающие лесные районы. Соответственно изменяется и годовое число дней с осадками. Распределение выпадающих осадков по временам года, если взять в ‰ годового количества, будет таково: минимум весной (15,9‰) и слабый максимум летом (34,2‰)—для северной части степи, и для южной: минимум зимой (12,0‰) и максимум летом.

Снежный покров держится от 5½ до 6 месяцев, достигая наибольшей толщины в середине февраля—около 24 см.

Ветры преобладают юго-западные, западные и северо-восточные.

Эта краткая климатическая характеристика района степи, конечно, далеко не исчерпывающая, но для наших целей она дает вполне достаточно данных, выводы из которых, в связи с растительным покровом и его генезисом, мы сделаем в заключительной части работы.

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ.

I. Очерк истории исследования.

В ботанической литературе почти нигде мы не найдем упоминания о Бийской степи, лишь у П. Н. Крылова в его работе „Очерк растительности Сибири“²⁾ двенадцать строк уделено этому степному району. Но в этих нескольких строках мы имеем хотя и крайне сжатую, но очень верную характеристику степи. Это и не удивительно ибо П. Н. Крылов был первым ботаником посетившим впервые, и потом не раз посещавшим Бийскую степь... Старые путешественники не захватывали Бийскую степь, т. к. она лежит в стороне от главных трактов. Гмелин³⁾ в 1733 году проехал из Барнаула через северное продолжение Бийской степи, Гельмерсен⁴⁾ в 1834 г., тоже был севернее р. Чумыша и лишь на обратном пути при возвращении из Кузнецка проехал через пункты: с. Тогул, Мартынова, Демьянская и Марушка, но все его описание заключается в фразе: „Мы вышли скоро из низких сильно облесненных гор... и целый день ехали равнинной, совершенно безлесной местностью носящей степной характер до Оби...“⁵⁾ Князь Костров⁶⁾ проезжавший по Бийской степи в 1818 году ограничивается тоже чрезвычайно скудными указаниями: „Дорога от Бийска до с. Тогульского и далее до Тогульского зимовья лежит местами ровными, безлесными, но чрезвычайно плодородными... Не далеко перед Тогульским зимовьем справа, тихо начинает возвышаться горный хребет покрытый лесом“.

Вот почти все, что мы находим у старых авторов...

В 1891 году, П. Н. Крылов первый раз задел краем Бийскую степь между д. Тальменкой на р. Чумыше и д. Озерками, проезжая из степей лежащих севернее р. Чумыша. В 1903 г им же, степь была три раза пересечена в направлении с юго-запада на северо-восток...

1) Мы будем придерживаться данных проф. Дудецкого, как более поздних, см. его работу в списке литературы.

2) Крылов. Очерк растительности Сибири. Томск. 1921 г.

3) Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743.8^o.

4) Helmersen. Reise nach dem Altaj. 1834. ст. 12, 43.

5) Гельмерсен описывает тот участок Бийской степи, который мы ниже будем называть: разнотравно-луговым ядром степи.

6) Костров. Кн. Путешествие великого князя Владимира Александровича. 1818 г. г. Томск, стр. 45.

В 1911 г. П. Н. Крылов с Б. К. Шишкиным опять дважды пересек степь в том же направлении, но по другому маршруту. В 1915 году, П. Н. Крылов с В. В. и Л. Ф. Ревердатто пересекает степь от Барнаула на восток до р. Нени а обратно до Бийска. И, наконец в 1923 году В. В. и Л. Ф. Ревердатто еще раз пересекают степь от Бийска до Тогульского зимовья

Всеми этими маршрутами степь оказывается настолько изрезанной, что является возможным составить представление о растительных зонах входящих в ее состав и своевременным дать характеристику ее растительности, и сделать некоторые фитогеографические сравнения с близлежащими степями, а так же высказать некоторые предположения о возможном происхождении Бийской степи.

Эта работа является тем более своевременной, что Бийская степь принадлежит к довольно густо и издавна заселенным районам, тяготевающим к старой Бийской крепости, и теперь является сильно распаханой... В ближайшем будущем, вероятно, уже трудно будет восстановить ее первобытный растительный покров.

Краткий очерк исследования Бийской степи указывает на большую роль известного исследователя Западной Сибири П. Н. Крылова и нам не раз придется пользоваться в дополнение к нашим материалам, материалами Порфирия Никитича, которые он всегда с готовностью предоставлял.

В дальнейших рассуждениях, нам не раз придется касаться растительности районов примыкающих к Бийской степи, и поэтому очень важно с ними теперь же ознакомиться, хотя бы в самых общих чертах.

2. Общая характеристика растительности.

На северо-востоке от Бийской степи, по линии р. Чумыша, к ней примыкает, являющаяся ее естественным продолжением, лесостепь, вытянувшаяся между, с одной стороны приобскими сосновыми борами или березняками, сменившими бора вследствие истребления сосны, а с другой лесистыми покатыми Салаирского кряжа, обрамленного здесь березовыми лесами.

Эта лесостепь имеет перелески лишь колкового характера или по долинам речек. Ландшафт лесостепи б. ч. открытый с мягким рельефом. Степистость выражена не сильно, до 15% на плакорных местах, на южных же склонах конечно сильнее. Из степняков наиболее часто встречаются: *Adonis vernalis*, *Medicago falcata* L., *Libanotis montana* All., *Peucedanum officinale* L., *Artemisia sacrorum* L., edb, *Art. campestris* L., *Onobrychis sativa* Lam, *Stipa pennata* L., *S. capillata* L.

Непрерывного степного сообщения с Кузнецкой степью эта Берско-Чумышская лесостепь не имеет, отгораживаясь от нее Буготакским лесным массивом, непосредственно переходящим в полосу приобских боров

Со степями левобережья р. Оби, Берско-Чумышская лесостепь тоже не имеет сообщения, отделяясь, во первых мощной водной артерией р. Оби и во вторых узкой полосой Приобских боров или оставшихся вместо них березняков. Таким образом, мы видим, что Берско-Чумышская лесостепь не имеет прямой связи ни с Кулундинско-Барабинскими степями на западе, ни с Кузнецкой степью на востоке; факт, который будет иметь большое значение в наших конечных выводах.

Как выше уже упоминалась, на севере и северо-востоке Бийская степь граничит с таежно-черневыми массивами Салаирского кряжа и Кузнецкого Алатау. Южную и восточную границу Бийской степи составляет р. Обь с вытянувшимися вдоль берегов сосновыми борами, разрастающимися в колене р. Оби, на юго-востоке, в мощный Верх-Обский бор. Только против Барнаула открытое степное пространство подходит непосредственно к пойме р. Оби и сразу за рекой видна Кулундинская степь левобережья. Это единственный пункт, так сказать, „прямого сообщения“ двух степей, если не считать препятствием водную поверхность Оби.

Из этого краткого обзора границ Бийской степи вытекает, что как степь, она является почти изолированной от других степных пространств (не считая Берско-Чумышской степи—ее естественного продолжения) и окруженной боровыми и таежными массивами.

Сильно пересеченная речными долинами поверхность Бийской степи обуславливает собой и пестроту ландшафта. В дневниках при описании растительности все время отмечается различие растительности по склонам... При маршрутном описании степи, довольно быстро одна картина сменяется другой и более крупные фитогеографические единицы „зоны“, здесь приходится уже понимать как известные комплексы, характеризующиеся растительностью плакорных пространств.

Общее представление о Бийской степи получится, если мы представим себе лесостепь в рамке березовых лесов, сначала паркового характера, к периферии переходящих в смешанные березово-осиново-хвойные леса и, наконец, в черневую тайгу на С-В и В и в сосновые бора на З и Ю-З.

На фоне лесостепи два неправильной формы пятна—восточное, почти круг—безлесная степь повышенной степистости и западное, вытянутое с севера на юг, более сильно облесненное, с пониженную против лесостепного фона степистостью—лугово-лесное ядро.

Эта схема растительности Бийской степи из ландшафтно-маршрутных впечатлений, как бы с птичьего полета, получает свое полное обоснование при фитогеографическом анализе.

Применяя здесь статистический метод П. Н. Крылова¹⁾, как единственный могущий дать по материалам маршрутного исследования значительной площади более или менее объективные данные, мы на основании изучения списков растений из 26 участков, довольно равномерно распределенных по исследуемому району, смогли выделить следующие „подзоны“ лесостепной зоны (по Крылову).

1. Дернисто-луговая п/зона лесостепной зоны, преобладающая в Бийской степи.

2. Разнотравно-луговая п/зона лесостепной зоны, выявляющаяся в восточном пятне с повышенной степистостью.

3. Суходольно-березовая зона лесной области окаймляющая довольно узкой полосой степь вдоль таежно-черневого массива.

Как увидим из дальнейшего анализа, наши зоны не вполне соответствуют характеристикам, даваемым Крыловым соответствующим зонам Барабинской степи, но во всяком случае они представляют очень удобную схему и отклонения в Бийской степи еще не настолько велики, чтобы нельзя было этой схемой пользоваться.

¹⁾ П. Н. Крылов. Степи Западной части Томской губернии.

3. Дернисто-луговая п/зона.

Как мы уже указывали, дернисто-луговая п/зона составляет главную площадь Бийской степи. П. Н. Крылов так характеризует эту п/зону для Барабинской степи: 1—40% степных форм. Облесенность 60—45%. Задернованность 100%. Несмотря на указанное колебания как в составе лугового покрова, так и в степени его степистости (выраженной процентным содержанием степных форм во всех наблюдаемых случаях от 5 до 37), он имеет одну общую морфологическую черту—покров этот является густым и сплошным, более или менее равномерно задерновывающим почву^а.

Нами отнесено к дернисто-луговой п/зоне все пространство, где % степных форм в более или менее плакорных условиях не превышает 40% и колеблется от 10% до 34%. Степям с таким % степных форм присущи некоторые характерные черты ландшафта, некоторые более или менее постоянные аспекты... Местами в этой подзоне разбросаны березовые колки и отдельные деревья, местами ландшафт имеет почти безлесный характер. Приведем несколько выписок из нашего дневника для характеристики наиболее типичных участков этой подзоны ... „за с. Марушка... волнистый рельеф с мелкими колками. Северные склоны содержат 25% степных форм с аспектом *Libanotis montana* и *Galium verum*, на южных склонах степистость выше, попадаются *Stipa capillata*. Степные луга на гривах с общей степистостью около 25% характеризуются аспектами *Gypsophylla altissima*+*Tragopogon orientalis*, или *Libanotis montana*+*Onobrychis sativa*. На залежах (3—4-х лет), которых очень много, пестреют *Campanula sibirica*, *Medicago falcata*, *Libanotis montana*. На менее степистых лугах появляются *Dactylis glomerata*, *Peucedanum officinale*.

Вот список видов одного из характерных участков дернисто-луговой подзоны в центральных частях Бийской степи между д. В. Боровкой и с. Большерецким 3/ви—1913 г.

* <i>Silene chlorantha</i> Ehrh.	* <i>A. sacrofum</i> Ledb.
* <i>Adonis vernalis</i> L.	* <i>A. campestris</i> L.
<i>Polygala comosa</i> .	<i>Viola arenaria</i> DC.
<i>Lathyrus pisiformis</i> L.	<i>Tragopogon orientalis</i> L.
<i>Potentilla argentea</i> L.	* <i>Filipendula hexapetala</i> Gilib.
<i>Origanum vulgare</i> L.	<i>Agropyrum repens</i> P. B.
<i>Silene nutans</i> L.	<i>Hypericum perforatum</i> L.
<i>Odontites rubra</i> Pers.	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
<i>Veronica Teucrium</i> L.	<i>Ranunculus polyanthemos</i> L.
<i>V. spicata</i> L.	* <i>Potentilla viscosa</i> Don.
* <i>Fragaria collina</i> Ehrh.	<i>P. fragarioides</i> L.
<i>Androsace septentrionalis</i> L.	<i>Epilobium angustifolium</i> L.
* <i>Eryngium planum</i> L.	* <i>Campanula bononiensis</i> L.
<i>Orobus lathyroides</i> L.	* <i>Campanula sibirica</i> L.
<i>Galium boreale</i> L.	<i>Trifolium pratense</i> L.
<i>Senecio Jacobaea</i> L.	<i>Tr. Lupinaster</i> L.
<i>S. erucifolius</i> L.	<i>Sanguisorba officinalis</i> L.
* <i>Libanotis montana</i> All.	<i>Phleum Boehmeri</i> . Vibel.
* <i>Vicia amoena</i> Fisch.	<i>Dactylis glomerata</i> L.
<i>Thalictrum minus</i> L.	<i>Poa pratensis</i> L.
<i>Th. simplex</i> L.	<i>Hieracium umbellatum</i> L.
* <i>Artemisia Dracunculus</i> L.	<i>Solidago virga aurea</i> L.

Rumex Acetosa L.	Pulsatilla patens Mill.
* Onobrychis sativa Lam.	* Gypsophila altissima L.
Turritis glabra L.	Dracocephalum nutans L.
Polygonatum officinale All.	Crepis tectorum L.
Erigeron acris L.	Galium verum. L.
Taraxacum officinale L.	* Scabiosa ochroleuca L.
Plantago major L.	* Medicago falcata L.
P. media. v. Urvilleana Rap.	Delphinium elatum L.
* Allium leneare L.	Lilium Martagon L.
Astragalus hyppoglottis L.	Achillea Millefolium L.
Iris ruthenica Ait.	Dianthus versicolor.
Phlomis tuberosa L.	

Итого 67 видов, из них 26,8% степных.

Целинных лугов очень мало, б. ч. распаханное поле или старые залежи. На северных склонах добавляются обычно: *Filipendula Ulmaria*, *Anemone sylvestris*, *Dactylis glomerata*, *Festuca pratensis*, *Iris ruthenica*. В межгрядных понижениях у ручьев встречаются болотца переходящие в сырой луг на периферии, с *Lychnis chalcidonica*, *Ranunculus sceleratus*, *Hordeum secalinum*, *Agrostis vulgaris* и др. В воде *Alisma plantago*, *Typha latifolia*, *Scirpus sylvaticus* и друг. Нигде в дернисто-луговой подзоне Бийской степи мы не встречаем совершенно солонцов, солончаков или вообще каких-либо признаков засоленных почв. Нами нигде не встречено ни одного растения характеризующего засоленные почвы. В понижениях, межгрядных западинах встречались обычно или колки или травяные болотца, характеризованные выше и нигде солончаки.

Вскипание в почвах дернисто-луговой подзоны, по данным П. Н. Крылова колеблется от 60 см. до 150 см.

При наблюдении растительных группировок дернисто-луговой подзоны даже теми субъективными методами, которые применяли в годы исследования Бийской степи, нельзя не обратить внимания на то явление, что далеко не всегда участки степи с одним и тем же % степных форм представляют близкие друг к другу сообщества. Во многих случаях, конечно, это так, ибо % степных форм до известной степени указывает на известный режим окружающих условий, но нередко мы имеем как раз обратные явления. В этом смысле очень интересные факты можно наблюдать в Бийской степи.

Если мы взглянем на прилагаемую картину и рассмотрим районы со степистостью ниже 37% т. е., следовательно, дернисто-луговую подзону, то в западной ее части мы увидим неправильной, бисквитообразной формы остров с более пониженной степистостью, а именно от 10 до 15%. Этот остров окружен дернисто-луговой подзоной со степистостью выше 15%, постепенно падающей по периферии до соприкосновения с лесной областью, с суходольно березовой зоной. Ландшафты этого „острова“, общий характер его растительности довольно хорошо будут видны из таких отрывков из дневников: „Около Лосихи... Обширные березовые лески... Был прежде сосновый бор“...

„Между Лосихой—Бобровкой—Петровкой... Многочисленные березовые колки представляют остатки более обширных лесов... Степистость слабая... Луга имеют лесной характер“.

„Между Голубцовой и Инюшевой и Малой Повалихой. Лесной характер начинает преобладать, березовые колки более часты... На северных склонах сплошные березняки. Около Инюшевой хороший бе-

резовой лесс... По словам крестьян раньше лесу было больше и лес был крупнее, были и бора.. Почвы лесные, вскипание 120 см.*. „Между Повалихой и Красиловой... Тот же характер... На северных склонах сплошные березовые леса“.

„Между Жилиной и Косихой.. Тот же лесной характер... Близ Косихи в березняке сосна! Луга имеют лесной характер... Около 10% степных форм. Почвы светлые, песчаные“.

„Между Косихой и Полковниковой... Местность более волнистая. Тот же лесной характер, березовые колки... Лесные луга по виду, но степняков больше (18%)“..

„Между Полковниковой и Верх-Бобровкой... Местность холмистая. Больше число березовых колков и болотистых низин“..

„Вообще по всему району (наш „остров“) от Залесихи и до В. Бобровки открытые пространства под пашнями очевидно расчищены из под березового леса... Черноземных почв здесь нет.. Незначительное число степняков конечно переселенцы“...¹⁾

Получается яркая картина обширных пространств с лесными лугами, с остатками березовых и даже сосновых лесов... с „светлыми“ и „лесными“ почвами, пространств в значительной степени распаханых, одним словом картина территории недавно вышедшей из под леса.

За исключением двух мест где наш „остров“ близко подходит к суходольно-березовой подзоне, превращаясь таким образом почти в „перешеек“, мы имеем вокруг него типичный ландшафт дернисто-луговой подзоны, уже ранее описанный. Так:

„Между Кытмановой и Лосихой.. Местность открытая, почти безлесная.. Степной характер... но близ Лосихи появляются березовые колки“... Между Сорокиной и Верх Камышной... Лесистость слабая.. в понижениях... Удивительная смесь степных и лесных форм (28%²⁾).

Не следует думать, однако, что все различие между растительными сообществами этого „перешейка“ с пониженной степистостью и остальными участками дернисто-луговой подзоны заключается только в меньшем % степных форм. В местах, где дернисто-луговая п/зона переходит в суходольно-березовую, где степь соприкасается с зоной лесных лугов, мы имеем участки дернисто-луговой п/зоны с тем же % степных форм—10—15% как и в „перешейке“, но в тоже время имеем хорошо сложившееся сообщество слабо степного луга... В сообществах дернисто-луговой п/зоны Барабинской степи мы не имеем пестрой, случайной смеси глубоко лесных форм со степными даже при сравнительно малой степистости (13%)

Глубоко-лесные формы остались в лесной области, место в них соответствии с климатическим режимом занимают эти 13% степных форм...

Одним словом, мы имеем сложившееся, б. или м. устойчивое сообщество явившееся результатом длительной борьбы, длительного процесса приспособления друг к другу и б. и м. установившимся условиям среды, отдельных индивидуумов сообщества. Подобную же картину мы наблюдаем и в других частях дернисто-луговой п/зоны Бийской степи за пределами рассматриваемого сейчас „острова“ с пониженной степистостью... В нем наблюдается иная картина... При общем внешнем виде густотравного лесного луга. с остатками таких лесных

¹⁾ Цитируем по записям П. Н. Крылова 1911 и 1903 год.

²⁾ Крылов там-же.

форм как *Carex pediformis*, *Pteridium aquilinum*, *Verbascum Thapsus*, *Antennaria dioica*, *Brunella vulgaris*, *Dianthus superbus*, *Orobus vernus*, *Nepeta Glechoma* и некот. других мы встречаем здесь совершенно чуждые сообществу *Filipendula hexapetala*, *Medicago falcata*, *Peucedanum officinale*, *Campanula sibirica*, *Artemisia campestris*, *Artemisia glauca*, *Ag. Dracunculus*, *A. macrantha*, *Galatella punctata* и др. Травостой густой и высокий... Таким образом, подобные ассоциации ни в какой мере не напоминают нам ассоциаций нормальной дернисто-луговой подзоны с той же степистостью..., ассоциаций, где степные формы являются необходимой составной частью сложившегося сообщества, а не случайными пришельцами, „переселенцами“, только еще пытающимися внедриться в пока еще чуждую им группировку. Пестрота растительного покрова, странная смесь глубоко лесных и степных форм говорит, по нашему мнению, за то, что местность эта совсем недавно вышла из-под леса, уничтоженного культурой.. За это же говорят и многочисленные указания населения на имевшие в прежнее время гораздо большее распространение леса, на это же указывает и лесной характер оподзоленных почв и присутствие отдельных изолированных крупных деревьев—сосен, берез... В отличие от типичной степи с небольшим процентом, правда, степных форм (до 15%), но в то же время представляющей собой вполне сложившуюся ассоциацию, можно назвать такую степь, вместе с Б. Н. Городковым „ложной степью“.

Итак, в западной части Бийской степи мы имеем „остров“ или почти „перешеек“ слабо степистого пространства, недавно вышедшего из-под леса и как бы соединяющего два мощных лесных массива: Салаирский кряж с его черневой тайгой и Верх Обский бор с его глупо-лесным характером и болотными массивами в центре.

Попытаемся сделать теперь фитогеографический анализ дернисто-луговой подзоны, чтобы впоследствии, при окончательных обобщениях, воспользоваться некоторыми из этих аналитических данных.

Всего в дернисто-луговой подзоне зарегистрировано 194 вида, (в соответствующей п/зоне Барабы—268 видов).

Эта цифра получена из обследования 16 участков, каждый размером около 500 м². Из этих 194 видов, константных для этой подзоны, т. е. встречающихся не менее, чем на 75% участков, мы имеем 25 видов.

<i>Polygonatum officinale</i> All.	<i>Veronica Teucrium</i> L.
* <i>Adonis vernalis</i> L.	<i>Epilobium angustifolium</i> L.
<i>Thalictrum minus</i> L.	* <i>Libanotis montana</i> All.
<i>Th. simplex</i> L.	* <i>Peucedanum officinale</i> L.
* <i>Filipendula hexapetala</i> Gilib.	<i>Plantago media</i> L.
* <i>Fragaria collina</i> Ehrh.	v. <i>Urvilleana</i> Rap.
<i>Sanguisorba officinalis</i> L.	<i>Galium verum</i> L.
* <i>Medicago falcata</i> L.	<i>G. boreale</i> L.
<i>Lathyrus humilis</i> Fisch.	* <i>Artemisia campestris</i> L.
<i>Orobus lathyroides</i> L.	* <i>A. Dracunculus</i> L.
<i>Trifolium Lupinaster</i> L.	<i>Achillea Millefolium</i> L.
<i>Dracocephalum nutans</i> L.	<i>Hypochaeris maculata</i> L.
<i>Phlomis tuberosa</i> L.	<i>Solidago Virga aurea</i> L.

Если мы обратимся теперь к % степных форм, то таковой для общего количества видов этой подзоны будет 24% (47 видов), для константных же видов—32%.

И та и другая цифра соответствует данной Крыловым для дернисто-луговой подзоны—1—40%; средний же процент, найденный Крыловым для дернисто-луговой подзоны Барабинской степи, равен 25%, то же очень близко к нашей цифре.

Видов, встречающихся только в дернисто-луговой подзоне нашей степи и не заходящих в смежные подзоны, мы имеем 77. Из них ни одного вида, принадлежащего к списку константных для этой подзоны

Если сравнивать дернисто-луговую подзону Бийской степи с той же подзоной Барабинской, что чрезвычайно важно для конечных предположений о происхождении растительности Бийской степи, мы обнаруживаем следующие любопытные данные: из числа 77 видов, свойственных только дернисто-луговой подзоне нашей степи, мы не встречаем в соответствующей подзоне Барабинской степи (шире сказать— в Барабинско-Кулудинской степи) **22 вида**. Часть из них мы находим в соседних подзонах; так, в лесной области Барабинской степи мы находим из числа этих видов 7:

o Rumex Acetosella L.	o Verbascum Thapsus L.
o Spiraea media Schmidt.	o Dianthus Superbus L.
o Myosotis intermedia Link.	o Pteridium aquilinum L.
o Brunella vulgaris L.	

В подзонах более степистых два вида:

* Berteroa incana D. E.	* Spiraea crenifolia C. A. Mey.

Совершенно не указываются Крыловым в Барабинской степи, ни в дернисто-луговой подзоне, ни в непосредственно примыкающих к ней подзонах следующие 13 видов:

o Antennaria dioica Gärtn.	o Astragalus glycyphylus L.
o Equisetum sylvaticum L.	o Heracleum dissetum Ledd.
o Carex pediformis C. A. Mey.	o Plantago media L. v. typica.
o Polygonum aviculare L.	Neslia paniculata Desv.
o Orobus vernus L.	Primula cortusoides L.
o Nepeta Glechoma Benth.	Anthemis tinctoria L.
o Euphorbia lutescens. C. A. Mey.	

Из форм, свойственных не исключительно только дернисто-луговой подзоне, но константных для нее, в Барабе не указан совершенно *Lathyrus humilis* C. A. Mey.

В этих перечнях растений обращает на себя внимание значительное количество лесных¹⁾ форм—14, не редко глубоко-лесных, как *Antennaria dioica*, *Equisetum sylvaticum* и некоторые другие, не встречающиеся совершенно в районе Барабинской степи... Это обстоятельство стоит в связи с затронутым выше вопросом об „островах“ с пониженной степистостью и заставляет думать об ином генезисе Бийской степи, нежели степи западно-сибирской низменности.

Продолжим теперь дальнейшее сравнение растительности дернисто-луговой подзоны обеих степей.

¹⁾ Отмеченные кружком.

Если мы обратимся к выяснению степени встречаемости¹⁾ константных для нашей подзоны форм Бийской степи в Барабинской. то и здесь имеем резкие расхождения:

	Бийская степь	Барабинская степь
<i>Orobus lathyroides</i> L.	87	5
<i>Polygonatum officinale</i> All	87	5
<i>Thalictrum minus</i> L.	80	9
* <i>Medicago falcata</i> L.	30	26
* <i>Adonis vernalis</i> L.	75	32
* <i>Artemisia Dracunculus</i> L. . . .	87	38
* <i>Art. campestris</i> L.	75	48

и целый ряд других видов, где это расхождение не так резко выражено.

С другой стороны чрезвычайно обыкновенные, константные формы дернисто-луговой подзоны Барабы у нас встречаются значительно реже:

	Барабинская степь	Бийская степь
<i>Vicia Cracca</i> L.	100	20
<i>Lathyrus pratensis</i> L.	100	20
* <i>Artemisia pontica</i> L.	100	30
* <i>A. laifolia</i> Ledb.	99	30
<i>Serratula coronata</i> L.	100	35
<i>Hieracium umbellatum</i> L. . . .	100	35
* <i>Galatella punctata</i> Lindl	100	37
<i>Filipendula Ulmaria</i> Maxim. . .	100	47

Заключивая фитогеографический анализ дернисто-луговой подзоны, мы в итоге отметим следующие моменты сравнительно с Барабинской степью:

- 1) Больше количество лесных форм;
- 2) наличие своих собственных форм;
- 3) иное соотношенис видов в смысле константности;
- 4) значительная обедненность видового состава.

¹⁾ В ‰ ко всему количеству обследованных участков.

4. Разнотравно-луговая подзона.

Разнотравно-луговая подзона занимает восточное пятно (ядро) на фоне Бийской степи. Она является крайним выражением степистости для рассматриваемого района. Процент степных форм здесь колеблется от 37 до 60% (до 67% на южных склонах), что отвечает, примерно, характеристике, даваемой этой подзоне Крыловым. Этот остров (пятно, ядро) разнотравно-луговой подзоны имеет форму треугольника с сильно округленными углами, с вершиной, обращенной на север, с наибольшим поперечником около 45 верст.

Для характеристики этого острова с повышенной степистостью, точно также, приведем выдержки из дневника: „...10 июля 23 г., не доезжая с. Яминского¹⁾, колки редуют, особенно на север и северо-запад. Степистость заметно повышается. Процент степных форм на участке на гриве, оказался равен 54%, несколько далее, в 5 вер. не доезжая с. Яминского, на юго-западном склоне поднялся до 67%, при чем были отмечены *Seseli Hippomarathrum* L., *Thymus Marschallianus* Will., *Centaurea sibirica*, L., *Hieracium virosum* Pall., *Statice speciosa* L., *Artemisia glauca* Pall... По характеру и общему тону растительности видно, что на запад и северо-запад простирается разнотравно-луговая подзона... Выгоны у деревни серые от массы *Artemisia glauca* Pall., *Ar. frigida* Willd. чего ранее не наблюдалось“.

1903 г.—„Между Чесноковкой и Бочкаревой... Местность менее холмистая... Лесу здесь совсем нет... Степные луга, на южных склонах степистость выше. Почвы „черноземные“ (Крылов).

1923 г. ...„Между Мартыновским и Тогулом на гривах идут степные луга с *Artemisia glauca*, *Medicago falcata*, *Libanotis montana*, *Peucedanum officinale*, *Adonis vernalis*, у дороги по бокам все время в большом количестве *Lavatera thuringiaca* L.“...

Для характеристики плакорных участков разнотравно-луговой подзоны приведем полностью список растений на одном из участков.

Участок № 19. Между Горновой и Яминской (в 17 вер. от первой), степной луг (в виде узкой полосы между дорогой и полем) на равнине, 4 июля 1915 г.

* <i>Filipendula hexapetala</i> Gilib.	<i>Veronica spicata</i> L.
<i>Iris ruthenica</i> Ait.	* <i>Adonis vernalis</i> L.
<i>Peucedanum officinale</i> L.	* <i>Campanula bononiensis</i> L.
<i>Rumex Acetosa</i> L.	<i>Hieracium umbellatum</i> L.
<i>Achillea Millefolium</i> L.	<i>Thalictrum minus</i> L.
<i>Galium verum</i> L.	* <i>Statice speciosa</i> L.
* <i>Eryngium planum</i> L.	<i>Solidago Virga aurea</i> L.
<i>Plantago media</i> L., var. <i>Urvilleana</i>	<i>Orobanchis lathyroides</i> L.
Rap.	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> L.
<i>Vicia megalotropis</i> Ledeb.	* <i>Seseli Hippomarathrum</i> L.
* <i>Onosma simplicissimum</i> L.	<i>Potentilla argentea</i> L.
<i>Euphrasia officinalis</i> L.	* <i>Aster altaicus</i> Willd.
<i>Tragopogon orientalis</i>	<i>Anagallidium dichotomum</i> Gaer.
* <i>Libanotis montana</i> L.	<i>Orobanchis coerulescens</i> ?
<i>Dianthus Seguieri</i> vill.	* <i>Silene chlorantha</i> Ehrh.
* <i>Medicago falcata</i> L.	* <i>Fragaria collina</i> Ehrh.
* <i>Onobrychis sativa</i> Lam.	* <i>Potentilla opaciformis</i> Th Wolf.
<i>Phlomis tuberosa</i> L.	<i>Viola arenaria</i> D. C.

¹⁾ Подъезжаем с юга.

* <i>Allium nutans</i> L.	* <i>Calamagrostis epigejos</i> Roth.
* <i>Gypsophila altissima</i> L.	* <i>Agropyrum Gmelini</i> Kryl
* <i>Pulsatilla patens</i> Mill.	* <i>Campanula sibirica</i> L.
* <i>Lathyrus humilis</i> Fisch.	* <i>Artemisia glauca</i> Pall.
* <i>Thalictrum simplex</i> L.	* <i>A. latifolia</i> Ledb.
* <i>Rosa acicularis</i> Lindl.	* <i>A. scoparia</i> Waldst.
* <i>Potentilla viscosa</i> Dor.	* <i>A. Dracunculus</i> L.
* <i>Stipa capillata</i> L.	* <i>A. campestris</i> L.
* <i>St. pennata sens. ampl</i>	* <i>A. Sacrorum</i> Ledb.
* <i>Koeleria gracilis</i> Pers.	Всего 55 видов, из них 54,5%
степных.
* <i>Poa pratensis</i> L.	

Ввиду того, что все степистое ядро представляется сильно волнистым, степные луга редко располагаются на гривах, обычно распахиваемых, а большею частью на склонах. Если мы имеем дело с южными склонами, то степистость сильно возрастает, доходя до 70%. Так, например, на склоне в 6-ти верстах от Тогула, мы встретили: *Stipa pennata sens. ampl.*, *St. capillata*, *Festuca sulcata* (?), *Koeleria gracilis*, *Stachys speciosa*, *Thymus Marschallianus* Vill. и некоторые другие степняки. На северных склонах степистость естественно падает, приближая степь к типу дернисто-луговой подзоны.

Колки встречаются редко, в глубоких межгривных понижениях, нередко сопровождаясь болотистыми низинками, с обычной густотравной растительностью суходольно-березовой подзоны.

Нигде солончаков или солонцов не наблюдалось.

Вскипание почв здесь наблюдалось: между В. Шубенским и Яминским 118 см. (почвы темные), между Яминской и Мартыновой вскипание 40 см., между Чесноковкой и Бочкаревой „почвы черноземные“ *). Так что, повидимому, в плакорных условиях и на степных склонах мы имеем здесь дело с разностями черноземных почв.

Данные фитогеографического анализа разнотравно-луговой подзоны Бийской степи представляются нам в таком виде: общее количество видов 154, из них константных 29, т.е. 19%.

Степных форм всего 68, но отношение к общему количеству видов около 44%, а процент степных форм из числа константных — 65,5%. В разнотравно-луговой подзоне Барабы всего видов 254, из них 50% степных.

Список константных видов разнотравно-луговой подзоны: *

* <i>Stipa pennata</i> L.	* <i>Veronica spicata</i> L.
* <i>Phleum Boehmeri</i> Wib.	* <i>Eryngium planum</i> L.
* <i>Calamagrostis epigejos</i> Roth.	* <i>Libanotis montana</i> All.
* <i>Rumex Acetosa</i> L.	* <i>Peucedanum officinale</i> L.
* <i>Gypsophila altissima</i> L.	* <i>Plantago media</i> L. var. <i>Urvilleana</i>
Rap.
* <i>Adonis vernalis</i> L.	* <i>Galium verum</i> L.
* <i>Thalictrum minus</i> L.	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> L.
* <i>Filipendula hexapetala</i> Gilib.	* <i>Campanula sibirica</i> L.
* <i>Fragaria collina</i> Ehrh.	* <i>Artemisia campestris</i> L.
* <i>Potentilla opaciformis</i> Th. Wolf.	* <i>Art. Dracunculus</i> L.
* <i>P. viscosa</i> Don.	* <i>A. glauca</i> Pall.
* <i>Medicago falcata</i> L.	* <i>A. sacrorum</i> Ledb.
* <i>Onobrychis sativa</i> Lam.	* <i>A. scoparia</i> Waldst.
* <i>Vicia megalotropis</i> Ledb.	* <i>Achillea Millefolium</i> L.
* <i>Phlomis tuberosa</i> L.	

*) Все эти данные о почвах из дневника П. Н. Крылова.

Все константные формы, общие с формами разнотравно-луговой подзоны Барабинской степи. Только в пределах разнотравно-луговой подзоны Бийской степи и не заходящих в соседние подзоны мы имеем 36 видов, из них 24 вида мы находим в разнотравно-луговой подзоне Барабинской степи.

Шесть видов, а именно:

<i>Alyssum alpestre</i> L.	<i>Astragalus stenoceras</i> C. A. Mey.
<i>Umbilicus spinosus</i> D. C.	<i>Onosma echioides</i> L.
<i>Cotoneaster vulgaris</i> Lindl.	<i>Phelipaea lanuginosa</i> C. A. Mey.

мы встречаем в более степистых подзонах Барабинской степи и три вида: *Viola hirta*, *Gnaphalium sylvaticum* L. и *Bromus inermis* в менее степистых. Совершенно не встречается в Барабинской степи из числа 36 видов, свойственных разнотравно-луговой подзоне, всего лишь два вида: *Koeleria* sp., *Plantago leptostachys* Ledb.

Даже в разнотравно-луговой подзоне мы имеем здесь проникновение таких глубоко-лесных форм как *Viola hirta*, *Gnaphalium sylvaticum*.

Проследим теперь степень константности наших константных форм разнотравно-луговой подзоны для соответствующей подзоны Барабинской степи.

	Бийской степи	Барабинской степи
* <i>Adonis vernalis</i> L.	100*)	44*)
<i>Thalictrum minus</i> L.	100	65
* <i>Peucedanum officinale</i> L.	90	58
* <i>Artemisia campestris</i> L.	100	63
* <i>Art. scoparia</i> Waldst.	70	12
* <i>Potentilla viscosa</i> Don.	70	28
<i>Vicia megalotropis</i> Ledb.	70	12

И обратно, ряд очень распространенных в Барабинской разнотравно-луговой подзоне видов, у нас встречается значительно реже.

	Барабинская степь	Бийская степь
<i>Artemisia sericea</i> Veb.	75	10
<i>Galatella Hauptii</i> Lindl.	71	0
<i>Salvia dumetorum</i> Andrz.	72	0
<i>Verbascum phoeniceum</i> L.	46	0
<i>Spiraea crenifolia</i> C. A. Mey.	38	6
<i>Jurinea linearifolia</i> DC.	12	0

Резюмируем результаты и этого фитогеографического анализа сравнительно с разнотравно-луговой подзоной Барабинской степи.

1) По видовому составу можно констатировать значительное сходство.

2) Своеобразных форм почти не имеется.

3) Характер константности сильно отличается.

4) Значительная обедненность видового состава в Бийской степи.

Для уяснения некоторых вопросов, связанных с генезисом Бийской степи, нам необходимо будет остановиться несколько подробнее на прилегающих к ней не степных растительных подзонах: суходольно-березовой и суходольно-хвойной.

5. Суходольно-березовая подзона.

Это вариант зоны лиственно-лесной Крылова, в провинции Средне-Сибирского плоскогорья. Суходольно-березовая подзона прилегает с

*) В 0/0.

севера, северо-востока и востока к Бийской степи в виде неширокой полосы, шириной от 7 до 25 верст, другой своей стороной примыкающей к таежному массиву Салаирского кряжа.

Кроме того, суходольно-березовая подзона примыкает к степи еще с юго-востока и отчасти востока, отделяя от степи боровой массив Верх-Обского бора. Таким образом, только на юге и северо-востоке отсутствует эта подзона. Вообще, следовательно, она представляется двумя неширокими полосами, имеющими, грубо говоря, направление с северо-запада на юго-восток, окаймляющими Бийскую степь с двух противоположных концов ее.

Растительность этой подзоны характеризуется редкими и разреженными березовыми лесами, нередко паркового характера, с крупными деревьями и пышными суходольно-лесными лугами с нередкой *Samolus Trachelium* L. (в восточной части района). В березняках, делающихся по мере приближения к тайге все гуще, а ближе к степи имеющих, наоборот, светлый, парковый характер, мы находим такие формы:

<i>Bupleurum aureum</i> Fisch.	<i>Pulmonaria mollissima</i> Kern.
<i>Crepis sibirica</i> L.	<i>Conioselinum Fischeri</i> Wimm A. Grab.
<i>Pteridium aquilinum</i> Kuhn.	<i>Heracleum dissectum</i> Ledb.
<i>Athyrium Filix femina</i> Roth.	<i>Polemonium coeruleum</i> L.
<i>Matteuccia Struthiopteris</i> Tod.	<i>Thalictrum minus</i> L.
<i>Vicia sylvatica</i> L.	<i>Th. simplex</i> L.
<i>V. tenuifolia</i> Roth.	<i>Geranium pratense</i> L.
<i>Lathyrus pratensis</i> L.	<i>Viola uniflora</i> L.
<i>Geranium sylvaticum</i> L.	<i>Euphorbia lutescens</i> C. A. Mey.
<i>Trollius asiaticus</i> L.	
<i>Medicago platycarpa</i> Ledb.	

и представители еще оставшегося таежного высокотравья:

<i>Alfredia cernua</i> Cass.	<i>Cacalia hastata</i> L.
<i>Archangelica decurrens</i> Ledb.	<i>Cirsium heterophyllum</i> All.
<i>Festuca Gigantea</i> Vill.	<i>Aconitum septentrionale</i> Kölle.

Суходольно-лесные луга на обширных пространствах между березняками являют нам очень красочную картину. Приведем целиком один из списков, характеризующих такой луг:

<i>Bromus inermis</i> Leyss.	<i>Chrysanthemum Leucanthemum</i> L.
<i>Crepis praemorsa</i> Tausen.	<i>Agrimonia pilosa</i> Ledb.
<i>Senecio erucifolius</i> L.	<i>Equisetum sylvaticum</i> L.
<i>Silene inflata</i> Smith.	<i>Trifolium pratense</i> L.
<i>Gnaphalium sylvaticum</i> L.	<i>T. repens</i> L.
<i>Pedicularis resupinata</i> L.	<i>Euphrasia officinalis</i> L.
<i>P. uncinata</i> Steph.	<i>Dactylis glomerata</i> L.
<i>Brachypodium pinnatum</i> P. B.	<i>Inula salicina</i> L.
<i>Vicia Cracca</i> L.	<i>Orobus luteus</i> L.
<i>V. megalotropis</i> Ledb.	<i>Lathyrus pratensis</i> L.
<i>Brunella vulgaris</i> L.	<i>Vicia sylvatica</i> L.
<i>Parmica impatiens</i> D. C.	<i>Stellaria graminea</i> L.
<i>Achillea Millefolium</i> L.	<i>Filipendula Ulmaria</i> Maxim.
<i>Carum carvi</i> L.	<i>Euphorbia lutescens</i> C. A. Mey.
<i>Thalictrum minus</i> L.	<i>Cirsium arvense</i> Scop.
<i>Th. simplex</i> L.	<i>Aconitum villosum</i> .
<i>Bupleurum aureum</i> Fisch.	<i>A. septentrionale</i> Kölle.
<i>Carlina vulgaris</i> L.	<i>Solidago Virga aurea</i> L.

<i>Festuca pratensis</i> Huds.	<i>Geranium pratense</i> L.
<i>Phleum pratense</i> L.	<i>Hypochaeris maculata</i> L.
<i>Aegopodium Podagraria</i> L.	<i>Angelica sylvestris</i> L.
<i>Hieracium umbellatum</i> L.	<i>Rhinanthus Crista galli</i> L.
<i>Epilobium angustifolium</i> L.	<i>Cerastium vulgatum</i> L.
<i>Galium boreale</i> L.	<i>Crepis sibirica</i> L.
<i>Parnassia palustris</i> L.	<i>Tanacetum vulgare</i> L.
<i>Campanula Cervicaria</i> L.	<i>Erigeron acris</i> L.
<i>Cirsium heterophyllum</i> All.	<i>Artemisia vulgaris</i> L.
<i>Listera ovata</i> R. Br.	<i>Vicia sepium</i> L.
<i>Orchis maculata</i> L.	<i>Agrostis alba</i> L.
<i>Gymnadenia conopsea</i> R. Br.	<i>Calamagrostis epigejos</i> Roth.
<i>Orobanche</i> sp.	<i>Veratrum nigrum</i> .
<i>Veronica longifolia</i> L.	<i>Ranunculus polyanthemus</i> L.
<i>Lilium Martagon</i> L.	<i>Trollius asiaticus</i> L.
<i>Pteridium aquilinum</i> Kuhn.	<i>Taraxacum officinale</i> Wigg.

Необходимо заметить, что на участках этой подзоны, примыкающих к дернисто луговой по зоне, еще довольно далеко встречаются степняки, особенно у дорог и, наоборот, в частях, прилегающих к тайге, на луга выходит много чисто таежных форм. Вообще нужно сказать, что глубоко-лесные формы доходят часто до самой дернисто-луговой подзоны.

Несколько выписок из дневников хорошо характеризуют изменение растительности по мере удаления от степной зоны к лесной при пересечении суходольно-березовой подзоны.

„от с. Тогул к Тогульскому зимовью 10 июля 1923 г. Тогул окружен склонами, почти безлесными, с остатками вырубленных крупных березников. Травянистая растительность имеет более густотравный и высокотравный характер со значительно меньшим количеством степняков, чем непосредственно перед Тогулом (с юга). Рельеф становится более ясно выраженным—холмисто-волнистым. За Тогулом, по склонам, появляются значительные березовые леса. Между Тогулом и переправой через рч. Уксунай, на гриве березовый лес с *Pteridium aquilinum*, *Prunus Padus*, *Viburnum Opulus*, *Crataegus sanguinea* и *Populus tremula*. Дальше идут лесные луга с *Cacalia hastata*, *Anthriscus sylvestris*, *Solidago Virga aurea*, *Medicago platycarpa*, *Campanula Trachelium* и друг., но все еще встречается у дороги *Artemisia Dracunculus*. Открытые пространства с лесными лугами заканчиваются только у д. Макрушинской, откуда до Тогульского зимовья идет уже разреженная черневая тайга с высокотравием по обоим сторонам дороги“. Мы намеренно привели подробно эту выписку, так как этот район все более заселяется, леса вырубаются и, может быть, через некоторый срок описанных нами здесь лесов уже не будет.

П. Н. Крылов, пересекая в 1911 году суходольно-березовую зону между Залесовой и Хмелевкой, пишет так:

„Местность сильно волнистая, довольно открытая, с редкими березовыми колками. Нередко присутствие толстых березовых пней. Лесные луга. Степной элемент почти отсутствует.

Приведенных выписок вполне достаточно для характеристики суходольно-березовой подзоны и нам кажется, что мы не сделаем ошибки, если будем ее рассматривать как площадь, совсем недавно вышедшую,

под влиянием человека, из-под леса (быть может, даже из-под тайги)¹⁾ и носящую на себе, в виде таежного высокотравия, печать своего происхождения.

Салаирская Черневая тайга.

По Крылову ее следует отнести к суходольно-хвойной подзоне лесной области.

Л. Ф. Ревердатто²⁾ так определяет Черневую тайгу: „Черневая тайга характеризуется: смешанным характером древесной растительности из различных хвойных и лиственных пород, очень слабым развитием мохового покрова, иногда совершенно отсутствующего в наиболее типичной черни, напр. по р. Кондоме, присутствием реликтовых форм (плиоценовая флора) и более сухими почвами...“

Древесная растительность, образующая черневые леса, состоит главным образом из пихты, ели, кедра, осины, березы и кустарников“...

Кроме обычной лесной растительности в черни нередко встречаются:

x <i>Aspidium Filix mas</i> Sw.	x <i>Astragalus glycyphylus</i> L.
x <i>Driopteris spinulosa</i> O. Ktze.	x <i>Epilobium montanum</i> L.
x <i>Polystichum Braunii</i> Fée.	x <i>Circaea Lutetiana</i> L.
x <i>Festuca gigantea</i> Vill.	<i>Orobanche alsatica</i> Kirsch.
x <i>F. sylvatica</i> Vill.	x <i>Campanula Trachelium</i> L.
<i>Allium Victoralis</i> L.	

На открытых местах развивается буйное таежное высокотравие.

Не будем останавливаться подробнее на характеристике черни. Все сказанное выше полностью относится и к Салаирской черневой тайге. Отмеченные крестиками формы являются реликтами связанными с распространёнными здесь в плиоцене широколиственными лесами с соответствующей травянистой флорой. И сейчас мы имеем остатки этих лесов в виде Липового лесного острова в системе р. Кондомы (приток р. Томи) и в системе рч. Тогула, берущего начало в Салаирском кряже³⁾.

Этот Липовый остров в верховьях рч. Тогула является, таким образом, как бы вкрапленным в Салаирскую чернь.

Верх-Обский боровой массив.

О растительности этого борового массива известно очень мало... В 1913 году он был очень спешно посещен мною и Л. Ф. Ревердатто во время поездки на, находящееся в центре бора, озеро Байдон... Самая поверхностная характеристика его такова: глубоко-лесной характер растительности. . Очень разнообразные боровые ассоциации, в зависимости от условий местообитания: *Pinetum herbosum*, *Pinetum vacciniosum* и друг. Нахождение массы форм характерных для настоящих северных боров... Обилие обширных, мощных гипновых (и едва ли даже не сфагновых) болот, обилие озерами, речками и общий сыррой

¹⁾ См. Ревердатто В. В. Луговая растительность дол. р. Томи.

²⁾ См. Л. Ф. Ревердатто. Очерк растительности юго-восточной части Томской губернии.

³⁾ См. работу П. Н. Крылова: „Липа на предгорьях Кузнецкого-Алатау“, Л. Ф. Ревердатто „К вопросу о судьбе липового острова в Кузнецком Алатау“.

характер бора... Из особо-интересных растений отметим, найденную лесничим Мольденгауэром и нами, *Salvinia patans* на озере Байдон и, не редкое в травянистом бору, *Astragalus Glycyphyllus*.

Повторяем, посещение бора было лишь случайное, проездом и было бы крайне интересно детально исследовать этот сырой боровой массив.

Доисторическое распространение лесов в Бийской степи.

Сопоставляя приведенные выше нами данные о бывшем распространении лесов, т. е. описания старинных путешественников, распросные сведения у населения, остатки лесов, в виде отдельных деревьев (сосны) и вырубленных пней, а так же принимая во внимание своеобразную комбинацию лесных и степных форм, на что в своем месте уже указывалось, в острове с пониженной стенистостью, мы не можем не придти к твердому убеждению, что прежде леса в Бийской степи имели значительно более широкое распространение.

Не будем слишком смелым утверждением, если мы скажем, что, не раз уже нами упоминавшийся, остров или „перешеек“ с пониженной степистостью и своеобразной „ложной степью“ уже в историческое время вышел из-под леса, а в прошлом был подлинным лесным перешейком, как бы мостом, переброшенным от одного лесного массива—Салаирской черни к другому—Верх-Обскому бору... этот соединительный лесной массив, с очертаниями в ширину примерно совпадающими с очертаниями нашего „острова“, представлял собой вероятно отчасти сосновый бор (остатки сосны, опесчаненные почвы), а от части, быть может, сюда заходила у д. Тундрихи и Ворониной, через д. Залесову, окраина Салаирской черни.

Этот лесной массив, залегавший на повышенном водоразделе, являлся местом начала целой системы речек, впадавших в р. Чумыш и в р. Обь. (рч. рч. Повалиха, Черемшанка, Чесноковка, Б.-Лосиха и др.).

Не повторяя доказательств бывшего существования этого леса, доказательств уже приведенных при описании дернисто-луговой подзоны, мы только обратим внимание еще на одно интересное обстоятельство. Мы уже указывали на характерную черту черневой тайги, на присутствие в ней реликтовых форм... В Верх-Обском бору нами указывался уже *Astragalus Glycyphyllus*, тоже являющийся несомненным реликтом, и можно думать, что при тщательном исследовании растительности Верх-Обского бора, возможно нахождение еще некоторых реликтовых форм, свойственных черневой тайге... (В Барнауле, в земельном управлении нас уверяли, что на речке Петровке, пересекающей Верх-Обский бор, имеется липа! Это сведение хотелось бы проверить. Но, даже и без липы). Присутствие реликтов в Верх-Обском бору очень интересно и может быть объяснено существованием связи между Салаирской чернью и Верх-Обским бором в виде некогда существовавшего лесного перешейка.

Дальнейшее представление о бывшем распространении лесов рисуется нам таким образом: суходольно-березовая подзона представляла собой сплошные березовые леса, местами с примесью хвойных пород (пихта); черневые леса частью заходили в теперешнюю суходольно-березовую подзону по горам, речкам и северным склонам. Дернисто-луговая подзона представлялась, точно так же, более облесненной, при чем леса—березовые колки—приурочивались к понижениям и северным склонам... Степистость не облесненных мест, на

гривах и южных склонах, вряд ли отличалась значительно от современной, ибо по открытым пространствам существовала прямая связь с центральным степным, разнотравно-луговым ядром, и тогда существовавшим в виде безлесной степи...

Теперь интересно поставить вопрос: какие же еще возможны дальнейшие изменения растительности Бийской степи в развитие действия факторов, обусловленных лесоистреблением? Обратимся на некоторое время к климатическим данным.

Рассматривая современное распределение климатических элементов в Бийской степи, мы сразу должны обратить внимание на распределение осадков... Изогиета в 500 м.м. годовых, грубо совпадает с границей лесной области (отклонение близ долины р. Бии обуславливается, вероятно, влиянием влажного Восточно-Алтайского центра, находящегося выход по долине Бии), и, таким образом, главная масса степи характеризуется осадками около 400 м.м. Но, тут имеются два особенных момента: 1) изолированное пятно Верх-Обского борового массива с замкнутой изогией 7 550 м.м. (Иткульский завод 572 м.м.) и 2) Язык с меньшим количеством осадков (350 м.м.) со стороны Кулундинской степи...

Говоря о большом количестве осадков над Верх-Обским бором, мы должны вспомнить приведенную нами характеристику растительности этого лесного массива с его многочисленными замшелными болотами и озерами и, в целом, влажным характером... Мы имеем здесь как-бы сколок, „реликт“ более северных, обильных осадками местностей лесной области... Годовая температура Иткульского завода $+1,2^{\circ}$, в то время как в соседнем Бийске она $+1,8^{\circ}$.

Таким образом здесь, в бору, созданся какой-то особой климат, не свойственный всюду окружающим его степным пространствам, как со стороны Бийской степи, так и со стороны Кулундинской степи, находящейся непосредственно за Обью...

Мощный боровой массив, около 90 верст длины и 50 в. ширины играет, определенно, роль влагособирателя, питающего целую сеть речек и озер. Объяснить какими-либо другими причинами такое значительное увеличение количества осадков (почти на 150 м.м. в год), нам кажется, невозможно. Какие же условия благоприятствовали возникновению этого влагособирательного массива? Нам кажется, что те обширные, дюнного характера, пески аллювиального происхождения, на которых развился сосновый бор, были в свое время (в послеледниковый период) в одинаковых климатических условиях с окружающими степями. Но эдафические факторы благоприятствовали заселению их сосной, в то время как на остальном пространстве современной Бийской степи развивалась, отчасти степная, отчасти березово-лесная растительность, как это мы увидим ниже... Сосна, поселившаяся на песках, и нашедшая здесь благоприятные условия существования, постепенно создавала и свои климатические условия приведшие, в конце концов, к развитию современных растительных боровых ассоциаций. Несомненно, как мы это уже указывали выше, площадь борового массива была значительно больше, заходя, быть может, в современный „ложно-степной“ остров.

Таким образом между мощным боровым массивом Верх-Обского бора с одной стороны и с другой Салаирской чернью, оставался весьма неширокий перешеек, образовавший соединительный лесной массив, о котором говорилось выше, и к которому с юго-востока примыкала Бийская лесостепь, а с северо-запада Причумышские степи...

Положение изогеты 350 м.м рисуется в виде языка, простирающегося из-за Чумыша и врезающегося в Бийскую степь по направлению к центральному степному ядру... Если бы имелись достаточные метеорологические данные, например наблюдения из с. Яминского, мы убеждены, что смогли бы протянуть этот язык, с уменьшенным количеством осадков, до самого разнотравно-лугово-степного ядра. В с. Сорокино мы имеем 310 м.м. осадков, в Верх-Чумышском (близ устья р. Чумыша) 319 м.м., в Медведском—346 м.м.

Таким образом этот язык, с уменьшенным количеством осадков, врезается в Бийскую степь, принося с собой сухое дыхание хорошо выраженных степей левобережья р. Оби из разнотравно-луговой и даже ковыльно-кипцовой подзоны. В то же самое время мы видим, что этот язык налегает на „остров“ с пониженной степистостью, для которого нормальное количество осадков должно было бы быть, в наших температурных условиях, 450—500 м.м.! Здесь мы, очевидно, наблюдаем воздействие определенных климатических условий на почвы и растительность, образовавшиеся при совершенно ином режиме осадков! Воздействие начавшее иметь место вследствие бывшего и продолжающегося ныне вмешательства культуры, упорно, путем истребления леса и распахивания пространств, подвергающего территорию бывшего лесного перешейка иному климатическому режиму...

Конечно, результаты этого воздействия на почвы скажутся еще очень не скоро. Почвенные процессы—это длительные процессы. Но растительность реагирует скорее и мы уже имели внедрение степных элементов на обезлесенные пространства. Внедрение сначала робкое, случайное—„ложные степи“... Но ведь, проникающая сюда степная растительность все же находит соответствующие климатические условия (изогита 350) и, надо полагать, в процессе длительной борьбы с коренными лесными элементами, должна взять верх, ибо для лесных форм новый режим не является благоприятным, а возвращению старого режима препятствует лесоистребление и друг. биотические факторы. Таким образом, можно ожидать, что из „ложной степи“, с случайным степным элементом, мы получим истинную дернисто-луговую подзону лесостепной зоны с ее ассоциациями, сложившимися в процессе взаимного приспособления к друг другу и факторам окружающей среды.

Теперь на почвообразовательный процесс, помимо уже ранее начавшего воздействия фактора—уменьшенного количества осадков, будет воздействовать и другой фактор—изменившийся растительный покров, что может в еще большей степени содействовать эволюции почвенного типа.

Очень интересно поставить вопрос: а что случилось бы, если-бы Верх-Обский боровой массив был истреблен нацело? Вырублен, сожжен и т. д. Обычный путь возобновления боров в этом районе это зарастание вырубки и гарей березовыми и осиновыми лесами, с одновременным сильным внедрением степного элемента.

Нам бы казалось, что с истреблением лесного массива в целом, и дальнейшей поддержки этого лесоистребления, роль этого лесного массива, как мощного влагособиранителя, окончилась бы, а через территорию бывшего массива прошла бы изогита соседних районов! Что могло бы препятствовать этому? Рельеф мало отличается от окружающего! Далее, на основе нивелировки климатических условий, началось бы энергичное внедрение степных элементов и новая совокуп-

ность факторов породила бы и новые растительные ассоциации, соответствующие новому режиму.

Мы достаточно долго и подробно остановились на недавних, сравнительно, моментах истории Бийской степи, в ее более молодых частях... Теперь остановимся на вопросах собственно происхождения Бийской степи и истории развития ее флоры.

9. Происхождение степной растительности Бийской степи.

Как мы уже указывали в главе „Геология“, основная масса отложений, покрывающих территорию Бийской степи, является молодыми, четвертичными отложениями. В общих чертах геологическая история Бийской степи, за последние, мгущие нас интересовать, геологические периоды, мало чем отличается от истории Западно-Сибирской низменности, с которой она, в геологическом смысле, должна представлять одно целое.

„Опустившиеся по сбросовым трещинам периферические части Алтая... ровно как и Кузнецкого Алатау, подверглись в течение третичного времени, если не абразии, то во всяком случае энергичному смыву, превратившему их в почти равнину“. *) „В это же время (в миоцене и плиоцене) по берегам прилегавшей суши существовала и развивалась роскошная растительность, носившая характер субтропической, но затем, к концу плиоцена, сменившаяся флорой, свидетельствующей о наступлении более суровых климатических условий“. **) Мы полагаем, что соответствующая растительность имела место в миоцене и плиоцене в Салаирском кряже и на Алтае... Остатками этой растительности в настоящее время нужно считать реликтовую флору Липового острова в Кузнецком Алатау и ископаемые находки на Бухтарме и около Томска. Что собой представляла в миоцене и плиоцене территория собственно Бийской степи, сказать трудно, т. к. никаких данных не имеется.

Как мы уже сказали, начиная с плиоцена, установившийся более суровый климат, поведший впоследствии к оледенению, был одной из главных причин замены прежней, субтропического типа растительности новым, все более и более приближающимся к современной растительности лесных областей Северной Азии. С севера надвигалась флора типа хвойной тайги со всей сопутствующей ей растительностью. Эта флора вытеснила плиоценовую флору, сохранившуюся лишь в немногих местах.

К началу постплиоцена, по предположению Гранё (цитирую по Эдельштейну), в крайней юго-восточной части Западно-Сибирской равнины, полерек междуречья современных Оби и Иртыша, тянулись цепи озер... Возможно, что подобные озера имели место и в районе Бийской степи и к их отложениям относится, указываемый Поленовым галечник, являющийся самыми нижними слоями постплиоцена. „Вслед затем наступает ледниковый период. В нагорном Алтае в это время развивается интенсивное оледенение. Вытекавшие из ледников мощные пороки имели громадные количества флювио-гляциального материала, который они отлагали в многочисленных озерах усеивавших равнину у северной подошвы Алтая* **) Бийская степь в то время представляла, повидимому, часть обширного озера, в которое изливались ледниковые воды Алтая.

*) Эдельштейн. См. список литературы.

По окончании оледенения, когда главные массы воды ледникового пресноводного моря-озера схлынули на север, началось „перераспределение гидрографической сети в смысле ее приближения к современному состоянию.. В более южных районах, в силу изменения климатических условий, в широком масштабе проявляются процессы ветрового развевания и накопления...“¹⁾ Озерно-речные отложения Бийской степи всюду прикрыты мощными отложениями лессовидных суглинков, которые ряд авторов склонен относить к лессам.

Время отложения лессов неопределенно. Некоторые авторы, по нахождению в лессах остатков и палеолитических орудий, склонны отнести начало его образования к ледниковому периоду.

Проф. С. С. Неуструев пишет: В период отложения лессов (в начале ледникового времени) сформировались плато или поверхность равнины Зап. Сибири, речные русла не были в нее тогда врезаны: по флювиоглациальной гипотезе здесь был один обширный водный бассейн, где отлагалась ледниковая муть, по золотовой—пустынно-степная равнина, которая не прорезывалась почти вовсе потоками, которые были слабы. Современные долины рек врезаны в ранее отложенную сплошную пелену лессовидных пород. Но поверхность этой пелены в следующий момент подвергается размыву: в случае флювиоглациального происхождения лессов по сокращении ледниковых потоков поверхность отложенных лессовидных пород начинает обсыхать, появилась возможность более быстрого стока вод и размыва. По золотовой гипотезе—сухой период сменяется влажным и начинается эрозия золотых осадков и прекращается приток пыли...“²⁾ Таких чередований периодов отложения лесса и периодов эрозионных процессов насчитывается несколько в зависимости от колебаний климата и тектонических явлений. С. С. Неуструев насчитывает 5 циклов эрозии, несколько не совпадающих с циклами Гранэ.

Начиная с влажного климата доледниковой эпохи и до влажного климата современной, С. С. Неуструев считает два промежуточных сухих периода.

Если признать флювиоглациальную гипотезу, то растительность развивалась в периоды обсыхания и, вероятно, это была мезофитная растительность из соседних лесных районов. Если же признать золотовую гипотезу, то, все время, с момента выхода из ледникового бассейна суши, одновременно с процессом отложения лесса, существовала сильно ксерофитная растительность пустынных степей, а в периоды влажные она приобретала более пышный мезофитный характер. Так, или иначе, мы должны признать периоды более энергичного гумусообразования. И в самом деле: в обрывах лессов, прорезаемых Обью, геологом А. М. Кузьминым отмечен ряд гумусовых горизонтов.

Б. К. Поленов, говоря о береговых разрезах Чумыша, указывает под слоем „тонкого желтого суглинка“... „2) гумусовый горизонт, постепенно переходящий вверх в суглинок № 1, а книзу в 3) желтый или красноватый неслоистый суглинок с остатками *Elephas primigenius*, *Bos latifrons* и др.“.

Не будут ли эти гумусовые горизонты своего рода „погребенными“ почвами?

¹⁾ Эдельштейн.

²⁾ С. С. Неуструев. К вопросу об изучении послетретичных отложений Сибири. Почвоведение № 3, 1925 г.

Так или иначе, повидимому, нужно отнести образование Бийской степи, как степного пространства, к первой ледниковой эпохе, когда, с одной стороны—флювио-гляциальные отложения выполняли неровности палеозойского рельефа, а с другой лессы уже стали возвышаться достаточно над ледниковым озером. К этому же времени относится, вероятно, и образование дюнных песков Верх-Обского бора, вероятно, составлявших окраину пресноводного ледникового озера.

Площадь занятая степями, вероятно, не оставалась постоянной и колебалась, уменьшаясь во влажные периоды, когда спускались в степь леса с Салаира и увеличиваясь в сухие периоды. Повидимому, только центральное ядро степи все время оставалось степью.

В современный период, более влажный, нежели предыдущий, мы, в нормальных условиях, должны были бы иметь большее распространение лесов, чем имеем, примерно в размере, указанном нами ранее, но могучий фактор человеческой культуры делает сдвиг в сторону большего остепнения пространств, которые по климатическим условиям этого геологического момента должны бы быть под лесом.

Теперь нам остается еще ответить на вопрос о происхождении степных элементов флоры Бийской степи и ее некоторых особенностях, сравнительно с соседними степями.

Как выше было уже указано, мы имеем в Бийской степи только две подзоны Барабинской, именно: дернисто-луговую и разнотравно-луговую. Приведем сопоставления некоторых данных по обоим степям.

	Бийская степь	Барабинская
Всего видов	239	461
Видов в двух подзонах	239	336
Из них степных	75	130
Средн. % степных форм в обоих подзонах .	31,3%	38,7%

Малый % степных форм свидетельствует о еще не сложившихся степных ассоциациях большей территории степи.

Из 239 видов, константных для всей степи, т. е. встречающихся в 75% обследованных участков (всего участков 26), будет 20 видов:

<i>Polygonatum officinale</i> L.	<i>Libanotis montana</i> All.
<i>Gypsophila altissima</i> L.	<i>Peucedanum officinale</i> L.
<i>Adonis vernalis</i> L.	<i>Plantago media</i> L.
<i>Thalictrum minus</i> L.	v. <i>Urvilleana</i> Rap.
<i>Filipendula hexapetala</i> Gilib.	<i>Galium verum</i> L.
<i>Fragaria collina</i> Ehrh.	<i>Campanula sibirica</i> L.
<i>Sanguisorba officinalis</i> L.	<i>Artemisia campestris</i> L.
<i>Medicago falcata</i> L.	<i>A. Dracunculus</i> L.
<i>Orobus lathyroides</i> L.	<i>Achillea Millefolium</i> L.
<i>Phlomis tuberosa</i> L.	<i>Solidago Virga aurea</i> L.
<i>Eryngium planum</i> L.	

Все они встречаются в Барабинской степи. Следовательно мы можем сказать, что основной флористический элемент, слагающий ассоциации Бийской степи, является общим с Барабинской степью.

Из общего числа, 239 видов, свойственно только Бийской степи, т. е. не встречается ни в одной из подзон Барабинской, 19 видов, т. е. около 8%. Это будут следующие виды:

<i>Antennaria dioica</i> Gärtn.	<i>Koeleria</i> sp.
<i>Carex pediformis</i> C. A. Mey.	<i>Primula cortusoides</i> L.
<i>Equisetum sylvaticum</i> L.	<i>Lathyrus humilis</i> Fisch.
<i>Polygonum aviculare</i> L.	<i>Euphorbia lutescens</i> C. A. Mey.
<i>Orobus vernus</i> L.	<i>Aulocospermum anomalum</i> Ledb.
<i>Nepeta Glechoma</i> Benth.	<i>Heracleum dissectum</i> Ledb.
<i>Neslia paniculata</i> Desv.	<i>Potentilla fragarioides</i> L.
<i>Anthemis tinctoria</i> L.	<i>Chorispora sibirica</i> DC.
<i>Plantago media</i> L.	<i>Astragalus glycyphyllus</i> L.
v. <i>typica</i> .	<i>Plantago leptostachys</i> Ledb.

Кроме этого еще встречается 7 видов свойственных лесной области, прилегающей к Барабе, и указанных при анализе подзон.

Просматривая список этих видов, мы видим, что часть их лесные формы, часть сорняки, но на некоторых растениях интересно остановится подробнее.

Astragalus glycyphyllus L.—Европейский вид, у нас реликт.

Euphorbia lutescens C. A. Mey.—Алтайско-Саянский, горно-лесной вид.

Aulocospermum anomalum Ledb.—Алтайско-Саянский вид.

Heracleum dissectum Ledb.—Восточно-Сибирский вид.

Potentilla fragarioides L.—Восточно-Сибирский вид.

Chorispora sibirica D. C. Горно-азиатский вид.

Plantago leptostachys Ledb.—Эндемично-Алтайский вид.

Таким образом, мы видим здесь ряд особенных флористических элементов накладывающих некоторый отпечаток на флору Бийской степи и отражающих ее восточное, по отношению к Барабе, положение и непосредственное примыкание к горным странам. Характерно, что ни одна из перечисленных восточных или Алтайских форм отнюдь не является „горным ксерофитом“.

Если мы просмотрим степные формы встречающиеся в Бийской степи, то среди них мы не найдем ни одного растения, которого не нашлось бы в Барабинско-Кулундинской степи... Такие формы как *Verbascum phoeniceum*, *Thymus Marschallianus*, *Centaurea sibirica* имеют здесь восточную границу, не встречаясь уже в Минусинских степях, а тут единично.

Каких-либо зашедших с Алтая степняков, столь распространенных в горных долинах и ограничивающихся Алтаем и его предгорьем мы здесь не встречаем не смотря на широко открытый путь переселения „нагорных ксерофитов“ с Алтая в Бийскую степь через, прямо в последнюю упирающуюся, долину р. Катунь.

Таким образом, самый факт бедности флоры Бийской степи степными элементами и общность их на 100% со степными элементами Барабинско-Кулундинской степи убеждает нас в том, что заселение Бийской степи, первых ее обсохнувших после ледникового „потопа“ территорий, началось с запада... Препятствия к этому заселению в виде боров и лесных перешейков, возникших почти одновременно, а быть может и несколько раньше, во влажный период, затрудняли проникновение степных элементов с запада, что объясняет малое разнообразие степных форм.

Представить себе обратную картину, т. е. заселение степняками Бийской степи с Алтая, через долину Катуня, потом движение этих степняков на запад, невозможно, так как в этом случае масса разнообразных степняков осталась бы на пути переселения в Бийской степи и она была бы гораздо богаче по видовому составу.

Несомненно, что разнотравно-луговое ядро степи является наиболее древним участком степи, с которого, вероятно, и началось заселение степи степными элементами. Временами, во влажные периоды, в моменты большего развития лесной растительности, возможно, что это степное ядро играло роль хранителя немногих остающихся степняков, опять расселявшихся при наступлении более сухого периода.

В настоящий момент остепнение идет уже за счет лесоистребления и освобожденные лесные пространства опять заселяются степняками, как из старого центра, так и из прилегающих степных пространств сообщающихся с бесконечным резервом степной флоры—степями Западно-Сибирской равнины.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. 8°. Th III. (1738—1740).
2. Костров. Путешествие великого князя Владимира Александровича 1818 г. Томск.
3. Helmersen. Reise nach dem Altaj. 1834 г.
4. Radloff. Aus sibirien. Leipzig 1884.
5. Крылов П. Н. Липа на предгорьях Кузнецкого Алатау. Томск 1891 г.
6. Выдрин и Ростовский. Материалы по исследованию почв Алтайского Округа. Барнаул 1899 г.
7. Вознесенский А. В. и Шостакович В. Е. Основные данные для изучения климата Восточной Сибири. Иркутск 1913 г.
8. Поленов Б. К. Геологическое описание западного половины 15-го листа IX ряда десятиверстной карты Томской губ. (листы Ажинка—Томский завод). Труды геологической части б. кабинета Е. И. В. т. VIII в. 2. Петроград 1915 г.
9. Granë J. G. Les form du relief dans l'Altai russe et leur genese. Fennia 40 № 2.
10. Гранё О ледниковом периоде в Русском Алтае Изв. Зап. Сиб. отд. Р. Г. О. с. 1—12.
11. Крашенинников И. М. Киргизские степи как объект ботанико-географического анализа и синтеза. Изв. Главн. Бот. Сада. Р. С. Ф. С. Р. т. XXII вып. 1.
12. Крылов П. Н. Очерк растительности Сибири. Томск. 1919 г.
13. Борисяк. А. Геологический очерк Сибири. Петроград 1923 г.
14. Ревердатто Л. Ф. Очерк растительности юго-восточной части Томской губернии. Известия Томск. Университета 1923 г.
15. Ревердатто В. В. Луговая растительность долины р. Томи. Изв. Томск. Ун-та. т. 74. 1924 г.
16. Ревердатто Л. Ф. К вопросу о судьбе Липового острова в Кузнецком Алатау. Изв. Томск. Университета т. 75. 1925 г.
17. Неуструев. С. С. К вопросу об изучении послетретичных отложений Сибири. Почвоведение № 3, 1925 г.
18. Эдельштейн. Я. С. Геологический очерк Западно-Сибирской равнины. Изв. Зап. Сиб. отд. Р. Г. О. т. V. 1925—26 г.
19. Дудецкий В. Д. Климатологическое описание и опыт районирования черноземной полосы Западной и Средней Сибири. Изв. Зап. Сиб. отдела Р. Г. О. т. V. 1925—26 года.

СПИСОК

РАСТЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В БИЙСКОЙ СТЕПИ.

№№ по рядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лу- гов. п/зона	Разнотравно- луг. п/зона	
1	<i>Pteridium aquilinum</i> Kuhn.	1	—	
2	<i>Equisetum pratense</i> Ehrh.	1	—	
3	<i>E. sylvaticum</i> L.	1	—	
4	<i>Setaria viridis</i> P. B.	1	—	
5	* <i>Stipa pennata</i> L.	5	8	
6	* <i>S. capillata</i> L.	—	4	
7	<i>Phleum pratense</i> L.	3	—	
7	<i>Ph. Boehmeri</i> Wibel.	9	7	
9	<i>Agrostis alba</i> L.	4	—	
10	<i>Calamagrostis epigejos</i> Roth.	4	7	
11	<i>Koeleria</i> sp.	—	1	
12	* <i>Koeleria gracilis</i> Pers	1	5	
13	<i>Dactylis glomerata</i> L.	8	3	
14	<i>Poa pratensis</i> L.	5	6	
15	* <i>P. attenuata</i> Trin	—	2	
16	<i>P. nemoralis</i> L.	1	—	
17	* <i>Festuca sulcata</i> sens ampl.	—	3	
18	<i>Festuca pratensis</i> Huds.	5	—	
19	<i>Avena pubescens</i> L.	8	4	
20	* <i>A. desertorum</i> Less	—	1	
21	<i>Bromus inermis</i> Leyss	—	3	
22	<i>Brachypodium pinnatum</i> P. B.	1	—	
23	<i>Agropyrum repens</i> P. B.	2	2	
24	<i>A. caninum</i> R. (L) et. Sch.	1	—	
25	* <i>A. Gmelini</i> Kryl.	—	2	
26	<i>Elymus sibiricus</i> L.	—	1	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг. п/зоне	
27	<i>Carex supina</i> Wahl. (?)	1	—	
28	<i>Carex pediformis</i> C. A. Mey.	1	—	
29	* <i>C. praecox</i> Schreb	4	—	
30	<i>Lusula campestris</i> D. C.	2	—	
31	<i>Allium lineare</i> L.	5	2	
32	* <i>A. clathratum</i> Ledb	—	1	
33	* <i>A. nutans</i> L.	1	4	
34	* <i>Asparagus officinalis</i> L.	—	2	
35	<i>Polygonatum officinale</i> All.	14	5	
36	<i>P. humile</i> Fisch	1	—	
37	<i>Lilium Martagon</i> L.	9	—	
38	<i>Veratrum nigrum</i> L.	2	1	
39	<i>Iris ruthenica</i> Ait	11	5	
40	* <i>Iris flavissima</i> Pall.	—	1	
41	* <i>Thesium refractum</i> C. A. Mey.	7	5	
42	<i>Rumex crispus</i> L.	2	—	
43	<i>R. Acetosa</i> L.	8	9	
44	<i>R. Acetosella</i> L.	1	—	
45	<i>Polygonum alpinum</i> All.	2	—	
46	<i>P. aviculare</i> L.	2	—	
47	* <i>Eurotia ceratoides</i> C. A. Mey.	—	3	
48	<i>Axyris amarantoides</i> L.	1	—	
49	<i>Cerastium vulgatum</i> L.	2	—	
50	<i>Dianthus Seguieri</i> Vill	6	4	
51	<i>D. superbus</i> L.	2	—	
52	* <i>Gypsophila altissima</i> L.	11	8	
53	<i>Lychnis pratensis</i> Spreng.	4	—	
54	<i>Silene nutans</i> L.	8	1	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг. п/зоне	
55	<i>S. repens</i> Patr.	2	—	
56	<i>S. viscosa</i> Pers	—	—	
57	* <i>S. Otites</i> Sm.	—	1	
58	* <i>S. chlorantha</i> Ehrh.	2	2	
59	<i>S. inflata</i> Smith	2	—	
60	<i>Stellaria graminea</i> L.	7	1	
61	<i>Aconitum villosum</i> Reich.	2	—	
62	* <i>Adonis vernalis</i> L.	2	10	
63	<i>Anemone sylvestris</i> L.	9	2	
64	<i>Delphinium elatum</i> L.	9	5	
65	* <i>Paeonia intermedia</i> C. A. Mey.	—	1	
66	<i>Pulsatilla patens</i> Mill	11	5	
67	<i>Ranunculus polyanthemos</i> L.	11	—	
68	<i>Thalictrum minus</i> L.	13	10	
69	<i>Th. simplex</i> L.	13	4	
70	<i>Trollius asiaticus</i> L.	1	—	
71	* <i>Alyssum alpestre</i> L.	—	2	
72	* <i>A. minimum</i> Willd	—	1	
73	<i>Arabis hirsuta</i> Scop.	1	—	
74	* <i>Berteroa incana</i> D. C.	1	—	
75	<i>Camelina microcarpa</i> Andrz	—	—	
76	<i>Chorispora sibirica</i> D. C.	—	—	
77	* <i>Erysimum hieracifolium</i> L.	2	3	
78	<i>Neslia paniculata</i> Desv.	2	—	
79	<i>Turritis glabra</i> L.	5	—	
80	<i>Sedum purpureum</i> Link	2	—	
81	* <i>Umbilicus spinosus</i> DC.	—	1	
82	<i>Agrimonia pilosa</i> Ledb.	6	3	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечания
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг. п/зоне	
83	<i>Cotoneaster vulgaris</i> Lindl	—	1	
84	<i>Filipendula Ulmaria</i> Maxim	7	3	
85	* <i>F. hexapetala</i> Gilib	16	7	
86	* <i>Fragaria collina</i> Ehrh.	13	8	
87	<i>Geum strictum</i> Ait.	7	4	
88	<i>Potentilla argentea</i> L.	11	6	
89	* <i>P. approximata</i> Bge	1	1	
90	* <i>P. bifurca</i> L.	1	2	
91	<i>P. chrysantha</i> Trev.	5	1	
92	* <i>P. fragellaris</i> Willd.	2	2	
93	<i>P. flagarioides</i> L.	10	1	
94	* <i>T. opaciformis</i> Th. Wolf.	3	10	
95	* <i>P. sibirica</i> Th. Wolf.	2	4	
96	* <i>Potentilla viscosa</i> Don.	2	7	
97	<i>Rosa acicularis</i> Lindl	4	1	
98	<i>R. cinnamomea</i> L.	2	2	
99	<i>Rubus saxatilis</i> L.	11	2	
100	<i>Sanguisorba officinalis</i> L.	15	6	
101	* <i>Spiraea crenifolia</i> C. A. Mey.	1	—	
102	<i>Sp. media</i> Schmidt	1	—	
103	<i>Astragalus hypoglottis</i> L.	10	3	
104	<i>As. glycyphyllus</i> L.	1	—	
105	* <i>A. stenoceras</i> C. A. Mey.	—	2	
106	* <i>A. testiculatus</i> Pall.	—	2	
107	* <i>Medicago falcata</i> L.	13	9	
108	<i>Melilotus albus</i> Desr	—	—	
109	<i>M. officinalis</i> Desr	—	—	
110	<i>Lathyrus humilis</i> Fisch.	12	2	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг. п/зоне	
111	<i>L. pratensis</i> L.	4	—	
112	<i>L. pisiformis</i> L.	9	—	
113	* <i>Onobrychis sativa</i> Lam.	9	7	
114	<i>Orobus lathyroides</i> L.	14	5	
115	<i>O. vernus</i> L.	2	—	
116	<i>Trifolium Lupinaster</i> L.	12	5	
117	<i>T. pratense</i> L.	8	2	
118	<i>T. repens</i> L.	4	1	
119	* <i>Vicia amoena</i> Fisch.	9	4	
120	<i>V. Cracca</i> L.	3	1	
121	<i>V. megalotropis</i> Ledb.	5	8	
122	<i>V. sepium</i> L.	2	—	
123	<i>V. tenuifolia</i> Roth.	2	—	
124	<i>Geranium pratense</i> L.	5	1	
125	<i>G. pseudosibiricum</i> J. Mey.	5	—	
126	<i>G. sylvaticum</i> L.	1	—	
127	<i>G. sibiricum</i> L.	—	1	
128	<i>Polygala comosa</i> Schk.	11	3	
129	<i>Euphorbia Esula</i> L.	4	—	
130	<i>E. lutescens</i> C. A. Mey.	4	—	
131	<i>Androsace septentrionalis</i> L.	7	5	
132	<i>A. maxima</i> L.	—	—	
133	<i>Primula cortusoides</i> L.	1	—	
134	<i>Convolvulus arvensis</i> L.	—	1	
135	<i>Myosotis intermedia</i> Link	1	—	
135	<i>M. sylvatica</i> Hoffm.	6	—	
137	* <i>Lithospermum officinale</i> L.	5	4	
138	* <i>Onosma simplicissimum</i> L.	—	5	

№№ по райку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лу- гов. п/зоне	Разнотравно- луг. п/зоне	
139	* <i>O. echioides</i> L.	—	1	
140	<i>Pulmonaria mollissima</i> Kern.	6	—	
141	<i>Brunella vulgaris</i> L.	3	—	
142	<i>Dracocephalum nutans</i> L.	12	2	
143	<i>D. Ruychiana</i> L.	5	1	
144	<i>Nepeta Glechoma</i> Benth.	1	—	
145	* <i>N. nuda</i> L.	2	1	
146	<i>Origanum vulgare</i> L.	11	3	
147	<i>Phlomis tuberosa</i> L.	16	7	
148	<i>Scutellaria scordiifolia</i> Fisch.	—	—	
149	* <i>Thymus Marschallianus</i> Willd	—	3	
150	<i>Euphrasia officinalis</i> L.	5	1	
151	<i>Linaria vulgaris</i> Mill	3	—	
152	<i>Odontites rubra</i> Pers.	3	—	
153	<i>Pedicularis comosa</i> L.	9	1	
154	<i>Rhinanthus Crista galli</i> L.	1	1	
155	<i>Verbascum Thapsus</i> L.	2	—	
156	* <i>V. phoeniceum</i> L.	2	—	
157	* <i>Veronica incana</i> L.	—	5	
158	<i>V. spicata</i> L.	7	8	
159	<i>V. Theucium</i> L.	13	4	
160	* <i>Phelipaea lanuginosa</i> C. A. Mey.	—	3	
161	<i>Lavatera thuringiaca</i> L.	1	1	
162	* <i>Hypericum elegans</i> Steph.	2	1	
163	<i>H. perforatum</i> L.	7	1	
164	<i>Viola arenaria</i> D. C.	5	3	
165	<i>V. canina</i> L.	2	—	
166	<i>V. hirta</i> L.	—	1	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг. п/зоне	
167	* <i>V. pratensis</i> Mert et. Koch. . . .	4	—	
168	<i>Epilobium angustifolium</i> L. . . .	12	1	
169	<i>Angelica sylvestris</i> L.	1	—	
170	<i>Aulacospermum anomalum</i> Ledb.	1	1	
171	<i>Bupleurum aureum</i> Fisch.	1	—	
172	<i>Carum Carvi</i> L.	5	—	
173	<i>Cnidium venosum</i> Koch.	1	—	
174	* <i>Eryngium planum</i> L.	10	10	
175	<i>Heracleum dissectum</i> Ledb. . . .	4	—	
176	* <i>Libanotis montana</i> All.	16	10	
177	* <i>Peucedanum officinale</i> L.	14	9	
178	<i>Pleurospermum uralense</i> Hoffm.	2	—	
179	<i>Pimpinella Saxifraga</i> L.	1	—	
180	* <i>Seseli Hippomarathrum</i> L. . . .	—	5.	
181	* <i>Statice speciosa</i> L.	—	4	
182	<i>Anagallidium dichotomum</i> Gries.	—	2	
183	<i>Gentiana Pneumonanthe</i> L. . . .	1	—	
184	<i>G. macrophylla</i> Pall.	1	1	
185	<i>Plantago major</i> L.	3	1	
186	<i>Pl. media</i> L. v. <i>typica</i>	2	—	
187	<i>Pl. media</i> L. v. <i>Urvilleana</i> Rap.	13	7	
188	* <i>Pl. leptostachys</i> Ledb.	—	1	
189	<i>Galium verum</i> L.	15	7	
190	<i>G. boreale</i> L.	14	1	
191	* <i>Valeriana dubia</i> Bge	7	—	
192	* <i>Scabiosa ochroleuca</i> L.	2	7	
193	* <i>Campanula bononiensis</i> L. . . .	7	5	
194	<i>C. glomerata</i> L.	4	—	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг п/зоне	
195	* <i>Campanula sibirica</i> L.	10	9	
196	* <i>C. Steveni</i> M. a. Bieb.	7	1	
197	* <i>Aster altaicus</i> Willd.	—	5	
198	* <i>Artemisia campestris</i> L.	12	10	
199	* <i>A. sericea</i> Web.	1	1	
200	* <i>A. Dracunculus</i> L.	14	7	
201	* <i>A. frigida</i> Willd.	—	1	
202	* <i>A. glauca</i> Pall.	8	10	
203	* <i>A. latifolia</i> Ledb.	5	3	
204	* <i>A. macrantha</i> Ledb.	1	1	
205	* <i>A. pontica</i> L.	5	—	
206	* <i>A. sacrorum</i> Ledb.	9	9	
207	* <i>A. scoparia</i> Waldst.	1	7	
208	<i>A. Sieversiana</i> Willd.	1	—	
209	<i>A. vulgaris</i> L.	10	1	
210	<i>Achillea Millefolium</i> L.	15	8	
211	<i>Antennaria dioica</i> Gärth.	2	—	
212	<i>Anthemis tinctoria</i> L.	2	—	
213	<i>Crepis sibirica</i> L.	6	1	
214	<i>C. praemorsa</i> Tausch.	6	—	
215	<i>C. tectorum</i> L.	3	1	
216	<i>Centaurea Scabiosa</i> L.	4	1	
217	* <i>C. sibirica</i> L.	—	1	
218	<i>Chrysanthemum Leucanthemum</i> L.	4	1	
219	<i>Carduus nutans</i> L.	—	1	
220	<i>Cirsium heterophyllum</i> All.	2	—	
221	<i>Erigeron acris</i> L.	3	5	
222	* <i>Galatella punctata</i> Lindl.	6	1	

№№ по порядку	Название растений	Количество участков, на которых встречаются данные растения в		Примечание
		Дернисто-лугов. п/зоне	Разнотравно-луг. п/зоне	
223	<i>Gnaphalium sylvaticum</i> L.	—	1	
224	<i>Hieracium umbellatum</i> L.	6	5	
225	* <i>H. echioides</i> Wald. et Kit.	1	1	
226	* <i>H. virosum</i> Pall.	—	2	
227	<i>Hypochaeris maculata</i> L.	12	1	
228	<i>Inula salicina</i> L.	10	1	
229	<i>Ligularia glauca</i> O. Hoffm.	6	2	
230	<i>Picris hieracioides</i> L.	1	1	
231	<i>Serratula coronata</i> L.	6	—	
232	<i>Senecio erucifolius</i> L.	5	3	
233	<i>S. Jacobaea</i> L.	10	2	
234	* <i>S. campestris</i> D. C.	6	1	
235	<i>Solidago Virga aurea</i> L.	13	6	
236	<i>Sonchus arvensis</i> L.	1	—	
237	<i>Tanacetum vulgare</i> L.	3	—	
238	<i>Taraxacum officinale</i> Wigg.	10	3	
239	<i>Tragopogon orientalis</i> L.	10	4	
Всего видов		194	154	
% степных форм		24%	44%	
Константных форм.		25	29	
Видов, встречающихся исключительно в данной подзоне.		77	36	

Указатель к сибирским изданиям в работе Н. М. Лисовского.

„Русская периодическая печать 1703—1900 г.г.“.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Н. В. Здобнов—в статье своей „Современное состояние и задачи урало-сибирской библиографии“, помещенной в журнале „Северная Азия“ 1925 г., Книга 1—2, стр. 119—говорит: „Урало-сибирские повременные издания до 1901 г. зарегистрированы в известном труде Н. М. Лисовского „Русская периодическая печать“, но за отсутствием географического указателя пользоваться этим трудом почти невозможно“.

В апреле месяце 1926 г., попутно для своей работы, этот указатель к упомянутому труду Н. М. Лисовского мною был составлен. Кроме географического указателя, приведен еще алфавитный указатель периодических изданий Сибири, зарегистрированных в „Русской периодической печати 1703—1900 г.г.“, с обозначением года начала издания.

К Сибири же отнесены мною города зауральские: Екатеринбург, Ирбит; а также смежных с Сибирью стран Манчжурии и Китая, из дальневосточных: Порт-Артур, Харбин; кроме того—Ханькоу, где издавались русские газеты (Как делал в своей библиографии В. И. Межов).

Наконец, следует отметить издававшиеся в Спб.—„Восточное Обозрение“ с „Сибирским Сборником“ и газету „Сибирь“, посвященную интересам всей Сибири и сопредельных с нею местностей, издававш. с 1897 г. К. П. Михайловым, помеченную у Лисовского под № 2603.

В труде Лисовского издания описаны по старой орфографии.

Всего приведено 95 названий сибирской периодической печати, из них издавались, по убывающей шкале:

В Иркутске—17, Томске—13, Екатеринбурге—09, Омске—09, Владивостоке, Красноярске, Тобольске—по 07, Благовещенске, Кяхте, Чите—по 03, Верном, Хабаровске и Якутске—по 02, в Барнауле, Ирбите, Кургане, Никольске-Уссурийском, Порт-Артуре, Семипалатинске, Тюмени и Ханькоу—по 01.

Цифры справа, в конце описания издания, означают №№, под которыми они значатся в труде Лисовского.

24/iv 1926.

Г. Томск.

А. Милютин.

Указатель географических названий.

	Б.	Е.
Барнаул. 2523.		Екатеринбург. 1180, 1365, 1809,
Благовещенск. 2393, 2395, 2695.		1859, 2110, 2614, 2671, 2686, 2784.
	В.	И.
Верный. 1059, 1725.		Ирбит. 766.
Владивосток. 1613, 1934, 2174,		Иркутск. 531, 560, 635, 775, 794,
2627, 2722, 2791, 2832.		819, 1033, 1167, 1524, 1537, 1814,
		1817, 1842, 1988, 1989, 2043, 2608.

- К. Красноярск. 559, 1830, 2010-а. б. в. г., 2409, 2512. Курган. 2448. Кяхта. 729, 730, 2542.
- Н. Никольск-Уссурийский. 2844.
- О. Омск. 1095-а-б, 1367, 1695, 1945, 2273, 2336, 2375, 2694.
- П. Пермь. 2110. Порт-Артур. 2751.
- С. С.-Петербург. 1537. 2603. Семипалатинск. 1096.
- Т. Тобольск. 82, 97, 561, 1604, 2140, 2234, 2339. Томск. 562, 1450, 1515, 1770, 1852, 1883, 1990, 2020, 2080, 2171, 2379, 2601, 2714. Тюмень. 2602.
- Х. Хабаровск. 2392, 2455. Ханькоу. 2446.
- Ч. Чита. 862, 2483, 2880.
- Я. Якутск. 1921, 2225.

Алфавитный указатель названий периодических изданий Сибири.

- А. „Акмолинские Областные Ведомости“. 1871. Омск. 1095. „Амур“. Газета Восточной Сибири. 1861—1862. Иркутск. 635-б. „Амур“. Ежедневное издание. 1860. Иркутск. 635-а. „Амурская Газета“. Политический, общественный и литературный орган. 1895 (с июля). Благовещенск. 2395. „Амурский Край“. Газета литературная и политическая. 1899. Благовещенск. 2695.
- Б. „Байкал“. Ежедневная газета. 1897. Кяхта. 2542. „Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей“. 1793. Тобольск. 97.
- В. „Вестник Золотопрмышленности и горного дела вообще“. 1892. Томск. 2171. „Владивосток“. Ежеднев. литературно-общественная газета. 1883 (с 17 апр.). Владивосток. 1613. „Владивостокский Листок Объявлений“. 1900. Владивосток. 2791.
- „Восточное Обозрение“. Газета литературная и политическая. 1882. Спб.—Иркутск (с 1888 г.) 1537. „Восточный Вестник“. Газета общественная и литературная. 1898. Владивосток. 2627.
- Д. „Дальний Восток“. Газета, посвященная интересам Приамурского края. 1892. Владивосток. 2174. „Деловой Корреспондент“. Газета справок и публикаций. 1886. Екатеринбург. 1809. „Дорожник по Сибири и Азиатской России“. 1899. Томск. 2714.
- Е. „Ежегодник Тобольского Губернского Музея“. 1893. Тобольск. 2234. „Екатеринбургская Неделя“. Газета политическая и литературная. 1879. Екатеринбург. 1365. „Екатеринбургские Епархиальные Ведомости“. 1886. Екатеринбург. 1859. „Енисей“. Политическо-общественная и литературная газета. 1894. Красноярск. 2010-г. и 2409.

„Енисейские Губернские Ведомости“. 1857. Красноярск. 559.

„Енисейский Листок“. 1892. Красноярск. 2010-в.

„Енисейский Справочный Листок“. 1891. Красноярск. 2010-б.

Ж.

„Жизнь на Восточной окраине“. 1895. Чита. 2483.

З.

„Забайкальские Епархиальные Ведомости“. 1900. Чита. 2с80.

„Забайкальские Областные Ведомости“. 1865. Чита. 862.

„Записки Восточно-Сибирского Отдела И. Русск. Географ. Об-ва“. 1886. Иркутск. 1814.

„Записки Восточно-Сибирского Отдела И. Русск. Геогр. Общества по общей географии“. 1890. Иркутск. 2043.

„Записки Восточно-Сибирского Отдела И. Русск. Географ. Общества по отделению статистики“. 1889. Иркутск. 1988.

„Записки Восточно-Сибирского Отдела И. Русск. Географ. Общества по отделению этнографии“. 1889. Иркутск. 1989.

„Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русск. Геогр. Общ-ва“. 1879. Омск. 1367.

„Записки Общества для изучения Амурского Края“. 1888. Владивосток. 1934.

„Записки Сибирского Отдела И. Русск. Географич. Общества“. 1856. Спб. и Ирк. 531.

„Записки Уральского Медицинского Общества в г. Екатеринбург“. 1891. Пермь-Екбург. 2110.

„Записки Уральского Общества Любителей Естествознания“. 1874. Екатеринбург. 1180.

И.

„Известия Восточного Института“. 1899. Владивосток. 2722.

„Известия Восточно-Сибирского Отдела И. Русск. Географ.

Общества“. 1878. Иркутск. 1033-б.

„Известия И. Томского Университета“. 1889. Томск. 1990.

„Известия Иркутской Городской Думы“. 1886. Иркутск. 1817.

„Известия Сибирского Отдела И. Русск. Географ. Общества“. 1870. Иркутск. 1033-а.

„Известия Томского Городского Общественного Управления“. 1887. Томск. 1883.

„Иркутские Губернские Ведомости“. 1857. Иркутск. 560.

„Ирбитский Ярмарочный Листок“. 1863. Ирбит. 766.

„Иркутские Епархиальные Ведомости“. 1863. Иркутск. 794.

„Иртыш, превращающийся в Иппокрену“. 1789. Тобольск. 82.

К.

„Камчатские Епархиальн. Ведомости“. 1894. Благовещенск. 2393.

„Киргизская Степная Газета“. 1894. Омск. 2336.

„Коммерческие Сведения от агентов торгующего в Кяхте купечества“. 1862. Кяхта. 729.

„Кяхтинский Листок“. 1862. Кяхта. 730.

Л.

„Листки Тобольского Епархиального Братства“. 1894. Тобольск. 2339.

„Листок Приморского Областного Статистического Комитета“. 1900. Владивосток. 2832.

Н.

„Никольск - Уссурийский Листок Объявлений“. 1900. Никольск-Уссурийский. 2844.

„Новый Край“. 1899. Порт-Артур. 2751.

О.

„Омские Епархиальные Ведомости“. 1898. Омск. 2694.

„Особое Прибавление к Акмолинским Обл. Ведомостям“. 1888. Омск. 1945.

П.

„Приамурские Ведомости“. 1894. Хабаровск. 2392.

„Протоколы заседаний Общества Врачей Восточной Сибири в г. Иркутске“. За 1863/64 (Год I). Ежемес. Иркутск. 775.

„Протоколы заседаний Общества Врачей Енисейской губ.“. 1886. Красноярск. 1830.

„Протоколы заседаний Общества Омских Врачей“. 188^{3/4}. Омск. 1695-а.

„Протоколы и Труды Общества Врачей Енисейской губ.“. 1896. Красноярск. 2512.

„Протоколы Омского Медицинского Общества“. 188^{7/8}. Омск. 1695-б.

„Публикации по Семиреченской области“. 1870 (с 18 июля). Верный. С 19 № 1872 г. по 12 № 1882 г. назывались: „Публикации по Семиреченской обл. и Кульджинскому району“. 1059.

Р.

„Рудокон. Техно - промышленная, общественная, политическая и литературная газета“. 1898. Екатеринбург. 2671.

С.

„С Востока“. Отголоски о жизни и торговле наших конкурентов и соседей на Крайнем Востоке. 1895. Ханькоу. 2446.

„Северное Пчеловодство“. 1896. Барнаул. 2523.

„Семипалатинские Областные Ведомости“. 1871. Семипалатинск. 1096.

„Семиреченские Областные Ведомости“. 1834. Верный. 1059. и 1725.

„Сибирская Газета“. 1881. Томск. 1515.

„Сибирская Жизнь“. (С 1 ноября). 1897. Томск. 2601.

„Сибирская Торговая Газета“. 1897. Тюмень. 2602.

„Сибирский Вестник“. Газета 1864. Иркутск. 819.

„Сибирский Вестник политики, литературы и общественной жизни. 1885. Томск. 1770.

„Сибирский Листок“. 1891. Тобольск. 2140.

„Сибирский Сборник“. Научно-литературное периодическое издание. (Приложение к газете „Восточное Обозрение). 1886. 1842.

„Сибирь“. (Газета). 1873. Иркутск. 1167.

„Сибирь“. Политическо-литературная газета, посвященная интересам всей Сибири и сопредельных с нею местностей. 1897. Спб. 2603.

„Справочный Листок Енисейской губернии“. 1889. Красноярск. 2010-а.

„Справочный Листок Курганской сельско-хозяйственной и кустарной Выставки“. 1895. Курган. 2448.

„Степной Край“. 1884. Омск. 2375.

„Степной Листок“. 1893. Омск. 2273.

Т.

„Тобольские Губернские Ведомости“. 1857. Тобольск. 561.

„Тобольские Епархиальные Ведомости“. 1882. Тобольск. 1604.

„Томские Губернские Ведомости“. 1857. Томск. 562.

„Томские Епархиальные Ведомости“. 1882. Томск. 1450.

„Томский Справочный Листок“. (С 6 июня 1895 г. название изменено на: „Томский Листок“). 1894. Томск. 2379.

„Труды Восточно-Сибирского Отдела И. Русск. Географ. Общества“. 1897. Иркутск. 2608.

„Труды Приамурского Отдела И. Русск. Географ. Общества“. 1895. Хабаровск. 2455.

„Труды Томского Общества
Естествоиспытателей и Врачей“.
1889. Томск. 2080.

У.

„Урал“. Газета политическая, об-
щественная и литературная. 1897.
Екатеринбург. 2614.

„Уральская Жизнь“. Газета об-
щественная, литературная и тор-
гово-промышленная. 1899. Ека-
теринбург. 2784.

„Уральское Горное Обозрение“.
Еженедельный журнал, издав. Со-
ветом Сезда Уральских горно-
промышленников в Екатерин-
бурге. 1898. Екатеринбург. 2686.

Х.

„Художественно - Этнографиче-
ские Рисунки Сибири“. 1889.
Томск. 2020.

Ц.

„Циркуляр по Восточно-Сибир-
ским учебным заведениям Мин.
Нар. Просв.“. 1881. Иркутск. 1524.

„Циркуляр по Западно-Сибир-
скому учебному округу“. 1886.
Томск. 1852.

Я.

„Якутские Епархиальные Ве-
домости“. 1887. Якутск. 1921.

„Якутские Областные Ведомо-
сти“. 1892. Якутск. 2225.

И. МЯГКОВ.

Художник-архитектор

Андрей Леонидович ШИЛОВСКИЙ

(НЕЙРОЛОГ).

В то время, когда только что было приступлено к организации Томского Краевого Музея, когда вся деятельность еще сосредоточивалась в п/о. охраны памятников искусства и старины Томского Губернского Отдела Народного Образования,—из рядов сотрудников ушел выдающийся человек по своей работе, кругозору, эрудиции и энергии, замечательный своими душевными качествами и удивительными художественными дарованиями—Андрей Леонидович Ш и л о в с к и й.

Родился он в г. Уфе в 1887 году. Отец его служил на постройке Уфимской железной дороги. А. Л. был последним ребенком в этой большой и удивительно художественной семье. В нем рано проснулись художественные наклонности, и уже в семилетнем возрасте он учился рисованию у молодой художницы Черепановой в г. Томске, куда переехал на службу его отец, и его рисунки в числе лучших были отправлены в Академию Художеств. С этих юных лет начинают формироваться его наклонности, и по окончании Реального училища, которое он окончил с наградой в 1906 году, А. Л. уезжает в Петроград, чтобы поступить в Академию Художеств. Осенью он держит экзамен и попадает в числе 15 человек из 80-ти принимавших участие в конкурсе, и сразу записывается на архитектурное отделение. Зимой он упорно занимается в Академии и в то же время сильно увлекается литературой, особенно Достоевским. Он много пишет прозы и стихов и находится как бы на распутье, не зная определенно—к чему его больше влечет: к архитектуре или к литературе. Но после двухлетнего колебания он твердо пошел по раз намеченной дороге—архитектуре. В художественном развитии первые годы Академии дали ему увлечение русским ампиrom: для изучения его он едет по старинным городам, посетил Кострому, Псков, Смоленск, Новгород. Повсюду изучая интересующий его отдел зодчества, производит обмер Кукуевской башни в Новгороде, а в 1912 году принимает участие по реставрации Ипатьевского монастыря. Последние годы А. Л. занимается у архитектора Шуко. В 1914 году он служит помощником архитектора Шуко по переустройству бывшего Николаевского вокзала. Работая вместе с архитектором Шуко, он одновременно участвует самостоятельно в конкурсах. Так, в 1915 году получает 1-ую премию за проект памятника в Симферополе, позднее он взял премию за проект памятника в Гельсингфорсе. Состоит членом Общества Петроградских Архитекторов и преподает на архитектурных курсах Богаевского. Некоторые из его работ, в том числе и его дипломный проект, офорты и обмеры были помещены в „Архитектурном Ежегоднике“.

В 1917 году он уже вел самостоятельно всю ответственную работу по переустройству бывшего Николаевского вокзала по поручению

архитектора Шуко, который сам в это время работал над Киевским вокзалом в городе Киеве. В это время жизнь в Петрограде в материальном отношении сильно ухудшается и А. Л., схвативший жестокий плеврит при возвращении из гор. Томска, не желая нарушить данного архитектору Шуко слова вернуться, оказывается в тяжелом положении: ест лепешки из картофельной шелухи, стирает белье, стоит в очередях и проч. Все это расшатывает его здоровье и начинается ужасная болезнь. Все это не останавливает работ А. Л., и он в числе 4-х других архитекторов принимает участие по закладке памятника павшим борцам революции на Марсовом поле. Но ухудшающееся положение заставляет А. Л. с трудом переезжать в г. Томск.

В 1919 году он устраивается в строительном отделе Комхоза, где ему поручается разработать проект рабочего городка под Томском. Работа выполнена и одобрена, но дело дальше закладки не пошло. В 1920 году он бросает службу в Комхозе и переходит в секцию охраны памятников искусства и старины Томского Губоно. И здесь А. Л. развивает такую деятельность по изучению и охране памятников старого Томска, обрисовать которую даже в общих чертах затруднительно. Этот человек, страстно любивший все красивое, умевший его глубоко ценить и понимать, невольно болел душой за уничтожение прекрасного. Он организовывает всех лучших художников г. Томска и энергично, планомерно приступает к регистрации и изучению архитектуры старого Томска, особенно увлекаясь его деревянным ампиром. Труды его зарегистрированы почти все выдающиеся памятники, обследованы почти все улицы и результаты обследования занесены в подробные протоколы с рисунками и чертежами, что составляет толстую папку. Кроме этого, произведены сотни зарисовок различными художниками под руководством А. Л. и фотографии.

Но болезнь брала свое. Наконец, в январе 1921 года А. Л. слег в постель, с которой больше не вставал. Но, безнадежно больной, с высокой температурой, он все работал, работал и работал, не выходя из рук карандаша. Он торопился подвести итоги своей работе над изучением старого Томска, хотя бы в общих чертах, не переставал руководить дальнейшей работой секции. В 40° жару он набрасывает проект великого надгробного памятника всем павшим борцам за революцию. В бреду он читал лекции об искусстве перед воображаемой аудиторией, говорил о красоте, людях и все рисовал, рисовал и рисовал без конца; так, в полчаса, между припадками безумия нарисовал портрет своей обожаемой жены, имя которой не сходило в бреду с его уст. Наконец, чувствуя приближение смерти, он задается титанической мыслью: запечатлеть и осознать момент перехода в небытие.

А. Л. умер совсем молодым (33 г.), несмотря на это, он оставил после себя ценнейший материал как для Томска, так и для науки и искусства.

И он, любивший и понимавший „песнь камня и дерева в архитектуре“, как никто понял красоту всех убогих покосившихся домиков старого Томска, душу строителей незатейливого наличника окна и узорчатых резных ворот или амбара. Полюбил их и отдал изучению их последние дни своей жизни. Место, которое занимал этот европейски-образованный человек с прекрасной душой и изумительной энергией, не скоро восстановится каким-либо из последующих лиц, занимающихся этим вопросом.

Жизнь его была проста, как песня и красива, как она. Значение собранного, зарисованного и зарегистрированного материала А. Л. огромно, не только для Томска или Сибири, но и вообще для русской науки и искусства.

После А. Л. в Томском Краевом Музее, помимо зарисовок, которые составляют зал старого Томска, хранятся рукописи:

1) Папка обходов и протоколов регистрации старинных построек с рисунками и чертежами.

2) Рукописи: предсмертная—„Деревянный Томск“.

3) Кладбище Кольванского завода с большим количеством рисунков.

4) Политично или аполитично искусство.

5) Описание Загорной улицы и другие.

Николай Никитич БАКАЙ (Некролог).

14 января 1927 года в 9 часов вечера в одном из рабочих кабинетов нашего Музея, в ожидании научного заседания, внезапно скончался историк Николай Никитич Бакай—один из преданнейших друзей нашего Музея, его ближайший сотрудник—член Совета Музея.

В лице Н. Н. историческая наука в Сибири и архивоведение потеряли видного работника, умевшего использовать ценнейшие архивные материалы, бывшие в его распоряжении.

Украинец по рождению и воспитанию, Н. Н. отдал большую часть своей жизни Сибири, собиранию и изучению первоисточников ее истории.

Покойный Н. Н. Бакай родился в г. Гадяче Полтавской губернии в 1862 году. По окончании гимназии в г. Лубнах, он поступил в 1882 г. в Харьковский Университет на историко-филологический факультет, который и окончил в 1886 году со степенью кандидата. В 1887 году получает золотую медаль за работу: „История крестьянских судов, их современная организация и деятельность преимущественно в пределах Полтавской и Харьковской губернии“.

Еще на студенческой скамье Н. Н. по поручению профессора И. Потебня исследует архивы Полтавской губернии и делает доклад в Харьковском историко-филологическом обществе о найденных им в его родном городе Гадяче документах по бракоразводным процессам в Малороссии XVIII в.—доклад был напечатан в „Киевской Старине“. В числе найденных им материалов оказались недостающие части „Румянцевской описи“ Малороссии по полкам Зенковскому и Полтавскому, что пополнило пробелы в истор. документах соц.-экон. жизни Малороссии XVIII в. Начавшиеся было его работы по изучению исторических материалов Малороссии прервались в 1887 году, когда он вынужден был отправиться на службу по Министерству Народного Просвещения в Сибирь—в г. Енисейск.

С этого момента до конца дней своих Н. Н. остался в Сибири, полюбив свою вторую родину, и отдавая ей все свои силы. Здесь он служил по М. Н. П., дойдя до должности директора гимназии в Енисейске и Красноярске (1903—1904 г.) Иркутске, (1904—1909 г.) и наконец, в Томске (с 1909—1918 г.).

В Сибири, как и у себя на родине, он продолжал изучение архивов и результаты работ своих по Енисейской и Иркутской губернии печатает в „Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общества“.

В 1902 и 1907 г. г. Н. Н. занимается в Московском архиве б. Мин. Юст. и извлекает оттуда до 200 копий документов по истории колонизации Якутского края в XVII в.

Из недр сибирских архивов Н. Н. сделал ценные извлечения по истории декабристов, о Петрашевском в Сибири, о бегстве Бакунина из Сибири, материалы, характеризующие отношение русского правительства в половине XIX в. к чукотскому народу и др.

Из значительного списка работ, Н. Н. заслуживают особого внимания: Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVII в., о Бакунине, о Чернышевском, о декабристе Батенькове, „О Юдинской библиотеке“, „Памяти П. А. Словцова“.

Серьезной научной работой является его статья: „Общий обзор главных исторических актов, относящихся к истории колонизации Сибири в конце XVI—XVII в. в.“.

Общественная деятельность Н. Н. связана также с этими его научными интересами.

В Иркутске он состоит членом ВСОРГО. В 1919 году в Томске принимает участие в работах Всесибирского Научно-исследовательского Съезда и избирается ученым секретарем Института Исследования Сибири и членом его историко-этнологического отдела. В то же время он состоит членом Общества истории, археологии и этнографии при Томском Университете.

В 1920 году читает лекции по истории Сибири на курсах сибиреведения при „Кабинете имени Г. Н. Потанина“ и, наконец избирается преподавателем историко-филологического факультета, позднее факультета общественных наук Томского Университета, читая курс по истории Сибири, а в 1922 году курс истории XIX в. и архивоведения. Одновременно с этим он состоит членом Библиотечной Комиссии Главной Библиотеки Университета и архиварисом Томского Губернского Архива и с 1922 года Зав. Том. Губ. Архивом, состоя в этой должности до последнего момента.

С момента зарождения Томского Краевого Музея в 1920 г. Н. Н. принимает участие в подготовительных работах по созданию Музея, а затем, со времени открытия Музея в 1922 г. он состоит сначала членом Правления Секции Краеведения, а затем с 1923 г.—членом Совета Музея. Принимает участие также Н. Н. и в организации в 1925 г. Общества изучения Томского края, членом Правления которого и состоит все время до своей смерти.

Покойный Н. Н. был одним из ближайших сотрудников нашего Музея, постоянным участником всей его текущей работы, ревностным и активным посетителем всех его научных заседаний и часто докладчиком на этих заседаниях. Он принимает живейшее участие в проведении Музеем и Обществом Изучения Томского Края юбилея Академии Наук, юбилея декабристов, юбилея Щапова и др.

Целый ряд своих работ Н. Н. связал с именем Томского Краевого Музея, из которых можно отметить наиболее крупные работы: как например, „О последних днях Чернышевского в Сибири“, „А. П. Щапов, как историк Сибири“, „Первые академики, как исследователи Сибири“ и наконец „Сибирь и декабрист Батеньков“.

И наконец, за последнее время всем нам еще памятно его живейшее участие на Научно-исследовательском Съезде в Новосибирске, где Н. Н. работает в секции музейно-архивной, выступая там с докладом об архивном строительстве в Сибири. За то же время в Новосибирске он уже намечает план своих работ в предполагающейся „Сибирской Энциклопедии“.

И, наконец, Н. Н. принимает участие в работах по изданию „Трудов“ Музея, где имеется его статья „Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков“.

И нашим скромным венком Н. Н., отошедшему от нас, является издание отдельным выпуском этой последней его печатной работы.

Тихо, тихо закрылась еще одна страничка сибирской живой старины.

Издания Томского Краевого Музея:

1. „Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея”.
—М. Шатилов. (отд. оттиск—250 экз.) 30 к.
2. „Сибирь и декабрист Г. С. Батеньков”—Н. Бакай. (отд.
оттиск—300 экз.) 30 к.
3. „Деревня Иткара Томского края” — М. Бородкина. (отд.
оттиск—500 экз.) 20 к.
4. „Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района” —
М. Шатилов (отд. оттиск—200 экз. 25 к.
5. „О происхождении растительности Бийской степи”—проф.
В. В. Ревердатто. (отд. оттиск—200 экз.) ц.

Готовится к печати:

„Труды Общества изучения Томского края”. Том I. (издание О.И.Т.К.)

Склад изданий: Томск, Томский Краевой Музей, Ленинский пр., № 40.

Цена 2 р. ~~5~~ к.